

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВАЛИЕВ АБДУСАЛОМ

**ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ
РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(XIX – начало XX вв.)**

**Специальность: 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Научный консультант:
член-корреспондент АН РТ,
доктор исторических наук,
профессор Пирумшоев Х.**

Душанбе – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3-18.
Глава I. К вопросу возникновения и развития этнографических знаний о таджиках в IX–XVIII вв.	19 – 55.
1.1. Сложение этнографических знаний о таджиках в IX-XII вв...	19-33.
1. 2. Этнографические сведения о таджиках в XIII –XVвв.....	34 – 46.
1.3. Традиционная культура таджиков в исторических трудах и литературных произведениях XVI-XVIII вв.....	47 – 55.
Глава II. Предпосылки этнографического изучения таджиков в первой половине XIX века	56 – 112.
2.1. Ареал расселения таджиков в Средней Азии в XVIII-XIX вв..	56-84.
2.2.Этнографическое изучение таджиков в первой половине XIX века.....	85 – 112.
Глава III.Исследование традиционной культуры таджиков во второй половине XIX века	112 – 207.
3.1. Традиционная культура населения Северного Таджикистана в исследованиях русских ученых второй половины XIX в.....	113 – 157.
3.2. Вклад русских путешественников – исследователей в изучение жизни и быта населения Восточной Бухары и Памира во второй половине XIX века.....	158 – 208.
Глава IV.Вопросы этнографии таджиков в трудах русских исследователей начала XX века	209 – 294.
4. 1. Вклад русских исследователей в изучение традиционной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства.....	209 – 248.
4.2. Традиционная культура таджиков Восточной Бухары и Памира в трудах русских исследователей начала XX века.....	249 – 295.
Заключение.....	296 – 303.
Список использованных источников и литературы	304 -348.
Архивные материалы.....	304 – 305.
Источники.....	305 – 329.
Научные публикации.....	329 – 348.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Таджикистан приобрел политическую независимость, которая позволила ему вступить в совершенно новый этап исторического развития таджиков и других народов, проживающих на его территории. Перед таджиками и другими народами республики открылись новые возможности в построении демократического государства, что открывает широкий простор для переосмысления и научного познания историко-культурного наследия. Поэтому, мы вновь и вновь обращаемся к нашей истории. Появляется закономерная необходимость углубленного анализа некоторых моментов в истории таджиков. Действительность настоящего времени показывает необратимый процесс нового сугубо научного, вместе с тем безпредвзятого осмысления своих корней, национальной идентичности и определение себя и своего этноса в истории народов Средней Азии.

Средняя Азия всегда была территорией, где проявлялись геополитические интересы сильных держав. Поэтому, она в XIX веке стала объектом борьбы двух колониальных держав – России и Англии. Главной целью, как Англии, так и России, было завоевание этого края. Но для осуществления своих планов необходимо было, как можно больше расширять свои знания, создать информационное поле для разработки политики по укреплению своих позиций в Средней Азии. С этой целью они посылали своих агентов для всестороннего изучения края. Если в этом противоборстве вначале наблюдается перевес англичан, то впоследствии верная и целенаправленная политика позволила лидерству перейти к России. Поэтому, как утверждают ведущие специалисты по Средней Азии, заслуга более полного изучения истории, культуры и традиции таджиков по праву принадлежит русским дореволюционным ученым.

В центре внимания русских исследователей были природные ресурсы, климат, флора и фауна и самое главное их интересовало население Средней Азии. Таджики, как один из древнейших народов в Средней Азии, всегда

привлекали внимание ученых, путешественников, чиновников, дипломатов. Накоплен огромный материал – это письменные источники, воспоминания путешественников, докладные записки русских чиновников, отчеты дипломатических лиц, все это дает нам возможность еще раз соприкоснуться с народом – таджиками, его культурой, традициями, обычаями и его ментальностью. Анализ материалов XIX – начала XX вв. позволяют нам сегодня более глубоко проникнуть в культуру таджикского народа, а так же и народов проживающих на территории Средней Азии. В связи с этим, хочется отметить, что появились новые интерпретации исторических фактов в истории народов Средней Азии. К сожалению, в последнее время, появились новые интерпретации вопроса о присоединении Средней Азии к России. Как известно, некоторые современные историки Средней Азии считают ошибочным толкованием всего того наследия, которое было создано российской и советской историографией. Они считают, что вопрос о присоединении Средней Азии к России не иначе, как завоевание, колонизация, регресс, насильственное привнесение русской культуры в другую страну. Напротив, в русской и советской историографии в свое время наряду с колониальной политики царизма, объективно подчеркивалось прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Историческая действительность настоящего времени доказывает, что русские в Средней Азии не стремились к уничтожению устоев и традиций среднеазиатского общества. Они содействовали развитию просвещения. Были открыты национальные школы, гимназии, библиотеки, создавались соответствующая инфраструктура, здравоохранение, строились заводы и фабрики. Россия развивала регион, не смотря на то что, она не располагала столь длительным сроком, как Англия в своих колониях. Необходимо отметить, что соперничество России и Англии сыграло положительную роль для научного изучения края, и здесь более активной оказалась Россия. Возрастающий интерес к изучению региона еще раз подчеркивает великую роль России по отношению к государствам Средней Азии. Создалось геополитическое пространство, где определилось влияние России на государства Сред-

ней Азии, а Англии на Афганистан, такая конфигурация политики этих держав во времена XIX-XX вв. привела к тому, что народы Средней Азии и народы Афганистана находятся на разных этапах развития. Народы Средней Азии, и в частности таджики, приобщены к достижениям европейской цивилизации.

Перед современной историографической наукой Таджикистана стоит важная задача - переосмысление и введение в научный оборот новых материалов XIX – начала XX вв. русских, и других исследователей по истории, традициям, обычаям, обрядам таджиков. До этого, в западноевропейских и российских научных кругах доминировали в основном отрывочные и во многом неверные точки зрения о населении края. Английские и русские ученые расширили информационное поле, они оставили нам огромный накопительный материал по этнографии края, таджиков в частности. На их основе впоследствии создавались серьёзные труды по истории и этнографии таджиков, которые, в свою очередь, открывают подходы к изучению этногенеза таджикского народа.

Актуальность данного подхода состоит в следующем:

- данная тема поднимает проблему национальной идентичности таджикского народа в рамках процесса построения демократического, правового и светского общества. Современная традиционная обрядовая культура является реликтом более ранней культуры, которая в свою очередь зафиксирована российскими и другими учеными;
- историографический срез этнографического наследия русских дореволюционных исследователей по этнографии таджиков, показывает величие заслуги русских исследователей в создании базы данных по этнографии таджиков. В то же время, созданная база данных, показывает, насколько едины для всех таджиков традиционные обряды, обычаи, ритуалы, а так же, позволяют ощущать национальное единство на современном этапе истории таджикского народа. Изучение и широкая информированность базы данных, активизирует научное изучение этногенеза таджикского народа. В Таджикистане принят

Закон «Об упорядочении традиций, торжеств, и обрядов в Республике Таджикистан», исполнение которого способствует возрождению чувств национальной гордости и патриотизма у молодого поколения;

- собранные этнографические материалы дореволюционными исследователями объективно показывают, насколько глубоки корни этнической истории таджиков. Необходимо отметить, что в настоящее время, имеются суждения некоторых ученых, настроенных на «удревнение» истории своих народов. Поэтому, крайне важен этот материал, открывающий возможность проникнуть в этническую историю таджиков, где бы они не жили: - в Таджикистане, Узбекистане, Афганистане, Индии, Пакистане и т.д. Опираясь на этнографический материал, накопленный русскими исследователями в XIX – начале XX вв. можно легко опровергнуть мнения некоторых историков, которые стремятся брать под сомнение идентичности таджикского народа. В этом и заключается одна из задач данной работы;

- в республике и за ее пределами в последние годы Советской власти, у отдельных специалистов сложилось особое мнение о населении ГБАО. Высказывания об их этнониме – «таджики Памира», обсуждались на протяжении длительного времени. Некоторые ученые считают, что население ГБАО представлено «припамирскими народностями», считая их субэтносом таджикского народа. Другая часть, считает, что население ГБАО это таджики с единой таджикской традиционной культурой, таджикским языком (дари) и с сохранившимися диалектами восточноиранских языков. В трудах русских исследователей имеются неопровержимые доказательства того, что собранные ими материалы по обрядовой традиции, их хозяйственно-культурному типу и по ментальности едины.

Русские ученые-исследователи дореволюционного времени не только говорили о том, что среднеазиатские народы, в том числе равнинные и горные таджики, имеют древнюю и богатую историю и культуру, но и своими исследованиями впервые показали: они являются творцами и обладателями

огромных культурных ценностей, которые вошли в сокровищницу мировой науки.

Все это и стало побудительным мотивом для диссертанта взяться за комплексное исследование касательно выявления заслуг русских дореволюционных исследователей в изучении этнографии таджикского народа, что в настоящее время является одной из важнейших задач отечественной историографии.

Степень изученности проблемы. Чрезвычайно богатое наследие русских дореволюционных исследователей всегда привлекало и привлекает пристальное внимание ученых не только Средней Азии, но и исследователей многих стран. Они использовали их обоснованные выводы в написании сводных обобщающих трудов по истории этнографии тех или иных народов Средней Азии, в том числе и таджиков. Для специалистов, которые занимаются историографией этнографии таджиков, материалы являются незаменимыми источниками, ибо они составлены преимущественно на основе личных наблюдений. Хотя наследие русских дореволюционных исследователей давно является надежным и неоспоримым источником для таджикских ученых, в т.ч. в историко-этнографическом плане, то, что касается комплексного анализа их вклада в этнографическое изучение таджикского народа и поныне, как отмечалось выше, считается одной из актуальных задач отечественной историографии. Тем более, что в настоящее время, кроме известных работ дореволюционных российских и европейских авторов появились ранее не известные работы, источники средневекового и нового времени, которые не были введены в научный оборот.

В настоящее время существует ряд исследования в виде историографических обзоров, отдельных монографий, статей, посвященные этнографическому анализу работ русских авторов причастных к изучению ряда проблем данного направления. Имеющиеся работы условно можно разделить на следующие группы:

1) специальные исследования, посвященные истории изучения народов Средней Азии. Авторы этих работ, рассматривая историю и традиционную культуру среднеазиатских народов, отдельные разделы или главы своих исследований посвящали таджикам¹;

2) работы, специально посвященные истории этнографического изучения таджикского народа в целом и отдельных регионов в пределах нынешнего Таджикистана. К ним относятся труды советских этнографов, в частности Н.А. Кислякова, хорошо знавшего жизнь и быт горных таджиков, и ряд других исследователей²;

3) работы, посвященные анализу исследования этнографии таджиков во второй половине XIX – начале XX вв. Их авторы либо во введении, либо в самом содержании своих работ дали краткий анализ трудов русских дорево-

¹Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. М., 1977. Т.IX. С.197-482; Маслова Э.А. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч.1. 1715-1856. Ташкент, 1955. 83с.; Ч.2. 1856-1869. Ташкент, 1956; Ч.3. 1869-1880. Ташкент, 1962. 181 с.; Семенов А.А. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции // Известия ООН АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1958. № 2(17); Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. ХСУШ. Исторические науки. Ереван, 1959. 159 с.; Лунин Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1962. №6. С.30-39; Его же. Научные общества в Туркестане и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962. 344 с.; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. 453 с.; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т.1. С.528-637; Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.) // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Л., 1977. 131 с.; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. 168с.; Его же. Историческая этнография Средней Азии и проблемы ареальной типологизации и периодизации: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1993. 61 с.; Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX вв. (по данным топонимики). Ташкент, 1983. 105 с.; Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном востоковедении. М.: Наука, 1992. 194 с.

² Кисляков Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана // Труды Тадж. ФАН СССР. Сталинабад, 1951. Т.29. С.53-66; Его же. Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып.1. С.9-24; Хайтун Д.Е., Шиббаева Ю.А. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (Краткий очерк) // Ученые записки Тадж. гос. ун-та. 1955. Т.7. С.47-66; Каримов А. Омӯзиши этнографии Зарафшон (Этнографическое исследование Зеравшана) // Маориф ва маданият. 1962. 1 дек.; Писарчик А.К. Этнография // Таджикская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. М.; Душанбе, 1974. С.238; Акрамов Н.М. Русские исследователи и их вклад в изучении истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1975. 38 с.; Валиев А. Этнография. Дореволюционный период // Таджикская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. Душанбе, 1984. С.285-286; Литвинский Б.А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С.132-142; Бабаева Н.С. Этнографическое изучение Куляба // История и культура Куляба (прошлое и настоящее). Куляб, 1989. С.46-48; Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). Душанбе, 1990. 304 с.; Суфиев У. Этнографическое изучение таджиков вне пределов Таджикистана (к постановке проблемы) // Материалы Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. – Ленинабад, 1991. С.52-54; Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Душанбе, 1992. 132 с.; Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990). Душанбе, 2002. 170 с.; Сайнаков С.П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): автореф. дис... канд. ист. наук. Душанбе, 2015. 25 с.

люционных исследователей. К данной категории относятся и те авторы, которые так или иначе причастные к изучению этнографии таджиков, использовали сведения русских дореволюционных ученых в соответствующих разделах своих работ, при этом подчеркивая их неоценимый вклад в сборе и систематизации ценных этнографических материалов¹. (В данной диссертации мы привели только монографии – А.В.);

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып.1. Сталинабад, 1953. 251с.; Его же. Таджики долины Хуф. Вып.П. Сталинабад, 1958. 522с.; Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. 221с.; Ошанин Л.В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана. Сталинабад, 1957. 143 с.; Сухарева О.А.К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958. 48 с.; Ее же. Бухара XIX – начала XX вв. (позднефеодальный город и его население). М., 1966. 328 с.; Ее же. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. 355 с.; Кисляков Н.А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX в. // Тр.Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Т.74. М.; Л., 1962. 170с.; Его же. Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т.1. С.528-637; Его же. Брак и семья у таджиков. По материалам конца XIX – начала XX века // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Т.44. М.; Л., 1959. 269 с.; Ершов Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района перед Октябрьской революцией // Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР. Т.28. Сталинабад, 1960. 174с.; Этнографические очерки Таджикистана и Узбекистана (XVI – начало XX вв.). М., 1969; Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. 240 с.; Ишанкулов Х.Т. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX – начало XX вв.). Душанбе, 1972. 121 с.; Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974. 179 с.; Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX – начале XXв.). Душанбе, 1974. 207 с.; Его же. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана в XIX – начале XX вв. Душанбе, 1976. 302с.; Его же. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. Душанбе, 1991. 541 с.; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в. М., 1975. 125 с.; Его же. Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX в.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1984. 47 с.; Его же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века. Душанбе, 1984. 196 с.; Его же. Реликты домусульманских обычаев и обрядов земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.). Душанбе, 1989. 98 с.; Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. 323 с.; Люшкевич Ф.Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1976. 23 с.; Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнограф.иссл. к истории религии и атеизма). Душанбе, 1979. 116 с.; История и этнография народов Средней Азии: сб. статей. Душанбе, 1981. 153 с.; Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1987. 28 с.; Джахонов У.Д. Земледелие таджиков долины Соха.в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1989. 216 с.; Давыдов А.С. О восточных пределах этнической территории таджикского народа // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. С.186-201; Шарифов Х. Точикони бурунмарзи. Худжанд, 1999. 511с.; Зотова Н.А. История расселения таджиков на территории Северо-Западной Ферганы: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2003. 32 с.; Каландаров Т. Щугнанцы (историко-этнографическое исследование). М., 2004. 478 с.; Сафаралиев Б. Развитие духовной культуры таджикского народа: Социокультурный аспект (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис... д-ра пед. наук. М., 2005; Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005. 152с.; Абдулвахидов Р. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства у таджиков в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 2011. 297 с.; Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев. Конец XIX - начало XX века. М., 2015. 222 с.; Тошматов Н.Э. Традиционная свадебная обрядность населения г. Ура-Тюбе и его сельской округи (конец XIX - первая половина XX вв.). Душанбе, 2016. 260 с.; Шафаков Х. Историко-этнический очерк по животноводству Восточной Бухары (конца XIX – начала XX вв.). Душанбе, 2016. 170 с.

4) комплексные работы по истории и культуре таджикского народа, где наряду с политической, социально-экономической и культурной жизнью народа, неоднократно упоминаются русские дореволюционные путешественники-исследователи и их труды о таджиках¹;

5) работы, посвященные жизни и научной деятельности отдельных видных русских дореволюционных и советских ученых, которые внесли огромный вклад в становлении этнографической науки в Таджикистан².

Объект исследования – история этнографического изучения таджиков русскими дореволюционными исследователями в XIX – начале XX вв.

Предметом исследования являются этнографические труды русских дореволюционных исследователей XIX – начала XX вв. и на этой основе объективно определена их заслуга в истории этнографического изучения таджикского народа

¹ Семенов А.А.Историография Таджикистана (первая половина XIX в.)// История исторической науки в СССР. М., 1955. Т.1. С.534-645; Его же. Историография Таджикистана (конец XIX – начало XX вв.)// Семенов А.А. Избранные сочинения. Душанбе,2013. С.334-339; Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства конца XIX и начала XX вв. // ТИИАЭ АН Тадж.ССР. Т.СХIV. Сталинабад, 1959. 88с.; Искандаров Б.И.Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960. 214 с.; Его же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Изд. третье. Душанбе, 2015. 664 с.; Его же. Из истории дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1974. 76 с.; История таджикского народа. М., 1964. Т.П. Кн.2. 355 с.; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. // Тр. ИИ АН Тадж. ССР. Душанбе, 1964. Т.XL1. 128 с.; Его же. Вахшская долина накануне установления Советской власти. Душанбе, 1975. 131 с.; Его же. Кабадианское бекство в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1986. 133 с.; Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972. 664 с.; Его же. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асрҳои миёна ва давраи нав. Душанбе, 2008. С.616-619; Бокиев О.Б. Социально- экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии. Душанбе, 1976. 150 с.; Арапов Д.Ю. Восточная Бухара в русской востоковедческой историографии. М., 1981. 128 с.; Масов Р.М. Историческое значение добровольного присоединения Горного Бадахшана к России (история, современность, перспективы) // Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1988. С.127-136; Таджикистан в трудах дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX в.). Душанбе, 1990. 304 с.; Бокиев О.Б. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей. Душанбе, 1991. 168 с.; Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998. 156 с.; Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX вв. в русской историографии. Душанбе, 2000. 338 с.; Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX – начале XX вв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. Душанбе,2005. Т.1. С.282-378; Его же. Таърихи Дарвоз (аз кадим то замони муосир). Душанбе, 2008. С.64-183; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия-Таджикистан: история взаимоотношений. Душанбе, 2009. 688 с.; Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. Душанбе, 2012. 198 с.; История таджикского народа. Душанбе, 2010. Т.IV. С.290-935; Бабаханов М. История таджиков мира. Душанбе, 2004. 573 с.; Дубовицкий В.В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана(1868-1917). Душанбе, 2006. 188 с.

²Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1872-1948) // Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960. С.3-29; Её же. Михаил Степанович Андреев - исследователь культуры и быта народов Средней Азии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л.; М., 1977. С.126-132; Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. М., 1971. 180 с.; Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии Памира и Припамирья в трудах Б.Л.Громбчевского. Душанбе, 1974. 131с.; Акрамова Х.Ф. и Акрамов Н.М.Востоковед М.С.Андреев. Душанбе, 1973. 222 с.; Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М.: Наука, 1973; Рахимов Р.Р. Иван Иванович Зарубин // Советская этнография. 1989. № 1. С.24-29.

Территориальными рамками исследования являются территории расселения таджиков в Ферганской и Зеравшанской долинах, Бухарском и Ташкентском оазисах, Восточной Бухаре и на Памире в XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования. Диссертация, в основном, охватывает период XIX – начала XX вв. Так же, исходя из общей необходимости логической увязки с предыдущими этапами сбора этнографических сведений о таджиках, изучен ранний период накопления этнографического материала начиная с IX в. по XVIII в.

Цели и задачи исследования. Главной целью диссертации является историографический анализ трудов русских исследователей XIX – начала XX вв., посвященных этнографическому изучению таджиков, что достижимо при решении следующих конкретных исследовательских **задач**:

- определить исторические предпосылки становления таджиковедческой этнографии до присоединения Средней Азии к России;
- охарактеризовать основные этапы истории этнографического изучения таджиков русскими дореволюционными исследователями;
- проанализировать институциональные формы и методы таджиковедческих этнографических исследований;
- определить основные направления исследований традиционной (материальной, духовной и социальной) культуры таджиков в русской дореволюционной этнографической науке;
- оценить вклад ведущих дореволюционных ученых-этнографов в изучении жизни и быта таджиков и других народов, проживавших на территории нынешнего Таджикистана;
- выявить роль личностного фактора в процессе становления и развития таджиковедческих этнографических исследований;
- выявить степень изученности материальной и духовной культуры таджиков русскими дореволюционными исследователями;

- определить актуальные задачи отечественной этнографии и перспективы ее развития.

- **Методологическая основа исследования** базируется на комплексном подходе к решению поставленных задач. Специфика данной работы основана на междисциплинарном подходе с применением традиционного исторического, историографического метода. В работе используются общеисторические методы; - проблемно-хронологический, согласно которому исследуемая проблематика рассматривается во временной последовательности; - историко-генетический, выявляющий основные причины тенденции и факты преемственности в этнографическом изучении таджиков русскими дореволюционными исследователями; - историко-сравнительный анализ, положенный в основу оценки научного вклада разных поколений ученых в разработку проблем этнографического таджиковедения. При анализе проблем, лежавших в основе настоящего исследования, диссертант строго придерживается принципа историзма.

Источниковедческая база исследования. Диссертация в основном базируется на материалах накопленных русскими дореволюционными исследователями, которые причастны к этнографическому изучению таджиков Восточной Бухары и Памира, а также таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, с увязкой с работами известных европейских исследователей Средней Азии и других источников.

Среди русских дореволюционных исследователей, которые в своих трудах в той или иной степени освещали этнографию таджиков Восточной Бухары и Памира, особо выделяются заслуги Е.К.Мейендорфа, Н.В.Ханыкова, М.И.Венюкова, А.П.Федченко, Н.А.Северцова, Л.Ф.Костенко, Н.А.Маева, И.П.Минаева, В.Ф.Ошанина, П.Е.Косякова, Г.А.Арандаренко, А.Э.Регеля, Д.Л.Иванова, Д.В.Путята, Г.Е.Грум-Гржимайло, Н.Н.Покотило, Б.Л.Громбчевского, П.А.Кузнецова, Ванновского, В.Банковского, А.Г.Серебренникова, С.И.Коржинского, В.И.Липского, Б.Н.Литвинова, В.Н.Зайцева, В.В.Бартольда, А.А.Бобринского, Н.В.Богоявленского,

А.Е.Снесарева, А.А.Семенова, В.И.Масловского, А.В.Нечаева, В.В.Станкевича, Н.Л.Корженевского, М.С.Андреева, А.П.Шишова, Д.Н.Логофета, А.Г.Разгонова, И.И.Зарубина, Муханова, И.А.Бендерского, М.А.Варыгина, П.Гаевского и ряд других.

Большой вклад в исследовании традиционной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства внесли И.Веселовский, М.М.Вирский, В.Л.Вяткин, И.И.Гейер, А.Д.Гребенкин, В.В.Дынин, П.Е.Кузнецов, А.Л.Кун, А.А.Кушакевич, Н.С.Лыкошин, Е.Л.Марков, В.И.Масальский, Л.Ф.Миддендорф, В.П.Наливкин, Н.П.Остроумов, В.В.Радлов, В.К.Розвадовский, А.П.Хорошхин, Ю.Д.Южаков и др. исследователи, труды которых широко использованы в настоящей диссертации.

Обширный круг вовлеченных источников в настоящем исследовании диссертанта условно разделен на следующие категории:

- при сравнительном анализе историко-географических и этнографических исследований автор отдает предпочтение работам известных ученых и путешественников Европы А.Борнса, А.Вамбери, Р.Готьо и др.;

- научные труды тех русских специалистов, которые хотя непосредственно не участвовали в изучении края, но оставили после себя интересные для того периода научные выводы и обобщения по Средней Азии, в т.ч. Ферганской и Зеравшанской долинах, Восточной Бухаре и Памиру. К ним относятся П.С.Савельев, М.Винников, И.Бичурин, В.В.Григорьев, В.В.Бартольд, А.П.Шишов и др.;

- научные труды, а также заметки специалистов, представителей различного направления науки, которые побывали в разные время в Средней Азии, в т.ч. в Восточной Бухаре, Памире, Ферганской и Зеравшанской долинах (географы, военные, историки, этнографы, биологи, ботаники, астрономы и др.);

- рапорты, донесения и отчеты военных специалистов политико-дипломатических чиновников Российской империи;

- статьи, помещенные в научных журналах и сборниках, а также в газетах: «Записки императорского Русского географического общества», «Известия Русского географического общества», «Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии», «Русский антропологический журнал», «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», «Русский Туркестан», «Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», «Мир ислама», «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», «Исторический вестник», «Материалы для статистики Туркестанского края», «Туркестанский сборник», «Справочная книжка Самаркандской области», «Военный сборник», «Известия Русского комитета для изучения Средней Азии и Восточной Азии», «Туркестанские ведомости» и др.

В работе также использованы материалы, находившихся в архивохранилищах Российской Федерации и Республики Узбекистан, отчеты русских чиновников о поездках, материалы личного фонда М.С.Андреева и др.

В процессе исследования автор также пользовался фондами Национальной библиотеки Республики Таджикистан, Центральной научной библиотеки АН Республики Таджикистан им И. Ганди, библиотеки МГУ им. М.В.Ломоносова, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России; Национальной библиотеки Республики Узбекистан.

Научная новизна исследований состоит в том, что впервые в отечественной историографии сделано комплексное исследование истории этнографического изучения таджиков русскими дореволюционными исследователями в XIX – начале XX вв. В рамках исследовательской концепции представлен хронологический процесс развития этнографического исследования таджиков, анализированы основные проблемно-тематические сферы быта таджиков, показаны механизмы трансляции полученного знания и факты преемственности научной традиции.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этнография таджикского народа имеет свое особое место в истории науки о народах и культурах. В научном формировании этнографии таджиков большой вклад внесли русские дореволюционные ученые-исследователи. Собранные материалы, а затем опубликованные ими различные сведения о жизни и быте местного населения позволяют взглянуть на историю таджиков как на единое поле приложения исследовательских усилий.

2. Первые десятилетия XIX века были связаны с установлением и активизацией отношений России со среднеазиатскими государствами, поэтапное изучение жизни и быта среднеазиатских народов, в т.ч. таджиков. Отличительной чертой было, то, что представители России, посещавшие Среднюю Азию, совмещали свою деятельность. Они выполняли главные поручения правительства России и затем изучали быт, традиции, расселение, трудовую деятельность и идентичность народов Средней Азии.

3. В истории этнографии дореволюционного периода можно выделить ряд научных центров аккумулировавших теоретические наработки и практические результаты в области этнографического исследования народов Средней Азии в целом, а таджиков в частности. В середине XIX века образование Русского географического общества и его Туркестанского отдела стало крупным событием в русской науке. Профессионализация этнографической науки во второй половине XIX века была связана с тем, что среднеазиатская проблематика стала частью многих инициатив отечественных научных обществ, с одной стороны, и политикой Российского государства, с другой.

4. Этнографическая реальность была непростым испытанием для русских дореволюционных исследователей. Многие из них были отправлены в Среднюю Азию с конкретной задачей, поставленной перед ними царским правительством. Большинство из них доброжелательно и с уважением относились к местному населению, его традициям. Были и такие исследователи, которые смотрели на местное население с позиции великодержавного шовинизма, считали их неспособными создать богатую культуру. Процесс форми-

рования таджиковедческой этнографии к началу XX века был на той стадии, когда ценность народной культуры и необходимость ее изучения была осознана русскими исследователями, для которых этнография стала средством, с помощью которого можно было заявить о себе научному миру.

5. История этнографического изучения таджиков прошла к настоящему моменту немалый путь, на котором были времена открытий и научного подвижничества, но имелись случаи безликого тиражирования очевидных фактов, тем не менее, сложилось твердое убеждение в том, что ушедшие поколения ученых, их мысли и труды не должны остаться в забвении. В работе часто встречаются данные ученых по материальной и духовной культуре: - по традициям, обрядам, обычаям, по семейному и общественному быту, которые отражают одни и те же факты и выглядят в работе как повторяющиеся. Такая ситуация сложилась из-за того, что все исследователи, посещавшие таджиков, изучая их, фиксировали одну и ту же обрядовую традицию. Такие факты, так же говорят о том, что таджики очень привержены к своей традиционной культуре и бережно охраняют ее. Современная этнография таджиков в равной степени опирается как на данные эмпирического характера, так и на свое историографическое наследие.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования предоставляют широкие возможности для применения их в научно-исследовательской и учебно-методической работе. Собранные, систематизированные и анализированные в данной диссертации работы по этнографии таджиков составляют историографический свод, который позволяет более обстоятельно подходить к изучению не решенных вопросов, касающихся указанной проблематики. Материалы диссертации могут быть полезны при подготовке капитального труда по этногенезу и этнической истории таджиков, обобщающих трудов по истории, культуре и лингвистике таджиков XIX – начала XX вв. Прикладное значение выполненного исследования заключается в подготовке академических изданий, лекционных

курсов по отечественной истории, историографии, этнографии и ряд других направлений наук.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедр отечественной и всеобщей истории РТСУ, совместном заседании отдела древней, средневековой и новой истории и отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в выступлениях диссертанта на международных, региональных, республиканских научных конференциях: Роль России в становлении таджикской государственности (1917-1929) (Душанбе, 2000.), 200 лет Министерству иностранных дел России и 10 лет со дня установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан (Душанбе, 2002), Средний Восток в конце XX – начале XXI вв. (Душанбе, 2003), Роль академика А.А.Семенова в изучении истории таджикского народа (Душанбе, 2004), Вклад Русского географического общества в исследование Средней Азии (Душанбе, 2005), Города, дороги и каравансарай – эмблема, соединяющая через века (Дели, Индия, 2008), Академик Бободжан Гафуров – выдающийся исследователь истории Центральной Азии (Душанбе, 2008), Россия – Таджикистан: история взаимоотношений (Душанбе, 2009), Памирское разграничение 1895 года: история и современность (Душанбе, 2010), Взаимоотношения стран Центральной Азии и Исламской Республики Иран: состояние и перспективы (Душанбе, 2013). Вклад академика А.А.Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа (Душанбе, 2013), Межцивилизационное взаимодействие на Евразийском пространстве: история, современные тенденции и перспективы (Душанбе, 2015), а также в опубликованных им монографиях и статьях. Диссертант в Российско-Таджикском (славянском) университете читает студентам и магистрантам – историкам спецкурс по данной проблематике, с начала основания в 1996 г. Кроме того, по монографиям диссертанта читаются спецкурсы магистрантам – историкам

Таджикского национального университета и Института истории, археологии и им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы, и 348 страниц.

ГЛАВА I. К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О ТАДЖИКАХ В IX – XVIII вв.

1.1. Сложение этнографических знаний о таджиках в IX – XII вв.

IX-X вв. были заметным этапом в истории среднеазиатских народов. После ослабления халифата образовались новые государства в Мавераннахре и Хорасане. Это привело к стабилизации обстановки, развитию сельского хозяйства, ирригационной системы, укреплению городов, ремесленного производства и торговли. Расцвет хозяйственной жизни при Саманидах создал благоприятную почву для развития науки и культуры.

По своему характеру, значению и достоверности, сообщаемые сведения средневековых авторов можно разделить на две группы. Первая группа - местные историки, хронисты и государственные деятели. Как правило, они брали материал для своих сочинений из первоисточников – описывали события, участниками которые являлись сами. Ко второй группе следует отнести арабских авторов, чьи сочинения были в значительной степени компилятивны и имели обобщающий характер, как правило, Средней Азии в них посвящались лишь отдельные главы.

Одним из известных местных авторов был историк Абубакр Мухаммад Наршахи. Его сочинение «Таърихи Бухоро»¹ («История Бухары») было написано для государей Саманидской династии. Автор приводит важные сведения о развитии ремесла в средневековой Бухаре, о состоянии сельского хозяйства в Бухарском оазисе, особенно его, интересовало бахчеводство, подробно останавливается на описании обычаев и обрядов, связанных с земледелием, ремеслом и традиционным праздником Навруз.

Немало интересных этнографических сюжетов содержит труд неизвестного автора «Худуд ул-олам» («Границы мира»)². Книга состоит из 63 глав. Целью этого труда, как представлял его сам автор, было отражение в наиболее общих чертах картины, известные ему, населенной части мира. Самую

¹ Абубакр Мухаммад бинни Чаъфар Наршахи. Таърихи Бухоро. Душанбе, 1979.

² Худуд-ул-олам. Душанбе, 1980.

ценную часть сочинения составляет описание населения Средней Азии, в частности согдийцев, и их антропологический тип.

Знаменитый поэт, автор «Шахнаме» Абулькасим Фирдауси донес до нас чрезвычайно важные сведения об иранских народностях.¹ «Шахнаме» делится на три части: первая – мифологическая, вторая – богатырская и, наконец, третья – историческая. В каждой из этих частей мы находим сведения о населении Мавераннахра и Хорасана (о согдийцах, хорезмийцах, кушанах, ваханцах, персах, тюрках, арабах и др.), об их обычаях и обрядах (обряд осыпания, разжигания костра при входе невесты в дом жениха и др.), о народных праздниках (Мехргон, Навруз, Сада) и играх (шахматы, нарды, чавгон), домусульманских верованиях, музыкальных инструментах и т.д.

В IX-X вв. Среднюю Азию посетили ряд арабоязычных путешественников, в чьих сочинениях имеется важный материал о различных сторонах жизни среднеазиатских народов.

Одним из таких авторов был арабский историк и географ Ал-Белазури. В своем сочинении «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран»)². Белазури дает ценный материал о жилище, категориях населения среднеазиатских городов.

Ценные этнографические материалы содержит и сочинение Ал-Якуби «Китаб ал-булдан» («Книга стран»)³. Сочинение сохранилось не полностью: до нас дошло описание Ирака и Средней Азии, где автор дает важные сведения о согдийцах, хорезмийцах и других народах Мавераннахра, об их материальной и духовной культуре. Кроме того, он останавливается на описании сельского хозяйства, ремесленного производства, особенно на производство бумаги, указывает расстояния между городами, отмечает развитие торговли и т.п. Источниками его сочинения являются сведения, добытые от путешественников, но значительная доля сведений принадлежит ему самому⁴.

¹ Фирдауси А. Шахнома. Душанбе, 1964-1966. ТТ.1-9.

² Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al Baladsori, quem e codice Leidensi et codisi Musei Britannici ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum. 1866.

³ Якуби. Китабал-булдан // Материалы по истории Туркмении. М.; Л., 1939. Т.1.

⁴ Там же. С.19.

Арабоязычный историк Ал-Истахри в своем труде «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей и стран»)¹ изложил свои сведения, добытые о народностях Средней Азии, приводит названия городов, перечисляет сельхоз-продукты, дает сведения о ремесле, об орудиях труда и др.

Сочинение Ал-Истахри в свою очередь переработал и основательно дополнил данными в 951 г. Абулькасим ибн Хаукаль, назвав его «Китаб ал-масалик ва-ал-мамалик» («Книга путей и стран»)². Ибн Хаукаль побывал во многих городах Мавераннахра и Хорасана и собрал большое количество сведений о состоянии земледелия, системе орошения, о селениях, одежде и пище. В своем труде автор сообщает о материальной и духовной культуре народностей, населявших в интересующем нас регионе. Особенно ценны его данные о культовых сооружениях Согда³.

Этнографический материал мы находим у замечательного арабского географа и путешественника Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Абубакра ал-Мукаддаси. Свое сочинение «Ахсан ат-такосим фи маърифат ал-аколим» («Наилучшее распределение для познания мира») написал для Саманидов⁴. Оно является результатом многолетних путешествий и критического анализа трудов предшествующих путешественников. В нем мы находим важные сведения о городах и селах Мавераннахра и Хорасана. Автор детально описывает местонахождение городов, общественных зданий, мечетей, кварталов и рынков. Затем он переходит к характеристике религиозной принадлежности населения, перечисляет занятия, описывает систему водоснабжения. В работе уделяется значительное внимание этническому составу населения Мавераннахра, дается характеристика иранских наречий с их различными диалектами, описываются нравы и обычаи, одежда среднеазиатских народностей, в т.ч. восточноиранских.

¹Viae regnorum, Descriptio ditionis moslemicae autore Abu Ishak al- Farisi al- Istakhri.Ed.M.J.deGoeje. Lugduni Batavorum. 1870.

²Бетгер Е.Е. Извлечение из «Книги и путей и стран» ИбнХаукаля // Тр. САГУ. Ташкент, 1957. См. также. Якуби. Китабал-булдан. Т.1.

³ Там же.С.19.

⁴Descriptio mperii moslemici auctore Shamsod-din Abdollah Mohammad ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Mokaddasi.Ed.M.J. deGjeje. Lugduni Batavorum. 1877; ed.2, 1906.

Политические изменения, происходившие в конце X в., распад Саманидского государства, завоевание Караханидами Мавераннахра и переход Хорасана сначала к Газневидам, а затем Сельджукидам, не могли не отразиться на культуре населения и развитии науки. Начавшийся подъем науки и культуры народов Центральной Азии, развитие языка дари и таджикско-персидской литературы, были несколько приостановлены войнами и междоусобицами.

С возникновением государства Газневидов во главе с Махмудом Газневидом и объединением всей территории Хорасана, Чаганиана, Хутталяна, Тохаристана, основной части нынешнего Ирана и Северной Индии вокруг одного центра вновь возникли некоторые условия для дальнейшего развития науки и культуры¹.

Начавшийся еще в X в. в условиях государственной независимости, подъем науки и культуры продолжался и в XI в. Именно в это время, в последний период существования государства Саманидов видные ученые написали свои знаменитые труды. Некоторые из них представляют для нас непосредственный интерес.

Одним из выдающихся ученых этой эпохи был Абуали ибн Сино (Авиценна).² "Ибн Сино жил в трудное и смутное время. Государство Саманидов переживало период упадка, подвергалось внешним нападениям со стороны Караханидов и Газневидов. Он был вынужден оставить Бухару, объездил многие области и города, общался с их властителями и другими влиятельными лицами, общался с народом"³. Эти странствия и общение обогатили его знания и личный опыт, расширили кругозор. Ибн Сино подвергся преследованию со стороны Султана Махмуда Газневида, за отказ служить при его дворе. Вольнодумные взгляды ученого возбудили против него ярость мусульманского духовенства. Он скрывался и искал убежища в Ургенче при дворе Хорезмшаха (1002-1012 гг.), в Абиварде, Гургане, Рее, Казвине, Хамадане и

¹Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.433.

²Подробно о жизни и деятельности ученого см.: Болтаев М.Н. Абу Али Ибн Сина – великий мыслитель, ученый – энциклопедист средневекового Востока. Ташкент, 1980.

³Негматов Н.Н. Государство Саманидов. Душанбе, 1977. С.186.

Исфохане.

Ибн Сино занимался врачебной практикой, чтением лекций, писал многочисленные труды, снискавшие ему позже мировую известность. Он скончался в расцвете своего таланта 18 июня в 1037 г. и похоронен в Хамадане.

Его труды охватывали разные отрасли знания – по медицине, философии, логике, психологии, этике, математике, космографии, химии, ботанике, лингвистике, музыке и т. д. В настоящее время известны более 40 его работ по медицине, около 185 работ по философии, логике и богословию, около 30 работ по астрономии и естественным наукам, 3 – по музыке, известны и его стихотворения¹. Свои трактаты Абу Али ибн Сино в основном писал на арабском языке и лишь частично на таджикском.

Важнейшим его трудом по медицине является "Ал-конун-фи-т-тиб" ("Канон врачебной науки")² – медицинская энциклопедия – лучшее сочинение, по которому в течение многих веков учились и лечили медики на мусульманском Востоке и христианском Западе. Эта книга с арабского языка была переведена на латинский, древнееврейский, персидский языки, чуть позже – многие языки Европы и Азии.

"Канон" состоит из пяти книг. В первой книге подробно излагается общая теория медицины. Третья и четвертая книги посвящены терапии. В этих двух книгах он подробно разбирает болезни головы и мозга, нервов, глаза, ухо, нос, горла, зубов. Вторую и пятую книги "Канона" Абуали ибн Сино посвятил описанию способов приготовления, хранения и проверки лекарств, собирания целебных средств и хранения их. Он указал семьсот восемьдесят пять названий растительных, животных и минеральных средств, которые могут быть использованы в врачебной практике. В книге также даются сведения о различных видах пищи и напитков, сладостей и способах их приготовления. Одновременно, Ибн Сино объясняет и их лечебные свойства.

Известным ученым-энциклопедистом Востока конца X – начала XI в.

¹ Негматов Н.Н. Государство Саманидов. С.186.

² Абуали ибн Сино. Канон врачебной науки. Ташкент, 1954-1960. Кн.1-5.

был Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад Бируни¹. Абу Райхан Бируни родился в 973 г. в городе Кяте. По преданиям он имел большую склонность к путешествиям, которые совершал с научной целью. Много лет Бируни жил и творил в Ургенче, Рее, Гургане и Газне. Во время его пребывания в Гургане правителем там был Кабус ибн Вушмагир (976-1012 гг.). В 999-1000 гг. по предложению этого правителя Бируни написал труд под названием "Ал-асар ал-бакия ан ал-курун ал-халия" ("Памятники минувших поколений")². Книга написана на одну из самых злободневных тем той эпохи. В ее центре генеалогия и хронология иранских династий и династий, связывавших себя с иранским миром, - данная на широком общеисторическом фоне всего Ближнего и Среднего Востока. В центре внимания автора стоит не история деятельности царей и героев, не история политических событий, а история культуры народов, их обычаи и нравы. Поэтому "Памятники минувших поколений" рассматриваются не как историческое, а как историко-этнографическое сочинение. Эта характеристика подкрепляется тем, что наряду с письменными источниками им широко привлекается устная традиция и личное наблюдение.

Огромный интерес представляет детальное описание календаря, особенно календарных праздников и памятных дней, связанных с сельскохозяйственным циклом у различных народов. Это – своеобразная энциклопедия хозяйственной жизни, нравов, и верований народов Центральной Азии.

В работе ученого имеется много интересных данных о хозяйственной жизни, народных календарях, сельскохозяйственных циклах, обычаях и поверьях многих народов. Он называет более ста народов и племен мира. Собранные Бируни этнографические материалы неоднократно им же проверены, критически проанализированы и сопоставлены с данными письменных источников. В этом заключается научная ценность исследований Бируни³.

В свете формирования таджикской народности представляют большую

¹ Кедров Б.М., Розенфельд Б.А. Абу Райхан Бируни. М., 1973.

² Бируни Абурайхон. Осор-ул-бокия. Душанбе, 1989; Его же. Памятники минувших поколений / пер. М.Салье // Избранные произв. Ташкент, 1957. Т.1.

³ Валиев А. Историческая этнология таджиков (XI-XV вв.). Душанбе, 2009. С. 16.

ценность сообщения Бируни о народах Центральной Азии, и прежде всего о народах и племенах, проживавших в эпоху средневековья на территории Средней Азии и по соседству с ним: хорезмийцах, согдийцах, и др. Бируни широко пользовался устными народными приданиями и многие из них запечатлел в своем труде. Он неоднократно говорит о сходстве традиций, обычаев и обрядов согдийцев и хорезмийцев, что свидетельствует об общности культуры этих народов. Они вместе с ферганцами, тохаристанцами, саками заложили этническую основу формирования таджикской народности, которое происходит в IX-X вв.

Бируни проводит четкое разграничение между происхождением и назначением народных или, как он называет мирских и религиозных праздников. Религиозные праздники, по словам ученого, "устанавливали законодатели из числа духовных предводителей, их законоведов и исповедующих веру. Цель их празднования только в будущей жизни"¹.

Бируни в "Памятники минувших поколений" даёт так же сведения о народах Мавераннахра и Хорасана, описывает календари и системы летосчисления, а также праздники согдийцев, древних хорезмийцев, персов, греков, евреев, христиан и мусульман.

Отметим, что при этих описаниях Бируни не разделяет такие понятия, как например, хорезмиец и мусульманин, т.е. территориальный термин, и конфессиональную принадлежность. Важнейшей целью автора было создание свода сельскохозяйственных календарей этих народов, что имело важнейшее практическое значение. Бируни строго следует намеченному плану, но параллельно решает и другую задачу огромного идейно-теоретического значения исследование "корней" и "ветвей" летосчисления, проводимое на широком историческом фоне.

В "Памятниках минувших поколений" Бируни предстает перед нами как серьезнейший средневековый историк науки. Его интересовала и история от-

¹ Бируни А. Памятники минувших поколений. С.63.

дельных наук всех народов¹.

В 1010 г. Бируни возвратился в Хорезм. Здесь он встречался с многими крупными учеными, которые жили и творили там. В 1017 г. Махмуд Газневид после захвата Хорезма увез Бируни в Газну. Последующая научная деятельность ученого протекала в Газне. Он принимал участие в походах султана Махмуда в Индию. По возвращении из путешествия он написал книгу "Индия", в которой дал подробные сведения о народах этой страны². Его интересовали все стороны жизни народов Индии, как в прошлом, так и в настоящем. Опираясь на санскритские источники и собственные наблюдения, он описывает обычаи индийцев, их обряды и праздники, законы каст, пищу, одежду, формы брака и семейные отношения, уголовное и наследственное право и др. При этом Бируни выступает как создатель сравнительной этнологии на средневековом Востоке. Он сопоставляет обряды, обычаи, брачные и иные отношения у индийцев с таковыми же у доисламских арабов, персов, и других народов.

Выдающимся историком газневидского периода был Абулфазл Байхаки (995-1077 гг.)³. Известия о жизни Абулфазла Байхаки очень скудны. Детство, юность и зрелые годы Абулфазла Байхаки протекали в период бурных событий, совершавшихся в конце X – первой половине XI в., когда была создана империя Газневидов. Абулфазл Байхаки в возрасте 25-26 лет, т.е. около 1021 г., был принят на службу в государственную канцелярию в Газне под началом начальника канцелярии Абу Насра Мишкана и с этого времени определился его дальнейший служебный путь, путь дабира (писца). Его живой ум, широкая эрудиция, литературные способности и умение выполнять возлагаемые на него поручения, вскоре сделали его близким человеком Абу Насра Мишкана, его правой рукой. В пору правления газневида Масъуда, сына Махмуда, он снискал покровительство этого султана, которому посвятил

¹ Булгаков. П.Г. Гуманитарное наследие Беруни // Беруни и гуманитарные науки. Ташкент, 1972. С.40.

² Бируни Абурайхан. Индия // Избранные произведения. Ташкент, 1963. Т.П.

³ Гафуров Б.Г. Таджики. С. 435.

свой труд "Таърихи Масъуди" ("История Масъуда")¹. Общий характер своего труда он определяет следующими словами: "Я хочу воспроизвести историю полностью и вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происходившего не осталось сокрыто"². Далее он пишет: "Цель моя заключается не в том, чтобы рассказать людям нашей поры о жизни султана Масъуда, ибо они его видели и осведомлены... Моя цель состоит в том, чтобы написать достойную летопись и возвести величественное здание так, чтобы воспоминание о нём сохранилось до окончания веков"³.

До нас дошла часть "Истории Масъуда", которая является самой полной историей периода правления Масъуда, содержащей много интересных сведений из истории Саффаридов и Саманидов. Особо большое значение труд Абулфазла Байхаки имеет для восстановления истории народов, ныне населяющих среднеазиатские республики. Сюда относятся сообщения Байхаки о взаимоотношениях Газневидов с Хорезмом.

О жизни трудового населения, крестьян и городских ремесленников Байхаки пишет довольно скупно, но судить по ней можно о необузданной тирании правителей областей, в которой автор высказывает достаточно откровенно и ясно.

В книге имеются краткие сведения о жизни мужской половины дома богатой служилой знати: роскошь, пьянство и извращенные нравы, о жизни царского двора он даёт более полное представление, описывая порядок простых и торжественных выходов султана, обряды мусульманских праздников, сохранившихся как пережиток со времён культа Ахура Мазды. Автор также сообщает об обряде бракосочетания членов царствующей династии.⁴

Важным этнографическим источником является и "Кабуснаме" Унсурмаоли Кайкавуса.⁵ Унсурмаоли Кайкавус ибн Искандар ибн Кабус ибн Вуш-

¹ Байхаки Абулфазл. История Масъуда / пер. с перс., введ., коммен. и прилож. А.К.Арендса. М., 1969.

² Там же. С.16.

³ Там же. С.81.

⁴ Там же. С.25.

⁵ Кайковус Унсурмаоли. Кабуснома. Душанбе, 1979; Его же. Кабуснамэ / пер. и предис. Е.Э.Бертельса. М., 1958.

магир родился около 1021 г. и жил до конца XI в. Он был последним представителем династии Зияритов, которая правила в X-XI вв. Кухистаном. Кухистан в то время охватывал Табаристан, Гурган, Гилян, Рей, Дайламистан. В Газну Кайкавус попал двадцатилетним юношей. Здесь он в 1082-83 гг. начал писать книгу, которую посвятил своему деду Шамсулмаоли Кабусу – правителю Джузджана при Саманидах.

"Кабуснаме" состоит из 44-х глав, каждая из которых посвящена различным вопросам этики, обычаев и обрядов, изучению ремесла, политики управления государством. Главное место в книге, занимает описание утех господствующего класса: вино, гости, игры, забавы, женщины и любовь, отдых и охота. Картина быта правящего класса раскрыта в книге необычайно полно. Автор подробно сообщает о категориях населения, о хозяйстве, обычаях и обрядах, о семье и семейных отношениях. Здесь необходимо отметить, что "женитьбу Кайкавус тоже относит к рубрике умножения богатства. .

Жена для него не спутник, не товарищ, это только главная рабыня и мать его будущих детей... "¹. Как видим, Кайкавус даёт важные сведения о жизни и быте господствующего класса.

Немаловажный интерес представляет и книга "Сиёсатнома" ("Книга правлений"),² написанная сельджукидским везиром Низамулмульком. Низамулмульк Абу Али Хасан ибн Али ибн Исхака Туси родился в 1017 г. в области Тус. Был везиром у сельджукских султанов Алпарслана и Маликшаха. В 1040 г. Сельджукиды вытеснили Газневидов из пределов Ирана. В это время он был везиром у Алпарслана. После смерти Алпарслана в 1092 г. Низамулмульк был убит.

Сочинение состоит из 50-ти глав, каждая из которых посвящена отдельным вопросам управления государством. Таковы, например, главы "О разборе государем обид, правосудии и упражнении в добром житии", "Об амилях, постоянном разузнавании и делах везира, гулямов" и др. Последние главы

¹ Кайковус Унсурмаоли. Кобуснома. С.36.

² Низамулмульк. Сиасет-наме (Книга правл.) / пер., введ., примеч. Б.Н.Заходера. М.; Л., 1949.

представляют нам богатый материал по религии и верованиям среднеазиатских народов. Сочинение Низамулмулька является не только важным источником по изучению политического строя, социально-экономической жизни восточномусульманских государств. В нем приводятся сведения и о жизни и быте таджиков в средневековье¹.

Видным тюркоязычным поэтом, учёным и мыслителем XI в. был Юсуф Хос Хожиб, известный под именем Юсуфа Баласагунского. Он родился около 1021 г., учился и творил в Кашгаре. В 1069 г. Юсуф написал свой знаменитый труд "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание")². Это произведение - одно из древнейших литературных наследий тюркоязычных народов Центральной Азии. Оно является ценным источником по этнической истории Мавераннахра и Хорасана в XI в. В нем мы находим важные сведения о происхождении этнонима "таджик"³. Автор, рассказывая о народах Центральной Азии, пишет о том, что таджики в основном жили в городах.

Среди таджикских ученых XI в. особое место занимал Носир Хусрав (1004-ок.1080)⁴. Он родился в городе Кабадияне, на территории нынешнего Таджикистана. В молодости Н.Хусрав познакомился с жизнью двора газневидских султанов Махмуда и Масъуда, и некоторое время был крупным чиновником по финансово-податной части при дворе Сельджукидов. С целью изучения образа жизни и верований различных народов, в 1045 г., будучи уже зрелым человеком, он отправился в длительное путешествие по разным крупным научным центрам Востока. В течение семи лет Насир Хусрав посетил Иран, Армению, Азербайджан, Малую Азию, Сирию, Египет, Тунис, Судан, познакомился с жизнью, нравами и обычаями местного населения. Встретившись в Египте со сторонниками фатимидских халифов, главами исмаилитской секты, Насир Хусрав стал ревностным последователем исмаилизма.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.71.

² Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг. Ташкент, 1990; Баласагунский Ю. Благодатное знание. М., 1983.

³ Валитова А.А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. "Кутадгу билиг" // Материалы УП Международного конгресса антропологической и этнографической наук. М., 1964.

⁴ Бертельс А.Е. Насири Хисрав и исмаилизм. М., 1959.

Результатом путешествий Насира Хусрава стал трактат "Сафарнома" ("Книга странствий")¹, в котором автор подробно описал города, нравы и обычаи их жителей, рассказал о материальной культуре, в частности, о жилых и общественных зданиях различных городов Востока.

Известным тюркоязычным историком, географом и лингвистом XI в. был Махмуд Кашгари². Он родился между 1029-1038 гг. в Кашгаре, жил и творил в период господства Караханидов в Центральной Азии. Кашгари написал труд под названием "Диван лугат ит-турк" ("Диван тюркского словаря")³, посвященный тюркскому языку, этимологии отдельных терминов. Кроме того, в этом диване даются важные сведения об отдельных народах Мавераннахра, в частности о происхождении термина "таджик". Этим термином Махмуд Кашгари обозначал местное население, т.е. им этот термин применялся уже как этнографическое название. В "Диване тюркского словаря", также встречаются сведения о городах Самарканде, Худжанде, Маргинане, Кубе (Куве), Хаворазме (Хорезме) и др. Диван Махмуда Кашгари является важным историческим и этнографическим источником о жизни и бытѣ таджиков в эпоху средневековья.

В исторической этнологии таджиков видное место занимает известнейший учёный-энциклопедист Омар Хайям (1048-1131)⁴. Он родился в Нишапуре. Получив образование, он переезжает в Самарканд, а впоследствии - в Бухару. В 1074 г. по приглашению Маликшаха в Исфахане получает должность надима (советника). Здесь он приступил к реформе календаря и разработке "Летосчисления малики". Календарь "Джалали", составленный учёными во главе с Омаром Хайямом, был более совершенен, чем григорианский, которым пользуются и в наши дни⁵.

После смерти Маликшаха Омар Хайям написал трактат "Наврузнома"

¹ Носири Хисрав. Сафарнома. Душанбе, 1970.

² Валиев А. Махмуди Кошгари // ЭСТ. Душанбе, 1983. Т.4. С.302.

³ Махмуд Кашгари. Туркий сузлар девони (Девону лугат ит-турк): в 3-х т. Ташкент, 1960-1963.

⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. С.438.

⁵ Алиев Р., Османов М.Н. Омар Хайям. М., 1959. С.41.

("Книга о Наврузе")¹. Этот трактат был адресован правителям сельджукидской династии, с целью заинтересовать их древним новогодним праздником - Наврузом, связанным с солнечным календарем, и пробудить их возобновить денежную помощь возглавляемой им обсерватории. В "Наврузнома" излагаются история солнечного календаря и различных календарных реформ, традиции празднования Наврузав доисламском Мавераннахре и Хорасане, приводятся многочисленные рассказы и предания о различных предметах и животных, связанных с церемонией этого праздника, - золоте, перстне, ячмене, мече, луке и стреле, коне, соколе, вине и др. В целом "Наврузнома" Омара Хайяма является важным этнологическим источником и вообще и особенно о новогоднем празднике иранских народов – Наврузе.

Большой и разнообразный этнологический материал содержит сочинение таджикского поэта и писателя Низами Арузи Самарканди "Чахар макала" ("Собрание редкостей или четыре беседы")², написанное на таджикском языке в конце 1156 – начале 1157 г. Он родился в последнее десятилетие XI в. в Самарканде, до второй половины XII в. жил и творил в различных городах Мавераннахра и Хорасана. Около 1116/17 поступил на службу к султану Санджару, правящему в окрестностях Туса. Своё произведение Низами Арузи Самарканди посвятил сыну правителя Бамиана Фахриддина Масъуда - Абулхасану Али. Оно состоит из четырёх глав и 42 рассказов, многие из которых дают важные сведения о различных сторонах жизни и быта таджиков и других народов Центральной Азии. Это произведение является также важным источником для понимания современной автору и предшествовавшей его "времени литературной и культурной жизни. Составляющие ее "беседы" посвящены профессиям придворного писца-секретаря, поэта, астролога и врача"³. В каждой беседе дается характеристика одной из этих профессий, иллюстрируемая десятью историческими поучительными рассказами о вы-

¹ Омар Хайям. Трактаты / пер. Б.А.Розенфельд. М., 1961.

² Низомии Арузии Самарканди. Чахор макола. Душанбе, 1986; Его же. Собрание редкостей или четыре беседы / пер.с перс. С.И.Баевского, З.Н.Ворожейкиной. М., 1963.

³ Гафуров Б.Г. Таджики. С.440.

дающихся деятелях соответствующей профессии, в частности о Рудаки, Фирдавси, Омаре Хайяме и др. Особенно ценна "беседа", посвященная видным деятелям культуры, повествующая об их тяжелом положении в феодальном обществе.

Много интересного материала содержит "Малая Кандия", представляющая собой краткую редакцию на персидском языке сочинения богослова Абу Хафса Наджметдина Умара Мухаммада ан-Насафи ас-Самарканди (1142-1143)¹. Она была написана на арабском языке и называлась "Китаб-Ал-Канд фи таърихи Самарканд" («Сахарная книга по истории Самарканда»).

"Малая Кандия" была составлена учеником автора "Кандии" - имамом Абулфазлом Мухаммадом Абдуджалилом ас-Самарканди. В ней имеются ценные сведения о различных культовых сооружениях Самарканда. Главное место в сочинении отведено описанию мазаров святых и правилам совершения молитв на них, здесь же приводятся сведения об основании города Самарканда, завоевании его арабами, об орошении, излагаются биография некоторых святых. Большая часть сведений носит легендарный характер. Поэтому использовать материалы "Кандии" нужно весьма осторожно.

Среди средневековых авторов были и такие, которые жили и творили в среде простого народа, в частности, среди ремесленников. Они оставили нам сведения о различных отраслях ремесел, взаимоотношения между мастером и учеником и т.п. В этом отношении интересно творчество Сузани Самарканди, таджикского поэта, выходца из ремесленной среды, мастера по выделке иглолок.

Хаким Шамсуддин Мухаммад ибн Масъуд, известный под именем Сузани Самарканди, родился между 1091-93 гг. в Насафе, учился в Бухаре, где и познакомился с представителями науки и литературы и ремесленной средой. Впоследствии он переехал в Самарканд, и некоторое время служил при дворе Султана Санджара. Умер поэт в 1173 г. в Самарканде.²

¹ Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая / пер. Н.Вяткина // СКСО. Самарканд, 1906. Вып. VIII.

² Саъдиев С. Сузани ва мухити адабии Самарканди асри XII. Душанбе, 1974.

От Сузани остался диван стихов, в 12 тысяч бейтов. Некоторые из стихов Сузани посвящены различным видам ремёсел и ремесленникам. В своих стихах, наряду с описанием процесса труда, определённых видов ремёсел, он приводит многочисленные ремесленные термины. Например, среди стихов Сузани есть строки, посвященные портному, плотнику, мастеру по выделке шапок, сапожнику и др.

Таким образом, обзор этнологических источников IX-XII вв. показывает, что в этот период в исторических трудах самых различных авторов был накоплен определённый материал о хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре таджиков и других среднеазиатских народов. Конечно, не все эти источники равноценны по своей значимости, но в совокупности они представляют достаточно много сведений, по которым можно судить о том, как и в каких направлениях, развивалась культура таджиков, что составляло основу их жизнедеятельности в быту, в работе, в свободное время.

1.2. Этнографические сведения о таджиках в XIII – XV вв.

Завоевание Мавераннахра и Хорасана монгольскими захватчиками нанесло экономике, науке и культуре этих регионов большой урон. В результате грабежей и пожаров города Центральной Азии превратились в груды развалин, трудовое население подверглось массовому истреблению. Пришло в упадок и сельское хозяйство.

Были разрушены ирригационные системы, орошаемые земли превратились в пустыни. Крестьяне и ремесленники были в крайне тяжелом положении. Кроме выплаты государству ежегодного налога – хараджа, они несли множество и других повинностей. Злоупотребления местных правителей делали положение народа совершенно невыносимым. Произвол и насилие лишали оставшееся в живых городское и сельское население всяких стимулов к развитию хозяйства. Как отмечал академик Е.Г.Гафуров, "в еще худшем положении была торговля многих других больших и когда-то экономически очень развитых областей. Например, в Фергане, Шаше, Термезе, Чаганиане и других областях и городах чекан монет после монгольского завоевания вообще не возобновился. Если там и была какая-то минимальная внутренняя торговля, то она опустилась до примитивного натурального обмена"¹. Как видим, застой и разруха в хозяйстве, упадок науки и культуры повергли Центральную Азию в настоящий хаос. Возродить нарушенное монгольскими ордами хозяйство было весьма трудно и, казалось, даже невозможно. И все же будущее показало, что в обществе, в народе сохранились и жили те силы, которые были способны восстановить разрушенные войнами и набегами хозяйство и культуру, пусть и не на таком высоком уровне, как при Саманидах.

В XIII – начале XIV века наука и культура развиваются главным образом на юге Ирана и в Индии, а Центральная Азия лишь к концу XIV – началу XV в. в какой-то мере смогла восстановить свое хозяйство. Постепенно стали развиваться наука и культура.

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. С.455.

Во время монгольского владычества Центральную Азию посетил ряд зарубежных путешественников. Одним из таких путешественников был китайский монах Чан Чунь¹. Когда Чингисхан завоевал Центральную Азию, он пригласил к себе Чан Чуня в Самарканд. Чан Чунь странствовал три года и в 1224 г. вернулся в Китай. Во время своего странствия он побывал не только в Самарканде, но и в городах по верхнему течению Амударьи.

Впечатления от своего путешествия Чан Чунь изложил в записках, в которых имеются довольно подробные сведения о среднеазиатских городах, ремесленном производстве, системе орошения, сельскохозяйственных культурах и др. Особенно ценны его сведения о Самарканде².

Другим предприимчивым путешественником, посетившим Центральную Азию в середине XIII в., был знаменитый венецианский купец Марко Поло³.

Нужно отметить, что в середине XIII в. торговля с Востоком находилась в руках купцов итальянских городов-республик. В XIII в. соперничали между собою три города – Пиза, Венеция и Генуя. После уничтожения в 1284 г. генуэзцами пизанского флота происходила борьба за торговые рынки между Венецией и Генуей. Подобно мусульманским купцам, итальянские, благодаря своему богатству и знаниям, также достигли особого, привилегированного положения при дворе монгольских ханов. Большой вклад в укрепление торговых связей между Западом и Китаем внесла купеческая семья Поло.

Братья Николо и Маттео Поло выехали из Венеции около 1254 г., проехали из Константинополя в Крым, в гавань Солдайю (ныне Судак), отсюда на Волгу, где были в 1261 г., а из Южной России отправились в Бухару. В Бухаре Поло прожили три года, а затем направились в Китай, и в Пекине были приняты монгольским императором Хубилаем. Когда они возвращались на родину за новыми товарами, Хубилай просил через них Папу Климентия IV. прислать в Китай сто ученых, сведущих в христианском учении. Вернув-

¹ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.

² Си ю цзи или описание путешествия на Запад / пер. с кит. и примеч. Архимандрита Палладия // Труды чл. Росс. духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV. С. 290-310.

³ Бюрок А. Путешествие венецианца Марко Поло / пер. А. Шимьякина. М., 1893; Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. Л., 1932.

шись на родину в 1269 г., братья Поло задержались там некоторое время вследствие смерти Папы Климентия IV. Новый папа Григорий IX в 1271 г. отправил с ними двух ученых монахов. Вместе с этими миссионерами братья Поло, взяв с собой также семнадцатилетнего сына Николо Марко Поло, отправились из порта Лаяццо (ныне Аяс) Малой Азии на восток¹. Они побывали в Армении, Курдистане, Балхе, Бадахшане. Далее купцы через Восточный Туркестан проехали в Китай. В течение 17 лет, до 1291 г., все трое оставались на службе у монгольского императора Хубилая. Молодой Марко Поло быстро освоился в новой стране, научился "татарскому языку и четырем азбукам (арабский, сирийский, уйгурский, квадратный монгольский шрифт тибетского происхождения)"². В течение трех лет Марко Поло был губернатором одной из провинций Южного Китая.

В 1291 г. все трое Поло решили вернуться на родину. На этот раз они отправились морским путем с флотом из 14 кораблей мимо берегов Индокитая и Индостана и высадились в гавани Ормузд, откуда через Иран, Армению и Трапезунд вернулись в Венецию.

Вернувшись в 1295 г. в свой родной город, Марко Поло принял участие в войне с генуэзцами, был взят в плен и, сидя в тюрьме в Генуе, в 1298 г. он попросил заключенного вместе с ним пизанца Рустичано записать его путешествие.³ Марко Поло, проживший до 1325 г., часто рассказывал в Венеции о своих странствиях. Эти рассказы, к которым, возможно, присоединялись также рассказы его отца и дяди, вошли в новую редакцию книги. В "Книге Марко Поло" описываются или упоминаются не только места, которые они посетили, но и страны, и иногда очень отдаленные, о которых им рассказывали другие путешественники.

Большое значение имеют сведения Марко Поло о Центральной Азии, в которых подробно сообщается о среднеазиатских городах, жителях, одежде,

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С. 272.

² Там же. С.273.

³ Поло Марко. Книга Марко Поло / пер. И.П. Минаева. М., 1955; Его же. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная Рустичано в 1298 г. от р. х. Алма-Ата, 1992.

пище, религиозных верованиях, обычаях и обрядах. Особое место в "Книге Марко Поло" занимает описание сельского хозяйства, в частности, земледелия и скотоводства. Автор подробно останавливается на различных видах сельскохозяйственной культуры.

Труд Марко Поло занимает исключительное место среди сочинений средневековых путешественников и географов.

Не будучи ученым, Марко Поло, не мог дать сведений о литературе и религиозных учениях восточных народов, не всегда он мог отделить правду от вымысла в доходивших до его слуха. Но, тем не менее, его книга о путешествии на Восток является одним из лучших произведений этого жанра. По своим научным результатам путешествие Марко Поло значительно превосходит все прочие, многочисленные путешествия на Восток европейских купцов и миссионеров. Книга Марко Поло быстро стала весьма популярной в Европе. "Сведения Марко о богатых многолюдных странах Азии надолго стали своего рода энциклопедией знаний европейцев о Востоке"¹.

В период монгольского владычества в управлении государством участвовали многие государственные деятели, вышедшие из среды местных аристократов. Некоторые из них отдали дань и писательскому ремеслу, воссоздавая историю народов Мавераннахра и Хорасана периода правления монгольских ханов. Одним из таких политических деятелей был Фазлаллах Рашидаддин (1247-1318 гг.)². Он родился в Хамадане и происходил из незнатной семьи. Поступил на государственную службу еще при хане Абаке (1265-1282 гг.) и в 1298 г. был назначен везирем. По поручению Газанхана приступил к написанию истории государства монголов – "Джомеъ-а-таворих", которую закончил в 1310-1311 гг. Этот труд первоначально состоял из трех томов: первый том был посвящен истории монголов, второй заключал в себе всеобщую историю и историю Улджейту, третий – географические прибав-

¹ Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С.65.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.92.

ления¹.

В своем труде Рашидадин приводит перечень многих народов Мавераннахра и Хорасана, правдиво показывает политику, которую вели монголы по отношению к таджикам, персам, тюркам и другим народам, ставшим жертвой нашествия войск Чингисхана².

В "Истории" Рашидадина содержится много сведений этнического, культурного и бытового порядка о различных народах. Кроме того, в ней приводятся ценные материалы, отражающие хозяйственную жизнь среднеазиатских народов при Хулагуидах. Ценность данной работы заключается в том, что автор приводит здесь различные и весьма, интересные легенды о происхождении таджиков, персов и других народов, находившихся под властью монголов³. Этот труд имеет огромное значение для этнологов, изучающих этническую историю народов Мавераннахра и Хорасана периода XIII – начала XIV в. Как отмечал В.В.Бартольд, "сочинение Рашидадина представляет собой огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа, ни в Азии, ни в Европе"⁴.

В XIV в. по странам Востока странствовал видный арабский путешественник, географ и историк Ибн Баттута⁵. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавоти ат-Танджи ибн Баттута родился в 1304 г. в г. Тандже и умер в 1377 г. в г. Фосе. Начиная с 1325 г., он провел в путешествиях двадцать семь лет, посетил арабские страны, Иран, Малую Азию, Крым, южные города Руси, Хорезм, Бухару, Самарканд, Афганистан, Китай, острова Суматры, Индонезию и Африку.

В 1355 г. о своих путешествиях он рассказал секретарю султана Марок-

¹ Рашидадин. Сборник летописей / пер.с перс. Л.А.Хетагурова, ред. и примеч. проф. А.А.Семенова. М.; Л., 1952. Т.1. Кн.1; Т.1. Кн.2 / пер. с перс. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952; Т.II / пер. с перс. Ю.И.Верховского. М.; Л., 1960; Т.III / пер.с перс. А.К.Арендса. М.; Л., 1946.

² Петрушевский И.П. Рашидадин и его исторический труд "Сборник летописей" // Рашидадин. Указ.раб. Т.1. Кн. 1. С.32.

³ Бойматов Л.Д. Сочинение Рашидадина как источник по истории народов Средней Азии в XIII в. Душанбе, 1983. С.15.

⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.93.

⁵ Ибрагимов Н. "Путешествие" Ибн Баттуты (1339) как источник по истории Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековья. М., 1977; Его же. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

ко-ал-Калби. Ал-Калби собрал рассказы Ибн Баттуты и изложил в виде отдельной книги под названием "Тухфат-ун-нуззор фи гароиб-ил-амсор в ачо-иб-ил-афсор" ("Подарок путешественника об интересных приключениях, которые происходили в городах и во время путешествии")¹. Позднее сам Ибн Баттута свои воспоминания изложил в виде отдельной книги под названием "Путешествия Ибн Баттуты". Эта работа переведена и издана на английском языке².

В своих воспоминаниях Ибн Баттута сообщает о среднеазиатских городах, постройках, общественных зданиях и достопримечательностях этих городов; о населении, религии, обычаях и обрядах. Все эти сведения имеют огромное значение при изучении быта и жизни таджиков и других среднеазиатских народов в монгольский период.

Во второй половине XIV в. на политическую арену выходит Тимур (1370-1405), который создал огромную империю – государство Тимуридов, в котором основными культурными центрами стали города Самарканд и Герат. В них проживало много ученых различных профессий. Особенно крупных успехов были достигнуты в развитие исторических знаний.

В тимуридскую эпоху были написаны крупные исторические труды, в которых в той или иной степени отражены жизнь и быт таджиков и других народов, населявших территорию Тимуридского государства.

Автором одного из таких трудов был известный таджикский историк Гиясаддин Али, который жил и творил во второй половине XIV – начале XV в.³ На основе дневника верховного судьи Насриддина Омара, сопровождавшего Тимура в индийском походе, Гиясаддин Али написал труд под названием "Рузномаи газавоти Хиндустон" ("Дневник похода Тимура в Индию")⁴. В нем наряду с описанием военных походов и сражений автор дает ценные сведения об истории государства Тимура, социальных отношениях при Ти-

¹ Минаев И. Сведения о странах... С.76.

² The travels of ibn Battuta (ad. 1325-1354). Vol.I. Naktuyt Society. Cambridge, 1971.

³ История таджикского народа. Т.П. Кн.1. С.18.

⁴ Гийасадин Али. Дневник похода Тимура в Индию / пер.с перс. и примеч. А.А.Семенова. М., 1958.

муридах. Кроме того, в "Дневнике" приведено немало фактов, характеризующих институт эмиров, бахадуров и его структуру¹.

Много интересных этнографических материалов содержат произведения замечательного таджикского поэта Абуисхака Атьима, известного под именем Шайх Атьима². Абуисхак родился во второй половине XIV в. в г.Ширазе, жил в Исфахане и других городах Хорасана. Последние годы своей жизни он провел в своем родном городе и умер в 1423 г. Основным его занятием было очищение хлопка от семян. Известен его сборник стихов под названием "Девони Атьима" ("Диван Атьима")³, в который вошли: "Канз-ул-иштихо" ("Клад аппетита"), поэмы "Музаъфар ва Бугро" ("Плов и Лагман"), "Мочарои Биринч ва Бугро" ("Ссора между Пловом и Лагманом").

Первым известным произведением Абуисхака стал "Канз-ул-иштихо"⁴. В нем даются сведения о различных видах лепешек, блюд, напитков и сладостей.

Другое произведение Абуисхака Атьима – "Музаъфар ва Бугро"⁵ состоит из 234 бейтов. В нем в шуточной форме описывается процесс приготовления плова и лагмана.

В целом поэма Абуисхака Атьима является первым специальным произведением, в котором даются ценнейшие сведения о пище, напитках, сладостях и способах их приготовления.

Со второй половины XIV в. Европе стала угрожать новая опасность. На Востоке, в Малой Азии, возникло и окрепло государство турок-османцев. Поражение императора Сигизмунда и его союзников в битве при Никополе (1398 г.) ясно выявило размеры опасности, угрожавшей не только Византии, но и Западной Европе. В результате европейцы на несколько веков заключили союз с владельцами Персии против этого государства.

Первым союзником европейцев и византийцев стал Тимур. Подчинив

¹ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. С.8.

² Мирзоев А. Абуисхак. Душанбе, 1971.

³ Там же. С.125-150.

⁴ Там же. С.140.

⁵ Там же. С.150.

себе, Иран и Месопотамию, Тимур вторгся в Сирию и Малую Азию. Турецкий султан Баязид был разбит и взят в плен Тимуром в 1402 г. при Анкаре. В это время король Кастилии Генрих III послал в Малую Азию Пелагия де Сатомайора и дона Фердинанда Палесуслося с поручением собрать верные сведения о Баязиде и Тимуре; об обычаях и обрядах, религиозных верованиях законах, военных силах восточных народов.

Посланники посетили Центральную Азию и даже участвовали в празднестве Тимура по случаю его победы над турецким султаном Баязидом. Тимур оказал почетный прием испанцам. После этого Генрих III вторично послал послов с целью укрепления дружбы, зародившейся между двумя государствами. В состав посольства входили магистр богословия Альфонзо Паес де Сан Мания, Руи Гонзалес де Клавихо и Гомес де Салазар¹.

Посланники, кроме укрепления уз дружбы, должны были собрать сведения о всех местностях и народах, которые им предстояло посетить, и по возвращении дать отчет своему королю.

Послы потратили на дорогу от Испании до Самарканда больше года. По пути в 1403 г. они посетили Константинополь, через Черное море добрались до Трапезунда, а затем через Армению, Северную Персию и Хорасан 26 августа 1404 г. прибыли на берег Амударьи, и уже через некоторое время - в Самарканд. Как посол, Клавихо мог пользоваться почтовым сообщением, устроенным в государстве Тимура по примеру других обширных государств Восточной и Западной Азии. Во время путешествия Клавихо вел подробный дневник своего посольства². В нем он собрал сведения о категориях населения, о среднеазиатских народах, особенно о жизни и быте ремесленников, их участии в городских празднествах; об обычаях и обрядах господствующего класса. Более подробно он останавливается на постройках Тимура в Самарканде, куда завоеватель отовсюду переселял ремесленников, художников и

¹ Дьяконов М. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. Л., 1932. С.23; см. также: Валиев А. Клавихо Рюи Гонзалес // ЭСТ. Душанбе, 1981. Т.3. С.352.

² Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / подлинный текст с пер. и примеч. И.И.Срезневского. СПб., 1881; Его же. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / пер.со староиспанского И.С.Мираковой. М., 1990.

ученых. Описывает двор самого Тимура, при котором Тимур в 1404 г. праздновал свое возвращение в столицу из победоносного похода на Запад, перед началом задуманного им похода на Китай, Клавихо собрал довольно подробные сведения о самом Тимуре, его сыновьях и внуках¹. Нужно отметить, что не все сведения, сообщаемые Клавихо, вполне верны в силу не очень хорошего знания предыдущей истории, географии Востока, незнания языка, обычаев и обрядов, религии народов Средней Азии. Сведения же записанные Клавихо по личным наблюдениям о положении ремесленников, о городах, народах, об особенностях их быта – точны. Работа Клавихо может служить очень важным источником для изучения истории таджиков и других среднеазиатских народов в Тимуридскую эпоху.

Исполнив с честью и успехом возложенное на него поручение, Клавихо снова возвратился в Испанию ко двору короля и до самой смерти последнего (1407), оставаясь к нему близким, был одним из свидетелей при составлении его завещания. Остальные годы жизни Клавихо провел в своем родном городе Мадриде и похоронен там же.

С именем Тимура связано еще одно европейское сочинение той же эпохи – записки баварского солдата И.Шильдбергера на немецком языке².

В 1396 г. Шильдбергер попал в плен в битве при Никополе между византийским императором Сигизмундом и турецким султаном и был зачислен в войско султана Баязида, а в 1402 г. – в армию Тимура. После смерти последнего он был отправлен в Золотую Орду, и только в 1427 г. через Константинополь ему удалось вернуться в Германию³.

Будучи очевидцем многих событий, Шильдбергер подробно их описал. Интересны его сообщения о языках, обычаях и обрядах народов Центральной Азии. Как отмечает В.В.Бартольд, "в сочинении необразованного баварского солдата впервые применен способ характеристики языка, впоследствии по-

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.280.

² Шильдбергер И. Путешествия... по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / пер.с нем. и снабдил примеч. Ф.Браун // Зап. имп. Новорос. ун-та. Одесса, 1967. Т.1.

³ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.280.

лучивший широкое распространение в ученой лингвистической литературе"¹.

Известным историком и географом тимуридского периода был Хафиз и Аbru. Согласно словам академика В.В.Бартольда, его настоящее имя было Шихаб ад-дин Абдуллах ибн Лутфаллах ибн Абдаррашид ал Хавафи. Он родился в Герате, воспитывался в Хамадане. Умер в 1430 г.² По сообщениям современников, Хафиз и Аbru был мастером шахматной игры, уже при Тимуре стоял близко ко двору и лично к государю. Поэтому в своих трудах, как свидетель, рассказал о последних походах и смерти Тимура, а также о походах Шахруха. В 1414-1415 гг. тимуридскому царю Шахруху кем-то было поднесено географическое сочинение на арабском языке. По поручению государя Хафиз и Аbru перевел эту книгу на персидский язык и дополнил ее по другим источникам³. Этот труд состоит из двух томов. Первый том содержит, помимо космографического введения, описание отдельных стран от Магриба до Кирмана. В последних главах после географического описания приводятся сведения о политической истории соответствующей местности вплоть до времени автора. По мнению В.В.Бартольда, автор хотел изложить во втором томе географию и историю Хорасана. Особое место в труде занимает описание городов, сельского хозяйства и материальной культуры таджиков и других среднеазиатских народов в XV в.

В 1423 г. Хафиз и Аbru приступил к написанию всеобщей истории для сына Шахруха, царевича Байсункура, и изложение событий довел до 1427 г. Весь труд, получивший название "Зубдат ут-таворих" ("Сливки истории") делится на четыре тома: первый том посвящен домусульманской истории, второй – истории Мухаммада и халифов, третий охватывает историю восточно-мусульманских и монгольских династий, четвертый – историю Тимура и Шахруха. Здесь автор подробно описывает категории населения, обычаев и обрядов, социально-экономическую жизнь среднеазиатских народов при Ти-

¹Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.280.

²Его же. Иран. Исторический очерк // Сочинения. М., 1971. Т.VII. С.298-299.

³Его же. Хафиз-и Аbru и его сочинение // Сочинения. М., 1973. Т.VIII. С.78.

муре и его преемниках¹.

Сочинение Хафизы Абру было главным источником для Абдурраззак Самарканди, который написал книгу "Матлаъ-ус-саъдайн ва маджма ул-бахрайн" ("Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей")².

Абдурраззак Самарканди родился в Герате в 1413 г. и умер в 1482 г. В 1437-48 гг. находился на государственной службе. В качестве дипломата он побывал во многих странах Востока, в частности в Индии и Аравии. Свой знаменитый труд Абдурраззак написал между 1467-1470 гг. В нем он продолжил работу Хафизы Абру, дав описание событий до 1470 г. Сочинение состоит из двух частей. В первой автор подробно сообщает о чингизидах. Вторую часть он посвятил Тимуру и его сыну Шахруху. В работе мы находим ценный материал об исторических событиях, социальных отношениях, материальной и духовной культуре таджиков и других народов Мавераннахра и Хорасана.³

Видным историком и поэтом тимуридского времени был Шарафуддин Али Язди, который большую часть своей жизни провел при дворе Шахруха и его второго сына Мирза Абулфатха Ибрахима Султана. Ученый родился в городе Язде. Был учителем и воспитателем Улугбека и помогал последнему в научной работе. В 1419-1425 гг. он написал книгу под названием "Зафарнома" ("Книга о победах"), которая была посвящена Тимуру⁴.

Книга состоит из введения, двух глав и заключения. Автор наряду с описанием походов Тимура, историей движения сарбадаров дает важные сведения о городе Самарканде и его окрестностях, о развитии сельского хозяйства, различных видах сельскохозяйственных культур в Мавераннахре и Хорасане.

Важным этнографическим источником является труд таджикско-персидского писателя Хусайна Воизи Кошифи "Футувватномаи султони"

¹ Бартольд В.В. Иран. С.299.

² Абдурраззак Самарканди. Матлаи саъдайн ва маджмаи бахрайн / Форс-тожик тил. таржима А.Урунбоевники. Ташкент, 1969.

³ Там же. С. 20.

⁴ Бартольд В.В. Улугбек и его времени // Сочинения. М., 1964. Т.П. Ч.2. С.65.

("Книга о рыцарстве султана")¹. Кошифи родился в первой половине XV в. в Сабзаваре. С 1455 по 1469 г. жил и творил в городе Машхаде. В Герате встретился с Абдуррахманом Джамии. Он написал более тридцати книг по истории, астрономии, суфизму, морали и др. "Футувватномаи султони" состоит из введения и двенадцати глав. Однако до нас дошли не все главы, произведение заканчивается седьмой главой. Введение состоит из трех разделов, первая и вторая главы – из четырех разделов, третья глава – из десяти разделов, четвертая – из одиннадцати разделов и т.д.

Первая глава посвящена рыцарству, вторая – взаимоотношениям между учеником и наставником. В произведении имеется большое количество сведений о цеховых организациях ремесленников, их уставе (рисола), правилах приема гостей, о поведении человека в гостях и т.д. Третий раздел шестой главы посвящен народным играм – борцам (гуштингир), канатоходцам, силачам, правилам различных игр и т.д.² В целом этот труд дает ценный материал о духовной культуре таджиков XV в.

Знаменитый таджикский поэт Сайфи Бухори в своих стихах отражает жизнь и быт таджиков и других народов Центральной Азии³. Согласно источникам, Сайфи родился в Бухаре, затем переехал в Герат. В 1487 г., покинув Герат, вернулся в Бухару. Сайфи кроме поэм, писал стихи, посвященные жизни и быту ремесленников. Стихи, посвященные ремесленникам, состоят из 48 газелей и одной китъа. В них сообщается более чем о пятидесяти видах ремесел в средневековых городах Мавераннахра и Хорасана, таких как сапожное дело, гончарство, плотничество, кузнечное дело, кондитерское производство и др.⁴ Сайфи дает конкретную картину жизни в средневековых цеховых организациях среднеазиатских городов.

Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что в трудах местных историков и зарубежных путешественников монгольского и тиму-

¹ Хусайн Воизи Кошифи. Футувватномаи султони. Ахлоки мухсини. Рисолаи хотамия. Душанбе, 1991. С.11.

² Там же. С.101-102.

³ Мирзоев А. Сайфии Бухори ва роли у дар адабиёти доираҳои хунарманда // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1957. №7.

⁴ Мирзоев А. Сайфии Бухори...С.13.

ридского периодов имеются очень ценные материалы, которые иллюстрируют жизнь и быт таджиков и других среднеазиатских народов.

Основными источниками для большинства исследователей служили личные наблюдения. В немалой степени ими использовались также литературные данные. Однако следует заметить, что собранный материал и глубина его научного исследования зависели как от служебного положения автора, так и от уровня его образованности. Кроме того, здесь надо учитывать мировоззрение, классовую принадлежность авторов и их информаторов.

В целом, вышеупомянутые источники показывают, что хотя в исследуемый нами период, за исключением трудов Абурайхана Бируни и Абуисхака Атьима, не было написано специальных книг, посвященных быту среднеазиатских народов, тем не менее, в исторических, географических трудах, литературных произведениях, воспоминаниях путешественников содержатся чрезвычайно важные сведения об этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре таджиков и других народов, живших по соседству с ними.

1.3. Традиционная культура таджиков в исторических трудах и литературных произведениях XVI-XVIII вв.

В XVI-XVII вв. среднеазиатские авторы написали ценные работы, характеризующие жизнь и быт таджиков.

Одна из наиболее важных работ – мемуары «Бабурнаме» Захириддина Бабура (1483-1530)¹. В них содержатся сведения по истории, этнографии и географии таджиков. Большую ценность имеют его сообщения об этническом составе Мавераннахра. Захириддин Бабур дает сведения о таджиках, месте их расселения, о состоянии сельского хозяйства, о продуктах земледелия. Кроме того, он подробно описывает жилища и различные виды одежды.

Замечательный писатель и историк Средней Азии XVI века – Зайнаддин Васифи (род. в 1485 г.)². В начале он жил в Герате, затем, после падения власти Тимуридов, перешел на службу к Шейбанидам и до 30-х годов XVI в. проживал в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и других городах Средней Азии. Свои мемуары Васифи назвал «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события»)³. Главное место в сочинении Васифи занимает описание жизни и быта средних слоев населения города: лавочников, ремесленников, поэтов и других категорий населения, автор описывает материальную культуру, в частности, жилища и одежду. Особый интерес представляют сведения Васифи о различных типах жилых домов в среднеазиатских городах. Дома строились двухэтажные, верхние этажи выполняли функцию гостиной. Васифи пишет: «Предоставили мне на несколько дней свою верхнюю комнату (« болохона» - А.В.), а для гостей постелили паласы в помещении перед лавкой»⁴. Как отмечает А.Н.Болдырев, «мемуары Васифи являются единственным в своем роде памятником, дающим нам яркие картины повседневной жизни и быта городского народа в конце XV – начале XVI в., как правило, отсутствующие в ис-

¹ Бабур Захириддин. Бабурнаме. Ташкент, 1958; Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. Тошкент: Юлдузча, 1989.

² Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957.

³ Зайнаддин Васифи. Бадаи ал-вакаи / Критический текст, введ. и указ. А.Н.Болдырева. 1961. Т.1-2.

⁴ Цит. по: Болдырев А.Н. Таджикский писатель XVI в. Зайнаддин Васифи и его произведение «Удивительные события»: автореф. дис... д-ра филол. наук. Л., 1954. С.83.

ториографических и литературных произведениях эпохи...»¹.

Значительный этнографический интерес представляет труд Хафиза Таниша Бухари «Абдуллонаме»². В нем описываются события, начиная с рождения Абдуллахана (1533-1534) до 1588 г. Хафиз Таниш дает подробный перечень орудий охотников. По его словам, на охоте пользовались луком, стрелой, копьем, огнестрельным оружием и др. Кроме того, Хафиз Таниш останавливается на различных видах общественного производства, одежды и пищи. Автор обращается к духовной культуре таджиков Бухары, особенно к религиозным обрядам. В частности, он пишет: «В каждый год около ворот Гурьян маги приносили в жертву петуха в честь Сиявуша, и этот обряд называется плач магов»³. Обряд является очень древним и еще при Саманидах имел широкое распространение. Особую ценность представляют сообщения автора о Бухаре, описание мечетей, мавзолеев и других культовых сооружений.

В XVI–XVII вв. Среднюю Азию посетили русские и зарубежные путешественники, которые в своих записках дают важные сведения о таджиках и других народах Мавераннахра.

В XVI веке в Среднюю Азию приехал Антоний Дженкинсон, служащий Английской Московской торговой компании, ведущей торговлю с Россией. Он, был послан с целью, разыскать забытый торговый путь в Китай через среднеазиатские земли. Дженкинсон в 1558-1560 гг. через Астрахань добрался до Бухары. Во время путешествия он написал все увиденное в пути⁴. Большое значение имеют его сведения о городах, хозяйстве и быте народов Средней Азии. Он сообщает о ткачестве в Бухаре, материальной и духовной культуре таджиков, в частности, о религии. О жилищах таджиков он пишет: «Дома по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений...»⁵.

¹ Болдырев А.Н. Таджикский писатель XVI в. Зайнабдин Васифи и его произведение «Удивительные события... С. 15.

² Хафиз Таниш Бухари. Абдуллонаме. Ташкент, 1966-1969. Т.1-2.

³ Там же. Т.1. С.274.

⁴ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

⁵ Там же. С.182.

Среди многочисленных этнографических источников XVI века важное место занимает «Михман-наме-йи Бухара» («Записки бухарского гостя») Фазлаллаха ибн Рузбихана¹. В работе автор дает сведения о материальной культуре, об обычаях и обрядах таджиков, описывает жилые дома простого народа Самарканда и Бухары.

В XVII в. русские послы неоднократно посещали среднеазиатские государства. Один из них – Иван Хохлов². В 1620 г. он был послан к бухарскому хану Имамкулихану с целью укрепления дружбы и торговых связей со среднеазиатскими ханствами. После возвращения в Россию он составил «Статейный список» своего посольства, в котором приводит сведения о таджиках Средней Азии, материальной культуре, в частности о жилищах. Он отмечает, что дома в основном были построены из глины и сырцового кирпича.³ И. Хохлов описывает одежду и пищу, семейный и хозяйственный быт таджиков⁴.

Хивинский хан Абу-л-Гази приводит сведения о жизни и быте таджиков и других среднеазиатских народов. В своем труде «Родословное древо тюрок» он раскрывает значение таджикских собственных имен, приводит сведения о среднеазиатских народах, в частности о таджиках. Рассказывая о таджиках и их языке, он пишет: «Все тут (т.е. в селении Магаз, около Исфохана – А.В.) были таджики и говорили по-персидски»⁵. Этот факт говорит о том, что большое количество таджиков жило и в Иране.

В 1669 г. русский царь Алексей Михайлович послал в Бухару братьев Бориса и Семена Пазухиных с целью укрепления торговых отношений между Россией и Бухарой. Кроме того, Пазухины должны были собрать сведения о Бухарском ханстве, о количестве его войск, огнестрельного оружия и др. В 1670 г. они благополучно добрались до Бухары и были приняты Абдулазиз-

¹ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара. М., 1976.

² Ханьков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки ИРГО. СПб., 1851. Кн. 5.

³ Хохлов И. Статейный список посольства в Бухарию дворянина И.Хохлова. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

⁴ Там же. С.95.

⁵ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрок / перев. А.А. Семенова. Ташкент, 1958. С. 95.

ханом. Сведения этого посольства обогатили представления русских о жизни и быте таджиков и других среднеазиатских народов. В отчете посольства описывается сельское хозяйство. Кроме того, Пазухины сообщают о материальной культуре, о пище, утвари, обычаях и обрядах таджиков Бухары¹.

В XVI-XVII вв. бухарские купцы, среди которых было много таджиков, пытались наладить торговые отношения с Россией. При встрече с русскими торговцами они рассказывали о Средней Азии, экономике страны, сельском хозяйстве. В их сообщениях имеются сведения, характеризующие жизнь и быт таджиков. Например, «Тарская таможенная книга» содержит много сведений о бухарских купцах, о жизни среднеазиатских народов, об обычаях и обрядах.²

Знаменитый историк периода Аштарханидов – Мухаммад Юсуф Мунши в своем сочинении «Таърихи Мукимхони» («Мукимханская история») излагает наряду с историей Аштарханидской династии историю расселения таджиков и узбеков, сообщает об отдельных чертах бытовых и социальных отношений того времени³. Автор, рассказывая о городских празднествах и участии в них ремесленников, в частности пишет: «Он (Абулмансурхан – А.В.) приказал установить в городе Балхе такое (правило), чтобы люди богатые и имущие из состоятельных купцов, ремесленников, базарных торговцев и искусных мастеров разного рода поставили бы напоказ разноцветные ткани, разного рода покрывала и (всякие) вещи разнообразного характера...»⁴.

«Убайдулла-наме» («Книга об Убайдулле») Мир Мухаммеда Амини Бухари⁵ является как бы продолжением «Мукимханской истории». В этом сочинении наряду с описанием политических событий мы встречаем описание быта, социального положения, обычаев и обрядов таджиков в период правления Убайдуллы-хана. Особенно интересны сведения о различных категориях

¹ Наказы Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару Балх, Юргенч 1669 // Русская библиотека. СПб., 1894. Т.15. С.31.

² Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии в XVI-XVII вв. Ташкент, 1964.

³ Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история / перев.с тадж. с прим. проф. А.А.Семенова. Ташкент, 1957.

⁴ Там же. С.120.

⁵ Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме / перев.с тадж. и прим. А.А.Семенова. Ташкент, 1957.

ремесленников и роли цеховой организации в общественном производстве.

Историк-хронист Абдуррахман Тали в своем труде «История Абулфайзхана»¹ приводит важные сведения о таджиках, их обычаях и обрядах. В частности он отмечает, что в Бухаре в каждую пятницу месяца раджаба в семьях, где умерли люди, читали Коран, подавали людям кушанья (обу ош – А.В.). Этот обряд до недавнего времени имел место среди таджиков не только Бухары, но и Северного Таджикистана.

Крупнейший поэт и историк XVIII века – Сайидо Насафи². Он учился и жил в Бухаре, был тесно связан с ремесленниками и другими категориями низших слоев бедноты. Сайидо отражал в своих стихах жизнь простого народа. В поэме «Шахрошуб» («Суматоха в городе»)³ он в шуточной форме обращается к представителям 212 профессий. Сайидо описывает различные виды ремесел, существовавших в XVI-XVIII вв. В Бухаре были известны горшечники – кулолон, литейщики – рехтагарон, кузнецы – охангарон, ножовщики – кордгарон, красильщики – Рангрезон, зодчие – меъморон, гвоздари – мехчагарон, портные – дазихо, ткачи – бофандахо, изготовители печати – мухрканон, сапожники – музадузон, чесальщики – наддофон, литейщикикотлов – дегрезон. Описывая каждое ремесло, он использует специальные термины. Например, в стихах о ткаче поэт использует слова «краски», «ситец», «челнок», «мастерская» и др. Сведения Сайидо Насафи является важным источником для изучения хозяйственного быта таджиков XVI-XVIII вв.

В начале XVIII в., ввремя правления Петра 1, бухарские ханы посылали своих представителей в Россию с просьбой установить торговые отношения между двумя государствами. В частности, был послан Клычбек. Русское правительство со своей стороны послало в Бухарское ханство итальянца Флорио Беневени, секретаря ориентальной экспедиции Посольского приказа⁴. В июле 1718 г. Петр 1 подписал приказ, согласно которому посланники должны были

¹ Абдуррахман Тали. История Абулфайзхана. Ташкент, 1959.

² Мирзоев А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. Сталинабад, 1954.

³ Сайидо Насафи. Избранное. Сталинабад, 1949.

⁴ Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Записки ИРГО. СПб., 1853. Кн.9.

узнать, какие товары имеются в Бухаре, с какими государствами она торгует, какими полезными ископаемыми обладает этот край¹.

В первых числах ноября 1721 г. Беневени прибыл в Бухару. Обстановка там оказалась неблагоприятной и цель посольства не была достигнута. Во время своего путешествия Беневани вел дневник, в котором собрал ценные сведения о природных богатствах края, о Бухаре, об основных видах продукции, вывозимой из государства в другие страны. Он также сообщает о том, в каких товарах нуждаются бухарские рынки².

В 40-х гг. XVIII в. в Бухаре находился греческий купец Н. Григорьев. В своих воспоминаниях он сообщает о Бухаре, ее населении и о товарах, вывозимых в другие страны³.

Среди работ, написанных в XVIII веке русскими и европейскими путешественниками, особое место занимает труд унтер-офицера Филиппа Ефремова – «Девятилетнее странствование», написанный после долгих лет рабства у среднеазиатских феодалов⁴. Ф. Ефремов родился в 1750 г. в г. Вятке в семье секретаря духовной консистории. В 1765 г. его назначили каптенармусом, а в 1774 г. отправили в Оренбургские степи на военную службу. Здесь он попал в плен к среднеазиатским кочевникам и очутился в Бухаре. Затем, после долгих скитаний по Средней и Центральной Азии, он побывал в Каракумах и Кызылкумах, ездил в Иран, Хорезм и оттуда через Африку и Англию вернулся на родину⁵.

Ф. Ефремов знал таджикский язык и был свидетелем многих событий. В своей работе он дает ценные сведения о таджиках Бухары и Самарканда, о сельском хозяйстве, особенно о шелководстве и хлопководстве, подробно останавливается на видах сельскохозяйственных культур, описывает ирригационные системы и одежду. Ф. Ефремова интересовала и духовная культура, он

¹ Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. С.272.

² Там же. С.273.

³ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России с Средней Азией со времени кончины Абулхайра. Уфа, 1853. Т.1.

⁴ Ефремов Ф. Девятилетнее странствование. М., 1952.

⁵ Там же. С.10.

впервые составил таджикско-русский словарь, который охватывал более шестисот слов. «Всюду Ефремов интересуется жизнью народа, историей, и в этом отношении его этнографические и исторические экскурсии не лишены значения и в наше время. Рассказы очевидца представляли большой интерес и поражали достоверностью, тогда как многие западноевропейские источники целиком строились на расспросных и компилятивных данных и грешили частыми ошибками»¹.

В 1774 и 1779 гг. бухарский посол Мулла Ирناзар Максюттов дважды побывал в России с целью установления торговых связей между Бухарой и Россией. Царское правительство в 1780 г. послало в Бухару Мендияра Бекчурина, переводчика, коллежского регистратора Оренбургской канцелярии татарского языка². После возвращения в Оренбург Бекчурин дал отчет о результатах посольства.³ Он писал маршрут посольства, Бухару, шелководство, земледелие, ремесленное производство края, кроме того, сообщает о материальной культуре, в частности о жилище и пище.

Хрисанф Митрополит Новопатрасский, побывавший в среднеазиатских городах, дает сведения о таджиках и территории их расселения, о Бухаре, торговле, религии, особенно об исламе и об отдельных элементах доисламских религиозных верований⁴.

Горный чиновник Тимофей Степанович Бурнашев, побывавший в Бухаре в 1794 году⁵, в своих записках уделил особое внимание описанию г. Бухары и его окрестностей. Он, уделяя большое внимание описанию сельского хозяйства, особенно сельскохозяйственным культурам и орудиям труда пишет: «Землю пашут на волах такими плугами, какие употребляются в России»⁶. Бурнашев рассказывает о жилище, одежде и домашней утвари, по его

¹ Ефремов Ф. Девятилетнее странствование. С.12.

² Жуковский С.В. К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца ХУШ в. (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г.) // Восточный сборник Об-ва русской ориенталистики. Пг., 1916. Кн. 2.

³ Там же. С. 296-304.

⁴ Хрисанф Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 г. // Чтение в императорском обществе истории и древностей, российских при Московском университете. М., 1861. Кн.1.

⁵ Бурнашев Т.С. Путешествие от сибирской линии до г. Бухары в 1794 и обратно в 1795г. // Сибирский вестник. СПб., 1818.

⁶ Там же. С. 96.

словам, богатые люди пользовались фарфоровой посудой, а бедные – глиняной.¹ Особенно ценны его сведения о семье и семейных отношениях у таджиков.

В целом в XVI-XIII вв. оригинальных трудов было написано мало. Хроники, как правило, посвящали свои труды династическим историям и отдельным правителям Средней Азии. Преобладают сообщения русских и европейских путешественников. Однако, последние ограничивались описанием лишь нескольких городов Бухарского ханства. Вероятно, это связано с тем, что большинство из них прибывало в Среднюю Азию в качестве послов для установления торговых отношений. Это подтверждает тот факт, что в ХУП в. бухарские ханы направили в Россию 16 посольств, а из Москвы в Бухару прибыло 5 посольств². Сведения русских послов о быте и жизни населения Бухарского ханства имеют чрезвычайно важное значение при изучении материальной и духовной культуры таджиков в Бухарском и Кокандском ханствах.

Источники XVI-XVIII вв. дают все же значительный конкретный материал о таджиках. Они показывают не только расселение таджиков, но и описывают их антропологический тип. Русские дореволюционные, советские и зарубежные ученые на основе исследований источников и других материалов пришли к выводу, что в XVIII веке таджики жили не только на территории Бухарского и Кокандского ханств, но и в Иране и Афганистане.

В отношении сельского хозяйства имеется очень скудный материал об ирригационной системе. Возможно, в результате грабительских походов на территории Бухарского ханства каналы и кяризы (подземные каналы) были разрушены, мало строилось плотин, слабо развивалась ирригационная сеть, поэтому авторы не останавливались подробно на этих вопросах. Сведения их о сельском хозяйстве характеризуется тем, что в них впервые подробно описаны сельскохозяйственные культуры и перечислены орудия труда. Согласно

¹ Бурнашев Т.С. Путешествие от сибирской линии до г. Бухары в 1794 и обратно в 1795г. С.112.

² История таджикского народа. М., 1964. Т.2. Кн.2. С.31.

источникам, в ремесленном производстве Бухары наблюдалась узкая специализация. Так, Сайидо Насафи называет более двухсот ремесел.

Материальная культура, в частности жилище, одежда и пища, описана местными авторами, русскими и европейскими путешественниками. Но в их сведениях отсутствует материал о сельском жилище. Авторы описывают различные виды мужской и женской одежды. По их словам, преобладала одежда из хлопчатобумажной ткани, имеются сведения о парандже и чимбете, отсутствуют сообщения об узорах.

Семья и семейные отношения не нашли достаточного отражения в исследуемых источниках. Имеются отдельные сведения о браке, свадьбе, обычаях и обрядах, связанных со свадьбой, рождением и воспитанием ребенка. Анализ источников показывает, что женщины в семье были неравноправны с мужчинами.

Таким образом, сведения среднеазиатских авторов и иностранных путешественников, несмотря на отдельные неточности и недостатки являются важными источниками для изучения жизни и быта таджиков в IX-XVIII вв. Они послужили основой для дальнейшего всестороннего этнографического изучения таджиков и других народов.

ГЛАВА II. ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

2.1. Ареал расселения таджиков в Средней Азии в XVIII – XIX вв.

В большинстве исторических работах, посвященные истории таджикского народа, в том числе проблеме места и времени формирования таджиков отмечается, что территория, на которой происходило формирование таджикского народа, считается Согд, Тохаристан, Уструшана, Худжандская область, Фергана, Хорезм, Хуталаян, Чаганиан и другие.

Академик Н.Н.Негматов в своих исследованиях, посвященных истории государства Саманидов, проблеме формирования таджиков как народность, делит территорию образования таджикской народности в период средневековья на северный, центральный и южный регионы. Ядром Северного, или Сырдарьинского региона он считает Уструшану, Худжандскую область и Западную Фергану. Центральный регион охватывал бассейн Зеравшана и прилегающие районы (прежде всего Согд), а Южный регион – Тохаристанскую группу владений (Хуталаян, Чаганиан и другие).

Во второй половине XVIII в. таджикский народ жил на территории Бухарского и Кокандского ханств, а также Афганистана. В последнем таджики составляли значительную часть оседлого населения Кабула, Джелалабада (Нангра-хара) и Кухистана¹. Они проживали в узких долинах афганского Горбенда, Пянджшира и Ниджроу. Кроме, того, отдельные поселения и группы таджиков были расположены в долине Кунгара, в Хосте и в других местах Афганистана, не говоря уже о северных районах этой страны, где преобладали таджики, но жили и узбеки. В Бухарском и Кокандском ханствах, как в городах (Бухара, Самарканд, Худжанд, Ура-Тюбе и Гиссар), так и в сельских местностях жили преимущественно таджики. И горные районы этих ханств были заселены в основном ими же. Во второй половине XVIII в.

¹ Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954. С.78-80.

горы по верховьям Чирчика и Зеравшана, а также горы отделяющие бассейн Зеравшана от бассейна Сыр-Дарьи, были в основном заселены таджиками; узбеки, казахи, киргизы и другие народности жили там, в весьма незначительном количестве.

Вследствие междоусобиц в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве таджики нередко были вынуждены группами переходить с одного места жительства на другое. Так, в первой половине XIX в. было немало случаев перехода таджиков из Бухары и Самарканда в пределы Кокандского ханства и наоборот. Многие бедняки из Каратегина и Дарваза из-за острого недостатка земли часто уходили в Ферганскую долину и Бухарский эмират, где работали у баев на кабальных условиях издольной аренды. Нередко они оставались там, на постоянное жительство, пополняя ряды сельских бедняков-издольщиков.

Таджикское население Средней Азии местами жило сплошной, а местами было смешано с другими народностями. Как во второй половине XVIII в., так и позже центральные и южные районы современного Таджикистана были заселены, кроме таджиков, различными родами и племенами узбеков. В этом было их отличие от таджиков, уже утративших родовое деление¹.

Определить хотя бы приблизительное число таджиков, узбеков и других невозможно. О численности населения Кокандского ханства в конце XVIII в. в исторической литературе отсутствуют сведения. Население же Бухарского ханства в 1794 г. примерно исчислялось в 3 млн. человек. Эта цифра, несомненно, была завышенной, ибо член русской дипломатической миссии Е.К.Мейендорф, посетивший Бухару в 1820 г., определил население ханства около 2748 тыс. человек.² Член русского посольства во главе с К.Ф. Бутеновым, Н.В.Ханыков, посетивший Бухару в 1840-1841 гг. определил население эмирата «между пределами 2 или 2,5 миллиона»³.

¹ История таджикского народа. М., 1964. Т.II. Кн.2. С.67.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.105-106.

³ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С.76-77.

Экономическое развитие и крупные исторические миграции населения в новый период истории народов Средней Азии, в том числе и таджиков, несколько изменили границы историко-этнографических областей. В северных районах Таджикистана, т.е. на территории компактного расселения равнинных таджиков выделяются Северотаджикистанская и Зеравшанская историко-этнографические области. А в Восточной Бухаре выделяются Южнотаджикистанская историко-этнографическая область, Памир и Припамирье. В Северотаджикистанскую подобласть, по мнению видного этнографа Н. О. Турсунова, «входили Ходжент, Ура-Тюбе, Канибадам, Исфара, их районы и восточная часть Верхнего Зеравшана (Матча, Фальгар и Ягноб). Эта подобласть была тесно связана с прилегающими районами Восточной Ферганы-Ташкентом и Джизаком. Зеравшанский регион включал в себя Пенджикент, Офтобрую, Кштут, Магиян, и Фан; он был связан с Самаркандом, Бухарой и долиной Кашка-Дарьи»¹.

Население Северного Таджикистана составляли численно преобладавшие таджики и различные тюркоязычные группы.

Основное население с общим самоназванием точик – таджик было представлено двумя группами. Первая группа, населявшая города, другие экономические центры и равнинные культурные оазисы Северного Таджикистана называлась вилояти (букв. областная, т.е. равнинная).

К ней относилась также основная часть населения города Бухары и некоторых кишлаков Бухарского оазиса², города и сельские районы Самарканда³, городов Ургут, Пенджикент, Нурата и ряда селений в Нуратинских горах, части долины Соха, города Чуст, городков Касан, Риштан и других мест Ферганской долины, группы селений Бастандыкского района к северо-востоку от Ташкента и городка Хаваст в юго-восточной Голодной степи.

¹ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII-XX вв. Душанбе, 1991. С.51-52.

² Сухарева О.А. Бухара XIX – начала XX вв. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С.113-181; Люшкевич Ф.Д. Особенности этнической истории и этнографических культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1976. С.5 и сл.

³ Сухарева О.А. Очерки по истории среднеазиатских городов // История культуры народов Средней Азии. М., 1976. С.140.

Таджиков – чагатаев, расселившихся в южных районах Таджикистана и Узбекистана, по языку и общему культурному облику исследователь Б.Х.Кармышева также относит к типичным равнинным таджикам¹. Вторая группа, расселившаяся в районах Верхнего Зеравшана, подгорных селениях Туркестанского, Алайского и Кураминского хребтов, называлась кухистони (горцы). В Северном Таджикистане равнинных таджиков (как и узбеков, проживавших в городах и культурных оазисах Ферганской долины, Ташкента и Хорезма), иногда называли сарт, а горных – гальча. Необходимо отметить, что по поводу происхождения термина «сарт» среди русских дореволюционных ученых не было единого мнения. В.В.Радлов² и В.В.Бартольд³ отмечают, что термин «сарт» взят у тюрков, а позже у монголов как синонима «таджик» и обозначал «торговец», так как основными жителями городов были таджики и торговлей в городах занимались они. Позже термин «сарт» получил другой смысл. Другие ученые, в частности В.Наливкин и М.Наливкина подчеркивают, что этим термином обозначали перешедших к оседлости и частично смешавшихся с таджиками кочевых узбеков⁴. Что касается термина «гальча», то, по мнению академика В.В.Бартольда означал «горец»⁵.

При характеристике этнического состава населения Северного Таджикистана в XVIII – XIX вв. исходными служат сообщения Захириддина Бабурра. По его данным, в XV в. население Ферганской долины состояло из таджиков (он называл их сартами – А.В.) и тюрков. Жители Соха и Маргелана Бабур относил к сартам, а Андижана и его окрестностей к тюркам⁶.

В связи с описанием расселения и оседания вновь пришлых групп тюркоязычного населения следует высказаться по вопросу вытеснения таджиков

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С.126.

² Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // Записки Императорского Русского географического общества по изучению этнографии. СПб., 1880. Вып.6. С.59-60.

³ Бартольд В.В. Еще о слове «сарт» // Сочинения. М., 1964. Т.П. Кн.2. С.310-314.

⁴ Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С.16.

⁵ Бартольд В.В. Таджики // Сочинения. М., 1963. Т.П. Кн. 1. С.458.

⁶ Захириддин Бабур. Бабурнаме. Ташкент, 1958. С.12.

в горы, поставленному В.В.Бартольдом, М.С.Андреевым и др. «Вытеснение не только отдельных групп таджиков, но и других народов Средней Азии и Казахстана, - пишет Н.О.Турсунов, - из одних районов в другие имело место при вторжении дештикипчакских узбеков и последующей экономической разрухе и политической смуте XVII – первой половины XVIII в.»¹. Необходимо отметить, что расселение части таджикского населения в труднодоступных, малопригодных для жизни горных районах Средней Азии происходило еще раньше в XIII – XIV вв. и было обусловлено также политическими событиями этого периода. Спасаясь от нашествия многочисленных завоевателей, уничтоживших население целых оазисов и городов, таджики уходили в горы². Однако основная масса таджикского населения осталась на исконных землях. Этнографические данные свидетельствуют, что уменьшение численности таджиков произошло в результате не вытеснения, а их тюркизации в тех областях и районах (Ташкентский оазис, часть восточной Ферганы с бывшим таджикским Маргиланом, а также Джизак, Хаваст, Шахристан, Нов, Гулякандоз), где они жили смешанно, составляя меньшинство. На местах компактного расселения таджиков, к таковым относились основные районы Северного Таджикистана, города Бухара и Самарканд³ произошла таджикизация тюркоязычного населения. Аналогичная картина таджикизации и узбекизации наблюдалась в южных районах Таджикистана и Узбекистана⁴.

Исторически сложившиеся районы Северного Таджикистана образовались в долинах горных речек – правых и левых притоков Сырдарьи и Зеравшана, вбиравших воду ледников и снегов Туркестанского, Кураминского и Зеравшанского хребтов. В долинах речек Ходжа Бакиргана, Аксу и Исфана сложился Худжандский район; в долинах речек Сойи калон, Шахристан, Басманда и левого рукава Аксу – Ура-Тюбинский район; в долине многоводной речки Исфара – Исфаринский и Канибадамский районы; в долинах Пан-

¹ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений... С.55.

² Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С.15.

³ Сухарева О.А. Бухара XIX – начало XX вв. С.113-182.

⁴ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.263.

газская Аштская, Мулламирская, Ашабская, Пунукуская – Аштский район; в долине Магияна – Пенджикентский район¹.

Районы Северного Таджикистана входили в одну географическую область, которая по рельефу, почвенно-климатическим, гидрогеологическим условиям и направлению хозяйства делилась на следующие пояса: 1) низинно-равнинный субтропический, хлопковый, занимавший сырдарьинскую долину; 2) предгорный, жаркий, хлопковый, раскинувшийся в предгорьях Туркестанского и Кураминского хребтов; 3) среднегорный, умеренный, фруктово-зерновой, располагавшийся в межгорных котловинах и ущельях Туркестанского, Кураминского и Зеравшанского хребтов; 4) высокогорный, холодный, скотоводческий пояс, находившийся в восточной части Верхнего Зеравшана².

Большое значение в развитии исторически сложившихся экономических районов, в формировании их типов имело и направление трасс главных путей областного и краевого значения. Худжандский, Канибадамский и Аштский районы пересекал торговый путь среднеазиатского значения, соединявший Ферганскую долину с Зеравшанской долиной и Ташкентом; через Ура-Тюбинский и Исфаринский районы проходили торговые и иные пути сообщения населения равнин и гор Таджикистана и Киргизии. Пенджикентский район находился на стыке дорог, связывавших Верхний и Средний Зеравшан, западную часть верховьев Зеравшана с Джизаком и Кашкадарьинской долиной. На территории Фальгарского, Матчинского, Ягнобского районов пролегли дороги, связывавшие их с равнинными районами Северного Таджикистана, Гиссарской долиной и Каратегином.

Худжандский район, с его субтропическим климатом и плодородными землями, считался самой густонаселенной территорией Северного Таджикистана³. Большинство населения этого района составляли таджики, которые

¹ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений... С.59.

² АтласТаджикской ССР. Душанбе, 1968. С.115.

³ Кушакевич А.А. Кишлаки Ходжентского уезда // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1872. Вып.1. С.25-48.

населяли худжандско-новско-присырдарьинский оазисы. По историческим преданиям, таджикское население района происходило из города Худжанда, Матчинского и Фальгарского районов.

Ура-Тюбинский район сложился у подножья западной, понижающийся части Туркестанского хребта, в долинах четырех горных речек селево-грунтового питания.

На большей территории Ура-Тюбинского района население размещалось весьма неравномерно¹. В 1905 г. по Ура-Тюбинскому району отмечено 68 тыс. человек. Большинство из них были таджики. Они сплошь населяли Ура-Тюбинский и Дальянский оазисы, составляли подавляющую часть населения Басмандинского и Ростровутского оазисов.

Исфаринский район образовался на северном склоне высокой части Туркестанского хребта, в межгорной долине речки Исфара. Район понижался с юга на север с 1400 до 700 м, тянулся на 60 км от ущелья Ворух в верховье речки Исфара до межгорного прохода Дахана. У Даханы речка выходила в присырдарьинскую равнину. Самой удобной для жизни частью района являлась долина речки Исфара, в которой сложился сплошной массив оазиса. Естественный ороситель района – речка Исфара – питалась от ледников и снегов Туркестанского хребта. Долина Исфары делилась на три части: южную - верхнюю, среднюю и северную – нижнюю. В Верхней Исфаре насчитывалось 11 поселений. Значительную часть Средней Исфары составляла правобережная Лякканская равнина, простиравшаяся на 35 км, шириной 6 км. На обоих берегах речки, у подошвы холма Чилдухтарон располагался городок Исфара. Далее на восток, у подножья холмов Чилдухтарон, Сангбури на склоне противоположного кряжа Гузлон находилось 11 поселений. В Нижней Исфаре располагались шесть селений. По статистическим сведениям 1907 г., в 28 поселениях Исфаринского района проживало более 20 тыс. человек. Большая часть из них населяла Среднюю Исфару, главным образом правобережную

¹Кушакевич А.А. Города Ходжент и Ура-Тюбе // Материалы для статистики Туркестанского. СПб., 1872. Вып.1. С.49-68.

Лякканскую равнину. В районе таджики составляли 81,6%, узбеки – 9,5%, киргизы – 8,0% населения района. В составе населения района выделялась этническая группа таджиков гальча – потомки переселенцев из Матчинского района.

Канибадамский регион образовался в западной части низовьев реки Исфары, у подножья кряжа Кухи сиех, на покатой к северу равнине, переходящей в древнюю террасу Сыр-дарьи. Жизненно важной частью района являлась обширная равнина с плодородным лессом. Она местами была размыта селями, следами которых являлись овраги и сухие русла. К северу от района на правом берегу Сыр-дарьи и на юге в предгорьях Туркестанского хребта расселялось скотоводческое население, тяготевшее к экономическим центрам Канибадамского района.

В зоне орошения каналов в Канибадамском районе образовалось пять больших и малых оазисов, в которых находились город Канибадам и около двух десятков сел. На покатой к северу равнине, переходящей в Канибадамском районе было отмечено почти 30 тыс. человек. Из них 15 тыс. человек проживали в г. Канибадаме, более 3,5 тыс. человек с семи пригородных селениях, которые вместе с городом составляли единый большой оазис.

«Основными занятиями населения Канибадамского района были многоотраслевое земледелие: шелководство с рисосеянием, хлопководство, садоводство и огородничество, шелководство, а также животноводство. Хлопок, овощи, коконы вывозились в Коканд и Исфаринский район, а урожай реализовался и в других областях Средней Азии. В XIX в большое промышленное значение приобрели хлопководство и садоводство. Было развито городское и сельское ремесло»¹.

Аштский район раскинулся на северо-восточной окраине Северного Таджикистана. Он находился в узле таких жизненно важных и разных по хозяйству и этническому составу населения областей и районов, как Ташкент-

¹ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений... С.76.

ский оазис – с запада, Северная Фергана – с северо-востока, Коканд – с востока, Канибадам – с юга.

Большой сплошной оазис находился в горной и предгорной долине реки Пангаз. В нем размещались два экономических подрайона с шестью крупными центрами такими как: городки Пангаз и Шайдан¹. В низовьях Пангаз-сая, в средней полосе равнины, на водах многочисленных ключей сложился Камышкурганский подрайон, состоявший из 10 селений и скотоводческой округи. Его торгово-ремесленным центром был городок Камышкурган. Жизненно важной являлась речка Ашт. В предгорной долине, которой вокруг малого города Ашт сложился одноименный большой оазис с экономическим подрайоном.

В низовье Ашт-сая, на равнине вокруг ключей образовался Акджарский оазис с 12 селениями и скотоводческой округой. В предгорной части долины реки Пунук-сая, на крайней северной границе Аштского района располагался Пунукский оазис с четырьмя селениями.

Население Аштского района размещалось неравномерно по большим и малым оазисам и в прилегавшей скотоводческой округе. Большинство жителей Аштского района были таджики.

Население возделывало зерно, выращивало фрукты. Доходными статьями садоводства являлась продажа яблок, тута, грецкого ореха. В равнинном Камышкурганском и Акджарском оазисах сеяли хлопок. Животноводство было развито в верхних кишлаках горных ущелий. Им занималось таджикское и узбекское население. Основными отраслями ремесел и промыслов были кузнечное дело, выделка паласов, бумажных тканей, приготовление тутового бекмеса, тутовой муки, топленного говяжьего жира.

В XIX в. вокруг выросших на оживленных путях между Аштском, Наманганом и Кокандом торговых селениях Акджар и Пунук сформировались два новых экономических микрорайона.

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968. С.55.

Пенджикентский район располагался в широкой части верхней части долины реки Зеравшан, на ее террасах и в предгорных равнинах Зеравшанского и Туркестанского хребтов. В районе Пенджикента ширина долины Зеравшана составляла 15 км.¹ С юга и востока прилегали исторически сложившиеся районы Магиян, Кштут, с севера – Офтобруя, а в 60 км к западу находился город Самарканд. Поступающие к реке Зеравшан с юга и севера горы и гряды разделили Пенджикентский район на два оазиса: центральный - с городком Пенджикент и прилегавшими к нему с запада и востока 17 селений, пригородными дачными местами и дальними кишлаками, и южный – предгорный с 24 кишлаками.

Оазисы питались водами мелких горных притоков Зеравшана, наполнявшихся водой таявших ледников и снегов Зеравшанского хребта, а также грунтовыми водами многочисленных ключей. Вода Зеравшана использовалась только для орошения посевов риса на низких террасах и в поймах реки. Основную часть района орошала горная речка Магиян.

Жители оазисов Пенджикентского района сеяли рис, пшеницу, выращивали овощи, дыни, фрукты. В 1889 г. на 640 танапах виноградников Пенджикентской волости было собрано 736 тыс. пудов винограда². Пенджикент являлся одним из животноводческих районов. Из сельскохозяйственных продуктов в соседние районы и области вывозились рис, фрукты и коровье масло. В конце XIX в. в районе не возникло новых территориально-экономических единиц. Городок Пенджикент оставался единственным центром обмена в своем и соседних районах Кштута, Фана и Магияна³.

В XVIII-XIX вв. в городе Самарканде жили в основном таджики, а в окрестностях вместе с узбеками. В частности, русский ученый В.В.Радлов, посетивший в 1868 году этот город, отмечает, что в нем жили только таджики, и на улицах можно было слышать только персидскую (т.е. таджикскую –

¹ Таджикиская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. Душанбе, 1984. С.46.

² Сборник материалов для статистики Самаркандской области на 1887-1888 гг. Самарканд, 1890. Вып.1. С.382.

³ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений... С. 77-78.

А.В.) речь¹. В Самаркандской области, согласно данным всеобщей переписи 1897 года, таджиков считалось 217 000². Богатейшей частью Зеравшанской долины являлся расположенный между двумя рукавами р. Зеравшан – Ак-Дарья и Кара-Дарья густо заселенный остров Мианкал.

Горную часть Зеравшанской долины составляли Фальгарская и Матчинская волости. Фальгарская волость разделилась на два аксакалства: Урметанское и Варизиминорское. В них было всего 1329 дворов. Матчинская волость начиналась кишлаком Оббурдон и кончалась ледником Зеравшанским. Она разделялась также на два аксакалства: Оббурданское и Пальдаракское. В них всего было 636 дворов.

Бухара – колыбель таджикско-персидской цивилизации стала одним из центров сложения таджикского народа. Территория нынешнего Южного Таджикистана в XVIII-XIX вв. входила в состав Бухарского эмирата. Население самого города Бухары, а также большинства регионов, в т.ч. Восточной Бухары, которые входили в состав Бухарского эмирата, было таджикским³.

Восточная Бухара охватывала огромную территорию, которая в настоящее время входит в состав Таджикистана и Узбекистана.

Нижние части широких долин крупных рек – Кызылсу, Вахша, Кафирнигана и Сурхана в XIX в., несмотря на ровный рельеф, и плодородной почве имели редкое население. Объяснялось это тем, что в Восточной Бухаре, как и в большинстве местностей Средней Азии в этот период, основным источником для орошения служили не столько сами крупные реки, сколько их боковые притоки, из которых при выходе их из гор было удобно выводить каналы. Крупные реки были многоводны, имели сильное течение, нередко их путь пролегал в глубоком ложе, поэтому выводить из них каналы, и особенно сохранить при высоком паводке примитивные головные сооружения было чрезвычайно трудно – для этого требовались усилия многих сотен, а то и ты-

¹ Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // Записки ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1880. Т.6. С.59; см. также. Соболев Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа // Записки РГО. Отдел статистики. 1874. Т.4.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXXXIII. СПб., 1905. С.48-49.

³ История таджикского народа. Душанбе, 2010. Т.IV. С.200-201.

сяч людей. Организовать такие работы могла лишь сильная централизованная власть. Поскольку такой не было, разрушенные в период завоеваний и междоусобных войн крупные ирригационные системы не восстанавливались, и освоение земель по берегам крупных рек шло медленно. Кроме того, сброс в низменные места излишков воды, использованной для орошения предгорий и подгорной равнины, приводил к заболачиванию обширных пространств в низовьях крупных рек. Помехой в освоении этих мест были еще невысокие горы и гряды, отделяющие долину одной реки от долины другой. Они были очень бедны водными источниками, да и дождей здесь, на юге, в течение всего жаркого периода почти не выпадал, отчего эти обширные низкогорья летом были почти пустынные, и только на зиму сюда спускались с отарами овец скотоводы, устраивавшие в лощинах у родников и колодцев свои зимовки.¹

Высокогорная зона совсем лишена постоянного населения. Необходимо отметить, что районы с многочисленными селениями протянулись полосой от города Куляба на север, а затем на северо-запад, захватывая бассейн верхнего течения Кызылсу (выше г. Бальджуана), бассейн Вахша (от границы с Каратегином и до Нурека), бассейн Иляка и далее всю Гиссарскую долину вплоть до Денау, включая предгорья и среднюю часть южного склона Гиссарского хребта. Эта полоса полукольцом охватывала массив малонаселенного Южнотаджикистанского низкогорья.

Наиболее населенной в Восточной Бухаре была Гиссарская долина. В восточной ее части (долина Кафирнигана до устья Иляка) плотность доходила до 61,2 человека на 1 кв км, приближаясь к показателю самого густонаселенного района всего ханства – долины Зеравшана. В западной части (долина Каратегина) плотность была значительно ниже (21,2), но все же больше чем во всех остальных районах Восточной Бухары. Русский путешественник и исследователь Е.К.Мейендорф отмечает, что «Хиссар расположен в хорошо

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.50.

возделанной долине, изобилиющей пастбищами, насчитывает примерно 2000 домов»¹.

Русский чиновник и исследователь А.Маев подчеркивает, что население Гиссарского края скученно почти исключительно в долинах верхнего течения рек Сурхана и Кафирнигана. Здесь располагались города Денау, Юрчи, Сари Осие, Регар, Каратаг, Гиссар, Душанбе, Кафирниган и Файзабад. От Денава до Гиссара имелось прямое сообщение через хребет Баба-таг. Северные города служили связью узбекского населения с таджиками горных кишлаков².

Густотой населения отмечалось не собственно плоское дно Гиссарской долины, а предгорья Гиссарского хребта и прилегающая к ним подгорная равнина. В предгорьях выпадало достаточное количество атмосферных осадков для посевов под дождь и имелось много земель, пригодных для вспашки. Подгорная равнина была удобна для орошения. Плоское дно Гиссарской долины в прошлом во многих местах было покрыто непроходимыми зарослями камыша и другой болотной растительностью. Около Денау, например, заболоченные места, занимали до 15 тыс. десятин.³ На летний период низменная часть Гиссарской долины становилась почти безлюдной – там оставались только те, кто наблюдал за посевами, все остальные жители переселялись на близлежащие холмы и предгорья, подальше от кишаших малярийными комарами болот и рисовых полей, а скотоводы перекочевали в горы.

Следующей местностью по плотности населения (18,7 жителя на 1 кв км) была долина Кызылсу (с верховьями, т.е. Сарихасором и Ховалингом), а также бассейн Яхсу выше Куляба. Здесь одной из наиболее удобных для земледелия и потому густонаселенных территорий был район Муминабада (на северо-востоке г.Куляба).

Значительно менее населенными были долины Сурхана и его правых притоков, а также бассейн Тупаланга (6,6 человека на 1 кв км), так как пред-

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.77.

² Маев И. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // Туркестанские ведомости. 1877. №7.

³ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.37.

горя в этом районе относительно маловодны, а в горах меньше пологих, склонов удобных для возделывания сельхозпродуктов. Обширные пространства низкогорий и степей на запад от долины Сурхана из-за недостатка атмосферных осадков использовались преимущественно как пастбища. Засеивались обычно те участки, на которые была возможность напустить воду во время весенних ливней и таким образом оросить поля хотя бы один раз. Здесь у колодцев и в долинах небольших ручьев большей частью пересыхающих летом, были разбросаны зимовья полукочевых узбеков, и только у родников и кяризов имелось оседлое узбекско-таджикское население, занимавшееся орошаемым земледелием.

Самым маловодным районом Восточной Бухары была Кургантюбинская равнина (0,9 жителя на 1 кв км), т. е. ныне густонаселенная плодородная Вахшская долина, знаменитая интенсивностью своего земледелия.¹ В конце XIX в. Вахшская долина была орошена лишь местами, преимущественно в северной части. Остальная ее территория представляла собой пустынное плато или непроходимые болота и тугаи, которые тянулись к северу от Кургантюбе; в этой местности на правом берегу Вахша, окруженная его притоками, находилась болотистая низменность Аралтугай. Летом она пустовала, а на зимовку сюда спускались полукочевые узбеки².

Такую же болотистую низменность представляло собой и место слияния Кызылсу и Яхсу (Кошулуш или Арал). Она тянулась до самого Пянджа и сливалась с тугаями, покрывавшими берега и острова могучей реки. Вся эта огромная болотистая низменность называлась Митантугай. Вдоль ее границ были раскинуты редкие кишлаки с пестрым в этническом отношении населением, частью оседлым, частью полукочевым.

В низовьях Кафирнигана располагался один из древних оазисов - Кабадиан. В XIX в. коренного населения там было мало и интенсивное некогда

¹ Более подробно о географическом положении и населении Курган-Тюбинской равнины см.: Юсупов Ш. Вахшская долина накануне установления Советской власти. Душанбе: Дониш, 1975. С.8-17.

² Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894. Вып.57. С.290-293.

земледелие находилось в упадке. Немало мест здесь было занято болотами или песками, подобно низовьям Сурхана и долине Амударьи¹.

Крупные селения и города располагались в Восточной Бухаре, как правило, на подгорной равнине, в местах выхода рек из гор. Они имели высокие стены, за которыми во время нападений укрывалось окрестное население, т.е. играли роль защитных пунктов, обороняя также и горные ущелья, при входе в которые располагались. Города были центрами ремесла и торговли. От крупных базарных селений они отличались тем, что имели соборную мечеть и цитадель, ибо служили местопребыванием бека, назначаемого эмиром или амлякдара, т.е. начальника земельно-податного участка. Однако далеко не все центры амлякдарств считались городами – для этого надо иметь давнюю традицию называться городом.

Расплывчатость понятия «город» объясняется тем, что дореволюционные авторы включали в их число ряд населенных пунктов, которые само местное население не называло городом, например Дербент, Сариасия и Ховалинг². Необходимо подчеркнуть, что в XIX в. границы города не были четко обозначены. Большинство горожан сочетало занятия ремеслом и торговлей с земледелием и обычно на лето переселялось в свои сады или летние усадьбы у полей, расположенные в пригородных селениях. Среди постоянных жителей пригородных селений было немало людей, занимавшихся наряду с земледелием и каким-либо ремеслом, например ткачеством. Поэтому пригородные селения рассматривались как составная часть города – как городские кварталы, хотя термин «гузар» (кварталы ремесленников) к ним и не применялся, их называли просто кишлаками.

На основании литературных данных структура городов представлялась в следующем виде. Центром города была цитадель – кала, или курган, с примыкавшими к ней или расположенными вокруг базаром и кварталами ремес-

¹ Более подробно о географическом положении и населении Кабадиана см.: Юсупов Ш. Очерки истории Кабадианского бекства в конце XIX – начале XX в. Душанбе: Дониш, 1986. С.8-29.

² О понятии «город» см.: Пирумшоев Х. Города Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. в трудах русских исследователей. Душанбе, 1998.

ленников. Некоторые авторы, в частности Лилиенталь в своей работе «Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекствам»¹, Статкевич в работе «Бассейн Каратагдарьи. Военно-статистический очерк»², Петров в «Путевые заметки классного топографа Петрова. 1884 г.»³ упоминают о том, что тот или иной город был обнесен глинобитной стеной, однако не всегда ясно, была ли стена вокруг пригородных селений или они оставались вне стен.

Город с пригородными селениями местное население обозначало термином гирди курган (то, что вокруг цитадели). Так, по данным Статкевича, одно из амлякдарств Денауского бекства называлось Гирди-Курган, оно состояло из города Денау, в котором было 90 дворов, расположенных внутри цитадели, и 17 пригородных селений, в каждом из которых было от 5 до 30 дворов. Всего в амлякдарстве Гирди-Курган (включая 90 дворов собственно города) около 325 дворов⁴.

В отличие от Денау в Кулябе было два амлякдарства Гирда-Курган и – боло (верхний) и поен (нижний). Куляб был расположен на рубеже этих амлякдарств, которые включали в свои границы не только пригородные селения, но и более широкую округу – всю долину среднего течения р. Яхсу и предгорья⁵. Н.А.Маев отмечал, что «Куляб занимает весьма небольшое пространство, в пределах городской стены считается 400 домов, кругом города, на огромном пространстве, разбросаны сады»⁶.

В XIX веке Куляб был одним из наиболее значительных центров ремесла и торговли Восточной Бухары и как по структуре, так и по значению представлял собой типичный позднефеодальный среднеазиатский город⁷. В той

¹ Лилиенталь. Маршруты по Гиссарскому и Кабадиан. бекству // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894. Вып. LVII. С.346.

² Статкевич. Бассейн Каратагдарьи. Военно-статистический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894. Вып. LVII. С.346-347, 356, 357.

³ Петров. Путевые заметки классного топографа Петрова. 1884 // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1886. С.89, 91.

⁴ Статкевич. Бассейн Каратагдарьи. С.346-347, 356, 374.

⁵ Более подробно о географическом положении и населении Кулябского бекства см.: Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века. Душанбе, 1964. С.12-17.

⁶ Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1879. Вып. V. С.218.

⁷ Там же. См. также: Пирумшоев Х. Города Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. в трудах русских исследователей. Душанбе, 1998.

или иной степени приближались к нему, вероятно, и такие центры бекства, как Хисар, Кабадиан и Шерабад. Но ряд городов, в частности те, которые в конце XIX века перестали быть центрами отдельных владений или бекств как Сариджуй, Регар, Файзабад, можно было назвать городами лишь условно, поэтому вопрос о соотношении городского и сельского населения по существу, остается открытым¹.

В расселении таджикского сельского населения наблюдалась определенная закономерность. Их численность нарастала по мере продвижения с запада на восток и с юга на север, т.е. из равнин в горы.

В этнографической литературе не раз указывалось, что таджики как коренные жители Средней Азии делились на локальные группы. Таджики Восточной Бухары подразделялись на ряд территориальных групп: это коренные жители крупных историко-культурных областей (например, кулоби – кулябцы, каротегини – каратегинцы), или районов меньшего размера (обычно бассейна той или иной горной речки или части ее, например варзоби – население бассейна р. Варзоб), или жители города или крупного селения и прилегающих к ним кишлаков (байсуни, дарбанди, панджоби и т.п.). К числу территориальных можно отнести и те группы таджиков, которые различались по географическим особенностям места их обитания (например, кухистони – горцы, вилояти – жители крупных культурных оазисов и т. п.).

Каждая этнографическая группа в той или иной степени отличается друг от друга топонимикой, имели названия по территории проживания, но если брать во внимание материальную и духовную культуру можно увидеть много общего. Особенно это относится к населению таких историко-культурных областей, как Куляб. В прошлом последний почти всегда был независимым владением, а его население имело длительную историю самостоятельного развития. В значительной степени то же можно сказать и относительно Каратегина. Поэтому кулябцы и каратегинцы рассматривались как этнографические группы локального типа первого порядка, а жителей отдельных истори-

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.41.

ко-культурных районов (таджики Ромита, Варзоба, верховьев Тупалангдарьи и др.) как локальная группа второго порядка.

В бассейнах Восточной Бухары существовали две основные этнографические группы таджиков: чагатаи и кулоби. Чагатаи составляли 23,4% всех таджиков Восточной Бухары, а кулябцы – 60%¹. Остальные группы были немногочисленны.

В низовьях Кафирнигана – в Кабадиане и Бешкенте в XIX в. таджики составляли большинство населения. В Кабадиане таджиков насчитывалось 1645 (59,8%) человек. В Бальджуане (бассейне верхнего и среднего течения Кызылсу) таджики составляли 60,9% всего населения. По мнению исследователя Б.Х.Кармышевой, предки большинства таджиков Бальджуана относились к чагатаям². Крупный русский исследователь А.А.Семенов отмечал, что в 1898 году он слышал в кишлаке Япуч (Ефуч – на правом берегу нижнего течения р. Хингоу) «местные таджики называли себя таджиками-чагатай», причем прибавляли, что весь Дарваз населен ими. «Действительно, - пишет далее А.А.Семенов, - потом пришлось это название два-три раза услышать еще в некоторых кишлаках за Япучем к Дарвазу»³.

Исконным и основным местом расселения таджиков – кулоби была область Куляб – бекства Кулябское и Бальджуанское. Таджики занимали здесь почти исключительно горные местности, окаймляющие полукольцом с запада, севера и востока центральные и южные низменные районы, - бассейн верхнего течения рек Яксу и Кызылсу, весь бассейн р.Обинию. Районами почти сплошного таджикского расселения были Даштиджум (долина р.Обинию), Ховалинг (долина р. Обимазор левого притока Кызылсу), Сарихасор (бассейн верховьев Кызылсу, носящего здесь название Шуробдара), северная часть Бальджуана (в той же долине Кызылсу, но ниже Сарихасора) и Муминабад (долина левых средних притоков Яксу – верховья рек Обилянгар и Обитебалай).

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.45.

² Там же. С. 58.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С.23.

Яхсучи – жители бассейна верхней части р. Яхсу. Помимо своей исконной территории большое их число проживало в Ховалинге и прилегающих к нему селениях, а также в районах Муминабада и в верховьях рек Обилянгар и Обитебалай.

Шуробдарачи – жили в бассейне самой верхней части Кызылсу – Шуробдара; значительное число их было в районе Кангурта и Дангары, т.е. в бассейне верхнего и среднего течения р. Таирсу, правого притока Кызылсу.

Бальджувони – основная группа населения центральной части Бальджуана, а также селений Саталомуш и Садаибарда (к северу и северо-западу от Бальджуана) и окружающих их кишлаков. Кроме этой исконной территории полоса, заселенная бальджувони, протянулась на юг, где она расширялась.

Кроме того, дарачи жили в горной долине, расположенной на северо-восток от Бальджуана, даштаки – в бассейне правого притока Кызылсу у устья которого расположен Бальджуан.

Юго-Восточная часть Куляба также делилась на несколько историко-культурных районов, таджикское население которых имело особенности в говорах и культуре. Среди них выделяются Муминабад, Даштиджум, Кульшь, Саричашма и г. Куляб с округой.

Все таджики Куляба за пределами области называли себя кулоби, противопоставляя себя каратегини, дарвози (жители Дарваза) и одамои пойон (равнинные жители) – последним названием кулябцы определяли таджиков Душанбе, Худжанда, Самарканда и Бухары. Таджиков Гиссарской долины кулябцы называли вилояти¹.

В пределе Куляба таджики-кулоби довольно компактно были расселены по среднему течению р. Кафирнигана и прилегающим к нему горам, занимая территорию, ограниченную на западе восточным склоном хребта Бабатаг, на востоке долиной Обикиик, на севере г. Хисаром, а на юге кишлаком Кызылкала у переправы на Вахше. Наиболее крупными кишлаками на этой терри-

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.60.

тории были: Даганакиик, Богак, Касабулак, Хаджибай и Ябу. Группа таджиков кулоби были и по Ханакадарье, причем не только в ее низовьях, но и в верховьях, - это кишлаки Арбоби, Кипчак, Алмаси и др. Таджики-кулоби жили в большом кишлаке Туда и в нескольких других его окрестностях. Таджики-кулоби жили также в Рохати, Ромите и Файзабаде.

Под названием газымалики была известна среди окружающего населения группа таджиков, разместившаяся по склонам невысокого маловодного хребта Газымалик, а также в прилегающей к нему части долины Кафирнигана и на восточном склоне Бабатага. Основными их кишлаками были: Дахана – Хаджибай, Бибихурум, Карабулак, Оличабулак, Богак, Косабулак, Шурманка, Шурион (здесь жили вместе с узбеками племени дурмен), Мингачар, Айбулак, Ангули, Чинарисухта.

Таджики, считавшие себя исконным населением бассейна Варзоба, называли себя варзоби. Они жили в кишлаках по среднему течению этой реки, выше кишлака Дахана, т.е. до выхода реки из гор. Их селения располагались также и в боковом ущелье по левому ее притоку – Душоха (Косона)¹.

Таджики бассейна верховьев Кафирнигана называли себя ромити, так как этот горный район, расположенный между Гиссарским и Каратегинским хребтами, среди местного населения носил название Ромит или, чаще Ромит. Центром этого историко-культурного района являлось одноименное селение, находившееся у впадения р. Сардаи – миена в Кафирниган. Будучи жителями горной страны, ромити называли себя еще и кухистони. Ромит - район сплошного таджикского расселения, но уже за его нижней границей начинается смешанная таджикско-узбекская территория (тюрки, карлуки).

В кишлаках, разбросанных по горным ущельям многочисленных истоков Тупалангдарьи, жили исключительно таджики. Как отмечает исследователь И.К.Хидояттов, население долины Сурхана, называли их горцами – кухистони сами себя они называли по имени своих кишлаков, например малянди

¹ Неменова Р.Л. Таджики Варзоба. Душанбе: Дониш, 1998. С.31-34.

(маляндцы), хурвотони, зевари и т.д.¹ Жители мелких кишлаков данного ущелья, попадая в другие местности, именовали себя по более широко известному крупному кишлаку, название которого прилагалось нередко и к данному ущелью, а также к протекающей по нему реке. Наиболее известными кишлаками были Чош, Дугоба и Карш.

В конце XIX в. среди таджиков Восточной Бухары, вероятно, существовал еще ряд этнографических групп.

Таким образом, в XIX в. таджикский народ заселял значительные территории Бухарского и Кокандского ханств. Верховья Зеравшана и Гиссара входили в состав Бухарского ханства, Канибадам, Исфара, временами Дарваз и Каратегин - в состав Кокандского ханства.

Необходимо подчеркнуть, что опираясь в большинстве случаев на материалы второй половины XIX века, мы сознательно исходили из вероятности, того, что к этому времени этнический состав таджиков почти не изменился. Невозможно точно определить число населения Восточной Бухары и Памира. Однако, исходя из различных источников, относящихся к концу XIX в., возможно приблизительно определить, что число жителей этих районов составляло около 400 тыс. По числу населения первое место занимали таджики. Горные районы Ширабада, Денау, основная часть Байсуна, Сары-Джуя, южные отроги Гиссарского хребта (ущелья Ширкен-Дарьи, Каратаг-Дарьи, Ханака-Дарьи, Лучоба, Варзоба, Семиганча и Дашти-Будона, горные районы Куляба, Каратегина, Дарваза, Памира в основном были населены таджиками). Долину Дашти-Будона начали заселять с 40-50-х гг. XIX в. В ней имелось более 30 кишлаков, жителями которых были таджики, переселившиеся из горных районов Куляба и Рамитского ущелья. По утверждению старожилов, такие селения, как Кальаи-Дашт, Элокдара, Суфи-мирзо, существовали уже более 100-120 лет тому назад. В таких крупных городах и поселениях,

¹ Хидояттов И.К. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана // Из истории культуры народов Узбекистана: сб. статей. Ташкент, 1965. С.131.

как Гузар, Ширабад, Байсун, Келиф, Регар, таджики дружно жили вместе с узбеками.

Второе по числу населения место принадлежало узбекам из различных племен, родов, колен, живших в долинах Сурхан-Дарьи, Гиссара, Явана, Куляба, Вахша и Бешкента. В Сурханской долине жили в основном племена Кунград, родиной которых считался Термез; в Гиссарской – Юзы, марка, барлос, тюрки; в Яванской и Кулябской - карлуки и локайцы; в Сурхане, Кулябе, в нижних течениях Вахша и Кафирнигана жили узбеки-катаганцы, родиной которых считался Кундуз¹.

Кроме таджиков и узбеков, в Восточной Бухаре жили и киргизы разных родов; в основном они селились в восточной части страны, в частности в Каратегине, Гиссаре и на Восточном Памире.

Таким образом, в некоторых местах центральных и южных районов современного Таджикистана таджики жили совместно с узбеками, а в восточных районах – вместе с киргизами.

Во второй половине XVIII – середине XIX вв. в Курган-Тюбинском вилояте и некоторых других местах Восточной Бухары стали селиться кочевники – туркмены-эрсаринцы, приходившие сюда из Чарджоуской области современного Туркменистана и частично из Афганистана. Тогда же на территории современного Таджикистана проживали также евреи, иранцы, афганцы, арабы, лезгины, армяне, индийцы.

Юго-Восточную часть Бухарского эмирата составлял Каратегин, который располагался по среднему течению реки Вахш. Каратегин представлял горную страну, прорезанную посередине с северо-востока на юго-восток реки Сурхаби заключающую в своих пределах южных склон Гиссарских и Алайских хребтов, долину Сурхаба и северные склоны хребта Петра Великого².

¹ Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.103.

² Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879. С. 197-198.

На юге Каратегин высоким хребтом Петра Великого отделялся от Дарваза. В середине XIX в. нем было около 400 кишлаков, в среднем по 30 дворов в каждом, причем кишлаки объединялись в 22 группы, каждая из которых управлялась беком¹.

Дарваз расположен по обе стороны реки Пяндж. На востоке Дарваз граничил с Памиром. Здесь в основном жили таджики. Они занимались земледелием и скотоводством. Суровая природа страны мало обеспечивала жителей, поэтому мука из сушеных тутовых ягод составляла в зимнее время самую обыкновенную их пищу. Довольно важной отраслью была охота на лисиц, куниц, медведей, диких коз и т.п.

В Восточной Бухаре располагалась долина Ванча. Ванчское амлякдарство в административном отношении подчинялось Дарвазскому бекству. В его состав входили 49 кишлаков с населением 3800 человек².

По течению реки Хингоу лежала небольшое горное владение Вахие. В административном отношении Вахие подчинялся беку Дарваза. Жители Вахие – таджики говорили двумя отдельными наречиями. Верхняя часть Вахие сильно различалась от нижнего Вахио. Оно было близко к каратегинскому наречию. Жители Вахие называли себя вахиечи.

На юг от восточной части Дарваза находился Рушан. Рушанские кишлаки тянулись от Бардара вниз по Бартангу до впадения его в Пяндж. На Бартанге находились кишлаки Бардар, Чадут, Балит, Аджирх, Рит, Багу и др. Жители Рушана были таджики и занимались земледелием и охотой.

К югу от Рушана находился Шугнан, жителями которого были таджики. Шугнан наполнен горными хребтами. Он орошался двумя большими горными реками - Гунтом и Шахдарой, и мелкими речушками.

Крайнюю провинцию Бухарских владений в западной части Памира, расселенную таджиками, представлял Вахан – страна расположенная по реке Вахандарье.

¹ История таджикского народа. Т.IV. С.322.

² Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз. Душанбе: Ирфон, 2008. С.119.

Таджики, некогда сплошь населявшие Ферганскую долину, постепенно на протяжении веков в силу ряда обстоятельств, в частности, под давлением тюркских племен были оттеснены победителями на берега горных рек. По данным «Ежегодника Ферганской области» (1902. Т.1) в конце XIX века там проживало 172200 таджиков, из которых большое число проживало в западной и северо-западной частях области, в том числе в Кокандском, Андижанском, Наманганском, Ферганском уездах и т.д. В 1890 г. в Маргилане по официальным данным проживало 16 000 таджиков¹.

В городах и районах Риштан и Сох Ферганской долины также с давних пор проживали таджики². О древней истории Соха свидетельствуют пещеры Оби шир, которые известны в археологии как «новая культура Соха». По данным историка Я.Г.Гуломова, Сох как город существовал в первом тысячелетии до нашей эры. О средневековой истории Соха имеются сведения у арабских путешественников и ученых X века Истахри, Ибни Хаукаля, Макдиси, а также в книге «Худуд-ул-олам» (X век) и записках Бабура. В XVII-XVIII вв., в период феодальной раздробленности Сох становится самостоятельным бекством и с конца XVIII в. до его ликвидации в 1876 г. находился в составе Кокандского ханства, а впоследствии присоединяется к России.

В западной части долины, проживали больше всего матчинцы, в восточной части, начиная с Соха, проживали таджики Каратегина, Дарваза и Бадахшана, в том числе Гунта, Шугнана и других.³ Переселения горных таджиков в Ферганскую долину отмечал еще Захиддин Бабур.⁴ Основная часть этих переселений имела место в XVIII и первой половине XIX в., в период продолжительных феодальных войн. В XIX в. таджики указанных районов прибывали сюда в поисках работы. В Ферганской долине большинство пересе-

¹ Этнографический состав населения Маргеланского уезда с указанием места проживания 1890 г. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф.28. Оп.1. Д. 532. См. также: Бабаханов М. История таджиков мира. С.140-141.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.LXXXIX. Ферганская область. СПб., 1905. С.60-61.

³ Кисляков Н. А. Таджики долины Соха // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии / Тр. АН Тадж ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т.17. Сталинабад, 1953. С.111-119.

⁴ Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. Тошкент: Юлдузча, 1989. С.5-9.

ленцев были из Каратегинской долины. Большинство рабочих хлопкоочистительных и маслобойных заводов составляли таджики Каратегина и бекств Восточной Бухары.

В Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области таджики жили в верхних частях рек Чирчика и Ангрена отдельными селениями между сартами и узбеками. Река Чирчик брала начало в высоких, снежных хребтах гор Алатау и верховьях носил название Чаткал. Чаткал изменял свое название на Чирчик у селения Чимбайлик. По Чаткалу и его притокам, главным образом были поселены таджиками. Что касается самого города Ташкента, то в нем жило значительное число таджиков. Этнограф Н.Г.Маллицкий, лично исследовавший этнический состав населения города, в 1890 г. написал, что до недавнего прошлого население города составляли таджики¹. Приводя в доказательство своих слов как пример названия некоторых кварталов города – Себзор, Падаркуш, Пуштибог, Хиебон, Лабзак, Сагбон, Пуштихаммом, Парчабоф, Говкуш, Тахтапул, Каллахона, Дарвозаи Камолон и других, продолжает свою мысль, что население Ташкента только по языку стало тюркским, а в плане этническом – остается таджикским. Такую же точку зрения еще раньше высказал русский ученый А.М.Хорошхин. «Ташкентцы в основном остаются теми же таджиками, которые смешались с узбеками и потеряли родной язык», - пишет он². По данным 1897 г. в Сыр-Дарьинской области куда входил и Ташкентский уезд, проживало 130000 таджиков³.

Русский офицер и этнограф А.Д.Гребенкин в своей статье «Таджики» так описывает проживание таджиков в других регионах: «С занятием города Туркестана (1864) мы вступили в страну таджиков, и чем далее мы с того времени продвигались на восток и юг, таджикское население встречалось чаще и чаще, наконец, в западных отрогах Тянь-шаня, из которых берут свое начало реки Чирчик, Ангрэн, Аксу и Зарафшан, оно обратилось в преобла-

¹ Маллицкий Н.Г. В географическом обществе // Туркестанские ведомости. 1899. № 99.

² Хорошхин А.П. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1874. Вып. С. 10.

³ См.: Шишов А. Таджики. С.99.

дающее над тюркским, а местами – в совершенно сплошное таджикское без примеси другой народности»¹. По данным указанного автора, таджики в 1872 г. проживали в пяти городах Зеравшанского округа – Самарканде, Ургуте, Каттакургане, Пенджикенте и Паншанбе, а также в пятистах пятидесяти двух селах. Кстати, во время своего путешествия в Бухару в 1820-1821 гг. Е.К.Мейендорф увидел на книжном базаре города экземпляр «Шахнаме», который имел 50 иллюстраций Кашмирского графика на коже, сюжет которых был взят из поэмы Абдулкасима Фирдоуси. Накануне падения эмирата в Бухаре функционировали 25 медресе, в которых обучалось свыше 30 тысяч человек. Население Бухары до революции составляли в основном таджики. Об этом свидетельствуют различные источники. Русский дипломат и путешественник Е.К.Мейендорф, который находился в составе Российского посольства в Бухаре с 20 декабря 1820 по 10 марта 1821 г., неоднократно повторял, что, начиная от границы эмирата, и до самого города представители хана встречали его словами «Хуш омадед». Автор свидетельствует, что близ Вобкента четверо местных служащих, встретив посла России господина Негри, передали ему приветственное письмо хана. Один из них, родственник хана, не владел языком фарси. Это был единственный служивый узбек из встретившихся ему людей, который не знал персидского языка. Во время встречи с ханом Негри произнес речь на фарси. В то время, по данным Мейендорфа, в Бухаре в 8 000 семьях жили 70 000 человек, три четверти которых составляли таджики. Из этого источника ясно, что тогда в эмирате проживало 650 000 таджиков.²

Молодой русский дипломат и востоковед Н.В.Ханыков, который приехал в Бухару в составе другого российского посольства через 20 лет после Мейендорфа, свидетельствует, что основным населением Бухары являются таджики³.

¹ Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политической выставки. М., 1872. Вып.2. С.19.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.95.

³ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 53-54.

Таджики были коренным населением и Кашкадарьинской долины. Жили они там с древнейших времен. Центром был Кеш (нынешний Шахрисябз). Древний таджикский город Насаф был центром Кашкадарьинской долины, после завоевания арабами Мавераннахра стал больше известен под названием Насаф. Позднее Насаф был переименован в Карши. Насаф – Карши был одним из центров формирования таджиков. Таджики с древних пор жили также в районах Гузара и Дехканабада Кашкадарьинской долины. Населенные таджиками Кашкадарьинской долины до Октябрьской революции были также Шахрисябз, Китоб, Карши и Гузор. По данным русского ученого А.Л.Куна, который принимал участие в военно-научной экспедиции 70-х гг. XIX в. в Зеравшанскую долину, почти половина населения Шахрисябза и большинство населения Китаба составляли таджики¹.

В долине Сурхана также таджики проживали с древних времен, и их родина носила название Чагонруд. Чагонруд состоял из двух областей – Чагониена и Термеза. В первую входили северные районы нынешней Сурхандарьинской области, во вторую – южные районы этой области. Обе имели своих правителей. В эпоху Саманидов (в 933 г.) Чагониеном владеют эмиры из династии Мухточиев. После низвержения династии Саманидов Чагониен входит в состав тюркских государств, его столица Чагониен год от года приходит в упадок и в XVI веке появляется новый город с именем Дехнав.

Город Бойсун также с давних пор был одним из населенных таджиками городов. Накануне размежевания половина его населения и 14 окружающих деревень (почти 70%) составляли таджики. О древности Бойсуна свидетельствует «Худуд-ул-олам». В истории таджикской цивилизации неповторимую роль сыграл и город Термез.

В Хорезме также проживали предки таджикского народа – хорезмийцы. Позже, с приходом к власти тюркоязычных династий их число росло, а чис-

¹ Кун А.Л. Очерк Шахрисябзского бекства // Известия РГО по отделению этнографии. СПб., 1880. Т.6. С.203-237.

ленность персоязычных стала уменьшаться. Но, несмотря на это, в XIX в. число таджиков было велико¹.

Ассимиляция коренного ираноязычного народа с кочевыми племенами тюрков и монголов охватывает длительный исторический период. Оседание в Средней Азии тюркоязычных народов представляло собой повторяющийся процесс, на протяжении веков такие переселения повторялись неоднократно подобно морским волнам, и каждый раз их большое число оставалось на территории Средней Азии. Таким образом, соотношение численности коренного населения – таджиков – меняется в пользу кочевого населения. Оседание на территории Средней Азии кочевых племен тюрков, монголов, принятие ими оседлого образа жизни, политика государств тюркских династий привели к тому, что таджиков уничтожали, вынуждали покидать обустроенные земли и селиться в горах и ущельях. Таким путем численность таджиков в долинах стала, постепенно сокращаться.

Принятие тюрками и монголами ислама ускорило ассимиляцию таджиков. Единая исламская религия способствовала тому, что ее последователи создавали семьи независимо от национальной принадлежности, что также способствовало смешению. Этот процесс особенно ускорился с XVI в., после вторжения в Среднюю Азию узбекских кочевых племен во главе с Шейбаниханом. Конечно, смешение различных народов является двусторонним процессом. Но поскольку мощью и властью обладали тюркские племена, этот процесс большей частью развивался в пользу узбеков.

Опираясь на имеющиеся фактах, академик Р.М.Масов пишет, что таджики, уставшие от постоянного противостояния с превосходящими силами кочевых племен, покидая родные места, уходили в неприступные, естественно защищенные узкие горные долины, тем самым, сохраняя свою этническую чистоту². Вместе тем, основная масса таджикского народа оставалась в созданных ими же на протяжении многих веков культурных центрах Средней

¹ Данилевский Г.И. Описание Хивинского ханства // Записки ИРГО. СПб., 1851. Вып.5. С.62-159.

² Масов Р.Таджики; вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 1994.

Азии. Таджики, не решавшиеся покинуть родные, обжитые места, оказывались в самом тяжелом положении. Тем не менее, они были нужны завоевателям как представители народа высокой культуры, науки, развитого литературного языка, искусства и ремесел. Немаловажную роль играло и то, что таджики обладали огромным практическим опытом, талантом государственного управления и строительства, чем не могли не воспользоваться тюрко-монгольские кочевники.

2.2. Этнографическое изучение таджиков в первой половине XIX века

В первой половине XIX века развивается городская жизнь, ремесленное производство, товарно-денежных отношений и усиливаются экономические связи с Россией, были восстановлены оросительные системы на Зеравшане, Аму-Дарье и Кашка-Дарье, благодаря чему началось оживление жизни в Самарканде, его округе и в ряде заброшенных прежде оазисов¹.

К началу XIX в. значительно укрепилось Кокандское ханство – новое для Средней Азии государство. При правлении Алимхана и Омархана (1798-1822) оно охватывало всю Ферганскую долину, включая Худжанд. В него входили также владения Ташкент и Туркестан. Впоследствии Коканду подчинялись владения Каратегина, Дарваза, Куляба (временно), и Северной Киргизии². В целом происходил прогресс экономической жизни, развитие городов Ферганской долины, в том числе и северных районов Таджикистана. В этом, по мнению этнографа Н.О.Турсунова, заключалась одна из особенностей нового периода истории народов Средней Азии, в том числе и таджиков³.

К началу XIX в. на территории Средней Азии существовали Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханств. Новый период характеризовался расширением культурных оазисов, городов Средней Азии. Так, «хлопчатая бумага», т.е. хлопок, очищенный от семян, бумажная пряжа, бумажные и шелковые материи, стеганные халаты, одеяла в большом количестве покупались местными потребителями.

Большое значение для развития ремесленного производства Средней Азии имела торговля с Россией. Еще в первой четверти XIX в. в Россию из Худжанда (Ходжента) и Коканда в значительном количестве вывозили выбоек крашенных холстинок и халатов, особенно же хлопчатой бумаги. Поэтому Россия была заинтересована в установлении и укреплении торговых связей

¹ Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья // Сочинения. М., 1963. Т. П. Ч.1. С.272-280.

² Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений... С.42.

³ Там же.

со Средней Азией. С этой целью был послан ряд посольств в этот край. Посланники наряду с установлением дипломатических и торговых отношений собирали большое количество материала о жизни и быте среднеазиатских народов, в том числе таджиков.

В первой половине XIX в. изучение русскими среднеазиатских ханств достигло значительных успехов еще до подчинения ханств русской власти. Путешествия в Бухару и в Хиву в то время совершались обыкновенно из Оренбурга, в Кокандское ханство - из пунктов Иртышской линии¹. Результаты этих путешествий могли быть использованы для науки в большой степени, чем прежде, отчасти благодаря деятельности ориенталистов, представителей учрежденных в начале XIX в. университетских кафедр восточных языков.

В 1813 г. в Среднюю Азию, в том числе в северные районы нынешнего Таджикистана совершил путешествие русский путешественник и посланник Ф.Назаров. В том же году по поручению генерал-лейтенанта Г.И.Глазенапа Ф.Назаров выехал в Коканд с целью уладить инцидент, возникший в связи с убийством в Петропавловске кокандского посланника, возвращавшегося из Петербурга. Ф.Назаров вместе с купеческим караваном двинулся через казахские степи в Коканд. После прибытия в эту страну он проживал в Ферганской долине около года, посетил ряд городов и селений, а затем через Ура-Тюбе и Худжанд проехал в Ташкент, оттуда в августе 1814 г. отправился в Россию. По возвращении на родину написал работу «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филипа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813-1814 гг.». Она была опубликована в Петербурге в 1821 г. Второе издание этой работы с дополнением было опубликовано позже под названием «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии»². В работе имеются различные сведения о городах и селениях Средней Азии, в т.ч. Северного Таджикистана и их насе-

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.439. См. также: Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения в XVI – середины XIX вв. в русской историографии. Душанбе, 2000. С.133-280.

² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968.

ления. Говоря о городе Ура-Тюбе, Ф.Назаров пишет следующее: «Город Ура-тюпа... чрезвычайно многолюден, улицы в одном тесны, дома сложены из глины; есть фабрики, на коих выделяются пуховые шали»¹. О городе Худжанде пишет так: «Ходжент не уступает обширностью Коканту(Коканду – А.В.). В городе проведены каналы, находятся фабрики и вообще все те заведения, как и в Коканте, жителей весьма много»². Описывая свой путь через Ашт, Ф.Назаров упоминает небольшой городок Шайдан и местечко Мулла Мир, население которых занималось хлебопашеством, разведением фруктовых садов, нанималось погонщиками верблюдов и охранниками торговых караванов, следовавших между Ташкентом и Кокандом через проход Кындиртау.³

С целью установления дипломатических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами в 1820 г. царским правительством было организовано посольство во главе с действительным статским советником А.Ф.Негри. В составе посольства кроме дипломатов были ученые и путешественники. Среди них были офицер генерального штаба Е.К.Мейендорф (секретарь посольства) и натуралист Э.А.Эверсман. В качестве основной цели посольства А.Ф.Негри предусматривались переговоры о расширении торговли между двумя государствами. Ввиду того, что правящие круги России были чрезвычайно заинтересованы в развитии русско-бухарских экономических связей и укреплении политических позиций в ханстве, миссия Негри по инструкции должна была собрать материалы о природных ресурсах, правилах среднеазиатских ханств, их отношениях между собой, а также с Афганистаном, Ираном, Османской империей, Е.К.Мейендорфу было поручено «Наставление...касательно обозрения Киргизской степи во время следования... с посольством в Бухару».

Участие в поездке специалистов различного профиля во многом способствовало всестороннему изучению среднеазиатских государств. Путешествие

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. С.53-54.

² Там же. С.54-55.

³ Там же. С.55.

было описано этими двумя членами посольства – Е.К.Мейендорфом на французском языке и Эверсманом на немецком¹.

Е.К.Мейендорф был первым из числа русских путешественников, кто после возвращения из поездки не ограничился только представлением официального отчета правительству, а собрал большое количество материалов по традиционной культуре среднеазиатских народов, в т.ч. таджиков. В целях написания и издания отдельной книги на основе собранных им материалов он приступил к их разработке. В 1826 г. книга Е.К.Мейендорфа под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухару» вышла в свет на французском языке в Париже и на немецком в Йене (Германия).

В 1827 г. краткое изложение книги под тем же названием «Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. бароном Мейендорфом» было опубликовано на страницах газеты «Русский инвалид». В 1834 г. была опубликована сравнительно большая статья под названием «Путешествие Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса» в журнале «Библиотека для чтения»². И, наконец, спустя 150 лет после первого издания, в 1975 г. издательством «Наука» было издано «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К.Мейендорфа в полном объеме на русском языке³.

По своей структуре «Путешествие» делится на три части, каждая из которых состоит из 5-8 глав. Сведения о климатических условиях, рельефе и водных ресурсах отдельных районов и городов нынешнего Таджикистана содержатся во второй части. Несмотря на то, что Е.К.Мейендорф не смог разъезжать по всей территории Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, тем не менее, ему удалось путем встреч с купцами, паломниками, путешественниками, местными чиновниками собрать разнообразные и интересные сведения, более или менее достоверно описать многие города и районы Средней Азии и привести немало интересных сообщений о Восточной

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.434. См. также: Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения... С.155-168.

² Бокиев О.Б. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей. Душанбе, 1991. С.79.

³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.

Бухаре, где в основном проживали таджики. Больше всего и наиболее достоверные сведения в книге содержатся о городах Бухаре, Худжанде, Ура-Тюбе, Ромитане, Гиссаре, Каратаге, Регаре, Файзабаде, о Кулябском, Каратегинском, Дарвазском, Шугнанском и Бадахшанском владениях.

Вот как Е.К.Мейендорф по расспросным сведениям приводит описания о Гиссаре: «Хисар расположен в хорошо возделанной долине, изобилующей пастбищами, насчитывает примерно 300 домов. Жители этой страны почти все узбеки. Среди них лишь немного таджиков, в большинстве очень богатых»¹. Здесь необходимо отметить, что автор допустил ряд неточностей, в частности в определении количества таджиков в Гиссаре. Исследования Б.Х.Кармышевой показали, что большинство населения Гиссарского владения (впоследствии бекства) были таджики². То же самое о Рамите и Кулябе. Согласно сведениям Е.К.Мейендорфа, в начале XIX века Рамит был большой город, а в Кулябе было 3000 домов. Ограничившись только сведениям путешественников, Е.К.Мейендорф отмечает, что «все эти города населены узбеками, большая часть которых – земледельцы»³. Эти сведения также не соответствуют действительности. В этих городах основное население были таджики, а узбеки составляли очень малую часть населения.

Далее Е.К.Мейендорф отмечает, что в горной области к востоку от Бухары и к северу от Хисара живут гальча, бедный, но независимый народ. Он считает, что «гальча – мусульмане – сунниты, русские путешественники называют их восточными персами, так как они говорят по-персидски и не знают никакого другого языка. Чертами лица они сильно отличаются от таджиков. Цвет их кожи смуглый и даже темнее, чем у бухарских арабов. Жилищем им служат жалкие хижины, выстроенные в лощинах между гор. Они занимаются земледелием, имеют немного быков и очень мало лошадей»⁴.

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.77.

² Кармышева Б.Х. Этническая история южных районов Таджикистана и Узбекистана. С.46.

³ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.120.

⁴ Там же. С.78.

Говоря о Худжанде, он пишет «Ходжент лежит на берегах Сыра, и нужно пройти через этот город, чтобы попасть в Ура-Тюбе, в Коканд... Ходжент – крепость, окруженная, как и Бухара, полями, садами»¹.

Город Бухара произвел на Е.К.Мейендорфа не приятное впечатление. Он пишет: «Как вступаешь в город, за исключением бань, мечетей и медресе, видны только глинобитные строения сероватого цвета,... Нагроможденные без всякого порядка друг возле друга и образующие узкие, извилистые, грязные и проведенные кое-как улицы. Дома, обращенные фасадами во двор, представляют со стороны улицы сплошь однообразные стены, без окон, без чего-либо, что могло бы привлечь внимание и порадовать прохожих»².

Е.К.Мейендорф интересовался и жилищем горожан. Он пишет, что дома выстроены из глины, смешанной с рубленой соломой. Потолки делали обычно из твердого дерева и перекрывали землей так, что они образовывали плоские крыши. В богатых домах потолки главных комнат покрыты досками, расписанными разноцветными красками.

«У людей попроще пол из гончарной глины, у богатых - из кирпичей. Фасад и окна обращены всегда во двор, на улицу ведет только одна дверь. Окна представляют собой либо отверстия, просто закрывающиеся деревянными ставнями (они всегда в нижнем этаже), либо арки, никогда не запирающиеся и лишь забранные алебастровой решеткой»³. Далее автор рассказывает о внутреннем убранстве дома. Для того, чтобы спастись от холода, бухарцы пользовались жаровнями, на которые ставили маленький столик, покрытый одеялом. Е.К.Мейендорф отмечает, что многие комнаты были побелены и снаружи, и изнутри, а некоторые были украшены раскрашенными рисунками, сделанными по штукатурке. Все городские дома были выстроены с учетом сильной летней жары: край крыши образовал значительный выступ, поддерживаемый деревянными колоннами, и препятствовали солнечным лучам проникать в комнаты.

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.78.

² Там же.

³ Там же. С.93.

Согласно сведениям Е.К.Мейендорфа, в Бухаре было 11 ворот: Имам, Самарканд, Маназар, Карши, Сабахан, Намазга, Шах – Джалиль, Каракуль, Ширгиран, Толпалак, Углан. Все они были сложены из кирпича, имели по круглой башне с каждой стороны и обычно охранялись отрядом солдат. По данным Е.К.Мейендорфа, в городе Бухаре было 14 караван-сараев: Абдулладжана, Кушбеги, индийский, ногайский, Ходжаджуйбар, Ташкентский, Каршинский, Мирагуль и другие.

Рассказывая о численности населения города Бухары, ученый пишет: «Мне сообщили, что в нем около 8000 домов и до 70000 жителей, три четверти которых таджики, в основном ремесленники»¹.

В третьей главе автор подробно останавливается на населении Бухары. Он отмечает, что «бухарский народ разделяется на две основные группы. Первую группу составляют узбеки, ... вторую – таджики. Таджики рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы»².

С восхищением автор пишет о характере таджиков: «Лицо таджика всегда выражает самые совершенные простоты и безмятежность... Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они - купцы, ремесленники и земледельцы, кочевая жизнь не доставляет им никакой радости, большинство умеет читать и писать и, кроме духовности, составляет наиболее цивилизованную часть бухарского населения»³.

Далее автор отмечает, что в Бухаре кроме таджиков и узбеков жили туркмены, арабы, калмыки, киргизы, каракалпаки, афганцы, лезгины, евреи, цыгане и несколько тысяч персов. Е.К.Мейендорф, рассказывая об антропологических чертах населения Бухары, пишет, что «узбеки похожи и на татар,

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.95.

² Там же. С.103.

³ Там же. С.105.

и на калмыков... Туркмены в отличие от узбеков имеют более низкое лицо и более коренастую фигуру, поэтому они скорее похожи на калмыков»¹.

Рассказывая о бухарских евреях, автор пишет, что «у бухарских евреев очень красивая голова, слегка продолговатое лицо, необыкновенно белый цвет кожи, большие живые и выразительные глаза»². Далее он отмечает, что «среди купцов представители всех стран, прибывающие в Бухару по различным делам: там можно встретить купцов из России»³.

После описания этнического состава населения Бухары он переходит к рассмотрению таких архитектурных памятников, как арк, минарет, медресе, мечеть, караван-сарай. К началу XIX века в Бухаре существовало 14 караван – сараев, а самый большой из них – Абдулла-джан-сарай был построен в 1819 г. Все караван-сарай были сооружены по одному и тому же плану, и их постройки расположены квадратом вокруг двора. Автор пишет о Матче и Ягнобе. По его словам, «Матча и Ягноб – города, населенные гальча и расположенные к югу от Коканда, где встречались много гальча, которые приходили туда для обмена своих продуктов на кокандские товары»⁴.

В четвертой главе работы автор подробно останавливается на хозяйственной деятельности жителей Бухарского эмирата, в частности на земледелии, охоте, рыболовстве, скотоводстве и горном деле. Автор отмечает, что «сельское хозяйство в Бухаре – важнейший источник народного богатства; его многочисленная и разнообразная продукция удовлетворяет нужды населения и обеспечивает торговлю»⁵. Не осталась в не поле зрения ученого и оросительная система. Он пишет об оросительных каналах, арыках, которые были проведены в эмирате. В Бухарском эмирате в начале XIX в. существовали пять видов земельной собственности (государственные земли; харадж; земли, жалованные за военную службу; мильк или частные владения; вакуфы).

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.105.

² Там же.

³ Там же. С.106.

⁴ Там же. С.78.

⁵ Там же. С.106.

Охота принадлежала к числу немногих развлечений бухарцев. Люди охотились на куниц и лисиц, а их шкурки отправляли в Россию. В Бухарском эмирате было много скота. Быки были невелики и не так сильны, как у киргизов.

В Бухаре, кроме производства хлопчатобумажной ткани, выделявали два сорта шелковых материй, качество которых отличалось содержащимся в них количеством шелка. Красильщиками работали евреи, которые вели также торговлю крашеным шелком. Здесь Е.К.Мейендорф подробно описывает различные виды краски. Рассказывая о ремесленном производстве, он пишет о ткацком, ювелирном, кожевенном деле. Автор подчеркивает, что бухарцы не занимались разработкой металлов, а покупали его в России.

Рассказывая о кожевенном деле, автор пишет: «Искусство кожевенного дела в Бухаре находится ещё в зачаточном состоянии: кожа лишена какой бы то ни было прочности, поэтому туда доставляют в большом количестве красные кожи из России... В Бухаре делают превосходную шагреновую кожу всех цветов, ее особенно употребляют для изготовления калош или туфель... Производители шагреновой кожи используют шкуры баранов, козлов и ослов, оставляя их мокнуть в воде в течение нескольких дней»¹. Далее автор подробно останавливается на описании представителя каждого ремесла, в частности ювелира, слесаря, токаря, вышивальщика, красильщика, башмачника и др.

В этнографическом отношении самая интересная глава - восьмая, где автор дает сведения о нравах и обычаях, одежде, семье и семейных отношениях, духовной культуре жителей Бухары. Описывая обычаи бухарцев, в частности, автор пишет: «Бухарец, приходящий в гости к другому, входит только тогда, когда получает позволение хозяина, который предлагает гостю чай, фрукты и сладости. Особой вежливостью со стороны хозяина считается, если гость унесет их собой. Всякий раз, когда мы приходили к кушбеги, он пред-

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.116.

лагал нам конфеты или сахарные головы, которые посылал нам после аудиенции»¹.

Рассказывая о пище бухарцев, автор отмечает, что «пища бухарцев очень проста: после утренней молитвы они пьют чай, который кипятят с молоком и солью, что делает его чем-то похожим на суп (вероятно, имеется в виду ширчай – А.В.). Они обедают не ранее 4-5 часов. Обед состоит из плова, приготовленного из риса, моркови или репы и бараньего мяса ... После обеда пьют чай, заваренный как в Европе. Кофе они не пьют. Едят бухарцы пальцами, не имея понятия о ложках и вилках»².

Интересуясь одеждой бухарцев, автор отмечает, что она состояла из одного или двух длинных платьев из синей или полосатой бумажной материи. Почти все бухарцы носили чалму из хлопчатобумажной материи. Женщины носили на улицах длинное покрывало, рукава которого соединялись сзади, и черную вуаль, совершенно закрывающую лицо. Здесь автор имеет в виду паранджу, которая была широко распространена в среднеазиатских городах. Далее автор пишет: «Женщины и некоторые мужчины красят себя почти в красный цвет соком истолченной травы хенне. Персы используют это растение для окраски бороды в красный цвет, после чего она легче принимает, черную краску... Бухарские женщины красят брови в черный цвет и соединяют их черной чертой, сделанной особым видом глазной примочки. Наконец, они красят ресницы и край век в черный цвет сурьмой, доставляемой из Кабула»³.

Описывая транспортные средства бухарцев, автор отмечает, что у бухарцев не было других повозок, кроме больших двухколесных телег. Для этого использовались верблюды, лошади, мулы и ослы. Далее автор пишет о внутреннем убранстве бухарских домов. «Персидские ковры, - пишет Е.К.Мейендорф, - у них весьма посредственны, почти нет мебели; совсем нет

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.142.

² Там же. С.147.

³ Там же. С.148.

столовых часов, редки карманные. Нет никаких серебряных вещей и оконных стекол; дома выстроены скверно»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на незнание таджикского и узбекского языков, работая с помощью переводчика, Е.К.Мейендорф собрал большое количество интересных материалов о климатических условиях, хозяйственной деятельности, этнической истории и этническом составе населения Бухарского эмирата, материальной и духовной культуре, обычаях и обрядах таджиков, которые имеют большое значение для исследования традиционной культуры таджиков в начале XIX века.

В 1831-1832 гг. лейтенант Ост-Индской компанейской службы Александр Борнс совершил путешествие из Индии в Кабул, Татарию, Персию и Бухару. В ходе этого путешествия собрал материал о природных условиях края, населении, его занятиях и т.д. По возвращении на родину написал книгу под названием «Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 1832 лейтенантом Ост-Индской Компанейской службы Александром Борнсом»². Третья часть работы была переведена на русский язык в 1850 г. по поручению Русского географического общества. О жителях Бадахшана автор пишет следующее: «Природные жители Бадахшана суть таджики, до того склонные к общежитию и, следовательно, к гостеприимству, что во всей стране их хлеб, как рассказывают, не продается. Говорят они по-персидски, следуя грубому произношению жителей Ирана. Уверяют, что Бадахшан был первоначально заселен выходцами из персидского города Балха, и что поэтому большая часть жителей принадлежат к шиитскому толку. В этой стране никогда не водворялись ни узбеки, ни какое другое колено турецкого племени, и поэтому жители до сих пор сохраняют те же нравы и

¹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. С.149.

² Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 1832 лейтенантом Ост-Индской Компанейской службы Александром Борнсом. 1832. СПб., 1849.

обычай, которые господствовали на север от Гинду Куша до нашествия татар»¹.

Необходимо отметить, что Бадахшан приобрел большую знаменитость своими рубиновыми копиями. Они находились на берегу реки Аму, близ Шугнана, при местечке Гаран. Они разрабатывались в невысоких горах.

Далее автор рассказывает о городах и сельских местностях Восточной Бухары. Он пишет: «На север от Кундуза, за Оксом (Аму – А.В.), Шугнан и Уахан (Вахан – А.В.); все они покрыты горами. Гиссар хорошо орошен и производит много рису. Он не зависит ни от Бухары, ни от Кундуза, а управляется четырьмя узбекскими начальниками, разделившим его между собою по смерти своего отца. Главный город его стоит на возвышенности в сороко-туркестанских седел: арчак или седалище в милях на восток от Дигнау... Седла, употребляемые жителями Гиссара, отличаются от седла других мест: выдалбливается из дерева в виде чашки и обтягивается кожей, а спереди приделывается лука в виде шара»². Далее автор подчеркивает, что Гиссар с востока примыкал к Кулябу, небольшому округу, которого иногда называли Бальджуан. Здесь необходимо подчеркнуть, что Куляб и Бальджуан разные местности³.

В 1833 г. после смерти военного губернатора Оренбурга Павла Петровича фона Сухтелена, на его место из Петербурга прибыл 38-летний генерал-майор Василий Алексеевич Перовский. В этом году в Невском военном училище старшим учителем арабского, персидского и татарского языков стал титулованный советник итальянец Петр Иванович (Петер) Демезон; здесь и в этом году получает чин портупей – прапорщика, рядовым сосланный сюда еще в 1823 поляк Иван Викторович (Ян) Виткевич. П.И.Демезон был рекомендован для визита в Бухару от имени губернатора Оренбурга. П.И.Демезону необходимо было обратить внимание на самые разнообразные

¹ Борнс А. Путешествие в Бухару... С.87.

² Там же. С.91.

³ О Кулябе и Бальджуане более подробно см.: Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Душанбе, 1992. С.28-36 и послед.стр.

предметы – от цен на товары до возможности покупки бумаг двух «убитых бухарцами» англичан, однако первостепенное и основное внимание уделялось вопросам русско-бухарской торговли¹.

10 ноября 1833 г. из Орска вышел последний осенний караван. Вместе с восточными купцами в Бухару ехали П.И.Демезон и татарский мулла Мирза Джафар. Через полтора месяца 29 декабря 1833 г. караван вступил в Бухару.

Прожив в Бухаре четыре месяца, П.И.Демезон не раз встречался, и беседовал с кушбеги, хорошо успел изучить бухарскую торговлю, военные силы эмирата, город, его быт, нравы его жителей. Уже в апреле 1834 г. в Оренбурге было получено от П.И.Демезона письмо, в котором сообщались те первые сведения, какие ему удалось собрать. Два других, более полных отчета были составлены П.И.Демезоном по его возвращению, 26 июня 1834 г. в Оренбург. Первый из них датируется июнем, а второй – октябрём того же года².

Большой этнографический интерес представляет вторая записка П.И.Демезона, в которой имеются очень ценные сведения о городе Бухаре, ее стенах, воротах, караван-сараях, улицах, базарах и др. Рассказывая о городе Бухаре, автор пишет: «Город Бухара находится на высоте 1200 футов над уровнем моря. Он окружен стеной, имеющей 30 футов в высоту и 26 футов толщины у основания. В стене 11 ворот: 1.Хазрат-имом, ведущие в Вабкена; за ними находятся конские базары, открытые по вторникам и четвергам;2. Шергирон, ведущий в ханский сад и на дорогу в Хиву; 3. Ташпоч, которые ведут в Чорбах;4. Углон, ведущие в Чорджуй;5. Каракуль;6. Шейх-Джалол;7. Намазгах, ведущие на дорогу в Намазгах и Кабул;8. Саллях-хана, ведущие в Кермине;9. Каволя (или Карши), ведущие в Карши;10. Мазари-Шариф, которые ведут к могиле св.Бахаруддина в 12 верстах от Бухары;11. Самарканд»³.

Согласно сведениям П.И.Демезона «Бухара в начале XIX века была разделена на 366 кварталов, в каждом из которых были небольшая мечеть, имам, муэдзин и аксакал. Вокруг большого водоема на Регистане находился База-

¹ Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983.

² Там же. С.9.

³ Там же. С.10.

ры-кагоз (бумажный базар). Базар известный под названием Чарчинфуруш. Там расположились бакалейщики, скобяные лавки, сапожники. Дальше около мечети, продавались хлопчатобумажная пряжа, персидские и греческие ковры. Кроме того, в Бухаре было пять крытых базаров, известных под названием чорсу (перекресток): Это Чорсуи Калон (большой базар), Чорсуи Заргарон (продавец серебряных и золотых изделий), Чорсуи Сарафан (менялы), Чорсуи Бириндж (рисовый), Тукумдузи (где изготовляли седла для верблюдов)»¹.

П.И.Демезон в разделе «Продукция Бухары» подробно останавливается на те продукции, которые изготовлялись в Бухаре и вывозились в другие страны и города. В частности он пишет: «В Бухаре изготовляют разнообразные ткани из шелка и полушелка. Из чистой шелковой материи (дерам), делают платки, шарфы, пояса, тюрбаны. Одежду из дерам могут носить только женщины, так как считается, что если во время молитвы мусульманин будет одет в одежды из чистого шелка, его молитва не дойдет до аллаха. Из полосатой дерам делают платья. Шелковые и хлопчатобумажные ткани, адрас (пестрые). Преобладающие цвета голубой, зеленый, желтый и особенно белый»².

Особое место в записках П.И.Демезона занимает сельское хозяйство, в частности хлопководство, зерноводство, шелководство, рисоводство, виноградарство, садоводство, скотоводство. Рассказывая о хлопководстве, автор пишет: «Хлопок засеивают обычно с 15 по 25 апреля, собирают с 15 августа по 10 сентября. Культура хлопчатника требует много забот, так как его надо хотя бы раз в неделю пропалывать...Он очень чувствителен к холоду и часто страдает от северных ветров и легких заморозков, появляющихся иногда в конце августа. Успешно выращивают хлопчатник в окрестностях Бухары в Мианкале, Керлаине и Самарканде»³. П.И.Демезон останавливается и на описании рисоводства: «Самый хороший рис растет в провинциях Мианкаль

¹ Записки о Бухарском ханстве. С.56-57.

² Там же. С.58.

³ Там же. С.75.

и Самарканда. Того качества риса, какого возделывают в Бухаре недостаточно для удовлетворения потребностей населения, и большую часть приходится импортировать из Кокана, Шахрисябза и Гиссара. В этом году он продавался по 42-44 таньга»¹. Рассказывая о различных видах сельскохозяйственной культуры, автор пишет: «В Бухаре успешно культивируют гендум (пшеница), джугару, кунжут и захир – разновидность кунжута, джав (овес), арзан (ячмень), маш (вид чечевицы), нахут (горох), лубия (вид фасоли) и вообще все овощи, какие можно встретить в теплых странах Европы, за исключением некоторых: цветной капусты, свекл, картофеля, спаржи артишоки. Дыни и арбузы здесь превосходные»². Рассказывая о виноградарстве, подробно перечисляет различные сорта винограда. Он пишет: «В Бухаре выращивается большое количество винограда всевозможных сортов: хусейни – белый с рыжим отливом, с одной косточкой; суифа – белый с четырьмя косточками. Эти три сорта не выдерживают хранения, и виноград едят свежим ... Шабурхане-черный с большими ягодами и без косточек. Когда его сушат на солнце, его называют мавиз. Сиохи – черный, с ягодами средней величины с тремя косточками»³. Далее он отмечает, что «большую часть заселенной Бухары занимают сады, где растут: абрикосы, миндаль, вишня, дикая вишня, персики, груша, слива, яблоня, орех, тутовник, айва, гранат. В южных провинциях можно встретить фисташковые деревья»⁴.

С важнейшими в научном отношении материалами П.И.Демезона теснейшим образом перечисляется еще один документ о Бухарском эмирате 30-х годов XIX века. Это «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона №10 прапорщика И.В.Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно»⁵. Эту записку со слов И.В.Виткевича о его поездке в Среднюю Азию с ноября 1835 г. до апреля 1836 г. составил В.И.Даль. Описание поездки Виткевича является первоклассным документом, ярко и вырази-

¹ Записки о Бухарском ханстве. С.76.

² Там же. С.76.

³ Там же. С.77.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.100-101.

тельно рисуящим перед читателем бухарскую действительность полуторавековой давности в том виде, в каком она предстала перед глазами вдумчивого, пытливого и любознательного наблюдателя.

Большой интерес представляет глава «О Бухаре, о самом ханстве, отношениях и состоянии его». В этой главе И.В.Виткевич подробно останавливается на Бухаре и его окрестностях. Он, как и П.И.Демезон пишет, что в Бухаре было 11 ворот, 25 караван-сараев. Далее он перечисляет их: Сарай Аяз, Сарай Ногай, Сарай Тамбаку, Сарай Пахта, Сарай Мирза-чуль и др.¹ Далее автор пишет, что в Бухаре были около 300 мечетей (мечеть Джума, мечеть Гау-Кушан, мечеть Аталык, мечеть Сары-Хауз и др.). И.В.Виткевича интересовали и жилища бухарцев. Он пишет: «Строения в Бухаре все, за исключением немногих древних мечетей и сараев, глиняные; делают деревянную, из мелкого лесу, решетину и обмазывают ее с обеих сторон глиняную, которую месят с навозом и соломого; стены эти бывают обыкновенно очень толсты. Дома все подняты, так что под жильем кладовка или конюшни. Дом к дому с улицы примыкают вплоть; изредка есть промежутки, которые ведут опять в другие дворы. Дворики тесные, иногда не большие комнаты; узенькие калиточки, а ворот не бывает, плоские кровельки, в то же время и потолки, окон на улицу нет почти нигде; иногда есть отверстия на двор, вместо окон или решетка над дверью; в сараях обыкновенно, двери на двор двойные: одни деревянные, другие масляной бумаги; на день первая растворяется и свет входит сквозь бумагу; в частных домах лето и зиму растворяют дверь или же сидят впотьмах. Ни во двор, ни в дом никогда не пускают чужого, калитки всегда заперты; хозяин выходит, если кто постучится, и иногда принимает гостя, особенно приезжего, в особой комнате – михман-хане, гостиной... Она стоит у самых ворот и ограждена особого стенного. В домах редко бывает более одной комнаты, в которую ведут двое, трое дверей, а из нее вправо и влево бывает по темному чуланчику. Двери выходят на крытый ход, род галереи на столбах, с которой крыльцо или лестница ведет на двор. В некото-

¹ Записки о Бухарском ханстве. С.101.

рых дворах есть колодцы, где дом стоит на дворе, там высокая глиняная стена занимает место с улицы»¹. По словам П.И.Виткевича в начале XIX в. в Бухаре было 300 улиц и переулков, а количество ее жителей достигало 100 тыс. человек. Если сопоставить сведения П.Виткевича о топографии города Бухары с последующими исследованиями русского этнографа О.А.Сухаревой², выясняется, что И.В.Виткевич точно описывал структуру города.

Исследователь и нумизмат П.С.Савельев после посещения Бухарского эмирата в 1835 г. написал работу «Бухара в 1835 году»³. Она посвящена столице Бухарского эмирата и состоит из следующих глав: «Местоположение Бухары»; «Ее топография – улицы, дома»; «Дворец хана, площади; Мечети и училища»; «Базары, бани и караван-сарай»; «Народонаселение»; «Торговые пути через Бухару, в Россию, Китайский Туркистан, Персию и Афганистан»; «История Бухары. – Европейские путешественники, посещавшие этот город: Дженкинсон, Мейендорф, Эверсман, Муркрофт и Гетри, Бернс, Гонигбергер, Демезон».

Автор отмечает, что «Бухара или Бохара, столица ханства того же имени лежит...на ровном местоположении и окружена многочисленными садами, за которыми ее издали вовсе не видно. Только на расстоянии трех, четырех верстах, начинают показываться шпицы ее зданий и минареты»⁴. По словам П.С.Савельева, в Бухаре было одиннадцать кирпичных ворот с башнями по сторонам, охраняемые стражею, которые вели в Бухару. Бухара была построена в виде треугольника. Она пересекалась длинным каналом Шахруд, который получал воду из реки Зеравшана, протекавшей недалеко от города.

Далее автор пишет: «Улицы Бухары чрезвычайно узки, кривы, грязны и без названий, самые широкие, имеют, не более полутора сажены в поперечнике, а другие только от семи до пяти футов, так что в грязную пору бухарцы легко перепрыгивают с одной стороны улицы на другую. Дома строят из не-

¹ Записки о Бухарском ханстве. С.102.

² Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. 358 с.

³ Савельев П.С. Бухара в 1835 году. СПб., 1836.

⁴ Там же. С.6-7.

скольких бревен, соединяя их кое-как досками и палками изштукатуривают скважины глиною, перемешенного с рубленой соломой; крыши – плоские; окна выходят на двор: на улицу одни двери. Самое замечательное здание в Бухаре есть арк, цитадель или дворец хана. Он стоит почти в центре города, на холме высотой в двести футов, имеющем форму усеченного конуса и окружен зубчатую стеною в шестьдесят футов вышины, которая имеет только одни ворота»¹. Ворота арка выходили на обширную площадь, т.е. регистан. Площадь была окружена с трех сторон зданиями мечетей и медресе. Перед мечетью, которая находилась, против ворот имелся хауз или бассейн, окруженный деревьями

По данным П.С.Савельева, мечети и медресе в Бухаре имелись в большом количестве. Число мечетей при П.С.Савельеве доходило до 560. По поводу общественных зданий автор пишет: «Базары, бани и караван-сарай занимают вторичное место. Бани нередко обширны и великолепны, и их считают до восемнадцати. Караван-сарай, во время Мейендорфа, было до двадцати пяти....Эти здания построены все на один лад, и состоят из обширного двора, обнесенного двумя этажами комнат с окнами на двор: в верхнем помещаются прибывшие с караваном купцы, а в нижнем – товары, которые они намерены продать в Бухаре»². П.С.Савельев приводит сведения Мейендорфа, Борнса, Эверсмана о численности населения Бухары: «Населенность Бухары барон Мейендорф полагает до 70000 человек, поручик Борнс до 160000, доктор Эверсман до 200000. Из них три-четыре таджика, они большею частью торговцы и ремесленники»³.

Далее автор, рассказывая об обычаях и обрядах бухарцев, пишет о праздновании праздника жертвоприношения – Курбан-байрам. Он пишет: «Праздник Курбан-Байрам, следующий за подвижным постом Рамазан, празднуется в Бухаре с возможным великолепием,...

¹ Савельев П.С. Бухара в 1835 году. С.8.

² Там же. С.11.

³ Там же. С.12.

Бухарцы по ночам, в ожидании Байрама, начинающегося с появлением луны, сидят на кровлях своих и пялят глаза на небо; кто первый увидит молодую луну, тот получает, если два свидетеля присягнут в добровестности его, от хана подарок: халат. Утром весь народ, толпясь вокруг хана, отправляется на молитву, за город на открытое место; хан едет в полном блеске, т.е. в суконной халате своем, на коем впереди парк две золотых кисточек, и перед ним ведут 9 аргамаков его, числе коих была пара очень хороших. Кроме того, предшествовала хану смешная игрушка: на одноколке, запряженной дрянною лошадию, которая была накрыта изношенным халатом, на одноколке этой стоял какой-то навес или шатер на четырех столбах обвитый цветными и парчовыми лохмотьями»¹.

Следующее путешествие было совершено при других условиях. На этот раз русские могли организовать его в Бухарский эмират, совершенно открыто, по приглашению самого эмира, который нуждался в горных инженерах для разработки естественных богатств его страны. Первое путешествие, вызванное просьбой эмира, именно путешествие Ковалевского и Гернгросса в 1839 г. не достигло цели; более успешно было путешествие инженеров Бутенева и Богословского, которых сопровождали молодой ориенталист-автодидакт Н.Ханыков, воспитанник Царскосельского лицея и натуралист Леман². По возвращению в Россию Н.Ханыков в 1843 г. в Санкт-Петербурге издал книгу «Описание Бухарского ханства»³. Работа является результатом путешествия Н.Ханыкова по Бухарскому эмирату. Работа состоит из следующих разделов: «Предисловие»; «Границы и объем Бухарского ханства»; «Орография и гидрография ханства»; «Климат Бухарского ханства»; «Племена и народонаселение ханства»; «Топография ханства»; «Промышленность Бухарского ханства»; «Просвещение ханства»; «Заключение»; «Алфавитный список названия встречавшихся в описании Бухарского ханства».

¹Савельев П.С. Бухара в 1835 году. С.14.

²Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.440.

³Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

В первой главе «Границы и объем Бухарского ханства» автор подробно останавливается на границы Бухарского эмирата: с какими странами он ограничен, какие горы находятся на этой территории. Он пишет: «Бухарское ханство состоит большей части из глинисто – солоноватых степей, может быть единственно обработано только в тех местах, где близка вода, и поэтому реки суть настоящие границы обработанных полос ханства, прочие же часть его могут служить только прибежищем бедным кочующим племенам, которые частыми переходами спасают себя от голодной смерти»¹.

В главе «Орография и гидрография ханства» Н.Ханыков подробно пишет о реках, каналах, колодцах, горах и в целом природе Бухарского эмирата. Он в частности пишет: «Бухарское ханство орошается водами Аму-Дарьи и двух притоков его, которые хотя и не доходят до самой реки, но очевидно принадлежали когда-то к системе одной они суть Зяр-Авшан (Зеравшан – А.В.) и Аби-Шехри-Сябз»².

В книге Н.Ханыкова большой интерес представляет глава «Племена и народонаселение ханства». В данной главе автор пишет обо всех народах и племенах, которые жили на территории Бухарского эмирата. О таджиках автор пишет так: «Коренные жители Ханства суть Таджики, происхождение их мы знаем только из книги Наршахи («История Бухары» – А.В.), что когда они пришли с Запада на Зяравшан, он был не заселен...Таджики первые начали обрабатывать берега его и применять тогда еще богатые воды его к возделыванию полей и садов и вообще должно иметь высокое понятие о их трудолюбии»³.

Далее он пишет: «Таджики. От сих коренных обитателей Бухарского ханства осталось весьма немного, они составляют главное народонаселение города Бухары, прочих же городах их или вовсе очень мало. Главный промысел их состоит в торговле по миролюбивым своим наклонностям, чтобы не сказать по трусости, они воздерживаются от участия в военных подви-

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.14.

² Там же.

³ Там же. С.53.

гах... Черты лица их правильны и красивы, рост большего частично довольно высокий, цвет кожи белый, а волосы и глаза почти всегда черные, в одежде своей, хотя они и следят строго предписаниям Корана; но все-таки в ней заметно гораздо более изысканности, чем у узбеков и вообще домашняя жизнь их носит на себе гораздо более отпечатков утонченности, учтивость их в обращении переходить в приторность, особенно же если они передаются в том человеке, с которым говорят»¹. В книге также приводятся данные об узбеках, арабах, татарах, туркменах, цыганах, киргизах и других народах².

Н.Ханыков в главе «Топография ханства» подробно останавливается на топографии эмирата. По данным Н.Ханыкова основными городами ханства были: Бухара, Кермине, Пенджикент, Хатырча, Нурата, Пянджшанбе, Челек, Янгикурган, Джизах, Ура-Тюбе, Чаршамбе (Ромитан), Пайкена, Каракуль, Чарджуй, Карши, Хузар (Гузар)³. Он также сообщает, что в г.Бухаре было 11 ворот: Мазар, Карши, Салахана, Намазга, Шейхи Джалол, Каракуль, Углан, Шергиран, Талипач, Имам, Самарканд⁴. Далее он перечисляет все кладбища (их 13), Хаузов (прудов, их 83), общественные здания города (мечеть, тюрьма, медресе, караван-сарай) и т.д. Рассказывая о дворце эмира, автор пишет: «Дворец Эмира (арк) это есть цитадель – построенная на естественном возвышении или искусственной насыли..., она имеет четырехугольную форму»⁵. Автор подробно пишет о жилых домах бухарцев. Он пишет, что частные дома в Бухаре все строились одинаковым образом, они состояли из одного или нескольких четырехугольных дворов, обнесенных строением из глины, большую часть одноэтажные, внутренние стены иногда штукатурили алебастром, окна обыкновенно без стекол, но с дверцами или с решеткой из дерева или гипса, большую часть делались во внутрь, в некоторых, же двух этажных домах, а в особенности в караван-сараях и медресе они выводятся и на улицу, крыши все плоские; богатые устраивались внутри дворов

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.53.

² Там же. С.56-77.

³ Там же. С.78-79.

⁴ Там же. С.79-80.

⁵ Там же. С.82.

на восточной стороне навеса, подпертый деревянными столбами, называемый айван и тут спасались они летом от жаров, отделка комнат и в самых богатых домах незамысловатая, конечно лепная работа из алебаstra украшенные стены не лишены некоторого вкуса. Далее он пишет: «Потолки состоят всегда из поперечных брусев разделенных пространством в 1,1 ½ и 2 бруса и соединенных не большими продольными полочками, плотно лежащими одна около другой, их они обыкновенно весьма пестро раскрашивают, а брусья во многих местах обклеивают золоченой бумагой, и облепляют весьма мягкой и нежной глиной... Внутренность же домов людей незажиточных и грязна и опасна для здоровья, последнее происходит от сырости стен поддерживаемой еще более не совершенством крыш весной почти всегда просачивается дождевая вода»¹. После описания города Бухары, автор переходит к описанию других городов эмирата. По его словам, в г.Самарканде было 6 ворот (Бухара, Байкобак, Хазрати Шохизинда, Каландархона, Сузан гиран, Ходжа Ахрар)². О городе Карши пишет следующее: «Город Карши...окружен тремя концентрическими стенами, которые во многих местах развалились, первая из них отделяет цитадель от города, вторая служит приделом старому городу, а третья отделяет новый город от окрестных селений, во внешней стене...находится четверо ворот. Цитадель города обширнее цитадели Бухары, она содержит кроме дома губернатора и дома с садом служившего пребыванием настоящему эмиру...»³.

Большое место в книге Н.Ханыкова занимает хозяйственная деятельность народов Бухарского ханства. В главе «Промышленность Бухарского ханства» автор отмечает, что в ханстве развивалось земледелие, ремесло и торговля, а мануфактуры еще не было. Он пишет: «Земледельческая промышленность занимает наибольшее число рук в ханстве,...Из отраслей земледельческой промышленности в Ханстве существует только четыре, а

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.91-92.

² Там же. С.100.

³ Там же. С.108-109.

именно: садоводство, огородничество, хлебопашество и скотоводство...»¹. Автор подробно описывает меры длины и весов, которые существовали в Бухарском ханстве: алчин, газ, санг или форсинг, мискал, нимча, чайрин, сир, батман»². Из видов земельной собственности перечисляются ушр, харадж, милък, вакф. Н.Ханыков пишет, что из всех видов отраслей земледелия, самым развитым было садоводство и виноградарство. Согласно сведениям Н.Ханыкова, в Бухарском ханстве были 12 сортов винограда: халили сурх (красный с мелкими ягодами), хусайни (синий и зеленый), шакарангур (круглый, бледно зеленого цвета, переходящего в желтый), кишмиши (круглый маленький и зеленый), джаус (большой и круглый), маска (в начале зеленый, когда же поспеет, делается почти желтым), ангури сафед, бихишти (райский), сахиби (продолговатый зеленый с красными крапинками), таифи (совершенно зеленый), шибиргани (красный продолговатый), ангури сиёх. Автор отмечает, что осенью «делают углубления в земле четверти на две и, приклонив к ним верхушки виноградной лозы, зарывают ее и таким образом он остается на зиму, 10 или 15 дней после нового года, т.е. после весеннего равноденствия ее отрывают... Земля под виноградники преимущественно избирается такая, где на половину глины и на половину песку и пропорцию эту поддерживают ежегодно; впрочем, основа эта требует, сильного удобрения... Воду пускают на поля обыкновенно три раза: два раза до открытия виноградников и раз в начале мая, при этом затопляют совершенно место, где посажены лозы на сутки или полторы; если же весна была дождливая, то третьей поливки не делают, сбор с танапа бывает, от 300 до 400 батманов в хороший год, а в самый дурной от 30 до 50»³. Автор приводит данные о время поспевания винограда. По его словам, халили поспевал в начале июня, хусайни к концу июля, а в середине августа все остальные сорта винограда. Автора интересовали даже прививки плодовых деревьев. Он отмечает, что «у лозы, к которой хотят сделать прививку, срезают стебель и очищают с него кожу на полвер-

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.111-112.

² Там же. С.113-114.

³ Там же.

шка длины; на стебель же, который прививается, задирают обнаженную часть лозы, потом надевают, таким образом, приготовленный стебель, на ободранный стебель первой лозы и крепко завертывают его кожей прививаемого стебля. Новый стебель весьма скоро прирастает, а на другой год лоза уже дает плоды»¹. Из винограда готовили ширини (род потоки), уксус, изюм и т.д.

Н.Ханыков подробно останавливается на каждом плодовом дереве, в частности на гранате, персике, яблони и др. В Бухарском ханстве выращивали трех сортов персика, трех сортов абрикоса (хасаки, ширпайванд, махмури), два сорта сливы, восемь сортов яблоки (талхсеб, джавпазак, ходжахани, ряхш, себи турш, махтаби, мушкинсеб, себи сурх), двух сортов груш (ношпуга пагаи, ношпуга тирамохи), двух сортах айвы, вишни, миндаль, джида, тутовые деревья². Вторая отрасль земледелия было огородничество. «Огороды, - пишет Н.Ханыков, - здесь устраиваются несколько иначе нежели у нас (в России – А.В.), а именно: гряд никогда не делают, а уравнивая землю так чтобы в случае нужды можно было ее орошать и взборонив ее засеивают семенами. Огородные произведения, возделываемые в Бухаре суть: свекла, морковь, редька, капуста, лук, огурцы, горох, чечевица, бобы, дыня, арбузы и тыквы»³.

В Бухаре в первой половине XIX в. выращивали десять сортов дыни: кукча (их кожа гладкая зеленого цвета с белыми пятнами, мясо бывает зеленое и белое), ширази (их кожа покрыта продольными морщинами, которые делают ей полосатый вид будучи белыми и зелеными), кашкари (имеет вид весьма длинного эллипса, кожа гладкая и желтоватая, мясо же белое), бегзоти, шакарпора (кожу имеют гладкую с продольными полосами, белыми и зелеными), загораи сафед (совершенно круглый, их кожа гладкая, беловатого цвета, но при слоении желтеют), загораи сиях, бурикалла (форма их круглая, но они имеют гораздо менее в диаметре, нежели предыдущие, кожа их гладкая, светло-зеленого цвета, равно как мясо. Кара-киз – совершенно подобна

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.123.

² Там же. С.125-137.

³ Там же. С.137.

кукча, только темнее цветом. Барганай – имеет цвет весьма продолговатую форму, кожу же гладкую, ярко зеленого цвета и желтеет при спении, мясо их белое. Поздних дынь имели 6 видов:

Обинабот – белые и гладкие; Зярмитани – круглые беловатого зелена и с белыми крапинами.; Каракутур – имеет продолговатую форму, но довольно тупо закругленные концы, кожа их зеленовата с продольными морщинами; Чорджуи – имеет форму продолговатую, кожа их гладкая и покрыта белыми и зелеными полосами; Каракиз - форма, как и предыдущих, их кожа желтовата с морщинами; Шакарпора - по форме и по цвету мяса совершенно подходят на шакарпора пагаи (раннее)¹.

После перечисления всех видов дынь автор переходит к описанию технологии их выращивания. Он пишет: «Земля под дыни готовится особенно тщательным образом, ее несколько раз предварительно распахивают и потом весьма сильно поваживают... потом лопатой делают в них ямки в руку глубиной, на аршин расстоянием друг от друга, в них кладут по три и по четыре зерна, после чего их зарывают, но воды не дают, а ожидают пока растение значительно подымится, тогда на пашне прорывают канавы и пускают по ним воду один раз в неделю»².

В Бухаре выращивали девять видов тыквы: алапучак, кадуи зард (желтая), кадуи сафед (белая), кадуи урчанджи (урчанджская), дастор каду, челимкаду, сарахи, носкаду, чупкаду³. Кроме того, в Бухарском эмирате выращивали хлопок, табак и люцерну, пшеницу, просо, джугару, ячмень и др. виды растений. Далее автор останавливается на скотоводстве. Согласно его сведениям в Бухарском эмирате разводили три породы лошадей (туркменская, узбекская, кокандская), крупный и мелкий рогатый скот, развивалось птицеводство.

В книге Н.Ханыкова больше место отведено суевериям. В главе «Провещение ханства» автор отмечает, что «Суеверие в Бухаре находится в

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.137-139.

² Там же. С.140-141.

³ Там же. С.141.

большом распространении, нет ни одного человека в ханстве, который бы не верил в постоянном участии в несчастьях, поражающих нас в жизни злых духов. По бухарской демонологии они бывают 5-ти родов: 1) Шайтан или дьявол; 2) Джин; 3) Албасти; 4) Аджина; 5) Див. Албасти всегда является в виде женщин с длинными распущенными волосами, они избирают своими жилищами сады в особенности же где много цветов, влюбившись в кого-нибудь из смертных он беспощадно преследуют их днем и ночью и обыкновенно доводят ласками своими до сумасшествия. Аджина несравненно образованнее предыдущих, они избирают жилищем себе дворцы, дома богатых и вообще любят роскошь и украшения, там собираются они по ночам и, веселясь всегда при звуке тамбурина и других музыкальных инструментов, пугают жильцов... Дивы, исключительно бывают мужского рода пола: они живут в пропастях, недоступных ущельях, на вершинах снежных гор и в страшных пещерах, выходя оттуда ведут они постоянную войну с Пери, равно стараются вредить тем людям, которым Пери покровительствуют: они большего частью влюбятся в Пери и насытив любовь свою съедают их»¹. В Бухаре начала XIX века наряду с мусульманскими канонами существовали следы доисламских верований, обрядов. Этот вопрос также интересовал Н.Ханыкова. Он пишет: «Исламизмом нельзя не узнать в некоторых суеверных обычаях бухарцев следов огнепоклонения; как, например, весною празднуют именем Чаршамбеи – Сунни, следующим образом: везде зажигают костры и люди обоих полов, перепрыгнув через них, разбивают какуюнибудь глиняную посуду, этим они думают, очиститься от грехов и даже от болезней... Эмир приказал Реису строго смотреть, чтобы этого не делали, потому, что это несовместимо с мусульманским законом»². (Раис – административно-религиозная должность, в обязанность которого входит надзор за точным соблюдением закона шариата – А.В.). Далее автор переходит к рассмотрению использования огня при лечении больных. Н.Ханыков пишет, что огонь играл также не

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.207-208.

² Там же. С.208.

малую роль при суеверных леченьях; старухи занимавшиеся врачеванием зажигали небольшой костер и заставляли больного трижды обойти вокруг него, потом трижды перепрыгнуть через него, в заключение чего ему брызгали трижды водою в лице. Если больной так слаб, что не мог выполнять вышеизложенных проделок, то огнелечение прилагались другим образом: к небольшой палке, привязывали тряпку, пропитанная салом, ее зажигали и ставили в углу комнаты, больного же сажали против него и били его несколько раз палкою по спине, легко или нет, смотря методу лекаря, приговаривая Кулларга кит, Чулларга кит, т.е. ступай в озера, ступай в степи; и это заклинание должно непременно изгнать болезнь. Далее автор пишет: «Вера в дурной глаз распространена в Бухаре повсеместно и для предупреждения дурных последствий, могущих от того произойти; к плечам и шапкам детей привешивают бисерные нитки различных цветов, что должно избавить их от этого. Ворожба также, весьма распространена, особенно же его занимаются, как мы выше пояснили, цыгане: она производится большей частью четвероюким образом, гаданием на воду, на воздух, на обожженную баранью лопатку и на руку. Люди, занимающиеся предсказыванием будущего, называются фальбины и их подозревают в близких сношениях с дьяволом»¹.

В целом книга Н.Ханыкова является первым трудом русского путешественника и исследователя, где подробно рассматривается быт таджиков и других народов, которые проживали в Бухарском эмирате. Необходимо отметить, что с тех пор многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарский эмират при еще более благоприятных условиях, чем Н.Ханыков, тем не менее, его книга до сих пор является лучшим описанием эмирата за исключением восточных областей, которые были присоединены к бухарским владениям только после завоевания Средней Азии Россией. Тогда русские ученые могли посетить этот край свободно. Как отмечает академик В.В.Бартольд, «Исключительное достоинство книги Н.Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в

¹ Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. С.208-209.

Бухаре было 19 лет, во время издания книги – 21 год. Н.Ханыковым было приобретено также значительное количество рукописей, впоследствии переданных в Императорскую (ныне Государственную) Публичную библиотеку»¹.

Таким образом, необходимо отметить, что в первой половине XIX в. были организованы отдельные экспедиции и посольства с целью ознакомления со среднеазиатскими ханствами и государствами. В составе этих экспедиций и посольств были и ученые-исследователи, которые собрали и опубликовали материалы этнографического характера. Особенно можно подчеркнуть работы Е.К.Мейендорфа и Н.Ханыкова, в которых даны для своего периода обстоятельные сведения об этническом составе населения, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре среднеазиатских народов, в т.ч. таджиков. Необходимо отметить, они имели не системный, а частичный характер. Русские путешественники-исследователи по объективным и субъективным причинам не смогли изучать жизнь и быт населения дальних районов Средней Азии, в т.ч. Восточной Бухары, а ограничивались только изучением населения крупных городов Бухарского эмирата.

Несмотря на ограниченность объекта исследования, и время нахождения в Средней Азии, все эти экспедиции и посольства, а также труды их членов положили надежную основу для дальнейшего изучения жизни и быта таджиков во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С.440.

ГЛАВА III. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

3.1. Традиционная культура населения Северного Таджикистана в исследованиях русских ученых второй половины XIX в.

К моменту завоевания Россией Средней Азии, в частности Северного Таджикистана, в русской востоковедческой литературе накопился значительный материал о различных сторонах жизни населения Туркестанского края: о населении, ремеслах, торговых и экономических ресурсах. При широте охвата вопросов, степень накопленного материала по отдельным областям Средней Азии была разной. Лучше была изучена Бухара, как столица Бухарского эмирата в целом. О Северном Таджикистане имеются отдельные сведения, которые позволяют осветить при помощи этнографических данных ряд вопросов этнической истории населения.

Новый этап в изучении Средней Азии был связан с завоеванием царской Россией. Создавались благоприятные условия для более детального изучения конкретных областей: этнографии и истории их населения.

Много было сделано в этот период для изучения хозяйственной деятельности населения Средней Азии в целом, а таджиков в частности. Ещё в 1866 г. в г. Худжанде побывал выпускник восточного факультета Петербургского университета П.И.Пашино. В 1868. он опубликовал свою работу «Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки»¹. Работа состоит из 18 глав. Самыми важными в этнографическом отношении являются главы: - девятая – «Въезд в Ташкент», четырнадцатая – «Натуральное богатство страны», пятнадцатая - «Мануфактурная промышленность. Перевязочный пункт под Ходжентом», шестнадцатая – «Ходжендский базар. Бекский дворец в Ходженте», семнадцатая – «Просвещение и духовенство. Ходжендский перевоз. Сартянские типы» и восемнадцатая – «Сартянский быт. Вид Ура-Тепе»².

¹ Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб., 1868.

² Там же. С.94.

В девятой главе автор кратко останавливается на приеме гостей местным баем: «На столе стоят сласти, ...съедобные печенья домашней кухни...Прежде всего хозяева предлагают попробовать расставленные перед гостями сласти; потом подают крепкий желтый чай, за этим следуют пирожки с говядиной и с сахаром, потом пельмени с бульоном, блялиш (политет) и в заключение плов»¹. В главах, посвященных Северному Таджикистану, он характеризует организации труда ремесленников-надомников Худжанда, которые работали на предпринимателей.

В 1867 г. на страницах «Отечественные записки» появилась работа Ю.Д.Южакова «Наши приобретения в Средней Азии», содержащая сведения о числе ремесленников и торговых заведений в городах Ура-Тюбе и Худжанде. Однако в ней много неточностей. Ю.Д.Южаков явно преувеличил данные о количестве ремесленных мастерских и численности ремесленников, что свидетельствуют о малом знании им местных условий².

Ценные сведения о городах и селениях Северного Таджикистана – это важные элементы топографии, размеры Худжанда, Ура-Тюбе, Джизака, характеристика укреплений Нов и Махрам, планы городов, содержат материалы изданные сотрудниками военного ведомства. Кстати, сейчас эти публикации, так же имеют ценность первоисточника, к которому, однако, следует относиться критически.

В 1871 г. в городе Санкт-Петербурге была опубликована работа А.И.Макшеева «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае»³. Материал для этой работы собирался в 1867 г., сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства. Автор попытался определить численность оседлого и кочевого населения Туркестанского края и его расселение. Ферганская долина была представлена пока еще только Худжандским уездом (остальная часть Ферганской долины

¹ Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. С.94.

² Южаков Ю.Д. Наши приобретения в Средней Азии (Ура-Тюбе и его округ) // Отечественные записки. 1867. № 7-8.

³ Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записки ИРГО по отд. статистики. 1871. Т.2.

завоевана в 1876 г.). В главе четвертой «Туземное народонаселение в Туркестанском крае» автор дает важные сведения о среднеазиатских народах, в т.ч. о таджиках. О них А.И.Макшеев пишет: «Оседлое население края составляют в строгом смысле одни только таджики, или сарты; курама и узбеки, хотя и живут также в городах и селениях, но иногда, переселяются в кибитки и юрты; затем киргиз-кайсаки, каракиргизы и каракалпаки живут постоянно в кибитках. Кроме таджиков, народа иранского происхождения, все остальные народы тюркского племени. Таджики составляют коренное оседлое население в село Турана (т.е. Средней Азии – А.В.)»¹.

Русский исследователь и чиновник А.Д.Гребенкин в 1872 г. в сборнике «Русский Туркестан» опубликовал очень интересную статью о населении Средней Азии, в частности о таджиках. В статье «Таджики» автор, прежде всего, останавливается на описании особенностей таджиков Зеравшанской долины. Он подчеркивает, что таджики в Зеравшанском округе имели три названия: «общее – «таджик», частное для выходцев из Мерва – «тад» и бранное «сарт»². Далее автор пишет о местах расселения таджиков. В частности, он отмечает, что таджики заселяли пять городов: Самарканд, Ургут, Ката-Курган, Пенджикент и Панджшанбе и 52 кишлака. Горные же таджики округа, наоборот, имели своей территорией сплошные пространства от Суджины и от Ургута на восток, вверх по Зеравшану и его притокам³. Автор отмечает, что основным населением городов были таджики, которые занимались ремеслом и торговлей. По этому поводу автор пишет: «Город есть настоящее место жительства таджика и только в городе таджик в своей сфере. Это стремление таджиков к торговым и промышленным центрам вытекает из склада их характера, из природной их любви к торговле...»⁴.

Далее автор подчеркивает, что в Зеравшанский округ таджики пришли также из Ташкента, Худжанда, Коканда, Маргелана, Андижана, Карши, Гис-

¹ Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы... С 56.

² Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. 1872. Вып.2. С.1.

³ Там же. С.4.

⁴ Там же.

сара, Бухары¹. А.Д.Гребенкин подчеркивает, что таджики долины делятся на две группы. «В одной из них преобладает кровь узбекским (вероятно имеется в виду сарты – А.В.), - пишет А.Д.Гребенкин, - в другой кровь остальных народностей Средней Азии. Кроме того, одна группа отличается от другой языком и местом жительства, т.е. первая группа живет по преимуществу в деревнях и говорит преимущественно на узбекском языке, вторая же местом своего жительства преимущественно города и говорит преимущественно на персидском наречии»². Далее автор дает антропологическую характеристику таджиков второй группы. По его словам в этой группе преобладали люди с нежными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкого, грациозного, но не сильного телосложения. Он отмечает, что «с цветом лица белым, с чуть заметным оттенком смугловатости; с глазами большими, продолговатого разреза, черными и только весьма редко голубыми. Волосы у них по преимуществу черные, но встречаются, хотя и весьма редко, рыжие... Их брови бывают прямые, точно подведенные. Борода густая, формы от окладистой до того, что называется клином. Что касается до формы носа, то он лучше всего дает понятие: к какой помеси, еврейской, авганской и прочей принадлежит таджик и переходит от чисто орлиного до формы носа, о котором говорят, что он «топором»³.

Говоря о языке таджиков, автор отмечает, что он был персидский, но на нем говорили не все таджики. Ввиду того, что в округе жило много узбеков, таджики уже с малолетнего возраста говорили и на узбекском языке. Среди женщин – таджичек были и такие, которые совсем не знали узбекского языка⁴. Рассказывая о духовной культуре, в частности о религии автор отмечает, что среди таджиков распространился суннизм.

В статье автор выделяет деятельность таджиков на несколько отраслей. Он останавливается на описании таджиков-земледельцев: «Таджики, будучи

¹ Гребенкин А.Д. Таджики... С.5.

² Там же. С.6.

³ Там же.

⁴ Там же. С.12.

разбросаны по различным местностям округа, занимаются всеми отраслями земледелия: они хлебопашцы, садоводы, огородники и скотоводы... Они создают материальную выгоду владения землею и занятие земледелием, но сосредоточивать свои силы исключительно на нем, видеть все свое богатство только в земле – несообразно с их натурой, требующей большого круга деятельности и обладающей разносторонними способностями»¹. Рассказывая о таланте таджиков как земледельцев, автор отмечает, что пашни, принадлежащие таджикам всегда лучше узбекских. Они унавоживались, обновлялись, взрыхлялись и засеивались тщательнее узбекских. У него незасеянных мест не бывало. Лучшие сады принадлежали таджикам, особенно виноградники. Они разводили питомники, умели делать прищепы и прививы, разводили шелковичные деревья всех сортов, т.е. балхи, марваритак, хосак, шатути хоразми и занимались выводкой шелкопряда².

Во втором параграфе статьи автор более подробно останавливается на ремесленное производство таджиков. А.Д.Гребенкин пишет: «Таджики занимаются выделкой канауса (исключительно тад), адраса, бикасаба, алачи, хосы, дока, фаута, тибет-сали, бузи (всех сортов). Окраской бумажных ниток, шелка, шерсти и пуха таджики занимаются мало: они красят только в красивые цвета.

Для продевания основы чрез ремизки и набильник, для наведения лоску на адрас, каламу, алачу и для размотки коконов существуют особые мастерские; для набивки цветонна мату – особые, се из таджиков-же»³. Согласно словам автора, таджики также занимались вышиванием по разным материям и коже, шитьем платьев, местной и европейской обуви, выделкой кож, производством седел, свеч и мыла, литьем вещей из чугуна, кузнечным, золотым, серебряным и медным мастерством, плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и др.⁴

¹ Гребенкин А.Д. Таджики... С.18.

² Там же. С.20.

³ Там же. С.22.

⁴ Там же.

В статье автор пишет о ремесленных цехах, называемыми касаба. « Это товарищество, - пишет А.Д.Гребенкин, - выражается, между прочим, в том (так было до занятия края русскими), что они в известное время года, предпочтительно весною, когда начнут цвести розы, прекращая занятия в своих мастерских, делают (хозяева или усто) между собою складчину деньгами, покупают барана, рис, лепешки, чай и проч., нанимают бачей, музыкантов и, вместе со своими рабочими, как гостями отправляются куда-нибудь за город, на день – на два, томошиться, т.е. есть плов, пить чай, восхищаться пляской бачей и музыкой»¹. Далее автор останавливается и на найме рабочих по некоторым ремеслам. Ремесленники, в частности ткачи, гончары, кузнецы, свечники и булочники не нанимались не получив от своих нанимателей известную сумму денег – бунак. По этому поводу А.Д.Гребенкин пишет следующее: «Бунак есть собственности рабочего до тех пор, пока он остается у нанимателя. Он может расходовать его, как ему угодно. Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина задельную, по уговору, плату по исполнении известного количества работы. Так ткач получает плату за джюру сотканной материи, т.е. количество, потребное на 1 халат или 1 рубашку, гончар – когда выработает (сделает и обожжет) одну печь посуды, и проч. Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак»².

А.Д.Гребенкин останавливается и на менталитете таджиков, в частности, он отмечает, что «натура таджика при всех поименованных родах деятельности выказывает себя подвижной, сангвинической, суетливой и вместе с тем в известных случаях ленивой, беззаботной; обе крайности в ней уживаются, как нельзя лучше. Вот почему о таджиках составились два, совершенно различные мнения между русскими Туркестанского края; одни говорят: таджик ленив, другие - что он до крайности деятелен. Одни говорят о нем как о поклоннике всяких удовольствий и забав; другие, как о человеке скупом, впол-

¹ Гребенкин А.Д. Таджики... С.23.

² Там же.

не преданном расчету, делу. Как объяснить происхождение этой видимой разногласицы во мнениях о таджиках?»¹. Далее автор подчеркивает, что таджик очень льстив и никогда не применял воспользоваться удобным случаем, чтобы наговорить комплементов. Он говорил их прямо или, обращаясь к посторонним, присутствующим, выражалась в третьем лице о том, про кого он говорил.

В работе автор пишет и о различных играх, распространенных среди таджиков Зеравшанской долины. «В каждом городе Зеравшанского округа есть особые дома и переулки, - пишет А.Д.Гребенкин, - куда собираются таджики для игры. В домах играют преимущественно по ночам, а в переулках – днем. Игроки иногда проигрывают все; они играют с большим азартом: деньги, одежда, домашний скот, даже жена, сестра, дочь, сын все идет на ставку. ... Игры в карты, кости, чет и в другие игры»². Рассказывая о других видах игр, автор очень подробно останавливается на кулачных боях, которые происходили в среднеазиатских городах и селах среднетаджиков и других среднеазиатских народов. Автор пишет: «В числе игр, мы помещаем и кулачные бои, так как азартно держать пари за одну или другую из участвующих в бою сторон... Самые большие кулачные бои бывают на новый год в Самарканде в Ходжа-Ахрорском предместье, а в Каты-Кургане – около арыка Нарупая. Вначале дерутся ногами, потом в ход пускают догола и исколачивают до полусмерти»³. Далее автор пишет о различных играх, связанных с животными и птицами. В частности он отмечает, что люди играли с перепелками, куропатками, петухами, баранами и др. А.Д.Гребенкин рассказывая об играх с птицами, пишет следующее: «Для пари таджики...держат в клетках перепелов и куропаток и весной, во время спаривания, спускают их для боя. Для той же цели служат петухи и верблюды»⁴.

¹ Гребеникин А.Д. Таджики... С.30-31.

² Там же. С.38.

³ Там же.

⁴ Там же.

В 1872 г. А.Д.Гребенкин опубликовал свою статью «Мелкие народности Зеравшанского округа», в которой даны сведения и о таджиках¹.

В сборнике «Материалы для статистики Туркестанского края», который был издан в 1873 г., опубликована другая статья А.Гребенкина «Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа»². В ней рассматривается ремесленная деятельность таджиков данного округа.

По словам автора, ремеслом исключительно занимались таджики. Действовали следующие виды ремесла: ткацкое и вязальное; кузнечное, медночное и прочие; сапожное, шорное, седельное и другие; красильное; гончарное; швейное. Таджики ткали канаус (шай), адрас, алачи, каламу, мату, хосу, чалмы, опояски, вязали чулки и другие. Для своих ткацких станков они употребляли шелк и хлопчатую бумагу, шерсть и пух использовали очень редко.

Таджики на своих станках выделывали алачи, полосатую, т.е. бумажную материю, состоящую из полосы различных цветов и ширины; она бывала двух сортов: алача простая, бумажная и алача-абрешим, т.е. шелковая алача. Рассматривая качество алачи, А.Гребенкин пишет: «Лучший сорт простой алачи называется зибак, еще разделяется алача на лощеную и не лощеную. В округе сорт алачи шфеклык приготавливается в самом ограниченном количестве, и то не таджиками, а их женами. В лавках алача шфеклык продается привозная из Бухары. Кроме того, алача делается из туземной бумажной пряжи и из привозной (русской или английской) и в последнем случае называется алача-фаренги. В Ходженте, где центр таджикского населения, алача-фаренги и алача-шфеклык не встречаются в продаже. Почти все производство алачи сосредоточивается в г.Ургуте, в Самарканде и Катта-Кургане ее ткут мало. Катта-курганская алача славится своей добросовестностью»³.

Другая материя, которую производили в большом количестве, была калама, т.е. бумажная материя, состоящая из одноцветных полосок, по белому

¹ Гребеникин А.Д. Мелкие народности Зеравшанского округа // Русский Туркестан: сб., изданный по случаю политехнической выставки. М., 1872. Вып. 2. С.110-130.

² Его же. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1873. Т.2.

³ Там же. С.511-512.

фону. Цвет полос бывал синий, красный и зеленый. Калама в большом количестве производилась в Самарканде, Чилене, Пайшамбе, Катта-Кургане, Дахбеде и меньше всего – в Ургуте. Округ только в значительном количестве выводил каламу в Туркестанский край.

О фоте (фута – А.В.) автор пишет: «Фота, бумажная материя, употребляемая для чалмы и опоясок, ... состоит из весьма мелких синих клеточек; она готовится в округе исключительно в Самарканде...

Для чалмы две фоты сшивают вместе, по длине. Для опоясок же употребляется одна фота. Таджикские женщины фоту не употребляют вовсе, мужчины же носят одну фоту 2-3 года»¹.

Далее автор пишет о хоса, о роде маты, белой бумажной материи, употребляемая для обвивания тела покойников, (т.е. саван – А.В.), на чалмы и для подкладки в хороших халатах. Ее выделывали в Самарканде, Дахбеде и Янгикургане. Кроме того, автор упоминает пяднку (широкая ткань, белая), даку, плотную бумажную ткань из привозной пряжи, ее выделывали в Дахбеде и Янгикургане и мало в Самарканде. Даку вывозили в Бухару и Хиву. Таджики потребляли ее в весьма ограниченном количестве. А.Гребенкин о тибите пишет так: «Тибит, значит, пух, салыи-чалма; стало быть, в переводе это слово значить – пуховая чалма. Из шерсти и пуха выделывают в Самарканде полушерстяную материю тибит-салыи или тибит-фота, на опояски и чалмы. В такой ткани, основа – бумажная, уток – пуховой. Этого рода ткань начали готовить в Самарканде лет 40 тому назад, переняв искусство выделки из Ура-Тюбе. В настоящее время эта материя готовится в Самарканде и во многих горных кишлаках»².

Из полушелковых материй выделывали пари-паша (носили женщины и, употреблялась на паранджи, бывала и шелковая), пасму (полушелковая материя, с широкими полосками), бикасаб (полушелковая ткань с более узкими полосками), адрас (различалась шириною ткани). Все полушелковые ткани

¹ Гребенкин А.Д. Ремесленная деятельность таджиков... С.512-513.

² Там же. С.513.

набивались «мусре» - особыми мастерами на базарах. «Инструмент, которым производятся узоры мусре, называется кудунг; это довольно тяжелый молоток в полукруглого, выдающегося частью, из крепкого дерева зиранг (растет в Зеравшанском округе). Стол, на котором растягивается набиваемая материя, также имеет полукруглое, небольшое возвышение из зирана»¹. Канаус (шаи) бывала трех сортов судурга (гладкий), чача (полосатый) и абардар (цветной, узорчатый). Автор также пишет и об атласе, басме (сукна; из верблюжий шерсти для зимних халатов), кокме, кошме (войлок) и т.д.

Паласы, выделявали в Худжандском уезде и в Зеравшанском округе в небольшом количестве. Производством паласов славились курама, т.е. жители бассейна Ангрена и Чирчика².

В 1874 г. А.Д.Гребенкин опубликовал другую свою статью «Народы Средней Азии», в которой даны сведения и о таджиках и других среднеазиатских народах³.

Высоко оценивая эти работы ученого, вместе с тем необходимо отметить, что у А.Д.Гребенкина наблюдается тенденция, свойственная некоторой части дореволюционных авторов, приписывать национальному характеру изучаемого ими народа определенные черты, нередко отрицательные. Эти авторы, как отмечает профессор Н.О.Турсунов, «подчеркивали пороки, обусловленные социальными и бытовыми условиями, укоренившимися традициями, и трактовали их как характерные черты того или иного народа. Основанные на крайне ограниченных и неглубоких наблюдениях оценки, в корне неправильные, имеют привкус великодержавных взглядов людей, стоящих в стороне от народной жизни»⁴.

Исследователи Н.Ф.Петровский и М.И.Бродовский на основе изучения собранных в 1872 г. экспонатов для выставки в Москве и расспросных данных, собранных в Худжанде, Самарканде, Ташкенте подготовили интересные

¹ Гребенкин А.Д. Ремесленная деятельность таджиков...С.514.

² Там же.

³ Гребенкин А.Д. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1874. Вып. III.

⁴ Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений...С.12.

работы. Н.Ф.Петровский в «О шелководстве и шелкомотании Средней Азии»¹, М.И.Бродовский в «Техническое производство в Туркестанском крае»², «Заметки о земледелии в Самаркандском районе»³ описали технологию выделки шелка-сырца, бумажной пряжи, различных текстильных, железных, чугунных и гончарных изделий, а так же состояние и технику земледелия. Их описания бесценны для определения технического уровня ремесленной промышленности и земледелия в Средней Азии во второй половине XIX в.

Русский исследователь и чиновник А.Хорошхин в 1874 г. опубликовал очень содержательную статью «Народы Средней Азии»⁴. В ней автор наряду с другими народами Средней Азии останавливается на описании жизни и быта таджиков.

В 70-х гг. XIX в. востоковед А.Л.Кун собрал обширные, оставшиеся неопубликованными материалы по археологии, топографии Худжанда, о его жителях, жилых кварталах, об отраслях ремесла⁵. Представляют интерес и записанными им в Худжанде загадки, пословицы и поговорки населения. В работе А.Л.Куна «Некоторые сведения о Ферганской долине» имеется краткое сообщение о крепости Махрам, об одноименном селении (Канибадамский район)⁶. Побывав также в Китабе и Шахрисябзе, А.Л.Кун составил список кварталов этих городов⁷.

А.Л.Кун в статье «Очерки Кокандского ханства»⁸, которую он читал на общем собрании Русского географического общества 4 февраля 1876 г., дает важные сведения о населении Кокандского ханства. Оседлое население, сплотившись в значительные города и кишлаки, разместилось по предгорьям и

¹ Петровский Н.Ф. О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии. Ташкент, 1873.

² Бродовский М.И. Техническое производство в Туркестанском крае. СПб., 1875.

³ Его же. Заметки о земледелии в Самаркандском районе // Русский Туркестан. М., 1872.

⁴ Хорошхин А.П. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1874. Вып. 3. С.303-324.

⁵ Архив востоковедов. Архив А.Л.Куна. Ф.33.

⁶ Кун А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. СПб., 1876.

⁷ Его же. Очерки Шахрисябзского бекства Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. VI. С.203-227.

⁸ Его же. Очерк Кокандского ханства // Известия РГО. СПб., 1876. Т. XII. С.59-70.

долинам, вдоль каналов, проведенных из горных речек; кое-где здесь местами между ними встречались аулы кочевников, которые вели полуоседлый образ жизни, позже они постепенно переходили к оседлости. А.Л.Кун по этому поводу пишет: «В этом случае двигателем у среднеазиатского кочевника является бедность скотом. Естественные произведения ханства однородны с встречаемыми произрастениями в Русском Туркестане; в сельском хозяйстве шелк, хлопок и хлеб составляют главную статью земледелия»¹.

Говоря об этническом составе Кокандского ханства, А.Л.Кун отмечает, что значительную часть населения ханства, составляли узбеки, которые передвинулись сюда из Ташкента, Самарканда, Бухары и др. местностей. Между узбекскими родами, населяющими страну, встречались представители почти всех родов, которые обитали в Туркестане. Далее он пишет: « Главные части населения ханства составляют узбеки, таджики и киргизы. Первые два из них образует основную часть оседлых жителей, и последние кочевников, между которыми более развитыми, хотя не столь числительными являются кипчаки. Большинство из них ведет полукочевую жизнь, стремясь при этом кочевать поближе к городам и селам. В этнографическом отношении они имеют много общего с горожанами. Таджики, исключительно населя южную и западную части ханства, редко образуют отдельные поселения, в большинстве случаев они живут вместе с узбеками»². По данным А.Л.Куна, в ханстве было оседлых 132000 домов, кочевников 60000 кибиток, всего до 192000 домов или 960000, около миллиона жителей.

Важной стороной изучения населения Средней Азии, в т.ч. Северного Таджикистана, были подсчеты его численности. Первые приблизительные исчисления, основанные на личных впечатлениях и наблюдениях, делались еще в первой половине XIX в. Е.К.Мейендорфом, Н.В.Ханыковым, А.Вамбери. После присоединения Средней Азии к России появилась возможность получить более точные цифры. С конца 60-х гг. XIX в. начали пуб-

¹ Кун А.Л. Очерк Кокандского ханства... С.66.

² Там же. С.63.

ликоваться первые статистические сведения о численности и этническом составе населения, о числе мастерских ремесленников, торговцев, земледельцев, о количестве производимых земледельческих продуктов, составленные на основании опроса нижних чинов местной администрации. Такие данные интересовали как администрацию края, так и официальные и торгово-промышленные круги России.

Более точные и проверенные статистические сведения были даны русским чиновником А.А.Кушакевичем. Он в работах «Кишлаки Ходжентского уезда»¹, «Очерки Ходжентском уезда»², «Города Ходжент и Ура-Тюбе»³, «Сведения о Ходжентском уезде»⁴, «О гончарном производстве в Ходжентском уезде»⁵ дает сведения о составе и расселении разных групп оседлого, полукочечевого и кочевого населения в Худжандском уезде.

Особняком стоят работы по истории завоевания Средней Азии, в частности Ферганской долины, изданные участвовавшими в нем русскими генералами и офицерами. М.А.Терентьев в 1874 г. опубликовал статью «Статистические очерки Среднеазиатской России»⁶, в которой дает сведения о численности населения Средней Азии, в т. ч. Северного Таджикистана.

Свои наблюдения о жизни городов и селений Северного Таджикистана оставили и другие русские ученые. У Н.А.Маева имеются отдельные статьи с описанием Пенджикента, Джизака, Самарканда, азиатской и русской частей Ташкента. В статье «Джизак и Самарканд»⁷ дает сведения о топографии этих городов, их населения. В одной из статей он рассказал о большом событии в жизни Худжанда – открытии в этом уезде в 1870 г. первой в Средней Азии выставки ремесленной промышленности и сельского хозяйства, о первой

¹ Кушакевич А.А. Кишлаки Ходжентского уезда // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1872. Вып.1. С.36-48.

² Его же. Очерки Ходжентского уезда // Туркестанские ведомости. 1872. № 11, 13, 14.

³ Его же. Города Ходжент и Ура-Тюбе // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1872. Вып.1. С.49-68.

⁴ Его же. Сведения о Ходжентском уезде // Записки ИРГО по общей географии. СПб, 1871. Т.1. С.238-262.

⁵ Его же. О гончарном производстве в Ходжентском уезде // Русский Туркестан. М., 1872. Вып.П. С.194-197.

⁶ Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки РГО. Отдел статистики. 1874. Т.IV.

⁷ Маев Н.А. Джизак и Самарканд // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб, 1873. Вып.2. С.269-287.

шелкомотальной фабрике¹. В очерках А.П.Хорошхина «Заметки по дорогам Средней Азии»², «Народы Средней Азии»³, «Сборник статей касающихся до Туркестанского края»⁴, даются сведения об отдельных городах и населенных пунктах, в том числе о Худжанде, Канибадаме, Аште.

Работы знаменитого ученого-естествоиспытателя А.П.Федченко «Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда»⁵, «Заметки о Верхнем Зеравшане» посвящены населению Зеравшанской долины⁶. Работа «В Кокандском ханстве»⁷ является итогом его различных экспедиций по Средней Азии.

После присоединения Средней Азии к России Туркестанская администрация обратилась в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии с предложением принять участие в изучении вновь приобретенных Россией среднеазиатских земель и территории Кокандского ханства, с которым тогда ненадолго установились мирные отношения. Перспектива больших научных работ заинтересовала руководителей Общества. Им было известно, что А.П.Федченко готовится к исследованиям в Средней Азии, и они предложили ему воспользоваться случаем и таким образом осуществить свое заветное желание - проникнуть в неизведанную никем область, расположенную к югу от Ферганской долины. Руководство Общества извещало администрацию Туркестанского края о решении Совета Общества поручить научные работы в Средней Азии А.П.Федченко, заведующему антропологическим отделом данного учреждения.

В конце октября 1868 г. А.П.Федченко и его супруга Ольга Александровна выехали из Москвы. В Оренбурге к ним присоединился опытный охот-

¹ Маев Н.А. Джизак и Самарканд. С. 249, 259.

² Хорошхин А.П. Заметки по дорогам Средней Азии // Военный сборник. СПб., 1870. Т. П. Год 13-й.

³ Его же. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1873. Вып.2.

⁴ Его же. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

⁵ Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда // Известия Общества любителей естествознания, и антропологии. 1871. Т.VIII. Вып.1.

⁶ Его же. Заметки о Верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1872. Вып. 2.

⁷ Его же. В Кокандском ханстве // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1873.

ник и препаратор И.И.Скорняков, до этого сопутствовавший Н.А.Северцову в его экспедициях по Туркестану. Вскоре небольшой отряд А.П.Федченко вступил на территорию Средней Азии.

Научные работы Федченко начал в окрестностях Самарканда, где он провел зиму. Уже к середине апреля собранная им зоологическая коллекция насчитывала до 8 000 экземпляров. Круг интересов А.П.Федченко, проявленных им в это время, был очень велик. Ознакомившись с хозяйством местных жителей, Федченко приходит к мысли об устройстве в верхнем течении реки Зеравшан водохранилища, что позволило бы земледельцам значительно расширить орошаемые площади.

В конце апреля 1869 г. А.П.Федченко выехал на обследование Зеравшанской долины. На всем пути отряд русского путешественника приветливо встречали местные жители. После поездки в горы Актау исследователь направился на юг к Зеравшанскому хребту и вдоль северного его подножия проехал до селения Дашти-Казы. Это был конечный пункт летней поездки 1869 г. Отсюда Федченко вернулся в Самарканд, где провел еще ряд дополнительных разнообразных наблюдений, а затем в конце лета выехал в Москву¹.

В результате путешествия по Зеравшанской долине было собрано до 10 тысяч экземпляров различных животных и насекомых, большой гербарий степных и горных растений. Большую ценность имела составленная участниками отряда пятиверстного масштаба карта на площадь более 8 000 кв. версти превосходно выполненный Ольгой Александровной альбом рисунков. А.П.Федченко были собраны также сведения о расселении таджиков и узбеков и расспросные сведения о некоторых прилегающих к Зеравшанской долине землях². Очень ценными для хозяйства Туркестана оказались наблюдения А.П.Федченко, проводившиеся им в 1869 г. над шелковичными червяками.

¹ Федченко А.П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бегствах Самарканда.

² Его же. Заметки о Верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1873. Вып.2.

В мае 1870 г. А.П.Федченко вновь выехал из Москвы для исследований бассейна верхнего Зеравшана. Свои научные работы он начал около Ура-Тюбе. От него экспедиция двинулась на юг к Туркестанскому хребту, переправилась его и спустилась в долину реки Зеравшана. От Обурдана, расположенного в верховьях реки, экспедиция прошла через Варзаминор к озеру Искандер-куль. Это озеро интересовало Федченко как водоем, с помощью которого, как он предполагал, можно будет регулировать воды Зеравшана и расширить, таким образом, площадь поливных земель в низовьях реки. Особенно сильное впечатление на путешественников произвело ущелье реки Фандарьи.

Обследовав окрестности озера Искандар куль и северный склон Гиссарского хребта, Федченко направился вверх по течению реки Ягноб. На Ягнобе было встречено особая народность, говорящая на языке, не понятном таджикам. Позже было выяснено, что это потомки согдийцев - ираноязычного народа Средней Азии, составлявшего население одного из древнейших государственных образований на территории Средней Азии¹.

Ценные данные по истории города Пенджикента XVIII-XIX вв. приводятся в краткой справке, включенной в работу географа П.П.Семенова-Тяньшанского, сведения справочного характера, почерпнутые из русской литературы по Средней Азии, вошли в шестой том известной работы Элизе Реклю «Земля и люди»².

Редакция журнала «Природа и люди» в 1880 г. в городе Санкт-Петербурге подготовила и издала книгу «Народы России», в которой помещен раздел «Среднеазиатские народы» (таджики и узбеки)³. В данном разделе дается сведения об истории, быте, культуре, образе жизни таджиков. Книга также рассказывает о ремеслах, народной кухне, верованиях, обычаях и обрядах, фольклоре таджиков, которые входили в состав Российской империи.

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.

² Реклю Э. Земля и люди // Всеобщая география. VI. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1880. Т.6.

³ Среднеазиатские народы. Таджики // Народы России. СПб., 1880. Ч.2. С.608-635.

В 1880 г. в городе Санкт-Петербурге была издана книга В.Радлова «Средняя Зерафшанская долина»¹. Работа была результатом поездки автора по среднеазиатским городам. В частности по Зеравшанской долине. В данной работе автор пишет о среднеазиатских городах, их кварталах, общественных зданиях, структурах и т.д. О структуре среднеазиатского города автор пишет: «Города по всей Средней Азии имеют совершенно одинаковое расположение, и только большим или меньшим размером отличаются друг от друга. Центр собственного города есть крепость (арк); она находится обыкновенно на искусственном возвышении и окружена рвом и довольно высокою зубчатую глиняною стеной. Внутреннее пространство крепости занято строениями и улицами, в которых кроме бека и большей части его солдат живет еще много других жителей. Вокруг крепости, обыкновенно с трех сторон, расположен собственный город, окруженный также, хотя и менее значительною, стеной, в которой находятся в некоторых местах ворота (дерваза)»². По словам В.Радлова, улицы города были узкие и извилистые, и образовались, только из низких глиняных стен, потому что дома, без исключения, находились на дворах. Изредка глиняные стены были украшены грубыми арабесками. Садов почти нигде не было. Улицы, которые бы образовались домами, были только в больших городах, около базарного места, где цена на землю была высокая. Далее автор пишет: «Лавки и мастерские ремесленников открыты на улицу, и здесь в среде торговцев и ремесленников кипит деятельная шумная жизнь... Отдельные дворы, окруженные глиняною стеной, состоят, как и в деревнях, из нескольких маленьких дворов с незначительными избушками. В наиболее обширных дворах бывают четырехугольные бассейны по сторонам, у которых иногда стоят деревья. Каналы так устроены, что пересекают каждый двор»³. Города, расположенные в Зеравшанской долине были окружены широкой полосой садов, занимающею пространство чуть не в десять раз больше, нежели города. Между садами улицы были гораздо шире и просто-

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина // Записки ИРГО по изучению этнографии. 1880. Вып. 6.

² Там же. С.40.

³ Там же.

рнее. После общей характеристики автор переходит к описанию конкретных городов. Согласно словам автора город Пенджикент был маленький и расположен на левом берегу Зерафшана. В городе была расположена большая крепость, где жил бек. Город Самарканд располагался на левом берегу Зерафшана. Он не отличался от других городов Средней Азии. Единственным отличием Самарканда от других городов, было это памятники зодчества – медресе, мечети, гробницы святых¹.

В.Радлов говорит и о городе Катта-Кургане. Он пишет: «Город Катты-Курган построен четырехугольником, и имеет ворота с четырех сторон. К югу лежит Самарканд-дервеза-и (Самаркандские ворота), на восточной стороне Айдар – Чаман-дервеза-и, на северной стороне Базар-дерваза-и, и на западной стороне Бухара-дервеза-и. В середине города, на маленькой искусственной возвышенности, имеется довольно незначительная цитадель. Большею частью дома в городе очень малы и полуразрушены; многие из них теперь пусты, так как в них прежде жили чиновники и солдаты. Жители города большею частью бедны и состоят из ремесленников, рабочих и мелких торговцев»². По словам автора вокруг Катта-Кургана люди занимались шелководством. Смотанный шелк отправлялся в Бухару. Из Бухары значительное количество шелка через Афганистан отправляли в Индию. Далее автор останавливается на процессе выработки шелка. «Шелк наматывается на большое мотовило, имеющее, по крайней мере, четыре аршина в диаметре. Такой размер мотовилу дан, для того чтобы достигнуть более значительной скорости оборота. У всякого мотовила два человека: один толкает колесо, другой накладывает на него нить»³.

В Катта-Кургане производили в большом количестве хлопок, однако здесь обрабатывалась незначительная часть, а остальное отправляли в Бухару. Там также выделывали бязь, аладжа, калами, астар. Материи были очень узкие, их никуда не вывозили, а употребляли на месте. Автор пишет: «Ткаче-

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долин. С.41.

² Там же. С.42.

³ Там же.

ство здесь не очень выгодное ремесло. У одного ткача, у которого делалась аладжа (алача – А.В.), и которого я потом посетил, было три станка. Один человек не в состоянии изготовить в день больше 8 аршин»¹. Устройство этих станков было не лучше устройства мотовил для разматывания шелка. Нитки растягивались на улице на поперечных гребнях, слагались по пяти нитки в виде тесем, и сматывались в длинноватые мотки. Ткацкие станки находились на одной стене комнаты, а под ними в полу углубление, ткань сидела на уровне пола. Нити основы растягивались от станка до верхней части противоположной стены, и под станком навиты на восьмиугольную призму. Давлением ног поднимались нити, отделенные друг от друга кусками камыша. Нити основы сначала сложены по пяти, а потом по сто, и отделялись друг от друга деревянными гребнями, укрепленными на стене. Где сноска и ковычки.

Когда материи вытканы, их смачивали клейковатой водою и били большими деревянными молотками до тех пор пока они не получали гладкую, как бы лакированную наружность. Это приклеивание материй производилось особыми ремесленниками, мастерские которых были на базаре. Работа была очень трудная и давала только самый скромный заработок. Полушелковые материи (дорои) намачивались яичным белком.

В.Радлов рассказывает и о мельницах, которые были здесь. Он пишет: «Мельницы лежат много глубже двигающей их канавы. Вода канавы изливается в деревянный жолоб и попадает на горизонтальное колесо, лежащее под самым жерновом, под углом, по крайней мере, в сорок градусов, так что жернова делают столько же оборотов, как и колеса. Понятно, что при таком устройстве вода должна иметь огромное падение, чтобы какнибудь ускорить движение жерновов»².

В разделе «Население» автор в краткой форме пишет о народах, которые проживали в Зерафшанской долине. Население этого региона делилось на две группы. В первую группу входили народы, которые говорили на тюркских

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина. С.42.

² Там же. С.43.

языках. Ко второй группе относились народы, говорящие на таджикском языке. В.Радлов пишет: «Первые составляют главную часть населения, и между ними последние живут рассеянно по некоторым пунктам. Говорящие по-персидски (т.е. по-таджикски – А.В.) жители Зерафшана называются здесь общим именем таджиков. Они живут большею частью в городах и там занимаются почти исключительно торговлей и ремеслами. Частью они состоят из древних персидских жителей края, частью из позднейших пришельцев из северной Персии или из персидских рабов, продаваемых в ханствах ежегодно в очень значительном числе тюркменами. Общее название для последних – иранцы, и принадлежат они частью, хотя и тайно, к шиитской секте.

Главные места пребывания таджиков (я этим именем хочу назвать всех говорящих по-персидски): город Ходжент на Сыр-дарье, состоящий из двух отделов: узбекского города и таджикского города; Ура – тэпэ, Джизак, почти исключительно обитаемый таджиками, и Самарканд. В Самарканде внутренний город населен только таджиками, и на улицах изредка слышен другой язык кроме персидского; точно так и в южных садах города. Здесь также образовалось несколько деревень иранцев занимающихся исключительно производством шелка. Городские таджики о своем происхождении ничего не знают»¹.

По мнению автора, оставшихся прежних жителей края назывались гальча или горные таджики, которые жили в различных горных хребтах Бухарского и Кокандского ханств. Они ушли в горы в результате вытеснения тюркскими племенами. О местоположении горных таджиков В.Радлов пишет: «Эти сплошные населения горных таджиков, сколько я мог узнать, находятся на следующих местах:

1) на расстоянии одного дня пути от Кокана, на дороге в Дауан; из здешних мне особенно названы были деревни: Шайдан, Бебадурхан и Тангас. 2) В горах на юго-запад от Ташкента»².

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина. С.58-59.

В своей работе В.Радлов останавливается и на сартах. Он отмечает, что оседлое население городов Ташкента, Чимкента, Мерва и Туркестана назывались общим названием сарты. По наружности и были очень похожи на таджиков. Однако персидский язык (читай таджикский – А.В.) для них чужой. Они отделяли себя от таджиков. А.Вамбери считает, что сарты по происхождению таджики. В.Радлов пишет: «Через смешение с персидским элементом и тюркское население городов во многих отношениях сблизилось в нравах своих с таджиками»¹. Далее автор пишет о менталитете таджиков, проживавших в кишлаках долины: «Жители деревень Зерафшанской долины производят более приятное впечатление, ибо в них заметна какая-то чистосердечность, которой у жителей городов не замечаем. Жадность у них не так ясно выражается, они не так деятельны и старательны как городские жители, но флегматичны и ленивы, при всем этом, однако телесного труда не боятся, как этого и требуют их занятия»².

Далее автор останавливается и на материальной культуре населения. Он пишет: «Одеты они в свои пестрые и длинные халаты, обуты в сапоги с длинными и узкими голенищами, в светло-зеленных галошах; головы покрыты фантастично-свернутыми огромными чалмами белого, зеленого и красного цвета. Они одни сидят группами на базаре или у мечети, где ведут оживленные разговоры. Только изредка прокрадывается между пестрыми группами мужчин маленькая стойкая личность, закутанная в длинный синий халат, наброшенный на голову. Рукава этого халата, назад концами завязанные. Доходят почти до подола, халат она прихватывает рукой на груди, а к стоячему воротнику пришит кусок черной сетки из конских волос, закрывающий совершенно лицо. Это – женщина»³.

После описания одежды автор переходит к рассмотрению жилища населения. В больших городах вблизи базаров, где люди жили очень тесно, ком-

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина. С.74.

¹ Там же. С.38-39.

² Там же. С.75.

³ Там же. С.77-78.

наты находились в широких коридорах, которые вели к маленьким дворикам. Двор построен почти всегда квадратом и был окружен высокими стенами или домами, одну из стен двора образовал дом хозяина. Там находились несколько маленьких дверей, которые были украшены грубой резьбой. Двери вели в гостиные хозяина, которые получали свет через эти же двери и через маленькие, находившиеся над дверьми окна. Эти окна состояли из деревянных решеток, а решетка была заклеена прозрачной бумагой. Стены этих домов были глиняными, потолки состояли из деревянных балок, расположенных друг от друга на расстояние 60-70 см и покрытых поперечными тонкими жердями. Автор пишет: «На потолок наброшен толстый слой глины, составляющей плоскую крышу дома. Потолок обыкновенно забелен, но у богатых выштукатурен и раскрашен пестрыми красками и золотом. В стенах находятся, в расстоянии одного аршина от полу, ниши, в которых обыкновенно помещается библиотека хозяина (в числе книг непременно имеется Коран и Хефтьяк) и, кроме того, чайная посуда. Пол этих комнат из битой глины и покрыт туркменскими коврами; на полу в разных местах лежат круглые подушки, обтянутые пестрой шелковой материей, и для лучших гостей – шелковые одеяла на вате»¹. Большинство жилища горожан состояло из двух частей, внешней и внутренней. Внешняя или передняя часть принадлежала мужчинам, а внутренняя семейству. Во внутреннем дворе жили женщины и дети. Женщины тихо и медленно исполняли свои работы.

В.Радлов в работе пишет и о пище населения Зеравшанской долины. «Пища жителей Зерафшанской долины чрезвычайно проста и у всех, - пишет он, - классов общества та же самая. Бедные и работники большею частью питаются фруктами и хлебом. Хлеб месят из пшеничной муки, воды и соли, и, не подвергая его брожению, пекут в виде тоненьких лепешек. Свежий хлеб довольно вкусен. Кроме того, бывают у них маленькие булки, приготовленные на бараньем сале, которых уже нельзя назвать вкусными. Фрукты, понятно, различны по временам года: вишни, али-бухара (род слив), яблоки,

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина. С.78.

груши, персики, урюк, тутовые ягоды, дыни и арбузы»¹. Далее автор кратко рассказывает о блюдах. Он пишет: «Из вареных блюд общеупотребительное – пилав, кушанье по имени персидское; здешние жители называют его (аш) (пища). Это густой рис, вареный с бараниной, который подается с морковью, Пилав – единственное кушанье для гостей, и ел я его много, что получил к нему отвращение; он подается на стол и бедного и богатого. Другое кушанье, которое в большом употреблении, это лапша, варенная на бульоне или на молоке. Нередко готовят баранину, жаренную мелкими кусочками. Кушанья из молока, даже кислое молоко (айран) редко встречаются. На базарах продаются пельмени вареные в ситах паром: они очень жирны, но довольно вкусны»².

Чай у богатых был зеленый, в особенном употреблении. Его подавали с миндалем, изюмом и сушеными фруктами. Чай был очень не вкусен, потому что варили его в высоких медных чайниках (кувшинах) на огне. Из напитков в работе упоминается шербет. Его приготавливали из меда. Мед клали в большие глиняные кувшины, которые закупоривали и потом закапчивали в землю, мед превращался в густую жидкость, как сироп бурого цвета, который, смешанный с водой, давал приятный напиток.

Русский исследователь и чиновник Г.А.Арандаренко в 1880 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал статью «Скотоводство в Зерафшанской долине»³. В ней приводятся важные сведения о таджиках этой местности, об их быте и главное, о скотоводческом хозяйстве, которое сыграло большую роль в жизни горцев. Автором дана справка о системе и способах содержания скота, о его видах и количестве, о молочном хозяйстве жителей Зеравшанской долины.

Отдельные сведения о городах и селениях, этническом составе населения, состоянии сельского хозяйства и ремесленного производства в Турке-

¹ Радлов В.В. Средняя Зерафшанская долина. С.80.

² Там же. С.80.

³ Арандаренко Г.А. Скотоводство в Зерафшанской долине // Туркестанские ведомости. 1880. №34.

станском крае имеются и в трудах Н.П.Остроумова «Значение слова сарт»¹, «География Туркестанского края (Родиноведение)»², В.И.Кушелевского «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области»³, Е.Маркова «Фергана»⁴, В.Л.Вирского «О Самаркандском крае и его обитателях таджиках»⁵, «Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1892 г.»⁶, «Город Самарканд»⁷ и др.

Крупный русский ученый, академик А.Ф.Миддендорф в 1877 г. организовал экспедицию в Ферганскую долину. После возвращения в Россию, в 1882 году в городе Санкт-Петербурге издал книгу «Очерки Ферганской долины»⁸. Работа почти целиком посвящена хозяйственной деятельности населения долины. В разделе «Обработка почвы» автор подробно останавливается на подготовке почвы к посеву. А.Ф.Миддендорф пишет: «Я заметил, что в Ферганской долине деревья распускают листья необыкновенно поздно; подобно тому, там, кажется, злаки, и сорные травы также всходят и зеленеют при значительно более высокой температуре, чем у нас. Но суть дела в том, чтобы почва достаточно нагрелась, а температура воздуха не делала больших скачков. Растения развиваются тем роскошнее и сильнее, чем быстрее они проходят первый период развития, не подвергаясь в промежутки неблагоприятным влияниям температуры»⁹. Автор пишет, что сельскохозяйственная работа ускорялась с приходом тепла. Далее он подробно пишет о сельскохозяйственных орудиях. «Употребляемый в Фергане плуг (омач) представлял первобытнейший рыхлитель, построенный, где-то возможно, из абрикосового дерева, так как у этого твердого дерева легко найти желаемой формы изгиб, для плужного корпуса вверху приделана маленькая рукоятка. При скре-

¹ Остроумов Н.П. Значение слова сарт. Ташкент, 1884.

² Его же. География Туркестанского края (родиноведение). СПб., 1886.

³ Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Новый Маргелан, 1890. Т.1-2.

⁴ Марков Е. Фергана // Русский вестник. 1893. № 6, 7, 9, 11.

⁵ Вирский М.М. О Самаркандском крае и его обитателях таджиках // Известия Общества любителей естествознания и антропологии. М., 1880. Т.XXXV.

⁶ Его же. Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1892 г. // СКСО. Самарканд, 1892. Вып. П.

⁷ Его же. Город Самарканд // СКСО. Самарканд, 1894. Вып.П.

⁸ Миддендорф Л.Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

⁹ Там же. С.226.

плении дышла в плуге вполне рационально: оно сделано, возможно, низко, чтобы вспашку можно было производить на глубину до 1½ футов. Глубина регулируется при помощи трех отверстий на переднем конце дышла. Остальное достаточно объясняется показанными материалами»¹. Далее автор подробно описывает плуг и его частей. Лемех, как самая часть всего орудия, снимался, и каждый раз уносился домой. Он являлся единственной частью, сделанной из железа. В плуг впрягались не только волы, но и лошади. А.Ф.Миддендорф о качестве плуга пишет так: «На орошенном поле пахущее орудие выворачивает большие глыбы, так как таджик ждет подходящего времени, т.е. приступает к работе тогда, когда высыхающая почва начала трескаться. Это сжатие леса сберегает значительную долю силы влечения животных: выброшенные глыбы образуются, уже заранее отделяются посредством более широких трещин. Ждут, пока у орошенной почвы не начнут показываться беловатые пятна, т.е. пока покроется корою; тогда и волы, и лошади грузнут мало»².

А.Ф.Миддендорф с восхищением рассказывает о превосходных таджикских дехканах. Он пишет: «Как ни примитивно землеобрабатывающее орудие обитателей Востока, однако таджики умеют и с помощью его превосходно исполнять культурные работы; поэтому мы не можем признать справедливыми не редкие жалобы русских, составителей отчетов, о непригодности орудия и чересчур мелкой обработке почвы»³. Автор отмечает, что борона производилась для размельчивания глыбы. Волокуша работала отчасти как каток. Часть глыб распадалась в порошок. А другая часть вдавливалась в мелкую пыльную массу. Иногда в качестве волокуше использовали особенную доску. А.Ф.Миддендорф пишет: «Таджик, в отличие от нас, не приступает к боронованию лишь тогда, когда вся пахота закончена. Он обрабатывает маленькие участки, и прежде, чем мы успеем заметить это, плуг оборочен и работает далее, как волокуша, а затем снова совершенно невзначай пашет,

¹ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С.228.

² Там же. С.228.

³ Там же. С.229.

как рыхлитель. Пахарь с напряженным вниманием следит за степенью влажности леса и безусловно обрабатывает начисто хорошенький участок, прежде чем перейти на соседний, пока еще слишком влажной, кусок земли»¹. Дехканы очень хорошо работали со своим главным орудием – кетменом. Он служил не только для разрыхления почвы. С его помощью возводили, выглаживали и выровняли запрудные валы, открывали протоки при орошении, с кетменом очистили водопроводы, арыки и т.д.

А.Ф.Миддендорф перечисляет все работы, которые исполнялись таджикскими дехканами: 1. Взметь. 2. Глубокая вспашка. 3. Двоение. 4. Орошение. 5. Мелкая пахота. 6. Обработка волокушкой в поперек. 7. Проведение борозд и загонная пахота. 8. Посев, 9. Прикрытие семян на глубину 2 дюймов, 10. Полка, 11. Вырывание слабосильных и излишних растений, 12. Разрыхление сапою (или упряжными орудиями). 13. Орошение, 14. Окучивание, 15. Прореживание настолько, чтобы одно растение отстояло от другого на расстоянии около 2, 16. Разрыхление и окучивание, 17. Орошение, 18. Разрыхление и окучивание, 19. Орошение (если необходимо), 20. Обрывание верхушечных побегов, 21, 22 и 23. Обрывание коробочек в три различных срока – до глубокой осени².

В разделе «Культурные растения Ферганы» автор дает подробные сведения о растениях Ферганы. Распространенными культурными растениями были овес, рис, горох, пшеница, просо, бобы, огурцы, дыни, арбузы, лук, редька, морковь. Из технических культур большое значение имели хлопок, лен и люцерна. Джугара впервые появилась в Средней Азии в средние века. С приходом русских в Фергану направился новый поток культурных растений. Картофель, капуста простая (кочанная) и цветная были занесены русскими в огороды дехкан. Далее автор останавливается на каждой культуре. В частности он пишет: «Просо-джугара... дает наивысший доход, но требует сильного удобрения; когда оно достигает почти таких, же роста в толщине,

¹ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С.231.

² Там же. С.268.

как низкорослые сорта кукурузы. Шаровидные метелки весят 2-3 фунта, так как виды сорго, подобно сортам кукурузы, очень легко скрещиваются между собою, то на эти культурные растения должны обратить особое внимание в видах распространения наилучших сортов»¹. Далее он отмечает, что разведение риса было любимой отраслью полеводства в Фергане. Из него приготавливали главное кушанье Востока – плов.

А.Ф.Миддендорф особо останавливается на выращивании хлопка. «Это растение, бывшее в употреблении в Индии, - пишет он, - уже с незапамятных времен, достигло Персии и Египта лишь в начале нашего летосчисления. Для Средней Азии оно имеет особую цену, так как, подобно шелку, дает занятие множеству рук, хотя нигде не имеется больших мастерских или фабрик»².

Исследователь в разделе «Скотоводство» в краткой форме рассказывает о состоянии скотоводства в Ферганской долине³.

Для этнолога большое значение имеет раздел «Земледельцы. Этнографические сведения». Здесь автор подробно останавливается на антропологическом описании таджиков, сартов, узбеков и киргизов. Автор пишет, что «нужно упомянуть о двояком значении наименований: таджик и сарт. Оба они ...часто употребляются как равнозначащие; земледельцы преимущественно называются таджиками, а городские жители, главнейшем занимающиеся другими промыслами, но вместе с тем, по крайней мере, садоводством и огородничеством, если не земледелием, носят название сартов»⁴. Необходимо отметить, что исследователь Уйфальви часто видел белокурых таджиков, и половина населения в Наукате состояла из белокурых и голубоглазых таджиков. А.Ф.Миддендорф пишет, что «у тех таджиков даже преобладал каштановый цвет волос. Это приводит нас к одной из типических разновидностей таджиков – к гальча, или горным таджикам, которых мы

¹ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С.242.

² Там же. С.248.

³ Там же. С.268.

⁴ Там же. С.395.

встречаем даже в самых непреступных горных долинах на юге Ферганской котловины.

Так как этот горный народ бесспорно иранского происхождения, говорит на древнеиранском языке, не понимая турецкого, чем, следовательно, и обнаруживает свою чистоту; так как он, обитая в высоких горах, все же более смугл, нежели таджики, то этих гальча можно считать чистейшим типом древнеиранских аборигенов, которые укрылись от турецко–монгольских степных орд в непреступных горных высотах до Когистана»¹. Автор далее дает такую характеристику таджикам: «Только благодаря своему превосходству в духовном отношении, так как всякой житейской этике, таджик мог сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность к работе и великое искусство подчинять себе природу тяжелым трудом и обращать негостеприимные пустыни в райские оазисы выработали в этих людях особую выносливость, которой переход из руки в руки, от одного тирана к другому, придал еще большую эластичность»² А.Ф.Миддендорф подчеркивает, что в лице таджика соединяются ремесленник, мелкий предприниматель, работник и торговец. Разделение труда, машинное и фабричное дело ему еще совершенно чужды «лишь в одной духовной области, - отмечает он, - таджик с каждым днем все более теряет свою первоначальную оригинальность...Я говорю о языке. До времен Чингис-хана разговорным языком был персидский (т.е. таджикский – А.В.), язык Согда. Даже во времена султана Бабера (Бабура – А.В.) язык этот употреблялся в городах, причем говорили очень чистым персидским языком»³.

Автор отмечает, что таджик отличается от других народов ловкостью и умелостью в ремеслах и промыслах, склонностью к домашней жизни и усовершенствованиям, но что всего более возвышает таджика над евреем – там это превосходные способности к земледелию и скотоводству, его удивительная производительность на этом поприще, благодаря чему он сделался в

¹ Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. С.401.

² Там же. С.402.

³ Там же. С.395.

Центральной Азии, среди чистейших номадов, учителям и защитником этой основы всего государственного благосостояния. Таджики, только благодаря своему превосходству в духовном отношении мог сохранить свою этнографическую самостоятельность.

А.Ф.Миддендорф останавливается и на сартах. Он пишет: «Прежде всего, нам надо выяснить самую обширную группу – сартов, которых, как мы уже говорили, одни считают однозначными с таджиками, а другие – помесью (среднеазиатскими метисами), третьи, наконец – даже монголами.

К вышесказанному нам остается только прибавить, что в этнологическом смысле, под сартом мы должны понимать помесь (большею частью близко подходящего к таджикскому типу) монгольской крови, в особенности – же крови узбекской то этнографическое понятие, так сказать, извращается тем распространенным предположением, будто сарт – оседлый житель и притом преимущественно горожанин. Сарт – название неудачное, могущее легко повести к недоразумениям; а потом у него следовало бы вычеркнуть из этнографического словаря, подобно другому термину: «татарские народы», которым так много злоупотребляли. Я удержал это слово под своими гравюрами только потому, чтобы не помешать позднему, более просветленному представлению о позднейшем таджикском типе.

Большинство сартов переходит в таджикский тип таким образом, что их почти нельзя отличать от настоящих таджиков. Обыкновенно думают, что можно различить по следующему единственному, еще и поныне сохранившемуся признаку монгольского облика, именно: у сартов несколько сильнее, чем у таджиков, выдаются челюстные кости (яремные дуги)»¹.

Исследователь В.П.Наливкин, написав в газете «Туркестанские ведомости» рецензию на книгу академика А.Ф.Миддендорфа критикует целый ряд утверждений ученого. В частности, он отмечает, что в сообщениях А.Ф.Миддендорфа неправильно приведены приложения к книге и почти все названия местностей. Кроме того, по мнению рецензента, ошибочны утвержде-

¹ Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. С.400.

ния А.Ф.Миддендорфа о заселенности большей части Ферганской долины таджиками, так как основным населением являются узбеки¹.

В 1886 г. в городе Казани была опубликована работа В.Наливкина и М.Наливкиной «Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы»². Работа состоит из следующих разделов: «Предисловие»; «Краткий очерк Ферганской долины»; «Религия и духовенство»; «Жилище и утварь»; «Наружность женщины и ее одежда»; «Занятие и пища»; «Характер женщины, ее привычки, занятия и поведение в отношении окружающих»; «Беременность и роды. Девочка»; «Девушка. Сватовство и брак»; «Многоженство. Развод. Вдовство и смерть женщины»; «Проституция».

В кратком очерке авторы дают сведения о Ферганской долине и ее населения. Они пишут: «Фергана представляет собою долину, идущую в направлении с северо-востока на юго-запад и окруженную со всех сторон горными хребтами, разомкнутыми лишь в юго-западном углу последней у г.Ходжента.

Длина долины между Ходжентом и Узгентом (в проекции) равняется приблизительно 300 верстам. Наибольшая ширина между подошвами предгорий около 130, а наименьшая (у Махрама) около 30 верст. В продольном направлении Фергана режется течением Сыр-Дарьи, образующейся из слияния Нарына и Дара-Дарьи в нескольких верстах на юг от Намангана. С горных хребтов бегают значительное число речек и потоков, воды которых, частью в предгорьях, а главным образом по выходе из последних в долину, расходятся по громадной сети арыков, искусственных оросительных каналов»³.

Главнейшие, наиболее населенные, торговые и промышленные пункты – города – суть: Коканд, Маргелан, Андижан, Наманган, Ош и Чуст. Ферганская область делилась на шесть соответствующих уездов, существовали кишлаки (селения) из коих некоторые, вроде Исфары и Риштана Коканского

¹ Наливкин В.П. По поводу книги А.Ф.Миддендорфа «Очерки Ферганской долины // Туркестанские ведомости. 1883. № 35-39.

² Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

³ Там же. С.2.

уезда, Шарихана и Ассаке-маргеланского и Узгента-андижанского по своим размерам и количеству населения отнюдь не уступали таким городам, как Ош, Чуст.

Говоря о сельском хозяйстве населения, авторы отмечают, что «в зависимости от местных климатических условий возделывание всех вообще культурных растений (зерновые, овощи, фруктовые древесные породы) возможно только при условии искусственного орошения почвы, а потому возделанные земли насаждения древесных пород и оседлость встречаются там только, где по местным условиям, возможно, было провести арыки»¹.

Согласно словам авторов, туземное население Ферганы в бытовом отношении подразделялось на две большие группы – оседлое, проживавшее в долине и кочевое, которое проживало в горах и предгорьях, где кроме скотоводства оно имело еще и запашки, поэтому часто их называли полукочевым, так как зимовки с находившимися при них запашками всегда постоянные, а летом аулы выходили из года в год на одни и те же горные пастбища.

В расовом и племенном отношении оседлое население Ферганы состояло из узбеков (или тюрков) и таджиков. Часто всех их называли сартами. Наливкины о сартах пишут так: «Сарты – узбеки, говорящие на тюркском языке, суть прежние кочевники узбекских родов Кыргыз, Багыш, Кипчак, Каракалпак, Курама, Минг, Юз, Кырк. и др., осевшие здесь в разное время и принявшие земледельческий культ местных аборигенов таджиков. В пределах Ферганы в численном отношении сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками. Немногочисленные сравнительно поселения последних, говорящих на наречии персидского языка (Касан, Чуст, Камышкурган, Канибадам, Исфара, Варух, Сох и др.), лежат вдоль подножия окружающих долину хребтов и указывают на те пункты, из которых как из центров происходило постепенное разрастание существующих ныне культурных оазисов долины»². Далее авторы останавливаются на обычаях и обрядах. Они отмечают,

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.2.

² Там же. С.18

что разница между оседлыми узбеками и таджиками заключалась только в одном языке. Религия, образ жизни, привычки, все это одинаково. Восприняв земледельческий культ таджика, узбек принял вместе с тем от таджика персидские названия многих кушаний, большей части его утвари, разного рода инструментов, орудий, строительных терминов. По этому поводу они пишут: «В современном нам сартовском (тюркском) языке половина почти слов персидские и арабские.

Постепенно соприкасаясь с таджиками, читая почти исключительно на персидском языке (наверное, имеется в виду таджикский), хвастаясь знанием этого языка и его литературы и, наконец, в значительной степени смешавшись с таджиками путем браков, узбек, особенно, городской житель, ...смягчил твердое произношение своего родного языка, а пойдя далее, отчасти, и исковеркал его»¹.

В главе «Жилище и утварь» авторы пишут о строительном материале, структуре жилищ, процессе строительства зданий. По словам авторов, основными материалами почти всех построек были глина и дерево, по преимуществу тополь и таль. Из тополя строили стены зданий и заборы, а таль использовали для изготовления столбов, подпорок, прогонов, дверей, оконных рам и кровлей.

Строительными материалами являлись сырцовый кирпич, гуаля (эллиптической формы комки), раствор глины с примесью самана или без него (лой). Жженный кирпич использовался сравнительно мало, в основном только при сооружении таких общественных зданий, как медресе, караван-сарай, мечети, иногда на фундамент частных зданий. Авторы пишут: «Стены (дивал), всегда несколько слаживающиеся кверху, очень редко выводятся из кирпича, идущего главным образом на устройство ниш и каминов, а гораздо чаще из комков – гуаля, которые кладут рядами на глиняном растворе – лой.

Другой не менее распространенный тип стены – так называемая пахса – глинобитная стена. Так как слои такой пахса-дивал всегда растрескивается

¹. Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины. ... С.16.

при высыхании в вертикальном направлении, то последующий слой кладется не ранее того как достаточно обсыхает и потрескается предыдущий, нижний, дабы не получалось больших трещин, идущих непрерывно через несколько слоев»¹. Далее авторы отмечают, что жилая комната внутри оштукатуривалась алебастром. Двускатные крыши (шипанг) были очень редки. Куполообразные крыши (гумбаз) в основном были из жженого кирпича, реже из сырцового.

Рассказывая о структуре дворов местного населения, авторы отмечали, что, так как религия ислам запрещала женщинам показываться при посторонних мужчин без покрывала, постановление религиозного кодекса отразилось на общем характере и расположении жилищ. Поэтому двор делился на две, совершенно обособленные половины – наружную, мужскую и внутреннюю, женскую, семейную. Такое деление двора не встречалось у наиболее бедных семей, которые не имели средств на сооружение построек для двух дворов (женской и мужской) или на усадебных участках которые настолько были малы, что по своим размерам не допускали деления их на две части. Далее авторы пишут: «На наружном дворе, размещаясь самым различным образом, находятся: 1) михман-хана – комната или, вернее, помещение для гостей – мужчин; она состоит из комнаты с навесом, а иногда, у богатых людей, из двух комнат и навеса между ними; 2) конюшни, по большей части в виде открытых навесов с яслями вдоль стен»². Авторы пишут и о внутреннем убранстве михман-хона. Пол комнаты, за исключением места для калош и ямки для углей, застилалась сначала камышовыми плетенками, а поверх их кошмами или, что гораздо реже и только у богатых людей, коврами. Поверх кошмы или ковров около углубления для углей, центр комнаты и вместе с тем ее наиболее уютная часть, стелились 2 -3 узких ватных одеяльца или тюфяка из русской бумажной или местной шелковой материи.

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.73.

² Там же. С.75.

Во внутреннем дворе находились жилые комнаты, кухня, у богатых отдельная от жилого помещения, маленькая кладовая (хазинахона), хлев (молхона), а иногда еще конюшня и хлебный амбарчик. Число жилых комнат во внутреннем дворе было различно и соображалось, прежде всего, с размерами семьи с ее средствами. Дети-подростки спали по возможности отдельно от отца и матери, а в случае нескольких жен, каждую из них хозяин дома старался снабдить отдельным помещением. О внутреннем убранстве внутренних домов авторы пишут: «Устройство и убранство этих комнат в средних классах такое же, как и для михман-ханы с тою только разницею, что первые оштукатуриваются алебастром и имеют раскрашенные потолки реже вторых. У бедного люда в жилой комнате внутреннего двора очень часто нет окон, заменяемых отверстием в крыше; дверь маленькая, одностворчатая; пол застилается кошмой не сплошь, а только в половину комнаты. На этой кошме вповалку спит вся семья.

По устройству своему жилая комната внутреннего двора отличается от михман-ханы тем, что, углубление для калош делается гораздо больших размеров, а в одном из его углов, обыкновенно в стороне от двери, ближе к камину, вырывается глубокая, уширяющаяся к низу яма – абриз, покрытая сверху или жерновом с небольшой дырой по середине, или железной решеткой, или же деревянной настилкой с широкими щелями. В эту яму сливаются помои, и над нею-же делаются омовения»¹.

Авторы пишут о домашних принадлежностях, которые находились в комнате. В одной из больших нищ, идущей от потолка до полу и устраиваемой обыкновенно против входной двери, стоял сундук, окованный жестью, иногда он заменялся шкафчиком, на глухо вделанным в нижнюю часть этой ниши. Здесь хранилось белье, платье, лоскуты, часть посуды и др. домашняя рухлядь, или же сласти, горшки с салом и маслом и т.п. Поверх сундука на день складывались одеяла и подушки.

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.81-82.

В одном из углов, около сундука, - палка, приблизительно в сажень длинной, укреплялась своими концами в две из пересекавшихся стен. На ней в виде украшения комнаты развешивали шелковые рубахи, камзолы и халаты хозяйки дома. Авторы пишут, что «таким украшением служат расставленные в нишах медные и крашенные жестяные подносы, чайдушт, фарфоровые чайники и чашки, не редко гарднеровской работы, с малиновыми и синими цветами, аляповатой русской работы ящички и штукатурки с женскими украшениями, жестяные подсвечники местного производства...»¹. Посреди каждой комнаты было сделано углубление для угля (отащдон). В отащдон клали кучку хорошо пригоревших углей; над ними устанавливали сандалии, т.е. не высокий табурет (сандали – А.В.) , покрываемый сверху одним или двумя ватными одеялами. Сидели вокруг сандали, подсунув ноги под одеяло. Нагревались только одни ноги. В.и М.Наливкины рассказывая о полезности сандали пишут: «Зимой у сандаля, проводят большую часть дня и ночь; здесь работают при таком положении, едят, ставя пищу поверх сандаля, и даже спят.

Если сандал не успеет совсем погаснуть и сильно настыть к утру, то спят очень удобно и даже приятно, так как, приподымая одеяло, можно пропустить теплый, нагретый воздух, по желанию, до колен только, до пояса, до шеи. Утром голова, оставшаяся всю ночь на сравнительном холоде, всегда свежа, но часто простудиться очень и очень легко»².

После описания жилища авторы переходят к рассмотрению пищи. Они подчеркивают, что всякая пища, за исключением хлеба готовилась в котле. Топливом служили главным образом сорные травы, стебли хлопчатника, ежегодно тонко обрезаемые ветки виноградника. Угли выжигали преимущественно в горных, дикорастущих лесах.

Тесто замащивалось в большой глиняной чашке – тагора. Разминалось оно и валялось в белой сыромятной козьей коже – сурпа; завернутое в сурпу и закрытое сверху еще, чемнибудь, оно окисло от 2 до 4 часов, смотря по

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.82.

² Там же. С.82.

температуре воздуха. О процессе печения хлеба авторы пишут: «Хлеб, всегда, в виде лепешек разной величины, печется в особой печи, называемой тандур или танур. Тануры приготовляются особыми мастерами танурчи следующим образом. Из глины смешанной с конской шерстью, или с шерстью рогатого скота, приобретаемой от кожевников, готовится густое тесто, которое разминается в тонкие просты около $\frac{1}{2}$ дюйма толщиной, $\frac{1}{4}$ аршина шириной и 2 – $2\frac{1}{2}$ арш. длиною.

Раскатанный и тщательно выровненный пласт оставляется часа на $1\frac{1}{2}$ на солнце для того, чтобы он слегка окреп. Затем его осторожно изгибают на длине, придавая форму цилиндра, одно из оснований которого несколько суживают; шов замазывается глиной, а на съезженный конец надевается обруч, приготовляемый из того же материала, из которого сделан и сам танур»¹.

Для печения хлеба танур приспособляли. К одной из стен двора, из комков (гуала) пристраивали возвышение, верхний край которого было выше пояса. Поверх такого стула клали плашмя, так, чтобы широкое его отверстие для выхода дыма, закрываемое после топки комком глины, камнем или чем-либо подобным.

Большая часть домашней посуды была глиняная, меньшая – медная, чугунная и деревянная. Из посуды упоминаются тагара (для замешивания теста, для промывки риса на палау), каса (чашка средней величины, в которых подавали жидкую пищу), хурмача (средней величины чашки с ушками, в которых держали молоко), пиала (чайные чашки), табак (круглая блюда). Вся эта посуда была глиняная поливная, или глазурованная. Кроме того упоминаются кувшин, офтоба (умывальник), чайджуш (чайник). О деревянной утвари авторы пишут: «Ложки деревянные, очень грубой, аляповатой работы, с длинными, тонкими ручками и носком не спереди, а у левого края.

Деревянные чашки и блюда (ореховые, или таловые) у оседлого населения малоупотребительны.

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.83.

Лапша, тесто для пирожков и пр. приготавливаются на доске (аш-тахта) около 6 верщ. ширины и 1 арш. длины. Поверхность аш-тахты слегка выпукла, а сама она стоит на четырех маленьких ножках.

В бедных семьях такое зерно, как рис, просо и джугара, обдирается дома в больших деревянных ступах – агыр или кили»¹.

В разделе «Наружность женщины и ее одежда» авторы подробно останавливаются на внешнем виде женщины и ее одежды. Авторы о физических особенностях женщины пишут так: «Преобладающий рост туземных женщин (т.е. таджичек и узбечек– А.В.) средний и низкий. Рослые в кишлаках встречаются гораздо чаще, чем в городах... Полные женщины встречаются довольно часто. Большинство предрасположено к полноте и в зрелом возрасте быстро толстеет, попав в хорошие жизненные условия. Полнота считается одним из неперемных условий красоты... Тазы большинства, как полных, так равно и сухощавых субъектов - широкие»².

Форма головы по большей части была неправильна. Особенно часто встречались широкие и плоские затылки. Причиной этого было то, что ребенок не менее года лежал в колыбели (гахвора). Одежду женщин составляли штаны, платья, халат, платки, в некоторых районах и тюбетейки. О вышивании женщинами тюбетеек авторы пишут: «Вышивание шелками тюбетеек, головных платков и кушаков, гораздо и прочней, и изящней всякого другого шитья. Часто встречаются тюбетейки сплошь вышитые очень мелким и изящным узором. По большей части это цветки и листики самых разнообразных цветов и форм. ...Приготовление тюбетеек никогда почти не является здесь специальностью; им занимаются между другим делом. Так, например, прясть нитки по пятницам считается грехом, а потому многие женщины, по таким дням, вышивают тюбетейки»³.

¹ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.83-84. Об этом вопросе см. также: Лыкошин Н.С. Чапулукская волость Ходжентского уезда. С.176; Случановский. Самарканд и его прошлое. С.5-6.

² Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины... С.88-89.

³ Там же. С.118.

Таким образом, можно констатировать, что Наливкины очень хорошо изучили жизнь и быт таджичек и узбечек, особенно их обычаев и обрядов.

В 1889 г. в Санкт-Петербурге была издана очень интересная книга Г.А.Арандаренко «Досуги в Туркестане»¹. Автор долгие годы был начальником Зеравшанского округа и хорошо знал природные условия, сельское хозяйство, систему орошения, топографию, материальную и духовную культуру населения Зеравшанской долины.

В главе «Статистические сведения по городам Пенджикенту и Ургуту» автор подробно останавливается на описании представителей всех профессий, которые были в этих городах: мельники, кузнецы, гончары, красильщики, набойщики, сапожники, медных дел мастера, кондитеры, изготовители деревянных ложек, лекари, изготовители ткацких станков, ткачи простой бумажной ткани, мельники, свечделатели, маслобойщики, кожевенники и др.

В главе «Скотоводство в Зеравшанской долине» Г.А.Арандаренко подробно останавливается на различных видах скотоводства, как овцеводство, коневодство, верблюдоводство и др. В частности он отмечает, что «собственно территория Самаркандского отдела, тот котлован, границы которого определены нами... представляет такую бедность кормовых средств, при которой скотоводство возможно в самых ограниченных размерах, с самым стеннительным выбором пород скота. Естественно, что при таких условиях скотоводство является уже не как средство промысловое в торговле, в эксплуатации, а только как подспрье в хозяйстве, определяющее самое узкое назначение каждому виду скота»². Рассказывая о верблюдоводстве автор пишет, что «всех верблюдов в отделе (т.е. Самарканде – А.В.) 1000 голов... Преобладающая здесь порода верблюдов – одногорбые, рослые, ширококостные, курчаво-короткошерстые, нары, подымающиеся 16 пудов караванной тяжести»³. Описывая крупный рогатый скот, имеющийся у населения Пенджикента и Ургута, автор пишет, что у хороших хозяев, крупных землевла-

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб., 1889.

² Там же. С.86.

³ Там же. С.94.

дельцев встречались быки и крупного склада и резко типичной наружности, с короткими расходящимися рогами; у таких быков голова была легкая, глаза большие с кротким выражением, затылок хорошо развитый, шея средней длины с широким гребнем и мало развитым подгрудком, холка широкая, спина прямая, широкая; крестец достаточно длинный, полный, мускулистый; хвост присажен довольно высоко; глубокая; плечи правильные; передние ноги широко поставлены; реберный свод крутой; шерсть короткая, блестящая, плотно прилегающая к телу; преобладающая масть черная, без отметин»¹.

Г.А.Арандаренко в главе «Село – кишлак Карнак» подробно описывает топографию селения, количество дворов и населения в нем, основное занятие жителей. Рассказывая о земледелии карнакцев, автор отмечает, что «карнакцы обрабатывают на них (т.е. землях – А.В.) постоянно только озимые посе-вы, чтобы не истощать почву ежегодной обработкой пропахивают ее три раза: в марте (куклам) после поливки, в половине мая (джауза) и в конце июня (саратон) без поливки, а только увеличивая сошник для этой перекрестной пахотьбы. Наконец, в половине сентября (мизан), после обильной поливки, засевают и боронят слегка один раз за все лето ... Благодаря такой пахотьбы, карнакцы без удобрения получают с озимит в хороший урожай самъ – 8-6 пшеницы, самъ – 4 проса»².

В разделе «Заметки об ирригации в Зеравшанской долине «автор под-робно останавливается на каналах, кяризах, арыках, плотинах, которые суще-ствовали во второй половине XIX в. в Зеравшанской долине. Г.А.Арандаренко пишет: «Главную оросительную артерию долины Мионко-лы составляет река Зеравшан, древнего Согда, берущая начало в ледниках горного края на высоте 8000 фут над уровнем океана. Кроме множества мел-ких арыков, выпускаемых рекой – золотоносной до окончательного вступле-ния ее в долину на меридиане Джизака, Зеравшан, не доходя до магистраль-ного водораздела на Ак и Кара-дарью у подножья возвышенности Чупан-ата,

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.87.

² Там же. С.147.

вблизи г.Самарканда, выделяет следующие большие оросительные каналы: Тюра-тартар, Тайлян, Бешарык, Таш-арык, Токуз, - все вытекают из левого берега и орошают земли девяти волостей с населением 16000 дворов. Арыки Ярым-тук, Гар-гуша вытекают из левого берега и орошают земли тех же девяти волостей»¹.

Самая интересная часть работы является « О метеорологических познаниях туземцев». Г.А.Арандаренко отмечает, что туземцы не имели никакого представления о влиянии разных теллургических условий на количество и на повторяемость дождей, не знали теории о предсказаниях погоды по склонениям луны. Однако, всегда почти точно предсказали погоду. Он пишет: «В Пенджикенте, например, можно услышать от хисапданов (метеорологов – А.В.) такую метеорологическую теорию: если в последние часы месяца саур (апрель), до полудня 9 мая по старому стилю, небо будет облачно, то надобно ожидать суровой, снежной зимы; если первые дни мая (джауза) дождливы, то будут дожди и в ноябре (кауз), а в противном случае надо ожидать дождей в начале октября (окрап). Если горячий ветер (гармсил) начинается около 25 мая по старому стилю, то октябрь будет очень холодной; если же в половине октября разразится снег и холод, то надо ожидать очень многоснежной зимы»². Далее автор отмечает, что по наблюдению хисапданов Пенджикента, весеннему (в марте) дождю предшествует западный ветер, апрельские дожди предсказывались тучами на южной стороне небосклона. Г.А.Арандаренко рассказывая об обычаях и обрядах населения Зеравшанской долины пишет: «В некоторых селениях Матчи горцы умилобивляют природу к ниспосланию снежной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (тиромой) пшеница (гандум) хорошо уродилась, следующим диким обычаем, аккуратно выполняемым ежегодно осенью, в праздниках рамазан: после полднего намаза, которым заканчивается мусульманский 30-ти дневной пост, все население кишлака прямо из мечети отправляется на площадь, куда выносят большое-

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.272.

² Там же. С.187.

корыто (корсан), с мешалкою из муки, называемой атала. Каждый из присутствующих, малые и большие, должен попробовать пятерней это даровое угощение; затем толпа схватывает кого-нибудь из стариков, кладет его в корыто, где он добровольно и лежит, пока эта оригинальная колыбель не будет раздавлена ногами всех присутствующих такою жертвою Аллаха»¹.

Г.А.Арандаренко подробно останавливается на обряде вызывания дождя, который широко был распространен среди горных таджиков под названием сусхотун (сусхотун – женщина-вода – А.В.) или ашаглон. Он подчеркивает, что в апреле месяце, когда дождя нет, и это губительно влияет на посевы, «созыватели на молитву (суфи) всех мечетей города или селения условливаются сделать в определенный день угощение бедным. Извещение об этом прихожанам мечети, отправляют добровольные жертвования деньгами, мукой, лепешками или овощами. Распорядитель покупает припасы, приглашает повара (ош-паз), приготовляет в большом количестве пшеничную кашу с мясом (холиса), в назначенный час раздает эту пищу чашками каждому прихожанину. Затем после угощения (дервиш-ана) молятся Богу о ниспослании дождя.

Отдельно дети до 11-летнего возраста, обнажив головы, умоляют Аллаха пред каждым домом хоровой песней:

«Дождик иди,
Подай хозяйка.
Ячмень дозревай,
Подай хозяйка.
Корова надевайся,
Подай хозяйка»².

Далее автор сообщает о том, что в Зеравшанской долине, во время продолжительной засухи, в апреле месяце практиковалось также средство умоствления Аллаха: мулла подвешивал к ветвям деревьев тумар, т.е. сверток

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.281.

² Там же. С.290.

молитвы и безмолвно побрызгивал на него снизу водою в течение около получаса; это делалось с тем, что бог сверху дасть дождь на тумор, оставленный на дереве.

Представляет большой интерес сведения Г.А.Арандаренко о наблюдениях местного населения о влиянии погоды на конечные результаты сельскохозяйственной работы. Многоснежная зима (с декабря по 15 февраля) считалась земледельцами истинным благодеянием, как покрывало для озимых посевов и источником летнего половодья рек. Ранние весенние (февраль и март) дожди были полезны для земледелия, но частые дожди в первой половине апреля неблагоприятны для злаковых посевов на тучной, перегнойной почве по берегам Зеравшана. От излишней сырости посевы подвергались болезни, которая называлась зарда (род ржавчины).

Много интересных материалов содержатся в главе «Заметки по сельскому хозяйству в Зеравшанской долине». Автор отмечает, что «в Пенджикенте и в Ургуте впервые были произведены опыты посева семян американского хлопка, высланных от начальника Зеравшанского округа. По неизвестности пенджикентским жителям, никогда прежде не сеявшим хлопок, приемов возделывания его и ухода за ним, а отчасти и вследствие позднего доставления семян; пришлось ограничиться раздачей их только трем землевладельцам»¹. Сеяли в основном американский сорт.

Далее автор приводит перечень хлебных, злаковых и огородных растений, возделываемых жителями нагорного района от Пенджикента вниз по долине Зеравшана: пшеница озимая, арычного орошения; пшеница яровая атмосферического орошения; пшеница озимая красная, крупно-зернистая (хабит, сурхак), засеивались в Магияне и Фарабе; ячмень-трамаи (осенний – А.В.); ячмень-богары (весенний – А.В.); просо обыкновенное (тарык); мелкое (кунак); мелкий плоский горох (маш); крупный белый горох (лубия); лен, ко-

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.303.

нопля, индау, кунжут, мокасар, табак, мак, лук, морковь, огурцы, свекла, тыква продолговатая для посуды и изделий, тыква съедобная, рис и др.¹

Рассказывая о процессе сельскохозяйственной работы, автор пишет так: «Разбросав удобрение вровень, прошли первой вспашкой обыкновенным туземным плугом (омач) 10 апреля и повторили эту сухую крестообразную вспашку еще два раза через каждые четыре дня. На одиннадцатый день после третьей вспашки приступили к окончательному дроблению почвенных комков четвертой, резкой вспашкой тем же плугом и после зубчатой бороной, пущенными в напускной до глубины полуфута воде»².

Далее автор отмечает, что очень тяжело будет зеравшанскому земледельцу, если первые месяцы весны (апрель-май) будут чрезмерно знойные, совершенно без дождей³. Г.А.Арандаренко рассказывает об урожайности кукурузы в Зеравшанской долине.

Особенно интересны для исследователей помещенные в работе А.И.Макшеева «Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских»⁴ планы городов Худжанда и Ура-Тюбе, на которых зафиксированы конфигурация их территорий, расположенные крепостных стен и ворот, направление главных арыков, улиц местонахождение цитаделей и базаров.

В конце XIX в. сбором и изучением археологических и этнографических материалов по Средней Азии начал свою научную деятельность М.С.Андреев. В 1896 г. он опубликовал статью «Исторические заметки о Ходженте»⁵. В данной статье приведены народные предания и некоторые исторические данные о городе Худжанде.

Русский историк, краевед и страстный собиратель старины В.Л.Вяткин в конце XIX в. собрал любопытные данные о праздновании праздника Навруза в городе Самарканде. Он тщательно изучил доступные ему письменные ис-

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.308-309.

² Там же. С.314.

³ Там же. С.320.

⁴ Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательные движения в него русских. СПб., 1890.

⁵ Андреев М.С. Исторические заметки о Ходженте // СКСО. Самарканд, 1896. Вып.IV.

точники, касающиеся этого древнего праздника восточноиранских народов, дополнил их данные своими личными наблюдениями и в 1897 г. в газете «Туркестанских ведомостях» опубликовал статью «Навруз в Самарканде»¹.

Во время сбора материала он заметил, что к этому празднику относятся целый ряд обрядов и обычаев. В данной статье он останавливается на те обряды и обычаи, которые были распространены среди жителей города. По этому поводу он пишет: «Общая схема новогодних обычаев в том виде, в каком они сохранились до настоящего времени в Самарканде такова: Зажигание огней и хождение с огнем на арык Оби Рахмат. Купание на этом арыке. Предсказание. Питье заговоренной воды. «Казан тулди». Употребление в пищу преимущественно птичьего мяса. Взаимное дарение вареных крашеных яиц. Восхождение на высокие места. Хождение с визитами. Гуляние за городом, скачки с козлом, борьба и пр.»². Далее автор, опираясь на сведения средневековых авторов и используя собственные наблюдения, подробно останавливается на описании каждого из этих обрядов. В Самарканде издревле существовал такой обряд: «В конце каждого года «аджало» (т.е.солнечного), - пишет В.Л.Вяткин, - именно на ночь на последний понедельник истекшего года, народ собирается на арыке Оби Рахмат, в водах которого обмывается и получает благодать»³. Автор пишет также об обрядах зажигания огня, крашении яйца, питья заговоренной воды, восхождения на высокие места и др. Одним из наиболее интересных обычаев было раскрашивание вареных яиц, их взаимное дарение, сопровождающееся их азартным битьем. Этот обычай существовал среди не только Самарканда, а всего среднеазиатского населения с древнейших времен.

Таким образом, важной стороной изучения Средней Азии, в т.ч. Северного Таджикистана, были подсчеты численности населения. Первые приблизительные исчисления, основанные, на личных впечатлениях и наблюдениях делались еще в первой половине XIX в. Е.К.Мейендорфом, Н.В.Ханыковым,

¹ Вяткин В.Л. Навруз в Самарканде // Туркестанские ведомости. 1897. №394.

² Там же.

³ Там же.

А.Вамбери. После присоединения Средней Азии к России появилась возможность получить более точные цифры. С конца 60-х гг. XIX в. начали публиковаться первые статистические сведения о численности и этническом составе населения, о числе мастерских ремесленников, торговцев, земледельцев, о количестве производимых земледельческих продуктов, составленные на основании опроса нижних чинов местной администрации. Такие данные интересовали как администрацию края, так и официальные и торгово-промышленные круги России. Необходимо подчеркнуть, что русские исследователи обратили большее внимание на изучении городов и их жителей. Только Г.А.Арандаренко, А.А.Кушакевич, как представители русской администрации в Зеравшанском округе и Худжандском уезде в своих работах дали более подробные сведения о населении этого региона, об этническом составе, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре. Что касается населения Ферганской долины, то здесь нужно отметить труды В.и М.Наливкиных, А.Ф.Миддендорфа, в которых подробно описаны семейный и хозяйственный быт жителей этого региона.

3.2. Вклад русских путешественников-исследователей в изучении жизни и быта населения Восточной Бухары и Памира во второй половине XIX века

Русскими исследователями собран и частично систематизирован оригинальный и редкий этнографический материал о горных таджиках. Характерно, что все известные востоковеды-исследователи XIX – начала XX в. В.В.Бартольд¹, М.С.Андреев², А.А.Семенов³ и другие еще в начале своей научной деятельности подчеркивали важное научное значение этнографического изучения Восточной Бухары и Памира.

Ученые справедливо отмечали, что в верховьях Аму-дарьи и в глухих замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, ввиду их труднодоступности и изолированности сохранились остатки древней культуры и быта – сокровищницы для науки, для понимания жизни далекого прошлого, функционировавшего когда-то на равнинах Средней Азии.

В 1870 г. в «Известиях Русского географического общества» была опубликована статья К.А.Абрамова «Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам»⁴. В ней автор в краткой форме пишет о географическом положении Каратегина, его населения. В частности он отмечает крепкое телосложение, высокий рост таджиков Припамирья. Автор, рассказывая о занятиях населения, отмечает, что таджики Памира и Припамирья занимались охотой и ее объектами были разные животные, в частности пушные звери, главным образом куницы, лисицы, барсы и др. Меха этих зверей ценились весьма дорого.

После присоединения Средней Азии к России среднеазиатские ханства стали посещать различные русские посольства. В частности, 1 мая 1870 г. русский полковник, военный востоковед Л.Ф.Костенко командировался с ди-

¹ Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестан // Сочинения. М.: Наука, 1977. Т.IX. С.510-521.

² Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан. Личный фонд М.С.Андреева. Д.102. Л.73. Д.110. Л.31. Д.168. Л.17 и др. Далее – Личный фонд М.С.Андреева.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

⁴ Абрамов К.А. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам // Известия РГО. 1870. Т.6.

пломатической целью в Бухарский эмират и 23 мая прибыл в Бухару. Л.Ф.Костенко поручено было склонить эмира Музаффера на сторону России. После возвращения в Россию Л.Ф.Костенко подготовил и издал книгу «Путешествие в Бухару в 1870 г. С маршрутом от Ташкента до Бухары»¹. Содержание книги составило описание маршрута русской миссии и подробный рассказ об одном из древнейших и красивейших городов Средней Азии – Бухаре.

Работа состоит из следующих глав: «От Ташкента до Самарканда»; «От Самарканда до Бухары»; «Пребывание в Бухаре»; «Город Бухара». Л.Ф.Костенко наряду с другими сведениями дает ценный материал о жителях города Бухары, занятиях, материальной культуре, в частности, жилищах, архитектурных памятниках, базарах и других общественных зданиях, одежде и пище населения города Бухары². В том же году опубликовал статью «Город Бухара в 1870 году»³, в которой пишет о достопримечательностях столицы эмирата.

Л.Ф.Костенко в 1871 г. опубликовал еще одну интересную работу «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности»⁴. В ней наряду с другими вопросами рассматриваются одежда и украшения таджиков и киргизов Памира. Согласно его словам, одежда киргизов состояла из длинных халатов, сшитых из различных материй, начиная с дешевой крашеной маты и кончая шелковыми с золотыми и серебряными украшениями. В зависимости от достатка зимой одевались в шубы и рукавицы, большей частью из бараньего меха, некрытые; хотя у богатых встречались шубы из более дорогих мехов, покрытые материей.

Л.Ф.Костенко в 1880 г. издал другую работу «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения»⁵. Создание книги мотивировалось имен-

¹ Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. С маршрутом от Ташкента до Бухары. СПб., 1871.

² Там же. С. 65-104.

³ Его же. Город Бухара в 1870 году // Военный сборник. 1870. №12. С.411-425.

⁴ Его же. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871.

⁵ Его же. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. СПб., 1880.

но военными нуждами того времени, но информация, собранная автором, имеет значение и для других отраслей науки. Содержание книги делится на ряд разделов: 1) данные для изучения территории округа и ее картографирования; 2) статистические сведения о народонаселении; 3) раздел о путях сообщения (сведения этого рода, по мнению автора, в высшей степени драгоценны для исследователей, путешественников, предпринимателей, и потому изложены максимально подробно); 4) раздел посвящен развитию производства и ресурсам страны (прежде всего, нефти и шелковому производству); 5) информация о развитии военных сил в Туркестане. К изданию прилагаются 3 карты Средней Азии.

Автор, говоря о населении Туркестанского края и его материальной культуре, отмечает: «Вообще одежда обоих полов крайне не грациозная, чтобы не сказать безобразная, хотя у богатых весьма ценна, состоят из шелковых халатов»¹.

В работе автор останавливается и на селениях и жилищах. Каждое селение состояло, в среднем из 10, а в большинстве из 20 домов. По словам автора, встречались селения, состоящие даже из одной постройки. В качестве строительных материалов местными жителями использовались глина, камень и дерево.

Особое место в работе занимает охота. Автором показаны огромные трудности и опасности, с которыми сталкивались горцы во время охоты. Согласно словам автора, обитатели Восточного Памира – киргизы также при помощи разных приманок и с ружьями – мултуками, пиками и нагайками охотились на пушных зверей, кииков, зайцев и других животных.

В 1875 г. была опубликована работа Г.А.Арандаренко «Каратегин (По расспросным сведениям)»². В ней автор останавливается на антропологической характеристике населения Памира и Припамирья. Необходимо отметить, что в зависимости от окраски волос и некоторых других признаков

¹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. С.31.

² Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. 1878. Т.121. №5.

можно установить несколько типов, между которыми приблизительно поровну распределяется все население Рушана и Бартанга, с небольшим преобладанием черноволосого типа.

Первый тип характеризуется очень черными, с отливом, густыми волосами и обильной растительностью на лице, обыкновенно не такого черного цвета, как волосы головы; очень темные или темно-карие глаза и сравнительно толстые губы.

Противоположность этому типу представляет менее распространенный, но столь же резко выделяющийся светло-русый тип, среди представителей которого изредка встречаются даже совсем белокурые; мягкая, иногда шелковистая борода и усы не вполне закрывают лицо даже у стариков; молодежи окаймляет лицо, не распространяясь на щеки или подбородок; губы почти всегда тонкие; карие глаза встречаются очень редко – преобладают серые, с зеленоватым или желтоватым оттенком; все черты лица значительно тоньше, чем у представителей первого типа. Автор подчеркивает, что горцы этих местностей отличались смуглой кожей¹.

Рассказывая о материальной культуре каратегинцев, в частности одежде, Г.А.Арандаренко подчеркивает, что халаты и другую одежду для членов семьи шили домохозяйки² В данной работе Г.А.Арандаренко мало изучил селение и жилище населения Памира и Припамирья.

Следует отметить, что автор, сообщая о селениях, как и большинство самих местных жителей, называл их не таджикским термином – деха, а тюркским – кишлак. В Каратегине возводили стены из сырцовых кирпичей, глинобитные, а также и каркасные³. По данным Г.А.Арандаренко, в Каратегине толщина стен доходила до 2,5 аршин, а высота – не более 4,5 аршин. Рассказывая о строительстве домов, автор пишет и об их формах и размерах, как однокомнатных, так и состоящих из нескольких комнат.

¹ Арандаренко Г.А. Каратегин. С.116.

² Там же. С.122.

³ Там же.

Особое место в работе Г.А.Арандаренко занимает охота. Таджики Памира и Припамирья охотились на пушных зверей, главным образом на куниц, лисиц, барсов, выдр (саги оби) и др. В работе приводятся различные сведения о формах и способах охоты.

Далее автор рассказывает о семье и семейных отношениях, в частности сватовстве, помолвке, свадьбе и свадебных церемониях среди каратегинцев. Он приводит высказывания о взимании выкупа за невесту – «калым», «хакки шир», т.е. платы за молоко матери, платы жене «за потерю девственности», о порядке разделения свадебных подарков между родителями невесты¹.

Несколько страниц работы посвящено описанию обычаев и обрядов, связанных с выездом жениха за невестой в указанное халифой счастливое время, процессу свадьбы в доме невесты, происхождению брачных обрядов. Приводятся примеры, как в разное время в обязательном порядке совершали брачные обряды с девушкой и вдовой, как определяли счастливый час для отправления молодой в дом мужа, открывания лица молодой в его доме, описывал обрядовое укладывание спать молодых, посещение новобрачными родителей и т.д.

Г.А.Арандаренко большое внимание уделял рождению и воспитанию ребенка, в частности обряду обрезания. Согласно его словам, в Каратегине и Дарвазе в шестилетнем возрасте и даже в десятилетнем производили этот обряд. По случаю обрезания устраивали большое празднество, сопровождавшееся всевозможными развлечениями: танцами, конной игрой с козлом, борьбой, выступлениями певцов, музыкантов и т.д.² Необходимо подчеркнуть, что такое празднество могли организовать только состоятельные люди. У бедных оно было намного скромнее.

В работе уделяется внимание и на похороны и похоронные обряды. В Каратегине, по словам Г.А.Арандаренко, после предания тела покойника

¹ Арандаренко Г.А. Каратегин. С.122.

² Там же.

земле, на кладбище раздавали присутствующим на похоронах по одному аршину ситца или алычи, или бязи на память об умершем¹.

На протяжении трех дней после похорон халифа и некоторые старики – соседи, родственники остаются в доме покойника. В эти же дни, кто не успели побывать в самих похоронах, приходили в дом покойника, чтобы помолиться за упокой его души.

Г.А.Арандаренко останавливается и на мерах весов. Из мер весов наиболее распространенными были следующие: семь тюбетеек, которые равнялись одной чашке или 20 фунта, 16 таких чашек или 112 тюбетеек составляли 1 батман, равный 8 пудам².

Русский журналист-исследователь Н.А.Маев в 70-х гг. XIX в. организовал ряд экспедиций на территорию Бухарского эмирата, в т.ч. Восточную Бухару. Результаты этих экспедиций изложил в нескольких своих работах³. В работе «Очерки Гиссарского края» автор подробно описывает итоги экспедиции 1875 г. В ней дается подробное географическое описание пути, по которому поехали члены Гиссарской экспедиции, даны перечисления кишлаков и описание ряда городов и населенных пунктов: Карши, Гузар, Байсун, Денау, Юрчи, Регар, Гиссар, Файзабад, Бальджуан, Куляб, Курган-тюбе, Кабадиан. Записаны этнографические наблюдения и собраны сведения по истории и археологии, о сельском хозяйстве края⁴.

Н.А.Маев в 1877 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал статью «Географический очерк Гиссарского и Кулябского бекства». В ней автор подчеркивает, что плодородные почвы, соответствующие климатические условия и трудолюбивые крестьянства благоприятствовали выращиванию высокого урожая в большинстве бекств Восточной Бухары. В качестве примера он приводит Гиссар и Куляб, где производили в изобилии все хлебные и

¹ Арандаренко Г.А. Каратегин. С.122.

² Там же. С.125-126.

³ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Гиссарский край, Куляб и побережье Аму-дарьи. Ташкент, 1876; Его же. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1879. Вып. V. С.130-255; Его же. Очерки горных бекств Бухарского ханства. Там же. С.280-328.

⁴ Его же. Очерки Гиссарского края. 85 с.

садовые продукты¹. Далее он останавливается на другие отрасли сельского хозяйства, в частности животноводстве. Н.А.Маев обратив внимание на развитие животноводства, указал, что из Куляба и Бальджуана гоняли в Бухару стада баранов².

Работа «Очерки горных бекств Бухарского ханства» появилась после второй экспедиции Н.А.Маева в Гиссарский край в 1878 г. В работе дано описание страны по маршруту. Перечисляются кишлаки и города: Джам, Чиракчи, Келиф, Ширабад и др. Автор останавливается на описании жителей городов Восточной Бухары – таджиков и узбеков³.

В 1879 г. востоковедом – индологом И.П. Минаевым была опубликована работа «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»⁴. Она состоит из трех глав и приложения. В первой главе рассматриваются географические положения стран, находящихся в верховьях Аму-Дарьи. Во второй главе автор дает обозрение путешествий иностранцев, которые посетили этот край. В частности, в разное время посетили верховья Аму-Дарьи Сюань-цзан, арабские географы, Чан-чун, Марко Поло, Борнс, Мессон, Гордон и другие. Для этнографа важной является третья глава «Этнографические и лингвистические заметки»⁵. В ней автор подробно останавливается на описании народов, проживавших в верховьях Аму-Дарьи. В частности, о населении Бадахшана он пишет: «До нашествия узбеков бадахшанцы были шиитами, и по настоящее время только жители долины Кокчи сунниты, а все таджики в горных странах шииты. Раса эта очень красива; большая часть таджиков, если не все, говорят по персидски и отличаются общительностью»⁶. Далее И.Минаев отмечает, что женщины довольно красивы, имеют светлый цвет лица и не закрывают его, за исключением женщин достаточных семей. Они скромны, приятны и хорошие хозяйки⁷.

¹ Маев Н.А Географический очерк Гиссарского и Кулябского бекства // Туркестанские ведомости. 1877. №7.

² Там же.

³ Его же. Очерки горных бекств Бухарского ханства. С. 280-328.

⁴ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.

⁵ Там же. С.190-240.

⁶ Там же. С.190.

⁷ Там же. С.192.

И.Минаева интересовали и расселения горных таджиков. По его словам, таджики сохранились в наибольшей чистоте в горных кишлаках. Дербент заселен сплошь таджиками, из которых многие даже не понимали ни слова по-узбекски. Таджикское население преобладало также во всех горных кишлаках, лежащих по ущельям рек – Зидди, Ромит, Ханака¹. И.Минаев, говоря о населении Каратегина, пишет: «Население этой страны составляют исключительно гальча. Они живут особняком и вступают в брак только между собою; многоженство является у них исключением весьма редким. Женщины не закрываются и участвуют в празднествах, а в домах принимают гостей мужчины. Калым при женитьбе уплачивается преимущественно баранами, козами, крупным рогатым скотом и лошадьми. Величина его определяется состоянием и знатностью дома, из которого берется девушка,...Жених участвует в выборе невесты, а невеста, в свою очередь, имеет право отказать ему»². В работе рассказывается о семье и семейных отношениях среди населения. Автор отмечает, что в припамирских жилищах жили члены большой патриархальной семьи, куда входили деды, отцы и матери, братья с женами, детьми, внуками и т.д.³

Далее автор останавливается на хозяйственной деятельности населения Каратегина. Среди каратегинцев развивалось скотоводство, особенно разведение мелкого рогатого скота. Жители приготавливали грубые шерстяные материи, а из привозного хлопка ткали бязь и мату. Из козьего пуху и бараньей шерсти валяли род сукна. Кроме того развивалось железоделательное производство. Каратегинцы приготавливали холодное и огнестрельное оружие из железа⁴. Из других видов деятельности упоминаются охота, промывка ка золота и ломка каменной соли⁵.

¹ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. С.195.

² Там же. С.197.

³ Там же. С. 191-193.

⁴ Там же. С.197.

⁵ Там же. С.197-198.

В 1880 г. в газете «Туркестанские ведомости» была опубликована статья Ф.Жукова «Верхнее Аму-Дарьи»¹. В ней наряду с географическими сведениями автор приводит интересный материал о занятии каратегинцев и дарвазцев.

Русский исследователь В.Ф.Ошанин в 1881 г. в «Известиях Русского географического общества» опубликовал статью «Каратегин и Дарваз»², в которой подробно описываются антропологические черты припамирских таджиков. Одним из основных признаков физического типа горного таджика является отличительный среднетолстый затылок, руки и ноги умеренной величины, кисти рук пропорциональны росту; тощие икры и европейский таз. В большинстве своем таджики памирских ханств были среднего или выше среднего, а в Вахие – высокого роста, довольно стройны, крепкого телосложения³.

Лица пожилых таджиков и стариков Припамирья, обрамленные густой бородою, захватывающей почти все щеки до скул и подбородок до самой нижней губы изрезаны глубокими морщинами и производили с первого раза впечатление чего-то слишком сурового. И под суровой неприветливой наружности виделись весьма симпатичные черты добродушного и мирного хлебопашца, которые располагали в свою пользу всякого. Почти все горцы брили голову, носили усы и бороды и лишь немногие из них (в основном молодежь) носили длинные волосы на голове.⁴

В 1882 г. в «Известиях Русского географического общества» была опубликована работа А.Э.Регеля «Поездка в Каратегин и Дарваз»⁵. Данная работа посвящена различным вопросам жизни и быта горных таджиков. касаясь антропологического типа горных таджиков, автор отмечает, что волосы у них были «каштаново-черные вьющиеся, светлые»⁶.

¹ Жуков Ф. Верхнее Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1880. №12.

² Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз // Известия РГО. 1881. Т.17. Вып.1.

³ Там же.

⁴ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.240. Л.39.

⁵ Регель А.Э. Поездка в Каратегин и Дарваз // Известия РГО. 1882. Т.18. Вып.2.

⁶ Там же. С.139.

В работе рассматривается также материальная культура горных таджиков, в частности автор, пишет о селениях и жилищах. Он отмечает, что стены жилых домов и кладовых оштукатуривали первоначально глиной, нередко с саманом, а затем смесью, состоящей из мелких камней и глины¹. В некоторых местностях, в частности, в Дарвазе, практиковалась побелка стен жилых помещений известью². А.Э.Регель рассказывает и о форме перекрытия, в частности, о двускатных крышах³.

А.Э.Регель в 1882 г. первым среди русских исследователей сообщил об отличительной черте дарвазского говора от наречия таджиков Бухары и Самарканда⁴. Он в другой своей работе «Путешествие в Шугнан» также обратил внимание на особенности языка шугнанцев и язгулемского языка⁵.

Исследователь в своей статье «О санитарных условиях стран, расположенных на верховьях Аму-Дарьи»⁶, писал о состоянии дореволюционных кишлаков Памира и Припамирья, о гигиеническом уровне содержания жилых помещений.

Известный исследователь и чиновник Г.А.Арандаренко после статьи «Каратегин», в 1883 г. написал две крупные работы, посвященные Каратегину и Дарвазу: «Дарваз и Каратегин»⁷, «В горах Дарваза - Каратегина»⁸. В работе «Дарваз и Каратегин» также пишет об антропологическом типе таджиков этих двух регионов. Согласно его мнению по характеру они добродушные. Вспыльчивость, кровсмещение (хундор), уважение к старшим, к чужой собственности, правдивость, твердость в слове, отважность на все случаи опасности с полным презрением трусов, терпеливость, стоическая выносливость всяких лишений в борьбе с природой, с социальными явлениями, расположение к гостеприимству до готовности каждого поделиться со случайным гос-

¹ Регель А.Э. Поездка в Каратегин и Дарваз. С.4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.3.

⁵ Его же. Путешествие в Шугнан // Туркестанские ведомости. 1884. № 17.

⁶ Его же. О санитарных условиях стран, расположенных на верховьях Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1884. № 42.

⁷ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин // Военный сборник. 1883. №№ 11, 12.

⁸ Его же. В горах Дарваза – Каратегина // Военное обозрение. Иркутск, 1883. № 28.

тем, последними крохами домашнего хозяйства. Далее автор отмечает, что они отличались большой понятливостью, памятью, знанием своей генеалогии, преданий, легенд, склонностью к изучению восточных наук¹.

Г.А.Арандаренко рассказывает и о материальной культуре горцев, в частности об их одежде. Большой интерес представляют сведения, приведенные им о недостатках одежды: «Запасов одежды, - пишет он, - в доме никаких, потому что она состоит у каждого горца из одной пары нижнего белья, шерстяных портков или чулок, одной пары сапог, ермолки головной с тряпкой бязевой вместо чалмы, верхнего шерстяного халата (чекмен) с шерстяными же штанами, все на один год для мужчин; а для женщины – из одной пары нижнего бязевого же белья, из платка бязевого, из шерстяной верхней рубахи (ягты) и калош. При таком несложном гардеробе перемен белья, разумеется, не полагается, а стирка выполняется в год три раза, и тогда горец и горянка или жмутся где-нибудь в углу голыми, закрывшись, конечно, тряпками, или же, как это бывает, впрочем, весьма редко, выпрашивают лишнюю рубаху у соседа»². Автор описывает селения и жилища горцев³. В зависимости от рельефа местности и климата, одни кишлаки утопали в зелени, дома в них были расположены на более или менее значительных участках земли, на которых имелись дворы, сады и огороды, а в других не было ни дворов, ни садов, ни огородов; дома в них были разбросаны далеко друг от друга, потому, что удобных для посева мест было мало и приходилось выбирать для жилья и пашен отдельные площади. Автор подчеркивает, что в Каратегине стены домов были каркасные⁴. По словам Г.А.Арандаренко, принадлежностью семьи были деревянный сундук, орнаментированный резьбой и красками, шкатулка с выдвигающейся крышкой, плетенные из пшеничной соломы чемоданы – небольшие коробочки, в которых хранились рукодельные принадлежности; круглые коробочки, сплетенные из тонко наструганных еловых пру-

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. С.311.

² Там же. С.304-305.

³ Там же.

⁴ Там же. С.303.

тиков, украшенные геометрическими орнаментами – для хранения различных вещей, обувь, ткацкий станок, запас 5-6 светильных лучин. Если хозяин дома был охотник, то на стене жилища висело большое и тяжелое ружье¹.

Домашняя утварь дарвазца и каратегинца состояла из чугунного котла, такого же кунгона (род чайника) для кипячения воды, из нескольких разной величины глиняных горшков для воды, для прокисшего молока, для разной незатейливой стряпни, из 2-3 глиняных самодельных чашек, из мешочков с съедобными и лекарственными травами, из небольшого запаса самодельного мыла, из сыромятной кожи, на которой заправляли тесто, крошили лапшу, из кожаного продовольственного мешка. Г.А.Арандаренко пишет: «В доме и клетушках горца можете встретить еще фитильное ружье, саблю, несколько тонких палок для ходьбы через перевалы, кольцеобразные лыжи из тальника и высокие деревянные галоши для зимы, первобытный небольшой ткацкий станок, прилеплен, но больше уж ничего не найдете»².

По сообщениям Г.А.Арандаренко, в углу сакли над ямой для сиденья ткача, запас в 5-6 светильных лучи, к жилой части дома примыкали, т.е. находились под одной крышей, хозяйственные постройки, в т.ч. конюшня, хлев для рогатого скота и овец, помещения для козлят и кур и др. В таких домах, отмечал Г.А.Арандаренко, «сырость, резкий дурной запах держится и летом, следовательно, зимою, когда в эту общесемейную комнату ставят и скот, никакой европейский нос не в состоянии выдержать этой дарвазской атмосферы»³. Далее автор отмечал, что таджики Припамирья из-за вышесказанных неудобств летом, с наступлением тепла, все переселялись из дома кто на веранду, кто на открытое место около дома, кто в специальные сооружения, представлявшие собою помосты, устроенные из хвороста на деревьях, на четырех высоких столбах или же над речкой, на помосте в виде крошечного моста, огороженного тонкими прутьями⁴. Г.А.Арандаренко рассказывая о

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. С.305.

² Там же. С.463-464.

³ Там же. С.304.

⁴ Там же. С.304.

пище горцев, отмечает скудость питания таджиков Припамирья¹. Необходимо отметить, что ассортимент блюд у населения Припамирья отличался ограниченностью и недостаточной калорийностью. Население приготавливало различные блюда из муки. В частности, Г.А.Арандаренко пишет, что из муки приготавливали лапшу (оши орд) с кислым молоком и травами². В большинстве своем горцы были бледными, худыми, страдали малокровием и отличались недолговечностью. Ежегодно весной, когда кончались пищевые запасы, и особенно в голодные – неурожайные годы, таджики Памира вынуждены были, есть траву, коренища и др. растительность³. Мясо дарвазцу приходилось, есть очень редко, «не более двух раз в год у себя дома, не более пяти раз у соседей по случаю празднеств, свадебных, поминальных, обрезальных»⁴. Автор вот так описывал порядок приема пищи таджиками Дарваза: «Утром все члены семьи, сидя в кружок и передавая ложку один другому, завтракают постной похлебкой, сваренной из горсти муки с небольшим количеством горного лука и моркови с лепешкой из пшеничноилиячменной муки, выпеченной кое-как в котле и часто с примесью к злаковой муке шелковицы или муки корня дикого растения татин, очень распространенного, часто употребляемого, любимого горцами, хотя горьковатого. В полдень дарвазцу приходится съесть ту же лепешку в ¼ фунта не более для взрослого, а вечером – или просто комок тутовой муки, чем и довольствуется большинство бедняков»⁵. Необходимо отметить, что автор несколько преувеличивает жизненное состояние населения. Бедность была, но не всякой степени как указывает автор.

Большое место в работе занимают вопросы семьи и семейных отношений. По словам автора, горец женился обыкновенно в возрасте от 16 лет, выдавали дочерей, когда им исполнился 12 лет, что для гор, с суровым относительно климатом, несколько рановато, потому что женщины позднее разви-

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. С.305-307.

² Там же С.306.

³ Там же. С.303.

⁴ Там же. С.306-307.

⁵ Там же.

вались, чем на равнине, но и позднее старели. Невест просватывали родители иногда в детском возрасте (гаворабахш). Автор отмечает, что «если девица отказывается выйти замуж за назначенного ей отцом жениха (домод), или же сватовство совершается по достижении дочерью совершеннолетия, без всякого принуждения родителей, и такой брачный союз всегда почти устанавливает правильную семейную жизнь. В первом случае, за обещанную в невесты калым уплачивается женихом будущему тестю постепенно, в продолжение нескольких лет, во втором – сватовство сопровождается предварительными справками, иногда секретными свиданиями сватающегося со своим предметом, переговорами с родителями невесты»¹. Заручившись сведениями о сговорчивости родителей невесты, посылали к ним 2-3 близких родственников в качестве сватов (по каратегински – завчи, по дарвазски – гапрасон). Если родители намеченной в невесты изъявили согласие, сваты приглашались остаться в михманхане (внешняя комната для гостей) и угощались разными яствами. После получения согласия другой стороны, этим же сватам предстояло придти к родителям невесты через 3-4 дня.

Автор пишет, что приходили люди «с блюдами, лепешками, кашой молочной (шир-брюнч), пилавом, сушеными фруктами и проч. съедобными. Все гости усаживаются в сакле, читают предварительно про себя коротенькое благодарение Аллаху, с символическим поглаживанием бороды, и затем уже залпом приветствуют хозяина дома поздравлением»². Далее автор подробно останавливается на церемонии бракосочетания. Большой интерес представляет факт приводимые автором о том, что разводы (талок) среди горцев бывали очень редко, они происходили в исключительных случаях.

В жизни горца торжественное событие составляло празднество обрезания сына, совершаемое над подростками в 8-10 лет³.

О похоронах и погребальных обрядах автор пишет так: «Поминки погребальные, с раздачей на кладбище по одному аршину алачи, или бязи на

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. С.460.

² Там же. С.466-467.

³ Там же. С.469.

память (иртыш), с угощением через – три дня соседей, также вызывают расход от 30 до 60 рублей для среднего состояния и в пять раз больше для богатых, раздающих в поминальный иртыш адрас или ситец»¹.

В Дарвазе и Каратегине из меров весов распространенными были семь тюбетеек, одна чашка, батман, пуд и др. Г.А.Арандаренко отмечает, что «принимается кусок бязи (карбас) в 12 аршин, сколько идет на одну пару нижнего белья»².

В данной работе нашли свое отражение и вопросы духовной культуры, в частности религия и религиозные верования, народные праздники и игры, искусства, особенно танцы. Среди населения были распространены колыбельные, любовные, сатирические, свадебные и похоронные песни. Из игр, по словам автора, широкое распространение имели плаванье и бег по горам³. Г.А.Арандаренко, как и другие русские исследователи с горечью писал об антисанитарном состоянии дореволюционных кишлаков Памира и Припамирья, с низким гигиеническим уровнем содержания жилых помещений⁴.

Касаясь, языков населения Памира и Припамирья, автор обратил свое внимание на отличительные особенности язгулемского языка⁵. Г.А.Арандаренко не только отметил особенности дарвазского говора, но и привел в качестве примера образца его, записанные им в 1882 г. в Дарвазе⁶.

Г.А.Арандаренко в 1882 г. посетил бекства юго-восточной части Бухарского эмирата. После посещения этой местности написал вышеназванную работу «В горах Дарваза-Каратегина»⁷. В ней приводятся интересные сведения о населении не только Дарваза и Каратегина, но и Куляба и его окрестностей. В работе автор подробно описывает свой маршрут из Самарканда до Каратегина и Дарваза. Пишет и о городах данного региона. В частности о городе Кулябе пишет так: «Город, в 460 дворов, весь разбросан в садах, проре-

¹ Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин. С.469.

² Там же. С.306.

³ Там же. С.310-311.

⁴ Там же. С.306.

⁵ Там же. С.452-453.

⁶ Там же. С.452-453.

⁷ Его же. В горах Дарваза – Каратегина. С.154.

зан широкими улицами и арыками для поливки усадебных пашень, которых впрочем, не особенно много, потому что главное занятие кулябцев составляет шелководство, ткачество превосходной шелковой алачи для халатов, торговашество меновое и с денежными знаками, в которых преобладает издавна старинная медная русская монета, неизвестно, как и откуда забравшаяся только в Кулябе. Значительная часть кулябцев, как типичных таджиков с чисто персидскою (таджикскою – А.В.) речью, так и узбеков колена Кесемир, занимается также скотоводством, выселяясь на лето из лихорадочного городского и кишлачного побережья в восточные, ближайšie горы вечно снежного хребта Камарау-имам оскар»¹. Далее автор рассказывает о земледелии кулябцев. Он отмечает, что население занималось зерноводством. Выращивало пшеницу, ячмень, лен, хлопок, кунжут. Развивалось и скотоводство. По этому поводу автор пишет: «Свободной земли на этом нагорье так много, однако, что она дает и прекрасные пастбища для овец, рогатого скота, и для значительных конских табунов скотоводов...»². Рассказывая о населении Бальджуана, автор подчеркивает, что бальджуанцы, таджики и узбеки были довольно зажиточны, потому что, имея значительное хлебопашество. Они занимались также «дешевой скупкою пшеницы, ячменя и льна, затем отправляли на продажу в Карши»³.

Русский чиновник и исследователь Д.Л.Иванов 1884 г. совершил путешествие по Восточной Бухаре, Памиру и Припамирье. После возвращения в Россию написал работу «Путешествие на Памир»⁴, в которой привел большое количество ценного и интересного материала этнографического характера. В частности, рассказывая об одежде горных таджиков, автор отмечал, что осенью, в грязную погоду, люди на ногах поверх пехов надевали кафши чубин – деревянные башмаки – туфли на трех подставках⁵. Автор останавливается и на жилища горных таджиков. Он писал, что стены домов выкла-

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. С.429.

² Там же. С.430.

³ Там же.

⁴ Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия РГО. 1884. Т.20. Вып. 3.

⁵ Там же. С.244.

дывались в основном из камней на глиняном растворе¹. На равнинных местах практиковалось возведение глинобитных стен². Стены жилых домов и кладовых оштукатуривали первоначальной глиной, нередко с саманом, а затем смесью, состоящей из мелких камней и глины. Эту работу выполняли женщины, которые считались большими мастерами отделки стен³. В работе имеются сведения и о перекрытии домов. Д.Л.Иванов пишет, что в жилищах имелось множество разных перегородок, глиняных амбарчиков, шкафчиков и печурок всевозможного назначения⁴. Далее автор пишет о чистоте и уюте в домах таджиков Памира и Припамирья. Далее автор пишет об орнаментах, украшавших стены, о деревянных столбах и цоколе помещений⁵. Рассказывая о внешнем виде домов, Д.Л.Иванов считал его невзрачным, напоминающим по виду сарай.

Останавливаясь на духовной культуре, автор интересовался искусством, в частности музыкой. Он отмечал, что мотивы песен горцев даже напоминали итальянские серенады⁶. Далее автор обратил внимание на особенности языка шугнанцев.

В следующем, 1885 г. была опубликована другая работа исследователя «Шугнан. Афганские очерки»⁷. В ней автор пишет о тяжелых климатических условиях Памира, в особенности Шугнана. Рассказывая об антропологическом типе горцев, как другие исследователи подчеркивает красоту женщин-таджичек Памира и одновременно отмечает, что тяжелые условия дореволюционной жизни явились причиной их преждевременного старения⁸. В другом месте автор приводит примеры о прекрасном характере таджиков верховьев Пянджа, в частности об их любви к оседлости, к земле, к хозяйству⁹.

¹ Иванов Д.О. Путешествие на Памир. Читано в общем собрании Русского географического общества, 11 апреля 1884 г. / Отд. отд. из Известия РГО. 1884. Т.20. Вып.3. С.35.

² Там же. С.34-35.

³ Там же. С.35.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Иванов Д.Л. Путешествие на Памир. С.39.

⁷ Его же. Шугнан. Афганские очерки // Туркестанский сборник. СПб., 1885. Т.373.

⁸ Там же. С.657.

⁹ Там же. С.648.

Автора интересовали и вопросы материальной и духовной культуры горных таджиков. В частности рассказывая об одежде горцев, подчеркивал, что большинство бедняков было одето в рубахи без каких-либо вышивок.¹ Д.Л.Иванов в своей работе пишет и о селениях, жилищах горных таджиков. Он рассказывает о структуре домов, из чего они построены, в частности подчеркивает, что сложенная насухо стенка отличалась «большой устойчивостью и известной правильностью»². Автор также пишет о форме перекрытий, тий, о простых плоских земляных и двускатных крышах, о столбах.

В труде приводятся сведения о формах и размерах домов, как однокомнатных, так и состоящих из нескольких комнат³. В жилищах ютились, как правило, члены большой патриархальной семьи. Объясняя причины существования таких больших патриархальных семей, Д.Л.Иванов удачно заметил, что правители-беки строили себе курганы-крепости и обращали жившее в них население в крепостных крестьян, переводя их-то на оброк, то на натуральную повинность. «Оброки облагали дом, что без сомнения, и отозвалось на тесноте городских хат и на нераздельности больших семей»⁴. Д.Л.Иванова Д.Л.Иванова интересовали и вопросы памирских языков. Он отмечает, что памирские языки имеют много совпадений со славянскими языками. Автор правильно утверждает, что эти языки относятся к индоевропейским языкам.⁵

Д.Л.Иванов касаясь, вопросов семьи и семейных отношений среди горных таджиков подчеркивает, что, несмотря на неравноправное положение в семье, на постоянные притеснения, женщины играли огромную роль в устройстве быта и ведении хозяйства. Если «мужчина жнет хлеб, женщина возится со снопами на току; мужчина таскает дрова, женщина накладывает их в вязанки. Горец ходит в лес за дровами и тащит их на спине домой, его жена идет за водой и несет кувшин на голове. Кустарные промысли, тоже имеют

¹ Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки. С.657.

² Там же. С.654.

³ Там же. С.653.

⁴ Там же. С.653.

⁵ Там же. С.658.

свое разделение: деревянные поделки – дело мужчин; гончарное – исключительно женское»¹.

На женщине лежал широкий круг обязанностей: заготовка топлива, выражающаяся в сборе кизяка от скота, ведение молочного хозяйства, уход за домашним скотом, за детьми, стирка, уборка жилища, жатва в поле и др.²

Русский исследователь и чиновник М.И.Венюков в своей работе «Результаты последних путешествий по азиатским владениям России и соседних с ними странам», которая была издана в 1884 г., наряду с изучением природных богатств Восточной Бухары пишет о чистоте и уюте в домах горных таджиков³. Говоря о духовной культуре, автор подчеркивает, что в верховьях Пянджа распространился исмаилизм⁴.

Русский ученый – географ И.В.Мушкетов изучал природную среду Памира и Припамирья, его климат, флору и фауну. В своей работе «Памир и Алай», которая была издана в 1885 г., наряду с этими вопросами уделял внимание жизни и быту населения⁵. В частности, он подчеркивал красоту женщин-таджичек Памира и Припамирья и одновременно не забывал упомянуть и о том, что тяжелые условия дореволюционной жизни явились причиной их преждевременного старения и высокой смертности⁶. Далее рассказывая о прекрасном характере таджиков верховьев Пянджа, однако, отмечает их воинственность⁷.

И.В.Мушкетова интересовала материальная и духовная культура местного населения. В своей работе он приводит интересные сведения об одежде. Он отмечает, что многие бедняки из-за отсутствия одежды были одеты порою в звериные шкуры⁸.

¹ Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки. С.656-657.

² Там же. С.648.

³ Венюков М.И. Результаты последних путешествий по азиатским владениям России и соседним с ними странами // Русская мысль. 1884. Кн.6. Научная хроника. С.3.

⁴ Там же.

⁵ Мушкетов И.В. Памир и Алай // Живописная Россия. Русская Средняя Азия. СПб.; М., 1885. С.10.

⁶ Там же. С.314.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Автор пишет и о народных играх. В частности, он отмечает, что среди населения происходили различные состязания, в т.ч. состязаний в стрельбе, терзания козла – «уллак»¹.

В 1886 году была опубликована работа Г.Е.Грум-Гржимайло «Очерк Припамирских стран»², в которой даются сведения о хозяйственной деятельности населения Восточной Бухары и Памира. Рассказывая о природных условиях Восточной Бухары, в частности о Гиссарской долине он пишет следующее: «Хиссар громадная и широкая, слегка волнистая долина богатая водобавок водою. Здесь хлеба, куда не глянь; сеяная пшеница, ячмень, джугара, лен (засевается только для выделения масла)»³. В Восточной Бухаре развивалось и садоводство. О развитии этой отрасли в Гиссарской долине автор пишет: «Кишлак сплошной сад, здесь не только платаны (чинары), кайрагачи, тут тополь, джида, ива, и масса фруктовых деревьев – абрикосы, персики, айвы, яблоки, груши, гранаты, сливы, вишня и наконец, виноград»⁴.

Наиболее массовым и широко распространенным видом кустарного производства во всех городах Восточной Бухары являлось ткачество. Но города все же были центрами более развитого производства высококачественных изделий, среди которых в Восточной Бухаре широкую известность получил гиссарский город Каратаг. Г.Е.Грум-Гржимайло, указывая на известность хиссарской алачи, отмечает, что «алача самая плотная из всех шелковых тканей, которыми Бухара снабжает весь Восток»⁵.

В работе автор останавливается и на менталитете горцев, в частности он пишет об их выносливости⁶. В другом месте работы автор отмечает скудность питания таджиков⁷. В частности, он отмечает, что из-за недостатка пшеницы, ячменя или же бобов население приготавливало лепешки наполовину из зерновой муки, наполовину – из молотых сушеных тутовых ягод, или

¹ Мушкетов И.В. Памир и Алай. С.320.

² Грум-Гржимайло Г.Е. Очерк Припамирских стран // Известия РГО. 1886. Т.22. Вып.2.

³ Там же. С.104.

⁴ Там же. С.103-104.

⁵ Там же. С.104.

⁶ Там же. С.102.

⁷ Там же. С.103.

же других фруктов¹. Кроме овощей и фруктов таджики Припамирья употребляли различные молочные продукты – молоко, айран, дуг (кислое молоко, разбавленное водой), сыр, сливочное масло.

Такие общеизвестные на всем Востоке кушанья, как плов, шурпо, вареное или жареное мясо считались для местного населения, за исключением его привилегированной части, большой роскошью и приготавливались лишь по праздникам или же в особых торжественных случаях². По словам Г.Е.Грум-Гржимайло, хлеб ели очень редко, и то не раньше осени, когда он созревал в Шугнане³.

В работе Г.Е.Грум-Гржимайло даются сведения о религии и религиозных верованиях народов Восточного Памира, в частности киргизов. Киргизы по своим религиозным убеждениям являлись суннитами. Однако они не всегда выполняли предписания ислама. По этому поводу автор отметил, что «молиться они не умеют, а намаз совершают только старцы, причем болтают, бог знает что»⁴.

Большой литературный и этнографический интерес представляют собранные Г.Е.Грум-Гржимайло рассказы, песни, музыкальные произведения горцев⁵. Необходимо отметить, что это наследие - яркое свидетельство богатства духовного мира горных таджиков, их неиссякаемой выдумки, смекалки, игривости характера. В произведениях устного народного творчества, которые оказались, зафиксированы ученым, отражено социальное неравенство трудовых слоев населения, его мечты о светлой и счастливой доле.

Русский офицер Н.Н.Покотило, путешествовавший в 1886 г. в Центральную и Восточную Бухару, после возвращения в Россию написал работу «Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году»⁶. В данной работе автор, прежде всего, останавливается на антропологической особен-

¹ Грум-Гржимайло Г.Е. Очерк Припамирских стран. С.103.

² Там же. С.103-104.

³ Там же. С.101.

⁴ Там же. С.169.

⁵ Там же.

⁶ Покотило Н.Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году // Известия РГО. 1889. Т.25. Вып.6.

ности таджиков Восточной Бухары и Памира. По его словам они принадлежали к «индоевропейской расе»¹, т.е. по современной терминологии, были европеоидными по физическому типу.

Рассказывая о селениях Памира и Припамирья, Н.Н.Покотило отмечает, что в высокогорных кишлаках не росли деревья, и что растительность становилась все гуще и богаче по мере приближения к тем селениям, которые были расположены по берегам рек². Автора интересовали и жилища. Он писал, что стены домов выкладывались в основном из камней на глиняном растворе³. В работе также хранятся сведения о планировке, методах и типах постройки домов, об орнаментах, украшавших стены, о каменных столбах и цоколе помещений, о способах приготовления красок и т.д.⁴

Вопросы питания населения также интересовали ученого. Необходимо отметить, что трудовые слои населения в дореволюционное время никогда не были полностью обеспечены продуктами питания. По этому поводу несколько сгущая краску, Н.Н.Покотило писал: «Нередко приходилось встречать стариков, которые от рождения не ели ни мяса, ни хлеба»⁵. Скудость питания, сводившаяся часто исключительно к тутовым ягодам, вредно отражалась на здоровье людей. В большинстве своем горцы были бледными, худыми, страдали малокровием и отличались недолговечностью. Глубокая старость наступала у них уже к 45-50 годам⁶. Дети болели рахитом, ходили с вздутыми животами. Ежегодно весной, когда кончались пищевые запасы, и особенно в голодные – неурожайные годы, таджики Памира вынуждены были, есть траву, коренища и др. растительность. К этим сведениям путешественника необходимо относиться критически. Потому, что большинство населения держало в своих домах скот. Кроме того, горцы были меткими охотниками.

¹ Покотило Н.Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году. С.498.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.499.

⁶ Там же.

Русский врач И.Л.Яворский в своей работе « Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», которая была опубликована в 1889 г., уделял большое внимание санитарному состоянию Туркестанского края, в т. ч. Памиру¹. В частности, автор останавливается на тяжелых санитарных условиях населения Памира. Далее автор пишет об остатках религиозных верований среди населения Памира. Он пишет, что на Памире широко распространился исмаилизм². И.Л.Яворский отмечает, что среди таджиков Памира существовало и огнепоклонство³.

Русский военный деятель и исследователь Б.Л.Громбчевский внес большой вклад в изучении истории и этнографии народов Памира и Припамирья. Б.Л.Громбчевский великолепно владел языками всех народов Туркестана.

Б.Л.Громбчевский на протяжении своей жизни много путешествовал по Средней Азии, по Памиру и Припамирью. Во время путешествий Б.Л.Громбчевский собрал огромное количество материала о прошлой и современной жизни народов Памира и Припамирья. В 1889-1890 гг. организовал экспедицию в Дарваз, на Памир, в Раскем и С.-З. Тибет с целью всестороннего изучения этого края. Во время экспедиции вел дневник и записывал природные богатства края, климат, дал антропологическую характеристику населения, интересовался материальной и духовной культурой горных таджиков⁴. И в пути, и на месте Громбчевский собирал материал о крепостях, сельскохозяйственных орудиях, о земледелии, подробно описывал всю церемонию приема и т.д. В частности, в дневнике автор пишет о селениях и жилищах горных таджиков. Рассказывая о пище горных таджиков, автор отмечает, что они из-за нехватки пищи больше употребляли овощи и фрукты⁵. Эти сведения ученого не соответствуют действительности. Так как он полно-

¹ Яворский И. Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. СПб., 1889. Ч.1.

² Там же. С.346.

³ Там же.

⁴ Громбчевский Б.Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памир, в Раскем и С.З. Тибет.1889-1890 гг. Архив ГО. Ф.45. Оп.1. Д.6. Лл.1-325.

⁵ Там же. Л.3.

стью не знал всю пищу горных таджиков, поэтому отмечал ее нехватки по своим наблюдениям.

В июле 1889 г. Громбчевский побывал в Каратегине. Он отмечал, что территория бекства Каратегина служит как бы продолжением долины Алая и лежит по обеим сторонам р. Сурхоб. Многие путешественники, побывавшие в Каратегине до Громбчевского, считали, что его население состоит сплошь из таджиков. Громбчевский же отметил, что население здесь частью киргизское, частью таджикское¹. Подчеркивая бедственное положение населения Каратегина, Громбчевский сообщал так же и о том, что там имеется достаточное количество земли, пригодной для хлебопашества, а также богатые пастбища на северных склонах хребта Петра Великого.

Восхищаясь трудолюбием каратегинских земледельцев, Б.Громбчевский писал: «Поневоле удивляешься таджику, который, не имея представления о термометре и метрологии, единственно собственным опытом пришел к выводу, где и что надлежит сеять, где что вызревает и дает урожай, вознаграждая вложенный труд»².

Из Каратегина через перевал Гардани Кафтар экспедиция перевалила в Вахиё. Автор отмечает, что амлякдарство Вахиё «населено исключительно таджиками. Этот народ арийского происхождения, высокого роста, со смуглою кожей, обильно поросшей волосами и красивыми, правильными чертами лица»³.

К числу этнографических сведений, которые приведены в рукописи ученого, относится его сообщение о том, что ваханцы «одеваются в темные шерстяные халаты, рубашки и штаны из бязи (маты) белой из хлопка, на голове – ситцевые красные тюбетейки (шапочки), на ногах – сапоги из кожи, но без

¹ Данный вопрос более подробно освещен в работе Н.А.Кислякова «Очерки по истории Каратегина». Душанбе, 1954.

² Архив ГО. Ф.45. Оп.1. Д.6. Л.70.

³ Доклад капитана Б.Л.Громбчевского о путешествии в 1889-1890 гг. для исследования горных долин Гиндукуша, восточных склонов Гималая и окраин Северо-Западного Тибета, читанный в экстренном собрании Русского Географического общества 10-го января 1891 года. СПб., 1891. С.3.

каблуков и без твердых подошв, на ногах кроме того длинные шерстяные чулки»¹.

В Вахие Б.Л.Громбчевский уделяет большое внимание описанию земледелия и садоводства населения. В Вахие возделывали ячмень, пшеницу, лен, просо и бобы. Остальные виды хлеба здесь не росли. Он отмечал, что население Вахие сожалело, что в их местах не росли тут (шелковица, ягоды которого составляют любимую пищу горцев) и абрикосы. Он приводит данные об отсутствии минеральных богатств, кроме соляного источника близ селения Пасты Рох, что находится в нижнем Вахие.

Об обычаях населения Вахие Б.Л.Громбчевский пишет так: «Из местных обычаев отмечу, что в селении каждый двор по очереди должен доставлять топливо в общественную мечеть. Вследствие этого комнаты при мечети изображают в зимнюю стужу род клубов: здесь не только находит приют путешественник, но и отогревается, а подчас и просиживает по-полдню за беседой с местными жителями, собравшимися для молитвы»².

В работах Б.Л.Громбчевского приводятся краткие описания географии, земледелия, растительности, жилищ Дарваза. Он не раз отмечал, что в Дарвазе, в отличие от Вахие, каждый клочок земли засеян и прекрасно возделан. Представляет интерес и сообщение о том, что в Дарвазе засевают некоторые поля два раза, второй раз – после снятия пшеницы. Ученый подчеркивал, что земледельческие работы начинаются с посыпки снега на полях земель для более интенсивного его стаивания. Причем, эта посыпка – «хок-зани» производилась 5-6 раз³. Далее он приводит примеры о развитии садоводства в Дарвазе. Здесь росли виноград, гранаты, персики, абрикосы, яблоки, груши, сливы и грецкий орех, но особенно обильно – тут (шелковичное дерево). Он особенно подчеркивает, что шелковица возделывалась населением не ради шелководства, а ради фруктов, что дерево это чрезвычайно благодатно, так как

¹ Архив ГО. Ф.45. Оп.1. Д.6. Л.72.

² Там же. Лл.77-78.

³ Там же. Л. 7.

тутовые ягоды, равно как персики и абрикосы, составляли главное подспорье в еде горных таджиков.

В своем докладе Б.Л.Громбчевский о населении Дарваза пишет так: «Население Дарваза – таджики, по типу чистые арийцы, часто необыкновенной красоты. Особенно красивы женщины, с бледным матовым лицом, необыкновенно правильными, строгими чертами и чудными глазами»¹.

Внимание Б.Л.Громбчевского привлекало жилище населения Калаи-Хумба. Большинство домов имели над земляною крышей другую высокую, остроконечную, покрытую тонким слоем соломы. Остановившись на одежде населения, автор отмечает, что из-за жаркого климата мужчины и женщины ходили в белых рубашках из маты и таких же штанах. Женщины на голове носили белые косинки из маты или кисеи, а мужчины – красные тюбетейки или чалму. На ноги надеты чарыки – мягкая обувь без каблуков, чрезвычайно удобная для ходьбы в горах и мягкая. Халаты носили шерстяные или ситцевые, преимущественно красные, русского кумача или ситца².

В работах Б.Л.Громбчевского нашли свое отражение вопросы семьи и семейных отношений. В частности, Громбчевский заметил, что девочки, отдавались замуж очень рано, 3-7 лет, причем, он подчеркнул, что после совершения брачного обряда, родные мужа, или муж, увозят девочку домой и воспитывают ее сами до возмужалости³. Б.Л.Громбчевский отмечал, что свадьба в этих местах не совершалась без калыма, т.е. без платы за жену. В рукописном наследии ученого приводятся данные о размерах калыма: «1 лошадь, 1 корова или бык, 2 казана, 2 ружья, 2 куска маты, 1 кошма, 1 одеяло, 1 одежда (сарпои) с ног до головы, 30 тюбетеек пшеницы и 2 куска алачи. Если жена разводится с мужем, то возвращает весь калым сполна, сколько бы она не жила с мужем, и мальчики остаются отцу»⁴. Кроме калыма, который пола-

¹ Доклад капитана Б.Л. Громбчевского о путешествии...С.4.

² Архив ГО. Ф.45. Оп.1. Д.6. Л.113. См. также: Акрамов Н. М. Вопросы истории...С.55.

³ Архив ГО. Ф.45. Оп.1. Д.6. Л.113.

⁴ Там же.

гался отцу невесты, необходимо было платить калым матери невесты или братьям ее матери.

Б.Л.Громбчевский дал описание и похоронных обрядов. По его словам, мертвых не так почитали, как в других мусульманских странах. Кладбища неопрятны, расположены в стороне от селений, на пустырях, не огорожены, обычно не имеют никаких надгробных камней или построек.

В долине Ванча Б.Л.Громбчевский уделяет внимание и на сельское хозяйство, в частности на садоводство и виноградарство. Селения на Ванче были обрамлены прекрасными фруктовыми садами, где росли яблоки, груши, мелкая слива, вишня, черешня, абрикосы и персики. Повсеместно росли дикий виноград, барбарис и облепиха. Громбчевский считал, что сушеные и толченые яблоки, абрикосы и тут являлись основным подспорьем в пище ванцев. В долине возделывались пшеница, ячмень нахут (горох), просо, хлопчатник - мелкий и в небольшом количестве, кунжут и махсар (в незначительном количестве) из маслянистых зерен, которых приготавливали масло для освещения. Из овощных культур выращивали лук, морковь и дыни. Во многих местах на Ванче после уборки пшеницы эти же поля засеивали просом. После уборки урожая ванцы перепаживали землю, чтобы оставшиеся под пахотным слоем корни растений перегнили до следующего посева¹.

Интересными являются сведения Б.Л.Громбчевского о выработке железа в Ванче. Он установил, что железо добывалось преимущественно в верховьях Ванча, причем залежи руды самого лучшего качества имелись в ущелье Ван-Ван, в местности Харам-Дара. Следует отметить, что путешествия Б.Л.Громбчевского дали богатый географический и этнографический материал.

Словом, вклад этого неутомимого путешественника-исследователя Средней Азии в изучении истории и истории культуры, а также этнографии таджикского народа, особенно народов Памира и Припамирья, весьма велик².

¹ Акрамов Н.М. Вопросы истории...С.61.

² История таджикского народа. Т.IV. С.683.

«Сотни и тысячи километров по дорогам и бездорожью в пустынях, равнинах и ущельях, по горным тропам он пересек пешком или на спине лошади, собрав по крупицам огромные материалы и коллекции относительно истории, археологии и этнографии, большинство из которых до сих пор хранятся в музеях, архивах и фондах библиотеки»¹ России. Кроме вышеназванных докладов Б.Л.Громбчевским опубликовано еще несколько статей².

В 1892 г. были опубликованы путевые впечатления К.К. Казанского под названием «Вблизи Памиров (Путевые впечатления)»³. В данной работе автор рассказывает о жизни и быте киргизов Памира. В частности он приводит данные об утвари киргизов Памира⁴. Рассказывая о пище киргизов, автор отмечает, что их пищу составляли исключительно кутасовые молочные продукты⁵.

Ученый-исследователь Э.Реклю в 1892 г. опубликовал очень интересную работу «Земля и люди. Всеобщая география. VI. Азиатская Россия и среднеазиатские ханства»⁶. В данной работе автор наряду с географическими вопросами пишет и о духовной культуре горцев. Он отмечает, что среди таджиков Памира и Припамирья сохранились пережитки доисламских религиозных верований, в частности огнепоклонства⁷.

Русских исследователей, в частности В.Годского (точную его фамилию установить не удалось) интересовали жизнь и быт таджиков Памира и Припамирья. В своей статье «Воспоминания об Алае и Памире» В. Годский рассказывает о жилищах и их строительстве. В равнинных местностях практиковалось возведение стен из сырцовых кирпичей, глинобитных, а в Каратегине – и каркасных стен. Стены жилых домов и кладовых оштукатурили первона-

¹ Акрамов Н.М. Вопросы истории... С.21.

² Экспедиция капитана Б.Л.Громбчевского на Памир (Выдержки из писем Б.Л.Громбчевского вице-председателю РГО П.П. Семенову) // Известия РГО. 1889. Т.XXV; Экспедиция Б.Л.Громбчевского на Памир // Туркестанские ведомости. 1889. № 1; Его же. Доклад о путешествии в 1889-1890 г. // Известия РГО. 1891. Т. 27. Вып. 2.

³ Казанский К.К. Вблизи Памиров (Путевые впечатления). Ташкент, 1892.

⁴ Там же. С.76.

⁵ Там же.

⁶ Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. VI. Азиатская Россия и среднеазиатские ханства. СПб., 1892.

⁷ Там же. С.346-347.

чальной глиной, нередко с саманом. Эту работу выполняли женщины, которые считались большими мастерами отделки стен¹. Далее автор дает сведения о формах и размере домов². По сообщениям исследователя В.Годского, к жилой части дома примыкали, т.е. находились под одной крышей, хозяйственные постройки³.

Касаясь, пищи, автор отмечает, что из-за недостатка пшеницы, ячменя или бобов население приготавливало лепешки наполовину из зерновой муки, наполовину – из молотых сушеных тутовых ягод, или же других фруктов⁴. Кроме овощей и фруктов таджики Памира и Припамирья употребляли различные молочные продукты. Такие общеизвестные кушанья, как плов, шурпо (мясной суп), вареное или жареное мясо считались для местного населения, за исключением богатых жителей, большой роскошью и приготавливалось лишь по праздникам или же в особых торжественных случаях⁵.

Русский офицер и исследователь П.А.Кузнецов, посещая в 1892 г. Памир и Припамирья, в частности, Дарваз и Каратегин, в 1893 г. написал работу под названием «Дарваз»⁶. В ней наряду с экономическими, политическими вопросами даются сведения и о жизни и быте горных таджиков. В его работе имеются сведения о печах и разнообразных способах приготовления лепешек⁷. П.А.Кузнецов, также как и Б.Л.Громбчевский пишет о том, что у горных таджиков было скудное питание⁸. Пища горцев состояла из болтушки, приготавливаемой из гороха⁹. Далее автор дает сведения о том, что ежегодно весной, когда кончались пищевые запасы, и особенно в голодные – неурожайные годы, таджики Памира вынуждены были, есть траву, коренища и др. растительность¹⁰. Такие общеизвестные на всем Востоке кушанья, как плау

¹ Годский В. Воспоминания об Алае и Памире // Туркестанские ведомости. 1892. №19.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кузнецов П.А. Дарваз (Рекогносцировка ген. шт. капитана Кузнецова в 1892 г.). Новый Маргелан, 1893.

⁷ Там же. С.61.

⁸ Там же. С.64-65.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С.65.

(плов), шурпо, вареное или жареное мясо считались для местного населения, за исключением его привилегированной части, большой роскошью и готовились лишь по праздникам или же в особых торжественных случаях¹.

Рассматривая вопросы духовной культуры таджиков Памира, автор отмечает, что они не отличались религиозностью, а мечети, которые функционировали, были похожи на сараи. Таджики Памира и Припамирья в большинстве случаев не отмечали религиозные праздники, но, тем не менее, они высоко почитали могилы « святых » и предков, которые во множестве встречались в Дарвазе². П.А.Кузнецов неоднократно писал о любви таджиков Памира и Припамирья к поэзии, танцам и сказкам. Мотивы песен горцев ученому казались однообразными и монотонными³. Ученый собрал многочисленные сведения о разнообразных видах – мотивах танцев: танец ткача, танец с саблей, танец с игрой на гиджаке и др.⁴ Из народных музыкальных инструментов П.А.Кузнецов упоминает куги-най⁵.

Русский исследователь В.Баньковский в 1894 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал статью «С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно»⁶. В ней автор кроме описания климата, флоры и фауны края останавливается и на описания населения. В частности он отмечает, что дети киргизок Памира очень красивы⁷. Далее он останавливается на занятиях населения, в частности на производстве местных тканей. Местные ткани сравнительно редко окрашивали в полосатый или клетчатый цвет; большею частью их изготавливали серого и черного цвета⁸.

Автора интересовала и материальная культура таджиков Памира и Припамирья, в частности жилища и одежда. В более состоятельных домах имелись отдельные помещения для приема гостей и для торжественных случаев.

¹ Кузнецов П.А. Дарваз... С.64.

² Там же. С.65.

³ Там же. С.66.

⁴ Там же. С.67.

⁵ Там же. С.66.

⁶ Баньковский В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно // Туркестанские ведомости. 1894. №12.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

По словам В.Баньковского, в Рушане же в каждом кишлаке был общественный дом – михман-хона, состоявший всего из одной комнаты, сажени две с половиною в квадрате¹.

В 1894 г. русский путешественник и чиновник Н.Юхновский написал статью «Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча»², в которой даются и этнографические материалы о жизни и быте горных таджиков. В частности, автор, рассказывая об антропологическом типе горных таджиков, отмечает их крепкое телосложение³. Далее автор останавливается и на материальной культуре, в частности на жилище. Он отмечает, что в равнинных местностях практиковалось возведение стен из сырцовых кирпичей⁴. Далее он пишет о методах кладки балок⁵.

Русский капитан Александрович 3 декабря 1894 г. в Ташкентском военном собрании выступил с сообщением «Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г.»⁶. В данном сообщении Александрович наряду с другими вопросами говорил и об одежде и обуви горных таджиков. Он отмечал, что горцы ходили по рыхлому снегу на чапарах. Несколько своеобразной была обувь шугнанцев, которые еще носили мягкие чувяки без калош, не позволявшие ходить по горам⁷.

Русский исследователь и военный деятель А.Серебренников в 1894 г. в своей статье «Очерк строительных материалов Ферганской области и Памира» отмечал, что горные таджики в качестве строительных материалов использовали глину, камень и дерево⁸.

¹ Баньковский В. С Памиров...№12.

² Юхновский Н. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча // Туркестанские ведомости. 1894. №65.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 г. в Ташкентском военном собрании) // Туркестанские ведомости. 1895. № 12.

⁷ Там же.

⁸ Серебренников А. Очерк строительных материалов Ферганской области и Памира // Инженерный журнал. 1894. №9. С.1105-1138.

Побывший на Памире А.Серебрянников в 1895 г. написал статью «Очерк Шугнана»¹. Позже он опубликовал монографию «Очерки Памира»². В статье автор пишет о жизни и быте таджиков Памира. В частности, останавливаясь на описании антропологического типа шугнанцев, А.Серебрянников отмечает, что глаза у них черные, очень редко голубые; выступающие, густо и дугообразно покрытые волосами надбровные дуги; возвышенное межбровье и впадистое переносье³.

А.Серебрянников в работе рассматривает занятия населения, в частности охоту. По словам автора, люди охотились с помощью мультака и стреляли из этих фитильных ружей очень искусно и метко⁴.

Ученого интересовала материальная культура, в частности одежда, жилище и пища горных таджиков. Главную часть костюма таджиков этих мест составлял халат, который носили и «зимой, и летом, заменяя все одеяния: сюртук, фрак, пальто, шубу, парадный мундир и т. п.»⁵. Головной убор таджика чаще всего состоял из рваной токэ – тюбетейки. По словам А.Серебрянникова, тюбетейку делали из привозного адраса⁶. Рассказывая об обуви горных таджиков, он пишет: «Только очень немногие, преимущественно люди состоятельные, носят сапоги из черного товара с каблуками, привозимые из Ферганы»⁷.

А.Серебрянников интересовался и жилищами таджиков Памира. Он подчеркивает, что к жилой части дома примыкали, т.е. находились под одной крышей, хлев для рогатого скота и овец⁸. В некоторых местах строили кладовые на больших камнях, с целью защиты продуктов от мышей, куда их хозяева залезали по крутым лестницам⁹.

¹ Серебрянников А. Очерк Шугнана // Военный сборник. 1895. Т.226. № 12.

² Его же. Очерк Памира. СПб., 1900.

³ Его же. Очерк Шугнана. С.406.

⁴ Там же. С. 421.

⁵ Там же. С. 418.См. также. Очерк Памира. С.63,75

⁶ Там же. С.419.

⁷ Там же. С.420.См. также: Очерк Памира. С.75.

⁸ Там же. С.421.

⁹ Там же. С.422. См. также. Очерк Памира. С.78.

Определенное значение для этнографической науки конца XIX – начала XX вв. имели сведения о структуре жилищ, которые подчеркивали разный социальный состав владельцев этих домов. В частности, А.Серебрянников пишет, что все сказанное «о неудовлетворительных качествах жилищ таджиков относятся главным образом, к жилищам бедняков, каковыми является большинство населения. У богатых же людей встречаются сакли, устроенные вполне хорошо и даже с претензиями на изящество»¹.

Продолжая рассматривать вопросы материальной культуры горных таджиков, А. Серебрянников, как и другие русские исследователи, отмечает скудность питания таджиков Припамирья². Пища горного таджика, как мы уже говорили выше, большей частью состояла атола (похлебка). Автор отмечает, что к ней иногда добавляли муку и мясо.

Следующим, часто употребляемым кушаньем был омач – кусочки теста, клецки, сваренные в воде с добавлением кислого молока или же подболтки из курута, т. е. сушеного кислого молока³.

Многие дореволюционные исследователи единодушны в своем утверждении, будто бы на Памире не существовало никаких общепринятых мер веса и длины. Единственно для сыпучих тел (преимущественно хлеба) являлась тюбетейка, в которой помещалось приблизительно фунтов 5 рису или пшеницы. 4 таких тюбетейки составляли меру большого объема – табак⁴. А.Серебрянников отмечал, что в Шугнана зерно «измеряется не по весу, а по объему, причем единицею меры служит сэр – мерка в виде деревянной чашки известного размера. Два сэра составляют кауш, соответствующие приблизительно нашему пуду. В общежитии наиболее употребительными мерами сыпучих тел были такэ или тюбетейка, какие носят на голове все восточные люди. Шесть такэ составляют один сэр, или 20 фунтов, а, следовательно, одна такэ соответствует 3-4 фунтам. Само собою, разумеется, что подобная ме-

¹ Серебрянников А. Очерк Шугнана. С.422.

² Там же. С.416.

³ Там же.

⁴ Н.П.-в. Весы и меры в Средней Азии // Туркестанские ведомости. 1874. № 33.

ра не может, в сущности, говоря, даже быть названа единицей меры, так как она величина непостоянная и зависит, прежде всего, от величины головы владельца тюбетейки, но для несложных торговых операций таджиков она является вполне удовлетворительной. Материи, например, мата, измеряются обыкновенно кусками, имеющими почти всегда одинаковый размер. Такие предметы как саман (рубленая солома) измеряются капями (мешками). Расстояние между пунктами измеряются по времени езды. Так, например, говорят, что от такого-то места три дня езды, или: «если выедешь утром, то в полдень можно приехать, и т.п. Нередко определяют даже, какая считается езда - хорошая, быстрая или же плохая»¹.

Вопросы семьи и семейных отношений нашли свое отражение в данной работе А.Серебренникова. В частности, он останавливается на вопросе брачного возраста памирцев. Согласно обычаям и религиозным канонам таджиков Памира и Припамирья, по достижении 10-15-летнего возраста мальчиками и 8-12-летнего – девочками, они считались совершеннолетними и могли вступать в брак². А.Серебренников приводил примеры, когда возраст супругов был различный. Случалось, что старики 50-ти – 60-ти лет женились на молодых девушках³. По словам автора, на Памире и в Припамирье, в частности в Шугнанае были распространены сватовства, помолвки и свадьбы⁴.

Несколько страниц в работе А.Серебренникова посвящены описанию обрядов и обычаев, связанных с выездом жениха за невестой в указанное халифой счастливое время, процессу свадьбы в доме невесты, происхождению брачных обрядов. Приводятся примеры, как в разное время в обязательном порядке совершали брачные обряды с девушкой и вдовой, как определяли счастливый час для отправления молодой в дом мужа, открывания лица молодой в доме мужа, описывали обрядовое укладывание спать молодых, посещение новобрачными родителей и т.д.⁵ Далее автор пишет об уплате калы-

¹ Серебренников А. Очерк Шугнана. С.415-416. См. также: Очерк Памира. С.78.

² Там же. С.423.

³ Там же.

⁴ Там же. С.423-424.

⁵ Там же.

ма женихом, о супружеской верности. Таджики Памира фактически были моногамными. Среди них почти не было многоженство. А.Серебрянников пишет, что крайняя «и почти поголовная бедность таджиков Шугнана и невозможность содержать несколько жен заставляет таджиков довольствоваться одной женой, и только люди состоятельные имеют по две жены, но таких насчитывается на всей Шах-даре не более 4-х – 5-ти человек»¹. Таджики Памира и Припамирьяжили не только большими семьями в отдельных домах, но представители одной патриархальной семьи, населяли и отдельные хутора². Следовательно, основу такой кишлачной общины составляли члены отдельных семейно-родственных групп, иначе патронимий, составляющих, в конечном счете, авлод – род.

Экономической основой большой патриархальной семьи являлась собственность на землю, рабочий скот и орудия труда, которые считались собственностью главы дома – отца семьи. Важно отметить, что в исследуемый период местные жители платили подати, натуральный оброк и отрабатывали барщины местным феодалам не по количеству членов семьи, а по каждому отдельному дому и именно потому, несмотря на всяческие неудобства, члены больших патриархальных семей боялись разделиться на мелкие самостоятельные парные семьи. Кроме того, отцы каждой семьи с целью сохранения прав и имущества своего хозяйства всячески препятствовали разделу семьи и ее имущества. Они (главы семей) считали себя владельцами всего движимого и недвижимого имущества; они могли продать, подарить и завещать его³. Далее автор останавливается на положении женщины в семье и обществе. Женщина всецело была занята домашними делами, в частности, уход за домашним скотом, за детьми, уборкой жилища, стиркой белья и др. Обязанности женщины были чрезмерно сложны и трудны. Потому женщины быстро старились, теряли красоту, здоровье и часто умирали в молодом возрасте⁴.

¹ Серебрянников А. Очерк Шугнана. С.423.

² Его же. Рекогносцировка Шугнана в 1894 году (Страничка из истории Памирского вопроса) // Туркестанские ведомости. 1896. № 61.

³ Кисляков Н.А. Брак и семья у таджиков. С.38-39.

⁴ Серебрянников А. Очерк Шугнана. С.435.

Рассматривая семейные вопросы, А.Серебренников уделяет внимание и на развод. Согласно шариату, право развода принадлежало только мужу. Для этого ему было необходимо всего-навсего при народе или свидетелей произнести трижды слово « талок» (развод). И дело считалось законченным¹. Развод официально должен был засвидетельствован кази (судья) или халифа. Если муж хотел получить развод, то он был обязан одеть жену с головы до ног, посадить ее на оседланного коня и отвести к дому ее родителей. В таком случае она имела право забрать свое личное имущество, принесенное в дом мужа. В случае если муж узнал об измене жены, то он имел право выгнать ее из дому без всякого имущества и считать себя разведенным².

Исследователь пишет о распространении в крае обычай и способы обережения роженицы и новорожденных от разных злых духов, демонов, алмасты (альбасты) и др., которые, по представлению горцев, часто похищали, терзали, мучили и убивали как детей, так и матерей и т.д.³

А.Серебренников останавливается и на духовной культуре таджиков Памира и Припамирья. В частности он пишет о том, что они являлись последователями исмаилизма, руководителями паствы на местах являлись пиры. Лица, носившие титул пира, должны были отличаться строгим аскетическим образом жизни и соблюдать правила нравственности, они обязаны были молиться за души своих последователей – мюридов. Такова была лишь официальная трактовка исмаилизма. А.Серебренников отмечает, что наряду с исмаилизмом среди таджиков Памира и Припамирья сохранились пережитки древних религиозных верований, в частности огнепоклонство, буддизм, христианство и др.⁴ Хотя принадлежность какой-то части таджиков Памира и Припамирья к буддизму и христианству, тем более к середине 90-х гг. XIX века, выглядит сомнительным.

¹ Серебренников А. Очерк Шугнана. С.424.

² Там же.

³ Там же. С.422-423. См. также. Очерк Памира. С.81.

⁴ Серебренников А. Очерк Шугнана. С.425.

Касаясь, вопросов духовной жизни и характера таджиков Памира и Припамирья, А.Серебрянников подчеркнул, что нравственная « природа человека так сложна, что уловить черты ее характера и дать ей полную и верную оценку является делом чрезвычайно затруднительным даже в том случае, когда условия для изучения этой стороны человека благоприятные и когда наблюдения производятся продолжительное время. Что же касается оценки характера и нравственного развития целого народа, то затруднения являются несравненно более трудными и скольконибудь правильная оценка становится почти совершенно невозможной, по крайней мере, в то время, когда народ еще не окончил своего исторического поприща и не сошел с мировой сцены»¹. Представляет интерес сообщение А. Серебрянникова о том, что некоторые неблагоприятные условия жизни, в частности, деспотизм завоевателей и правителей, имел дурное влияние на нравственность таджиков Памира.

Исследователь в работе «Очерк Памира» наряду со многими вопросами материальной и духовной культуры рассматривает и музыкальное искусство горцев. Он подчеркивает, что «мотивы песен горцев-таджиков очень мелодичны и отличаются задушевностью с неизменным оттенком грусти, являющимся результатом тяжелой, полной разных невзгод жизни»². Ученым собрано большое количество материала о разнообразных видах – мотивах танцев³. Известно, что во время свадьбы и в праздничные дни люди танцевали, пели песни, часто устраивали состязания музыкантов. Автор с восхищением пишет о песнях и танцах, которые сопровождали эти праздники и свадьбы⁴.

Для изучения жизни и быта горных таджиков в конце XIX в. большое значение имеет статья русского исследователя И.Февралева «Правобережная

¹ Серебрянников А. Очерк Шугнана. С.430.

² Его же. Очерк Памира. С.79.

³ Там же.

⁴ Там же.

полоса Пянджа и Амударьи от Калы Ванча до Керки»¹. В ней приведены интересные и фактические материалы, касающиеся хозяйственной жизни, занятия земледелием и скотоводством, семейного и общественного быта таджиков².

Русский исследователь и путешественник П.С.Назаров в 1896 г. путешествовал по Памиру. После возвращения в Россию в журнале «Землевание» опубликовал статью «Поездка на Памир»³. Данная статья посвящена жизни и быту киргизов Памира. В частности, он рассматривает физический тип и нравственное развитие обитателей Восточного Памира – киргизов. Его характеристика отличается тонкой наблюдательностью, тактов и подчеркнутым вниманием к образу жизни местного населения: «Памирский киргиз принадлежит к монгольскому племени и родствен киргизам, населяющим гористые местности Ферганской области»⁴.

Путешественник Венхо (Фондер-Ховен Б.Н.) в своей работе «Соколиная охота в Горной Бухаре»⁵ в краткой форме рассказывает о различных способах охоты горными таджиками. В частности автор пишет о том, что горцы часто охотились с соколами⁶.

С.Коржинский в своей работе «Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения», которая была опубликована в 1898 г., подробно пишет о сельском хозяйстве этих двух районов и отмечает, что в высокогорных кишлаках не росли деревья, и что растительность становилась все гуще и богаче по мере приближения к тем селениям, которые были расположены по берегам рек⁷.

¹ Февралев И. Правобережная полоса Пянджа и Амударьи от Калы Ванча до Керки // Военный сборник. 1895. № 19.

² Там же.

³ Назаров П.С. Поездка на Памир // Землевание. 1896. Т.Ш. Кн.1.

⁴ Там же. С.129.

⁵ Венхо (Фондер-Ховен Б.Н.). Соколиная охота в горной Бухаре. (Очерк русской дамы) // Живописное обозрение. 1897. №17.

⁶ Там же. С.282-283.

⁷ Коржинский С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и лесов. 1898. Т.189. № 4. С.62-69.

Н.Бронников в сборнике «Русский Туркестан» в 1899 г. опубликовал статью «От Хорога до Ванча»¹. В ней автор пишет свои впечатления о поездке на Памир. В работе рассказывает об одежде горцев, в частности отмечает, что мужчины носили сала (чалма)². Бедняки, из-за неимения чалмы голову повязывали платком или куском материи.

В холодную погоду носили еще шерстяную тканую шапку местного изделия и зимнюю шапку, сшитую из овчины или меха куницы. Редко носили перчатки (била, дастбила), вязанные из овечьей или козьей шерсти.

Костюм женщин мало отличался от мужского. Одевались они в те же халаты, если их имели, носили шаровары, рубахи, токэ, а вместо сала-чалмы повязывали головы платком. Большинство бедняков было одето в рубахи без каких-либо вышивок, а порою просто в звериные шкуры.

Касаясь жилища населения Памира и Припамирья, Н.Бронников писал, что временные жилища строили и на летовках, которые также печально славились своими неудобствами³. Интересуясь и условиями жизни горцев, он подчеркивал, что при тяжелых условиях жизни население часто болело различными заболеваниями. Распространялись чесотки, лихорадка и др.⁴

Исследователь И. Иванов в своей работе «По ущелью р.Бартанга от Таш-Кургана до Кала-и-Варма»⁵, которая была опубликована в 1899 г., показал нищенский образ жизни таджиков Памира и Припамирья в дореволюционное время на примере Бартанга.

Касаясь духовной культуры, в частности религии, автор отмечает, что среди населения Памира и Припамирья сохранились пережитки фетишизма, в т. ч. поклонение камню⁶.

Видный русский ученый, востоковед А.А.Семенов еще в начале своей научной деятельности, в конце XIX в. интересовался проблемами этнографии

¹ Бронников Н. От Хорога до Ванча // Русский Туркестан. Ташкент, 1899. Т.1.

² Там же.С.6.

³ Там же.

⁴ Там же. С.6-7.

⁵ Иванов И. По ущелью р. Бартанга от Таш-Кургана до Кала-и- Варма (Из путевых впечатлений и воспоминаний памирца в 1895 г.) // Русский Туркестан. 1899. № 52.

⁶ Там же. С.73.

таджиков. Первые его статьи были посвящены жизни и быту горных таджиков. Одной из первых его работ является «Отношение к детям у горных таджиков»¹. Работа посвящена воспитанию детей в семьях горных таджиков. Он справедливо писал, что дети-горцы, живущие в патриархальной неиспорченной среде своих отцов, пользуются особенно нежной любовью и привязанностью своих родителей и окружающих их взрослых. Детей ласкают, нежат и при первой возможности спешат их хоть чем-нибудь порадовать². Далее автор описал распространенные в крае обычаи и способы сбережения роженицы и новорожденных от разных злых духов, демонов, алмасты (альбасты) и др., которые, по представлению горцев, часто похищали, терзали, мучали и убивали как детей, так и матерей и т.д.³ А.А.Семенов по этому поводу пишет: «На земле живут добрые духи «пари» и много злых с разными названиями, из них особенно страшны «дэвы» и «шайтаны». Как «шайтаны» и «дэвы», так и «пари» могут причинить ребенку зло. Первые могут похитить и унести безвозвратно, «пари», хоть и добрый гений таджика, тоже иногда не прочь жестоко пошутить над новорожденным. Пользуясь отсутствием при нем людей, «пари» заглядывает в детскую колыбель, ударяет ребенка по какой-либо части тела, отчего происходят увечья тех или других членов, например: отнимается рука, нога, появляется горб, перекашивается рот, бывают поранения и т.д.»⁴.

Среди горцев были и такие обряды, что беременная женщина тайно ходила к мулле. Тот за подарок читал над тряпкою, палкою, костью или другую вещь молитву, потом отдавал наговорный предмет пришедшей женщине. Она бережно прятала его и при первом удобном случае кидала наговор к дому того соседа, у которого много детей, в надежде, что теперь смерть минует будущее ее детище и унесет дитя соседа⁵.

¹ Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 42. № 3.

² Там же. С.99.

³ Там же.

⁴ Там же. С.100.

⁵ Там же.

В некоторых местах таджичка повязывала к священному дереву какой-нибудь лоскут или ткань. Повязывая тряпку на одну из ветвей, произнесла горячую молитву Худо и дала клятву, что если бог исполнит ее мольбу и желание – ее ребенок не умрет, - то она поставит столько-то зажженных свечей в углублении священного камня, который обыкновенно находился в мазаре. Эти сведения свидетельствуют о том, что в конце XIX в. среди горных таджиков сохранились пережитки фетишизма.

А.А.Семенов рассказывает и о первой стрижке ребенка. По этому поводу он пишет: «Когда дитя подрастет и начнет ходить, - это приблизительно, бывает на втором году, - ему впервые бреют или просто коротко стригут волосы. Эта операция происходит обыкновенно без всяких церемоний. Потом лет до 7-10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикам в это время не полагается еще носить «токи» (ермолки)... Девочкам после первой стрижки больше не стригут волос; когда последние отрастут, их заплетают в две косы по обеим сторонам головки»¹. Далее автор отмечает, что иногда более зажиточные родители при этом вплетали в косу малышки какую-нибудь ленту или, просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани.

В возрасте до 10 лет дети пользовались особенной любовью родителей и окружающих их взрослых. Отцы во время отдыха от работ развлекались своими детьми.

По поводу отношения взрослых людей к детям, А.А.Семенов пишет: «Горец-таджик смотрит на ребенка, как на дар божий, как на самое чистое проявление божества; в нем он видит все лучшее в своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкать и баловать детей - святая обязанность не только каждой матери, но и каждого мужчины»².

Особое внимание уделяли горцы детям-сиротам. Их опекали и им помогали. Сирот всегда брали на свое попечительство ближайшие родственники и воспитывали их наравне со своими детьми, при этом любви к ним бывало

¹ Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков. С.100.

² Там же. С.103.

еще больше, чем к своим детям. А.А.Семенов в одном дарвазском кишлаке встретил таджика, у которого было своих 5 детей, и, кроме того, он воспитывал еще 4 своих племянников оставшихся после смерти его брата. При этом, когда приходилось раздавать детям леденец и разные сласти, этот таджик просил дать побольше сиротам¹.

А.А.Семенова интересовал и процесс воспитания детей в семье горного таджика. Он отмечает, что на третьем или четвертом году оканчивалось кормление ребенка грудью. После этого в некоторых местах Дарваза и Каратегина детям для праздничных дней более богатые родители делали рубашки их хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которых украшались оторочками из небольших перламутровых кружков, покрытых различными резными узорами. В этом возрасте на девочек впервые надевали шальвары и в большинстве случаев в уши вставляли серьги. В возрасте от 6 до 10 лет над мальчиками производили обрезание, которое среди населения называлось «чукбурони». В назначенный день родители приглашали мастера этого дела – «усто», обыкновенно кого-либо из местных жителей, который постоянно производил эту операцию. А.А.Семенов пишет: «Когда явится «усто» и соберутся гости, начинается угощение: появляются неизбежные – плов, кебоб, «тухмбирён» (жареные яйца в масле), вареное мясо, «шурбо» (суп) и проч. туземные кушанья. Во время пира конные тешатся известною игрою «бузкаши» - разрывание козла, которого им жертвует отец мальчика. После пира и окончания игры происходит сам «чукбурони». Мальчика кладут навзничь и держат его по рукам и ногам; мастер берет короткую камышовую палочку, расщепленную с одного конца. В этот расщеп зажимается крайняя плоть, так что ее верхняя часть несколько выдается из расщепа наружу. Туго сдавив камыш, «усто» быстро срезает острым ножом или бритвой, выдавшуюся вверх кожицу. При этом чтобы унять кровь, на рану сейчас же накладывается зажатая вата. Этим и заканчивается операция»².

¹ Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков. С.103-104.

² Там же. С.104-105.

В целом, необходимо отметить, что А.А.Семенов особо подчеркивал уважительное отношение горцев к своим детям, их внимание к правильному воспитанию. Он отмечает, что хотя горцы жили очень бедно, но, несмотря на это старались одеть и обуть своих детей. «В праздничные дни, а такими бывают Навруз (21-22 марта – А.В.) и Курбан Байрам, - пишет А.А.Семенов, - детей наряжают или, вернее, надевают на них чистые рубашки»¹.

В целом в данной работе приведено большое количество очень интересных и ценных этнографических сведений о семейном отношении среди горных таджиков.

В том же 1899 г. А.А.Семеновым была опубликована статья «Из области религиозных верований горных таджиков»². Она посвящена религиозным верованиям таджиков Памира и Припамирья. Автор отмечает, что «религиозные верования горного таджика не сложны и крайне просты»³. Подчеркивается, что хотя ислам распространился среди горных таджиков, однако из-за замкнутости, их отдаленности от остального исламского мира, сохранились пережитки доисламских религиозных верований, горцы равнодушно относились к своей настоящей религии – мусульманству – и свято чтит свои старые исконные верования и обычаи, которые почти исчезли среди равнинных таджиков.

А.А.Семенов пишет, что главным для таджиков был «Худо – Парварди-гор». Он - питатель, «существо вечное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствам»⁴. Слугами Худо были добрые духи, созданные им, разделялись на три категории. «Первые – фаришта (ангелы), прямые исполнители его велений, охранители людей... Ближе к фаришта стоят добрые духи более низшие, чем они. Это пари, или парик – благодетели людей и животных, гении – покровители каждого семейства, невидимые покровители стад и пастухов»⁵.

¹ Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков. С.106.

² Его же. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. №4.

³ Там же. С.81.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.82.

Пари горец-таджик представлял в виде женских существ необыкновенной красоты. По представлениям горцев, пари очень любили людей и если человек ведет добродетельную жизнь, если он добр и милосерд, то они, тайно покровительствуют ему, приносили счастье и удачу во всем¹.

Вторую категорию составляли дэвы и шайтаны, которые приносили людям зло. Дэвы – это духи – мужчины гигантского роста, сильные, могучие, покрытые шерстью, с острыми когтями на руках и ногах; с ужасными лицами. Их обиталище – внутри гор, в утробе земли и дне озер. Дэвы стерегут там сокровища земли: золото, серебро и драгоценные камни.

Вместе с дэвами, духами-мужчинами, существовали злые духи-женщины. Это – шайтаны. Страшного вида, их туловище напоминает, что-то полузвериное, получеловеческое; на руках и на ногах у них острые когти; на голове вместо волос, извивающиеся змеи. Шайтаны не имеют определенных жилищ и вечно странствуют по воздуху и по земле, разнося зло и грех. Шайтаны – это причины всех проявлений враждебности между людьми; ненависть, злоба, зависть, скрытая и явная вражда, убийство, война и т.п.²

Третью категорию темных сил составляли существа низшие, чем дэвы и шайтаны, это – джины или аджина. Они жили в покинутых, не жилых помещениях. Джины – это тени некогда живущих здесь людей, которых Худо за различные проступки их грехи на земле обрек вечно скитаться вокруг тех мест, где они жили. Джины представляются горцами-таджиками в виде существ мужского и женского пола; они очень злы, не любили людей и при первом удобном случае всячески старались вредить им. По верованию горцев, джинов в особенности можно встретить в сумерки и ночью подле кишлаков на развалинах старых домов и на кладбищах. А.А.Семенов по поводу отношения горцев к джинам пишет: «Глубокая уверенность в существовании джинов и страх пред ним так велики, что горец ни за что не согласится подойти к старым развалинам после того, как солнце скроется за горными вер-

¹ Семенов А.А. Отношение к детям у горных таджиков. С.84.

² Там же. С.84-85.

шинами, из опасения, что могут встретиться озлобленные тени некоторых его предков и сделать его калекой на всю жизнь. Только лишь одни «уруссы», которые в состоянии убивать дэвов, не хуже «палавонов», не боятся джинов и даже могут порою подчинить их своей власти»¹. Это поверье встречалось во многих горных кишлаках Дарваза, в верховьях Оби-Хингоу.

Кроме того, в представлениях горцев в горных лесах и рощах, в чащах приречных кустарниках жили лесные существа, подобные человеку, покрытые черною шерстью, с когтями на руках и ногах, необычайной силы, всегда вооруженные тяжелыми дубинами. Это гули-явони – лесные демоны. При встрече с людьми они безжалостно убивали их².

По берегам горных речек, в мрачных ущельях гор, где зарождаются шумные потоки, обитали драконы – аждахор – духи в виде больших змей без ног, с громадною пастью, которая усажена острыми и крепкими зубами. Из пасти дракона выходили дым и огонь, и постоянно истекала желтая ядовитая слюна.

Все драконы и змеи гор, по верованиям горцев, подчинялись живущему в недоступных для людей заоблачных высях гор, змеиному царю.

Все эти перечисленные добрые и злые духи неразрывно связаны с религиозными представлениями горных таджиков. Без этих добрых и злых сил трудно было представить себе жизнь горца-таджика, который все дни своего существования проводил в тумане поэтических легенд, наивных преданий старины и мистических религиозных образов. Во всех памятниках местного народного творчества, во всех этих многочисленных преданиях и легендах главными были дэвы, пари, драконы, цари, герои, и др., которые вели непрерывную войну между собою, и всегда почти проявления злых сил, в чем бы они ни выражались, побеждались добрыми началами. И горец-таджик свято верил в простоте своей души, что когда-нибудь, через много лет всемилосердый Худо и подчиненные ему добрые и светлые духи победят темные силы,

¹ Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков. С.86.

² Там же.

которые господствовали в мире в виде дэвов, шайтанов, джинов, гули-явони и драконов. Худо заключил их в пустынные, дикие горные области, с мрачными ущельями, с бездонными пропастями, с шумящими водопадами, наложит на них великое заклятие, и они не выйдут оттуда никогда, не будут больше терзать человечество, разносить зло на земле, убивать людей или делать их уродами. Всякое зло, в чем бы оно не проявлялось, навсегда исчезнет из мира, уступив место царству добра, света и правды во главе с милосердным Худо - Парвардигор, иподчиненными ему добрыми духами¹.

В 1899 г. была издана следующая работа ученого «Средняя Азия»². Данная работа посвящена среднеазиатским народам, в частности равнинным и горным таджикам. О таджиках автор пишет следующее: «Таджики, составляющие вместе с узбеками большинство городского и сельского народонаселения Средней Азии, принадлежат не к тюркскому племени, а к так называемому индоевропейскому»³. Далее он отмечает, что язык таджиков не имеет ничего общего с тюркскими языками – туркменским, киргизским, узбекским.

А.А.Семенов в работе пишет об антропологическом типе таджиков: «По наружному виду таджики также резко отличаются от племен тюркского происхождения. С первого взгляда легко отличить красивого и стройного таджика от мешковатого, неуклюжего киргиза или узбека. Большинство таджиков имеет высокий лоб, выразительные глаза с длинными черными ресницами и тонкий прямой нос. Цвет лица у них румяный, волосы темнорусые, борода окладистая, густая»⁴.

Далее автор останавливается на одежде таджиков. Костюм таджиков считался самым щеголеватым и красивым в Средней Азии. Он состоял из длинной рубахи и широких штанов; поверх этого надевали короткий халат. Халат опоясывали поясом, к которому сбоку привешивали один или пару ножей в ножнах. По словам А.А.Семенова, отправляясь на базар или

¹ Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков. С. 86.

² Его же. Средняя Азия. М., 1899.

³ Там же. С.46.

⁴ Там же. С.47.

выхода куда-либо на улицу, в гости, мечеть и др., таджик сверх халата надевал другой, подлиннее и более легкий из хлопчатобумажной или шелковой материи. Автор далее пишет: «На голову таджики надевают легкую шапочку, ермолку, поверх которой наворачивают длинную (аршин в 5-1-0) полосу материи, по большей части кисеи. Получается очень красиво намотанная большая шапка (чалма), которая легка для головы и потому нежарка во время лета»¹.

Издавна таджики занимались земледелием и садоводством. А.А.Семенов подчеркивает, что таджики не отличались воинственностью и издавна предназначены к мирным занятиям. Земледелием занимались в каждом горном кишлаке по скатам гор и плоскостям долин. Часть горных таджиков, во время голода, отправляясь в соседние более плодородные горные области или спускаясь в равнины, обменивала свою продукцию, в частности, шкуры животных, шерсть и пр. на хлеб. Часть горных таджиков из-за скудости урожаев, бедностью и суровостью (климата – А.В.) родины занималась отходничеством, отправлялась в Самарканд, Бухару, Ферганскую долину. Там выполняла различные земляные работы: копали колодцы, проводили водопроводы, таскали тяжести, работали на хлопкоочистительных заводах и т.д. По этому поводу А.А.Семенов пишет: «Отхожий промысел у горных таджиков довольно развит и заработок на стороне служит большим подспорьем горцу среди его страшной нужды, в особенности, если принять во внимание то обстоятельство, что у зеравшанцев нет ни садов, ни огородов»².

А.А.Семенов особо останавливается на описании горных таджиков и их отличии от равнинных. «Совершенную противоположность им (равнинным таджикам – А.В.) представляют горные таджики, - пишет А.А.Семенов, - которые населяют Зеравшанские горы и многие области Памира...Своею простотой и прямодушием горные таджики представляют полнейшую противоположность лукавым таджикам равнины. Их костюм – длинные белые руба-

¹ Семенов А.А. Средняя Азия. С.48.

² Там же. С.55.

хи или ситцевые рваные халаты, надеваемые обыкновенно прямо на тело»¹. Горные таджики были среднего роста или выше, обладали крепким телосложением; волосы у них густые, черные. Они отличались природным умом, легко усваивали все для них новое, были вежливы, гостеприимны и предупредительны по отношению друг другу².

По словам автора, среди горцев очень развивались домашние промыслы, в частности, шелководство, железоделательное производство, ткачество и др. Об этом А.А.Семенов пишет так: «Местные женщины большие мастерицы прясть, ткать, вышивать шелками и вязать чулки, покрытые разнообразными рисунками; кроме того, приготовление глиняной посуды также лежит на обязанности женщин и каждая туземка, не имея никакого понятия о гончарном колесе, одними лишь руками умеет лепить из глины и обжигать на очаге самую разнообразную посуду, при чем по тонкости работы и по красоте рисунка такая посуда ничуть не уступает той, которая сделана при помощи гончарного колеса и других приспособлений»³.

Рассказывая о горных кишлаках, автор подчеркивает, что селения горных таджиков так же, как и их равнинных соотечественников, назывались кишлаками

Русский этнограф М.С.Андреев в 1899 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал небольшую статью «Вахие»⁴. В ней дается материал и об образе жизни населения этой местности.

В 1900 г. Б.Н.Станкевич подготовил и опубликовал в городе Варшаве «Отчет о командировке в Закаспийский край и на Памир»⁵, где приводит важные сведения этнографического характера. Согласно его наблюдениям, в большинстве своем таджики Памира и Припамирья были среднего или выше среднего, а в Вахие – высокого роста, довольно стройны. По наружному виду

¹ Семенов А.А. Средняя Азия. С.51.

² Там же. С.48.

³ Там же. С.53.

⁴ Андреев М.С. Вахие // Туркестанские ведомости. 1899. № 93.

⁵ Станкевич Б.В. Отчет о командировке в Закаспийский край и на Памир. Варшава, 1900.

они производили приятное впечатление¹. В статье топографа М.А.Кирхгофа «Из поездки на Памире», приводятся важные сведения о жизни и быте населения этого региона. В частности, автор, описывая одежду таджиков Памира, отмечает, что бедняки, из-за неимения чалмы голову повязывали куском грязной маты². Далее он повторяет слова Н.Бронникова о том, что ребятишки ходили совершенно голыми, лишь изредка прикрываясь бараньими или же козлиными шкурками, привязанными к телу поясом из шерстяной веревки³. В его работе говорится и об обуви. В большинстве семей горцев зимней обуви не было, так как не хватало средство для ее приобретения. Он приводит сведения о том, что «несмотря на суровый климат, теплая обувь составляет предмет роскоши, и туземцы ходят босиком даже на снеговые» перевалы⁴.

Как специалист его интересовали место расположения селения и жилища местного населения⁵. Поэтому в работе топографа рассматриваются селения и жилища горных таджиков⁶.

М.А.Кирхгоф описывая духовную культуру населения Памира, в частности, указывает, что в верховьях Пянджа распространился исмаилизм⁷. Автор, также приводит свои наблюдения касательно существования среди местного населения представления о различных анимистических верованиях. Он подчеркивает, что горцы верили в добрые и злые духи⁸. Проявляя интерес на особенности языках населения Памира, в частности, отмечает отличительные черты язгулемского языка⁹.

Русский этнограф А.А.Бобринской в 1900 г. издал содержательную работу «Орнамент горных таджиков (Нагорная Бухара)»¹⁰. В ней рассматривается материальная и духовная культура горных таджиков. Описывая одежду

¹ Станкевич Б.В. Отчет о командировке в Закаспийский край и на Памир. С.35.

² Кирхгоф М.А. Из поездки на Памире // Известия Туркестанского отдела РГО. 1900. Т.П. Вып.1. С.170.

³ Там же.

⁴ Там же. С.170.

⁵ Там же. С.169.

⁶ Там же. С.170.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Бобринской А.А. Орнамент горных таджиков. (Нагорная Бухара). М., 1900.

горцев, автор отмечает, что во время жатвы и переноски с гор сена, на ноги надевали толстые шерстяные чулки, которые вязали женщины из шерсти очень ярких цветов и которые отличались довольно затейливым рисунком¹. Далее автор пишет о том, что горные женщины закрывали лицо очень редко. В таких случаях они носили особые лицевые покрывала, богато шитые разноцветными шелками².

А.А.Бобринской останавливается и на вопросах духовной культуры, в частности на религии. Он пишет, что в верховьях реки Пяндж распространился исмаилизм³. Далее он пишет о сохранении среди населения пережитки огнепоклонства⁴, зороастризма⁵.

Останавливаясь на изобразительном искусстве народов Памира, автор отмечает, что оно носило, исключительно прикладной характер и было сосредоточено, главным образом, в двух направлениях – резьбе по дереву и вышивании шелком, отличавшимся поразительным разнообразием цветов и рисунков⁶.

Таким образом, необходимо констатировать, что во второй половине XIX века появилась широкая возможность всестороннего изучения Восточной Бухары, особенно Памир и Припамирья. Русские исследователи организовали многочисленные экспедиции с целью изучения природы, климата, гор, ледников, экономики, производительных сил края. Русские исследователи, выполняя поручения русского правительства, мимоходом обратили внимание на этнический состав населения, его хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру, в частности, жилища, одежду, пищу, семью и семейные отношения, особенно обычаев и обрядов, связанных со свадьбой, рождением и воспитанием ребенка, похоронами и поминками.

¹ Бобринской А.А. Орнамент горных таджиков. С.14.

² Там же. С.14.

³ Там же. С.14-15. Данный вопрос рассматривался и в его другой работе: «Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии» // Этнографическое обозрение. 1902. Кн.53. №2. С.1-20.

⁴ Там же. С.11.

⁵ Там же. С.14.

⁶ Там же.

Русские ученые отметили, что большинство населения Памира и Припамирья были шиитами. Необходимо отметить, что большинство дореволюционных русских ученых объективно и доброжелательно описывали жизнь и быт населения. Имелись и такие исследователи, которые в своих трудах превратно с великодержавной позиции отражали жизнь местного населения. Считали местное население не способным к созданию культуры.

ГЛАВА IV. ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ В ТРУДАХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

4.1. Вклад русских исследователей в изучении традиционной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства

В начале XX в. русские исследователи еще больше активизировали процесс исследования края, написали большое количество трудов, в которых отражены жизнь и быт таджиков и других среднеазиатских народов. В частности населения Северного Таджикистана, Ферганской и Зеравшанской долин, которые входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1901 г. в городе Самарканде был опубликован «Адрес-календарь Самаркандской области за 1901 г.»¹. В нем наряду с описанием различных исторических дат, составители привели материал о материальной культуре населения Самаркандской области. В календаре пишется также об архитектурных памятниках, жилых домах населения города Самарканда².

В 1901 г. в городе Санкт-Петербурге была опубликована двухтомная работа Е.Маркова «Россия в Средней Азии»³. В данной работе автор пишет об этническом составе населения регионов, которые входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В начале работы автор дает сведения о городах края. В частности, о Худжанде пишет следующее: «Город очень большой, похожий, как две капли воды, на все вообще города Туркестана. Среди бесконечной зелени его садов чернеют узенькие, словно ножом прорезанные проулки, обнесенные глиняными дувалами. Желтеют и сереют глиняные плоские крыши обычных домиков-кубов, домиков-башен с редкими маленькими окошечками без стекол, выплывают кое-где круглые серые купола мечетей, тянутся длинными кры-

¹ Адрес-календарь Самаркандской области за 1901 год. Самарканд, 1901.

² Там же.

³ Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. Т.1-П.

тыми коридорами многочисленными базары... Ходжентцы всегда отличались своим духом независимости и пользовались своим выгодным положением между Бухарою и Коканом»¹. Далее автор отмечает, что в городе были узкие улочки, глиняные дома, среди которых редко попадали разукрашенные двухэтажные дома местных богачей, с ярко расписанными колонами и потолками галерей, которые напоминали постройку дворца эмира бухарского. «Бесконечно длинные крытые базары,- пишет Е.Марков, - со своими уютными лавочками, «чайхане» и «аш-хане», сразу говорят нам о сильно торговом городе. Ходжент все больше и больше становится центром хлопчатобумажного производства; кроме ярких ситцев, миткалей и бумазей, Ходжент много торгует посудой местного приготовления, конскою сбруею и разным другим восточным товарам»².

Автора интересовали антропологический тип населения Худжанда. В частности, он отмечает, что в этом городе население гораздо красивее, чем в Ташкенте и других городах. «Благородный иранский тип своею белою кожей, своими мягкими прекрасными чертами лица, - пишет Е.Марков, - сразу выделяется среди звероподобных физиономий монгольской крови, косоглазых, плосконосых, скуластых. Особенно красивы тут дети, девочки преимущественно. Они гораздо больше похожи на европейцев, чем эти злые коричневые старики в седых лохматых бородах, - очевидно, сарты киргизской крови, - что осаждают в эту минуту двери мечетей»³.

В работе автор останавливается на вопросах сартов, которые интересовали многих ученых изучающих историю и культуру народов Средней Азии. Е.Марков по этому вопросу пишет следующее: «Сарта трудно отличить на вид от таджика, потому что в нем кровь туранца уже значительно смешалась с иранскою кровью, а общие привычки жизни, общая одежда и манеры еще более сближают его с таджиком, оттого русские и иностранцы, путешествующие по Туркестану, безразлично называют и таджиков и узбеков общим

¹ Марков Е.Россия в Средней Азии. С.30.

² Там же. С.32.

³ Там же. С.32-33.

именем сартов»¹. Далее автор подчеркивает, что таджиками продолжали называться теперь только те из коренных жителей иранского племени, которые еще говорили персидским (т.е. таджикским – А.В.) языком и не смешались с тюрко-монголами². Далее автор пишет: «Бухара и Самарканд, как местности, ближайšie к Ирану, и как бывшие центры древней Трансоксаны, населенной когда-то согдами и другими народами иранского корня, почти одни сохранили в себе сколько-нибудь многочисленное население таджиков, постоянно обновляющееся вольными и невольными выселенцами из соседней Персии; оттого-то на базарах Бухары еще нередко господствует персидский язык»³. Касаясь сартов, Е.Марков отмечает, что таджики, потерявшие свой язык и говорящие узбекским языком, стали сартами наравне с оседлым узбеком и киргизом. «Оттого-то, - пишет он, - среди сартов вы встречаете самые разнообразные и даже противоположные типы, начиная от прекрасного правильного лица со светлую, почти европейскую кожей и роскошною растительностью усов и бород и кончая скуластою и широконосою мордой редко-бородатого и как сапог смуглого монгола»⁴. Далее автор останавливается на истории происхождения термина «сарты»⁵.

В другой своей работе «Фергана», опубликованная в 1901 г., Е.Марков пишет о географическом положении Ферганы, его населения, в частности он, пишет о материальной и духовной культуре таджиков и узбеков, проживавших в этом городе⁶.

В 1902 г. была опубликована интересная статья русского исследователя и путешественника И.Моисеева «Самарканд и его достопримечательности (очерк)»⁷. В ней автор пишет об архитектурных памятниках Самарканда, в частности о медресе, мечети, базарах, караван-сараях, жилых домах горожан.

¹ Марков Е.Россия в Средней Азии. С.399. Подробнее о проблемах сартов в исторической и научной литературе см.: Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема сартов в XIX – начале XX в.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2009.

² Там же. С.399.

³ Там же.

⁴ Там же. С.400.

⁵ Там же.

⁶ Его же. Фергана // Русский вестник. 1901. №№ 6, 7, 9, 11.

⁷ Моисеев И. Самарканд и его достопримечательности (очерк) // Природа и мода. 1902.

И.Моисеев отмечает, что жилые дома горожан в основном построены из глины и сырцового кирпича, а в строительстве общественных зданий использовали жженный кирпич¹.

Русский исследователь, крупный знаток истории и археологии Средней Азии В.Л.Вяткин посвятил городу Самарканду содержательную статью «Материалы к исторической топографии Самаркандского вилоята»². В ней подробно освещается топография города, в частности расположение городских ворот, общественных зданий, жилых кварталов, частных домов, арыков, каналов и др.³

Ценным для этнографа являлись выводы В.В.Вяткина о том, что в XVI в. расположение улиц города Самарканда было совершенно то же, какое застали здесь русские; среди географических названий Самаркандской области до конца XVIII в. преобладали таджикские, и масса тюркских названий обязана своему происхождению главным образом XIX в.⁴ Академик В.В.Бартольд, высоко оценив эту работу, назвал ее капитальным трудом⁵.

Особняком стоит работа по истории завоевания Средней Азии, в частности Ферганской долины, изданная участвовавшим в нем русского офицера К.К.Абаза «Завоевание Туркестана»⁶, в которой наряду с политическими вопросами даются сведения и о материальной культуре, в частности о жилищах и одежде таджиков, населявших города, входивших в Туркестанское генерал-губернаторство.

В 1903 г. была опубликована работа другого русского офицера М.Терентьева «История завоевания Средней Азии»⁷. В ней автор пишет о процессе завоевания Средней Азии русскими солдатами. Наряду с этим он пишет о завоеванных городах – Самарканде, Ташкенте, Худжанде, Ура-Тюбе

¹ Моисеев И. Самарканд и его достопримечательности (очерк). С.84.

² Вяткин В.Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилоята // СКСО. Самарканд, 1902. Вып.2.

³ Там же. С.45.

⁴ Там же. С.45-60.

⁵ Бартольд В.В. Рецензия на книгу «Справочная книжка Самаркандской области» // Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С.254-264.

⁶ Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902.

⁷ Терентьев М. История завоевания Средней Азии. СПб., 1903. ТТ.1-3.

и др. Рассказывая об этих городах, автор останавливается и на этническом составе населения, хозяйственной деятельности, материальной культуре их населения¹.

Среди чиновников административного аппарата Туркестанского генерал-губернаторства особое место занимает Н.С.Лыкошин, который всесторонне изучал жизнь и быт народов Средней Азии, в т.ч. таджиков. Он опубликовал несколько работ, в которых освещены вопросы сближения русского и местного населения. Одной из таких работ была «Результаты сближения русских с туземцами»², опубликованная в 1903 г. В ней автор пишет о распространении среди местного населения, в т.ч. таджиков российской экономики и культуры. Н.С.Лыкошин отмечает, что в ремесленном производстве населения оказывала влияние российская промышленность³.

В 1906 г. была опубликована другая работа Н.С.Лыкошина «Чапкулукская волость Ходжентского уезда»⁴. В третьей главе «Население. Поземельная собственность» автор останавливается на численности населения Худжандского уезда, в частности на населении Чапкулукской волости. Всего в тринадцати селениях Чапкулукской волости жили 3556 мужчин и 3134 женщин⁵.

В десятой главе «Гигиенические условия быта населения. Жилые помещения. Одежда. Пища. Санитарные условия. Болезни и их лечение» автор дает очень важные сведения о материальной культуре населения этой волости. Н.С.Лыкошин пишет: «Население Бешкентского сельского общества таджики по обстановке жизни почти не разнятся от сартовского населения прочих местностей Туркестанского края. Каждая семья живет лето и зиму в глинобитном, или в каркасном доме, имеющем непременно две половины – наружную (ташкари) и внутреннюю (ичкари). Помещения наружной половины

¹ Терентьев М. История завоевания Средней Азии. Т.1. С. 60, 76, 90, 110 и др.

² Лыкошин Н.С. Результаты сближения русских с туземцами // Справочник по Туркестанскому краю на 1903. Ташкент, 1903.

³ Там же. С.21.

⁴ Его же. Чапкулукская волость Ходжентского уезда // СКСО. Самарканд, 1906. Вып. VIII.

⁵ Там же. С.19.

дома служат главным образом для приема гостей, для чего отводится особая комната (михман-хана) и по возможности терраса.

Наружное помещение строится обыкновенно просторно; у зажиточных людей потолки раскрашиваются, а двери и ставки, заменяющие окна, украшаются затейливой резьбой. Земляной пол гостиной покрывается сначала камышовыми циновками, а по ним застилаются паласы, или ковры. У входа в гостиную почти всегда имеется небольшая передняя, где входящие оставляют свои калоши. На наружном дворе у ворот располагаются навесы для привязывания лошадей, а также имеется в углу ретирад»¹.

Необходимо отметить, что внутреннее помещение располагалось на отдельном дворике, соединенном с наружным при помощи калитки. Этот последний двор по размерам был меньше наружного и располагался с таким расчетом, чтобы живущие во внутренней части женщины и дети могли не опасаться постороннего глаза. Во внутренней части не было особой гостиной, а по сторонам квадратного двора располагались жилые комнаты, чередуясь с террасами. Число комнат и навесов зависели обыкновенно от числа семейств, живущих в дворике. Н.С.Лыкошин пишет: «По обычаю, каждый женатый, но не отделенный сын хозяина, получает в доме отца отдельную комнату с террасой и живет отдельно, но довольствуется из котла. Тоже самое наблюдается, когда домохозяин имеет несколько жен: каждой жене он должен предоставить отдельную комнату и террасу. Эти помещения жена занимает вместе со своими детьми и пользуется удовольствием также с общей кухни»². По словам Н.С.Лыкошина, для склада в каждом дворе имелись особые кладовые, а во внутреннем дворе имелось помещение для приготовления пищи и печения хлеба. Кухней служили один или несколько вмазанных к очагу котлов, а для печения лепешек устанавливали танур (т.е. печь), нагреваемая внутри сжиганием быстро сгорающего топлива, к стенкам нагретого танура прилепляли, для выпечки, лепешки.

¹ Лыкошин Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда. С.171.

² Там же. С.172.

Рассказывая о внутреннем убранстве жилищ, автор пишет: «Все помещения таджиков содержатся довольно чисто. Полы вымывают каждый день, навоз и мусор убирается в неглубокие ямы, вырытые в углах двора, а самый двор летом старательно поливается, чтобы не было пыли»¹.

Все жилые комнаты не имели оконных рам со стеклами, Рамы заменяли деревянные ставни, закрываемые в холодное время и на ночь. Вследствие этого, только в хорошие дни – осенью и летом – свет проникал в комнаты в достаточном количестве, зимой, когда холодно, комнаты оставались во мраке и освещались только немного решетчатыми отверстиями над окнами и дверьми, эти отверстия чаще всего заклеивались промасленной бумагой, или затягивались пузырем.

Так как наружный воздух свободно проникал в комнаты, то зимою жилые помещения не отапливались, печей в комнате не было, а жившие в доме люди обогревались только сидя у сандали. Сандали – небольшое квадратное углубление в полу комнаты, куда клали горкой угли. Над углублением ставились довольно большой табурет, покрытый ватным одеялом. У этого-то источника тепла усаживались жившие в доме люди, просовывая ноги под одеяло и согревая, таким образом, свое тело. На ночь жители дома ложились спать вокруг сандали, держа ноги под общим одеялом, покрывающим сандали. Костры в жилых помещениях у таджиков не зажигались, только в отдельных домах в передней имелся очаг с дымоходом, где готовили пищу².

Рассказывая об одежде равнинных таджиков, автор отмечает, что одежда местного населения зависела от принадлежности к той, или иной племенной группе. По этому поводу Н.С.Лыкошин пишет: «Таджики носят халаты из дешевой бумажной материи с длинными рукавами, узкие концы которых зимою вполне заменяют перчатки. Для шитья халатов употребляются преимущественно ситец, ластик и сатин русского фабричного производства, но наряду с европейскими материями встречается немало и материй туземного

¹ Лыкошин Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда. С.170.

² Там же. С.172.

изделия - алача, адрас и бикасаб. Бикасабовые, полушелковые халаты составляют парадную одежду. Зимняя верхняя одежда отличается особым покроем, а только делается на стеганой подкладке из ваты, или верблюжьей шерсти»¹. Головной убор таджиков составлял одеваемая прямо на голову конусообразная тюбетейка, вышитая и отороченная тесьмой (джияк) и чалма (сала), представляющая цельный кусок кисеи, ситца или шерстяной материи, длиной несколько метров. Этой материей обвертывали голову поверх тюбетейки (тупи). Чаще всего у таджиков встречалась чалма из белой тонкой кисеи (дока) и только бедные люди, из экономии, носили чалму цветную из ситца, или из местного приготовления хлопчатобумажной ткани. Размер чалмы бывал разный и до некоторой степени он указывал на общественное положение носившего ее. Имамы, кази, муфтии и мударрисы, т.е. лица, претендующие на ученость, обыкновенно носили чалму, размерами далеко превосходящую чалму простых земледельцев и торговцев². Обувь таджиков, по словам ученого, состояла, по большей части из мягких козловых сапог без каблуков (махси), поверх которых надевались калоши – кожаные, или резиновые. Калоши при входе в жилое помещение снимались и оставлялись в передней.

Н.С.Лыкошина интересовала и женская одежда таджиков. Согласно его словам, одежда женщин состояла из короткого камзола до колен, а сверху одевалась паранджа (род халата, приспособленного только для надевания в накидку). Паранджа делалась длиннее халата по росту и накидывалась воротом на голову. Рукава закинута и сшиты сзади, так что в рукава надеть паранджи нельзя. Под ворот одеваемого на голову паранджи подкладывался одним концом кусок узкой волосяной ткани, который служил вуалью для закрывания лица. Обувь женщин была похожа на мужскую обувь и состояла также из мягких козловых сапог, с калошами. В таком костюме, покрытая паранджой и волосяной вуалью, таджичка выходила со двора, у себя же дома

¹ Лыкошин Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда. С.175-176.

² Там же.

повязывала голову платком и оставалась в камзоле, с открытым лицом. Далее автор пишет: «Паранджи и чачбанд (чашмбанд – А.В.) представляют, так сказать, принадлежности костюма сартянки и таджички, и вообще мусульманской женщине оседлого населения они служат для того, чтобы скрыть лицо ее от взора посторонних мужчин»¹. Автор подчеркивает, что среди таджиков, которые жили в сельских местностях, мало было отступление от принятого мусульманами обычая закрывать лица женщин. Девушки с 10-12 летнего возраста тоже надевали паранджу, как женщины, но вместо черной волосяной вуали носили чаще кисею белую, или красную. Паранджи женщин делалась из серой в полоску материи, девушки иногда носили розовые из полупелюшковой ткани, т.е. банорас паранджи².

Определенное место в работе занимает описание пищи таджиков, и автор сопоставляет пищу таджиков и киргизов. Он отмечает, что пища местного населения не отличается разнообразием. Это объясняется, прежде всего, немногочисленностью продуктов, входящих в состав пищевого режима, а также крайней расчетливостью местного населения в сфере удовлетворения своих потребностей. Рассказывая о пище таджиков, автор пишет: «Таджикское население по продовольствию разнится от киргизского лишь тем, что таджики придерживаются растительной по преимуществу пищи, киргизы же вводят в свое продовольствие сравнительно больше мяса и жира.

Основание пищевого режима составляет хлеб в виде лепешек. Лепешки готовятся дома из черной, мало отсеянной муки, и отличаются необыкновенною тяжестью. Тесто мало выкисает, лепешки плохо пропекаются в туземное устройство печи (танур) у таджиков, или в котле (казан) у киргизов и представляют из себя хлеб, который непривычный человек с трудом может есть даже в совершенно свежем виде. Полежав день-два, тяжелые, грубые лепешки твердеют и делаются совершенно непригодными в пищу. К весне у большинства беднейших хозяев запасы пшеничной муки истощаются

¹ Лыкошин Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда. С.176.

² Там же.

и в хлеб начинают добавлять муку ячменную и кукурузную, что ухудшает достоинства хлеба»¹.

Необходимо отметить, что овощи в местных блюдах встречались в весьма незначительном количестве. Только репчатый лук и морковь возделывали таджики, киргизы редко разнообразили свой стол и этой необходимой приправой. Стручковый перец прибавляли ко многим блюдам и иногда в большом количестве. Соль расходовали очень мало, приправы использовались редко. По поводу пищевого рациона таджиков автор пишет так: «Вся пища туземцев по преимуществу отличается пресным вкусом, и только незначительная примесь кислого молока к некоторым жидким блюдам разнообразит их вкусовое достоинство. Молочные продукты в хозяйстве получали в незначительных количествах, что мало разнообразило стол местного населения. Чай пользуется популярностью среди таджиков, которые пьют его почти без сахара с хлебом... Обычно, горячая пища подается в доме людей среднего достатка два раза в день раньше полудня и вечером. Утром предпочтительно жидкое блюдо с хлебом, а вечером густое мучное блюдо без хлеба»².

Необходимо отметить, что к числу жидких блюд следует отнести различного состава кашицы из домашних продуктов сельского хозяйства (риса, маша, джугары и пшеницы). Лучшим представителем жидких блюд было шурпо, т.е. суп из баранины с луком только, или с примесью какой-нибудь крупы. Шурпо разнообразили иногда заправкой из кислого молока и значительным добавлением риса и мелко - нарезанной баранины, тогда этот суп назывался «оши шуррут». Кроме того среди населения были распространены ширбиринж (каша с рисом и молоком), кичиры (каша с рисом и машом), шавла (рисовая каша) и др.

Н.С.Лыкошин, кроме вышеперечисленных работ написал еще очень интересную книгу о менталитете местного населения «Хороший тон на Восто-

¹ Лыкошин Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда. С.176.

² Там же.

ке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края»¹. В работе подробно рассматривается этикет таджиков и узбеков, которые жили в среднеазиатских городах. В первой главе «Приличия соблюдаемые посещения дома, в приветствиях, рукопожатии и целования» автор отмечает, что у кочевников женщины при посторонних людях не закрывали своего лица, и любовь между девушкой и юношей проявлялась совершенно нормально.

Вторая глава «Приличия, соблюдаемые человеком, который ложится спать, идет по дороге и садится верхом на лошадь» посвящена быту населения. Автор пишет: «Когда придет время, ложится и спать, полагается, прежде всего, запереть двери комнаты, а затем также закрыть все отверстия находящейся в комнате посуды. Вероятно, последняя предосторожность рекомендуется против невидимых злых духов, могущих вредить человеку во время сна.

Сама постель обтирается рукавом, им полотенцем, и троекратно выбивается пыль. Затем следует погасить огонь в очаге, если таковой есть в комнате, и потушить светильник»².

Третья глава посвящена приличиям, соблюдаемым в общественных собраниях³, четвертая – приличиям, соблюдаемым в отношениях супругов между собою, а также при посещении кем-либо общественных бань. В пятой главе автор пишет о приличиях при посещении больного. В частности, он пишет: «Войдя к больному, следует придать лицу своему выражение приветливости и расположения. Не следует для визита к больному одевать ни нового платья, ни самого старого, а какое носится обыкновенно.

Войдя в комнату больного с улыбкой на устах, надлежит сесть подле больного, и его изголовья не смотреть долго и пристально в лицо больному, а, положив руку в лоб или на руку больного спросить его, как он чувствует себя днем и ночью»⁴.

¹ Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Пг., 1915.

² Там же. С.33.

³ Там же. С.46-80.

⁴ Там же. С.97-98.

Самой интересной главой является шестая: «О приличиях, соблюдаемых во время угощений, при еде и питье»¹. Н.С.Лыкошин в данной главе подробно остановился на обычаях и обрядах, связанных с приемом гостей, с употреблением пищи, которые существовали среди таджиков: «Принимать приглашаемых гостей надо как можно радушнее, угощать их как можно лучше и оказывать им возможно больше уважения и почитания. Предупредительность и исключительная заботливость по отношению к приглашенным в гости обязательны для хозяев до истечения трех дней; начиная с четвертого дня можно уже несколько меньше заботиться о гостях.

По приходе гостя следует как можно скорей подавать кушанья, приготовленные для угощения, и не следует подавать лишнее кушанье против того, что гость в состоянии кушать»². Далее автор отмечает, что во время угощения хозяин должен сообразиться со вкусами и аппетитом гостя: пока гость кушает и хозяину следует кушать, составляя компанию. Когда гость кончил, есть, хозяин должен тоже перестать есть³. Здесь необходимо отметить, что еще Кайковус в своей работе «Кабуснаме» писал именно об этикете таджиков⁴. Высказывания Н.С.Лыкошина свидетельствуют о том, что в течение многих веков этикет таджиков сохранился и не потерял свое значение.

Н.С.Лыкошин в 1916 г. издал свою другую работу «Полжизни в Туркестане»⁵, значительная часть которой посвящена жизни и быту местного населения. Самыми важными в этнографическом отношении являются следующие главы: «Всеобщая перепись населения в Туркестане»; «Имена туземцев»; «О гаданиях у среднеазиатских туземцев»; «Религиозные верования и обряды. Ишаны и их значение для туземцев»; «Нравы и обычаи»; «Той»; «Той в Ходженте»; «Кураши»; «Джура»; «Сайл (встреча весны)». В них автор дает очень важный материал о численности населения Средней Азии, об обычаях и об-

¹ Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке. С.112-150.

² Там же. С.114.

³ Там же.

⁴ Кайкавус Унсурмаоли. Кабуснаме // Энциклопедия персидско- таджикской прозы. Душанбе, 1989. Т.1.

⁵ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916.

рядах, духовной культуре таджиков и сартов, в частности, религии и религиозных верованиях, народных праздниках и играх.

Н.С.Лыкошин рассказывая о свадьбах местного населения, заметил, что в среднеазиатском обществе пиршества и угощения на различных свадьбах «носят характер исполнения обязанности перед своими согражданами. Не сделать угощения в соответствующее время нельзя, не уронив себя во мнении общества, уже потому, что означило бы изменить обычаю и уклониться от оплаты за угощение тем из знакомых и близких, которые в свое время приглашали на подобные пиры...»¹. В свою очередь, все приглашенные на туй должны были придти на него. Все это живет в сознании таджиков сегодня и определяет особую многолюдность таджикских свадеб.

В 1906 г. русский исследователь И.М.Слуцкий опубликовал большую статью «Очерки хлопководства в Самаркандской области»². Данная статья посвящена развитию хлопководства в данной области. Автор останавливается на распространении американского хлопчатника в регионе³. И.М.Слуцкий пишет: «Культивирование хлопчатника в области производится самым первобытным образом. Земля вначале обрабатывается несколько раз вспахиванием почвы деревянным омачем (местный деревянный плуг – А.В.) с чугунным наконечником, боронованием и укатыванием плоскими досками с набитыми железными зубьями. Семена предварительно протираются с золой, отмачиваются несколько дней в воде и затем с середины апреля засеваются в лунки, скученно, без всякого определенного плана. Посев покрывается землей до одного вершка. Рядовой посев в области нигде не применяется, а попытки в этом направлении особенно преимущественных результатов в экономическом смысле недели. Для посева отбираются вполне здоровые, созревшие семена, отличающиеся интенсивным зеленым цветом. Этой операцией занимаются сами земледельцы, отбирая пригодные семена из большой

¹ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. С.334.

² Слуцкий И.М. Очерки хлопководства в Самаркандской области // СКСО. Самарканд, 1906. Вып. VII.

³ Там же. С.50-62.

массы таковых приобретаемых на хлопкоочистительных заводах, в смешанном с непригодными видами»¹.

Далее автор пишет о процессе обработки хлопчатника. По его словам, разделка земли и уход за растением производился в следующем порядке: 1) Весной – вспахивание и боронование. 2) Через неделю - повторное вспахивание. 3) Посев семян. 4) Орошение. 5) Полка, прореживание всходов и окучка. 6) Орошение среди лета. 7) Окучка кетменем, обрезывание больных или сухих ветвей и срезывание верхушек. 8) Осеннее орошение. 9) Сбор сырца, по мере созревания коробочек, с половины сентября почти вплоть до конца ноября.

Вспашка производилась в феврале-марте, иногда даже 3-4 раза, для большого разрыхления обивавшейся от высыхания в твердые комья лессовой почвы, а посев в конце марта или начале апреля, в зависимости от наступления теплого весеннего периода. Всходы показывались на 7-10 день. Далее до полного созревания растение не требовало большого ухода, и вся работа сосредоточивалась на окучке, удерживающей влагу в почве, на удалении сорных трав и для оберегания вызревающего волокна от скворцов и других птиц, зачастую серьезно повреждавших почву. Обильной и постоянной влаги растение не выносило, загнивания с корня, первым признаком чего являлось ржавчина листьев и обильный пустоцвет. Цвети хлопчатник начинал в начале июля, почти достигая нормального роста, и затем цветение продолжалось до первого мороза, когда все растение увядало и гибли. Созревшие в середине сентября овальные коробочки трескались по швам, створки загибались кверху, а созревшие волокна с семенами длинными клочьями вываливались вниз и, не будучи своевременно собрано, открывались от растения падали на землю и разносились ветром по полю. Далее И.М.Слуцкий пишет: «Количество собираемого с поля сырца крайне непостоянно и все дело зависит от качества посевных семян, тщательности в обработке земли, качества самой почвы, удовлетворительного удобрения, своевременности поливки и окучи-

¹ Слуцкий И.М. Очерки хлопководства в Самаркандской области. С.52.

вания, а главное – от продолжительности теплого осеннего периода во время созревания волокна»¹. Хлопководством занимались в Самаркандском, Джизакском, Худжандском, Катта-курбанском уездах².

О распространении пчеловодства в Худжандском уезде Самаркандской области А.А.Моисеев пишет в статье «Пчеловодство в Ходжентском уезде Самаркандской области»³. Автор отмечает, что первым пионером по разведению пчеловодства в Худжандском уезде был бывший помощник уездного начальника П.С.Скварский. Позже эта отрасль распространилась среди местного населения. Автор особо подчеркивает хороший климат Худжандского уезда для разведения пчеловодства. Он пишет: «Климатические условия в Ходженте (количество новых тихих дней и редкость дождей во время главного взятка), обилие в окрестностях Ходжента фруктовых садов, бахчей, огородов, клеверных полей и других медоносных деревьев, кустарников и трав - все это дает возможность думать, что пчеловодство с успехом может развиваться в Ходженте и в уезде его. Из медоносных деревьев особенно хороший взятков дает белая акация, которую поэтому и следует разводить в возможно большом количестве...»⁴. Далее А.А.Моисеев особо подчеркивает высокое качество меда, который производился в Худжандском уезде⁵.

В 1906 г. М.М.Вирским был опубликован справочник о переписи населения Самаркандской области «Самаркандская область по переписи 1897 г.»⁶. В данном статистическом справочнике составитель приводит данные о населении Худжандского уезда, в частности и о таджиках.

В 1906 г. была опубликована небольшая статья русского этнографа М.С.Андреева «Исторические заметки о Ходженте»⁷. В ней автор наряду с

¹ Слуцкий И.М. Очерки хлопководства...С.54-55.

² Там же. С.58-62.

³ Моисеев А.А. Пчеловодство в Ходжентском уезде Самаркандской области // СКСО. Самарканд, 1907. Вып. IX.

⁴ Там же. С.156.

⁵ Там же.

⁶ Вирский М.М. Самаркандская область по переписи 1897 года // СКСО. Самарканд, 1906. Вып. VIII. С.202-254.

⁷ Андреев М.С. Исторические заметки о Ходженте // СКСО. Самарканд, 1906. Вып. VIII.

описанием исторических памятников города пишет и о жителях Худжандского уезда.

В 1904 г. была издана работа русского врача А.Шишова «Сарты», которая посвящена жизни и быту этого народа¹.

В 1910 г. увидела свет другая книга А.Шишова «Таджики»². Хотя работа по сути является компилятивной, и часть ее материалов устарела, однако многие приведенные сведения автора и по сей день не потеряли свою значимость. Книга А.Шишова не является специальным научным исследованием. Она в основном является систематизацией и конспектом доступной ему литературы о таджиках. Тем не менее «Таджики» является первым обобщающим трудом по этнографии таджиков на русском языке. В данной работе собрано огромное количество материала о традиционной культуре таджиков, географии, истории взаимоотношений таджиков с другими среднеазиатскими народами.

А.Шишову удалось впервые очень скрупулезно собрать воедино большое количество материала из разных трудов русских и зарубежных ученых о таджиках. Значительная часть материалов, использованных им, публиковалась в XIX и в начале XX в. в различных изданиях и ныне являются библиографической редкостью, но для широкого круга читателей вообще не доступны. Исходя из этого, ценность данной книги неоспорима³.

Работа состоит из тридцати глав. Самими важными в этнографическом плане являются следующие главы: «Значение слова «таджик» и «гальча»; «Происхождение таджиков»; «Численность таджика»; «Наружные признаки таджиков»; «Жилище»; «Одежда и оружие»; «Пища и напитки»; «Земледелие»; «Скотоводство»; «Охота»; «Ремесла и кустарные промыслы»; «Характеристика таджиков»; «Религия и обряды»; «Праздники и народные увеселения» и др.

¹ Шишов А. Сарты. Ташкент, 1904. Т.1.

² Его же. Таджики. Ташкент, 1910. Алматы, 2006. 392 с. (Все сноски даны по алматынскому изданию).

³ Там же. С.370.

Как видно из названия глав работы, основное место в книге занимает описание антропологических признаков, деятельности, традиционной культуры таджиков горных местностей Средней Азии: верховья Зеравшана (Матча, Ягнаб, Фалгар, Кштуд, Магиан и т.д.), Каратегина, Вахие, Дарваза, Шугнана, Рушана. Из равнинных мест автор подробно описывает жизнь и быт населения городов Самарканда, Бухары, Худжанда, Куляба и др. Рассказывая о Худжанде, автор отмечает: «Город Ходжент принадлежит к древнейшим равнинным городам Средней Азии, населен таджиками»¹.

А. Шишов уделял большое внимание хозяйственной деятельности имущественной культуре таджиков, особенно полеводству², садоводству³, огородничеству⁴, скотоводству⁵, жилищу, одежде, пище и орудиям труда⁶. Он подчеркивает, что «жилые постройки, как в селениях, так и в городах, не размещаются по сторонам улиц; они спрятаны в глубине дворов, которых бывает несколько у каждого хозяина, и из которых для посторонних людей, даже знакомых, доступны только первые; только торговые и ремесленные помещения ставятся на виду. Обыкновенно, к заборам улиц пристраиваются разные хозяйственные помещения и сараи для домашнего скота, а у богатых, главным образом, для лошадей»⁷.

Что касается одежды равнинных таджиков, по словам А.Шишова, она была одинакова с одеждой сартов. Таджик на голове надевали тюбетейку, чалму, рубаху, штаны. Верхнюю одежду составлял ватный халат⁸. Далее автор об одежде ягнобцев пишет следующее: «Костюм ягнобцев, приготовляемый из шерсти и хлопчатой бумаги, состоит из тех же частей, что и костюм других горцев. Куртэ – рубаха; шьется она длинная, вроде мешка, с длинны-

¹ Шишов А. Таджики. С.30.

² Там же. С.193-195.

³ Там же. С.195-208.

⁴ Там же. С.208-209.

⁵ Там же. С.221-225.

⁶ Там же. С.108-141.

⁷ Там же. С.108.

⁸ Там же. С.124.

ми прямыми рукавами. Ворота не имеет, а только делается прорез между плечами, который обшивается оторочко»¹.

В главе «Характеристика таджиков» автор подробно останавливается на ней. А.Шишов пишет, что менталитет горных таджиков отличается от равнинных. О равнинных таджиках пишет следующее: Благодаря своему духовному превосходству,...таджики всегда имели нравственный и умственный перевес над своими поработителями узбеками, которые приняли даже религию побежденного народа»². Далее он подчеркивает, что только благодаря своему духовному превосходству, так же как во всякой житейской практике, таджик мог сохранить свою этнографическую самостоятельность, «способность подчинить себе природу тяжелым трудом и обращать негостеприимные пустыни в райские оазисы»³.

А.Шишов давая характеристику горным таджикам, в частности, пишет: «По своему характеру таджик представляется весьма симпатичным: он добр, честен, трудолюбив, и чужд корыстолюбию. Женщины у таджиков-горцев ходят с непокрытым лицом, не прячутся от посторонних»⁴. Главнейшими особенностями характера памирских таджиков А.Шишов считает их замечательная способность к упорному труду и любовь к оседлости и земледелию»⁵.

В работе имеются материалы о семье и семейных отношениях⁶, и обрядах равнинных и горных таджиков⁷. Необходимо отметить, что в работе А.Шишова, как у многих других русских исследователей, имеются противоречивые высказывания в отношении местного населения. У некоторых авторов, цитируемых А.Шишовым, было преубеждение относительно народов Средней Азии. Некоторые русские путешественники и ученые исходили из тех задач, которые их направляло русское правительство. Этого не избежал и А.Шишов. В частности, он беспочвенно утверждал, что таджики являются

¹ Шишов А. Таджики. С.125.

² Там же. С.254.

³ Там же. С.259.

⁴ Там же. С.261.

⁵ Там же. С.262-263.

⁶ Там же. С.327-335.

⁷ Там же. С.278-312.

шиитами, хотя прекрасно знал, что абсолютное большинство таджиков являются суннитами-ханифитами¹. Поэтому при использовании книги А.Шишова исследователи должны быть крайне осторожны.

В 1906 г. были опубликованы «Список населенных пунктов Самаркандской области»² и «Список населенных пунктов Ферганской области»³. В первом списке приводятся данные о населенных пунктах Самаркандского, Джиакского, Худжандского и Катта-Курганского уездов. Рассказывая о селениях Худжандского уезда, составители дают сведения об этническом составе населения, особенно о таджиках.

Во втором списке даются сведения о населенных пунктах Ферганской области, в частности о Канибадаме, Исфаре, Чусте, Риштане, где таджики составляли абсолютное большинство населения.

Русский геолог, географ и путешественник И.В.Мушкетов в результате многолетних путешествий по Средней Азии, написал двухтомную книгу «Туркестан, геологическое и орфографическое описание»⁴. В ней автор наряду с описанием геологии края сообщает о населенных пунктах Средней Азии, в т.ч. нынешней территории Таджикистана, дает сведения об этническом составе населения Северного Таджикистана, занятия его жителей и т.д.

Исследователь А.И.Шахназаров в 1908 г. в городе Санкт-Петербурге опубликовал ценную работу, посвященную хозяйственной деятельности населения Туркестанского края «Сельское хозяйство в Туркестанском крае»⁵. В ней автор подробно останавливается на описании зерноводства, овощеводства, садоводства, виноградарства, бахчеводства и скотоводства населения Средней Азии, в т.ч. таджиков.

И.И.Гейер в 1909 г. издал работу «Туркестан»⁶, в которой, приводя ценных сведений о коренных народах Средней Азии, упоминает и таджиков. В

¹ Шишов А. Таджики. С.278.

² Список населенных пунктов Самаркандской области. Самарканд, 1906.

³ Список населенных пунктов Ферганской области. Скобелев, 1906.

⁴ Мушкетов И.В. Туркестан, геологическое и орфографическое описание. СПб., 1886-1906. Т.1-2.

⁵ Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908.

⁶ Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909.

частности автор пишет: «Таджики вышли из Ирана и заняли Туркестан еще во времена доисторические. Следы персидского происхождения они сохранили и до настоящего времени, как в чертах лица, так и в языке, который есть не что иное, как наречие персидского языка. Все таджики живут оседло и преимущественно населяют гористую часть Туркестана, куда их оттеснили завоеватели тюркских и монгольских племен. Из туземцев они являются наиболее интеллигентным племенем и успехами земледельческой культуры страна обязана им, так как таджики были строителями почти всех тех ирригационных систем, которые дают жизнь всем крупным оазисам Туркестана»¹. Как видно его историческая осведомленность о таджиках была поверхностной. Далее автор останавливается на материальной культуре, в частности на жилищах и пище таджиков. Указывая, что жилище таджиков по устройству ничем не отличалось от жилища других народов, которые жили по соседству с ними в пределах русского Туркестана. Автор пишет, что «в Ташкентском, например, уезде кишлаки их расположены в горных хребтах сопровождающие реки: Угам, Пскем, Чаткал и Ангрен. В долинах почти нет плотных, и тем более крупных таджикских поселений»². По словам И.И.Гейера, любимая пища были молоко, молочные продукты и масло в растопленном виде³.

Тот же автор в другой своей работе «Весь Русский Туркестан»⁴, опубликованная в 1909 г., пишет о сельском хозяйстве населения Туркестанского края, в том числе таджиков. В ней отмечает их высокую культуру земледелия⁵.

В 1911 г. Случановский опубликовал работу «Самарканд и его прошлое»⁶. Первая глава работы посвящена географическому обзору Туркестана. Самая важная и для этнографа значимая является вторая глава «Сарты, их нравы и обычаи»⁷. В ней автор останавливается на происхождении сартов.

¹ Гейер И.И. Туркестан. С.34.

² Там же. С.36.

³ Там же.

⁴ Его же. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909.

⁵ Там же. С.15-41.

⁶ Случановский Самарканд и его прошлое. Самарканд, 1911.

⁷ Там же. С.3-12.

По этому поводу он пишет: « Племена сартов нет, но этим именем русские вслед за кочевниками окрестили оседлое население Туркестана, живущее в городах и деревнях и занимающееся земледелием, ремеслами и торговлею. Народности, получившие это название, весьма различны по языку и по происхождению, но имеют общие духовные и нравственные свойства, а также ведут почти одинаковый род жизни.

Сартами называются: 1) таджики, - народ иранского племени – исконные обитатели Средней Азии, населяющие ныне по преимуществу пределы Самаркандск. области, и частью Ходжентский уезд; 2) осевшие узбеки, татары, киргизы и разные народности, происшедшие от взаимного их смешения и населяющие туземные города Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей и, наконец: 3) таранчи – оседлое мусульманское племя»¹.

Случановский так же отмечает, что общественная и гражданская жизнь и даже характер сартов сложились под влиянием мусульманского кодекса – шариата. Сартами называли различные группы населения, их языки также отличались. «В этом отношении, - пишет Случановский, - жители Самарканда имеют тип, близко походящий к коренному иранскому или таджикскому типу, истинными представителями которого служат таджики гор или иначе гальча, аборигены страны, оттесненные завоевателями в труднодоступные ущелья и имеющие таким образом возможность сохранить в первобытной чистоте»². Далее автор подчеркивает, что сарты говорили в Самарканде и Худжанде на таджикском, а в Ташкенте – на узбекском языке.

Случановский останавливаясь на описании жилища сартов. отмечает, что их жилые помещения были почти все одноэтажные и все вообще без фундамента. Строились из глины или сырца: «Жилища, - пишет автор, - сарты делят на две половины: мужскую и, в более углубленном дворе, женскую – гарем. Мебели нет. Убранство комнат составляют русские сундуки, покрываемые иногда коврами. У богатых полы застилаются коврами и паласами.

¹ Случановский Самарканд и его прошлое... С.3.

² Там же. С.4-5.

Печей не делают. Для согревания зимою в выдолбину, сделанную посреди комнаты или просто в глиняную миску набрасывают горячих углей, над которыми ставят табурет. Последний прикрывается одеялом, которое своими краями опускается до земли. Сарты садятся вокруг жаровни и укрывают ноги одеялом»¹.

Одежду сарта составлял халат, опоясанный поясом из куска материи или платком. Поверх халата более зажиточные сарты надевали другой, который уже не опоясывали. На голове, кроме тюбетейки (тупи), большинство носило чалму, чаще всего из белой кисеи, носили также красные, серые, зеленые и вообще цветные чалмы. Ноги сарты обували в мягкие сапоги без каблуков (масы), сверх которых одевали кауш (калоши) большею частью зеленого цвета, сшитые из выделанной особым способом конской шкуры. Кауши они всегда снимали при входе в мечеть, либо в комнату Рубашек сарты не носили за исключением мулл. Остальные носили вместо них белые халаты, длиною немного ниже колен.

Среди местного населения больших праздников были три: Навруз (Новый год), Курбан и Рамазан.

Останавливаясь на обрядах сартов, связанных с рождением, воспитанием ребенка, сватовством, венчанием, со смертью и похоронами, автор отмечает, что после рождения младенца, отец новорожденного читает молитву и дает ему имя. Как только подобная весть разнеслась по околотку, соседи приходили с поздравлениями и для них приготавливали угощение. Когда мальчику исполнилось 7-8 лет, совершали обряд обрезания.

Сватовство у сартов происходило обыкновенно с помощью свах, которые уговаривали в количестве и роде калыма, который и должен быть уплачен женихом за невесту. Кроме денег в калым входили также и различные принадлежности туалета, необходимые невесте, а также все необходимое для угощения на свадьбе. О приданом, которое приносила невеста в дом своего будущего мужа, уговаривались, и жених узнал об этом уже после брака.

¹Случановский Самарканд и его прошлое... С.5.

Хотя по обычаю жених и не должен был увидеть до брака свою невесту, но родители часто подкупали какую-нибудь знакомую женщину, которая прятала у себя жениха, приглашала к себе невесту и давала, таким образом, жениху возможность видеть свою суженую. Самый венчальный обряд (т.е. никах) происходил следующим образом. Когда калым выплачен и назначен день свадьбы, то уговаривали и о неустойке, которую женившийся должен был выплатить своей жене, в случае развода с нею. Количество этой неустойки определяла мать и родственники невесты вместе с приглашенными гостями в свидетели свадебного обряда. После этого мулла читал молитву и спрашивал через дверь невесту, желает ли она выйти замуж за такого то. Получив ее согласие, он с тем – же вопросом обращался к жениху и, после утвердительного ответа, давал ему чашку с водой; отпив из нее, жених возвращал чашку мулле и тот посылал ее невесте. Затем оставшаяся в чашке вода допивалась присутствовавшими. По окончании обряда, женщины уводили молодого в спальню, куда вслед за тем приводили и молодую¹.

Первые три дня молодой жил у жены, которая находилась еще у своих родителей, и при возвращении к ней, откуданибудь, избегала встреч с прихожими. Спустя три дня молодая переезжала в дом мужа и для нее начиналась будничная замкнутая жизнь.

Случановский рассказывает и о похоронных обрядах сартов, которые не отличались от похоронных обрядов другого населения, которое жило по соседство с ними. «Как только ктонибудь в доме умрет, пишет автор, - тотчас же находящиеся там женщины собираются где-нибудь в углу и начинают голосить и царапать себе лицо. Соседки тоже присоединяются к ним, и стон стоит над домом покойного. Извещенные об умершем родственники и знакомые навещают его в продолжение первого дня смерти. На другой день завернутое в холст тело несут в мечеть, откуда, после прочтения над ним корана, хоронят. Закрывавший тело покров делят между собою родные и знакомые. После похорон все собираются в дом покойного, где слушают чтение

¹ Случановский. Самарканд и его прошлое. С.7-8.

корана. Так продолжается три дня. Поминки повторяются через семь и десять дней. В годовые праздники женщины собираются на кладбищах и воплями поминают своих покойных; тут же раздается милостыня нищим и юродивым»¹. Так как таджики жили рядом с сартами, их обычаи и обряды были почти одинаковыми с ними.

В 1911 г. была издана, работа К.К.Палена «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане»². В ней автор останавливается на состоянии и виды ремесленного производства в городах Северного Таджикистана.

Итоги многолетних наблюдений жизни и быта оседлого населения Средней Азии после ее присоединения к России изложены в работе В.П.Наливкина «Туземцы раньше и теперь», которая была опубликована в 1913 г.³ В первой главе «Этнографический состав населения» автор останавливается на основных народах Средней Азии В.П.Наливкин пишет: «В этнографическом и бытовом отношении главнейшими народностями, входившими в состав туземного населения трех коренных областей края во время их завоевания были: оседлые сарты, кочевники киргизы, полукочевники (курама) в Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области, так называемые узбеки в Самаркандской и Ферганской областях, разумеется, местное мусульманское оседлое население, городское и сельское, которое, не представляя в разных местностях названных областей особенно резких различий в бытовом отношении, в этнографическом подразделяется на собственно сартов, давно уже осевших тюрков (или узбеков), ведших раньше кочевой образ жизни, и таджиков, издревле оседлых аборигенов этой страны, говорящих на более или менее своеобразных наречиях персидского языка, к большей мере подвергавшихся влиянию языка пришлых завоевателей тюрков (именуемых также и тюрко-монголами)»⁴.

¹ Случановский Самарканд и его прошлое... С.8.

² Пален И.И. К характеристике народного хозяйства Туркестана. СПб., 1911.

³ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

⁴ Там же. С.5.

В данной главе встречаются некоторые ошибочные утверждения о тяготении таджиков к горам как черте их национального характера. Автор пишет: «Одной из характерных национальных черт таджиков является их тяготение к горам. Наибольшая часть таджикских селений находится в горах и предгорьях, причем наибольшая же часть всех вообще таджиков края проживает в Самаркандской области, в Ферганской, в предгорных частях Наманганского, Кокандского и Маргеланского уездов их значительно (вдвое) меньше, а в Сыр-Дарьинской области несколько небольших таджикских селений имеются лишь в Ташкентском и Чимкентском уездах»¹. Здесь необходимо отметить, что таджики с древнейших времен были опытными земледельцами, ремесленниками и торговцами. Расселение части таджикского населения в труднодоступных, малопригодных для жизни горных районах Центральной Азии было обусловлено политическими и военными событиями XIII-XIV вв. Спасаясь от нашествия многочисленных завоевателей, уничтожавших население целых оазисов и городов, таджики уходили в горы. Переселения обычно происходили в наиболее тяжелые для страны времена в XV-XVI вв.² Поэтому мнение ученых о том, что проживание таджиков в горных местностях считать как национальный характер, не соответствует действительности.

Далее автор переходит к описанию хозяйственной деятельности оседлого населения. Он отмечает, что оно держало скот лишь для нужд семьи в ограниченных размерах, причиной чему служило отсутствие пастбищ и дороговизна кормов. Разводили больше всего на нужды семьи – овец, коз, затем лошадей и верблюдов, крупный рогатый скот, но не рабочпй. Из других видов деятельности автор пишет о земледелии, садоводстве, виноградарстве, овощеводстве и шелководстве. О шелководстве В.П.Наливкин пишет следующее: «Шелководство, как занятие исключительно подсобное, с каждым годом падает, что показывает и уменьшение в области за последние годы

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С.5-6.

² Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. С.153.

числа шелкомотальных и шелкопрядильных мастерских; но все же был 27558 пудов, причем один Ходжентский уезд дал 85% общего числа пудов»¹.

Группа русских ученых подготовила серию работ о народах Российской империи «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». В 1913 г. в 19-м томе данной серии была опубликована работа исследователя В.И.Масальского «Туркестанский край»². Третий раздел этой работы посвящен таджикам. Автор пишет о территории расселения таджиков в Средней Азии, их количестве по областям. Он отмечает, что всего в Средней Азии в конце XIX в. проживало 750 тыс. таджиков. Главнейшими их занятиями были земледелие и скотоводство»³.

В 1913 г. С.Гулишамбаров в городе Асхабаде (Ашхабаде) составил «Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой»⁴. По словам автора, в силу историко-географических условий в Туркестанском крае выработались три главных типа хозяйства: кочевое, богарное и ирригационное. Кочевое хозяйство имело наиболее примитивный характер и все его благополучие связано с развитием скотоводства, которое постепенно сокращалось и кочевники мало по малому переходили к оседлой жизни⁵.

О богарном хозяйстве автор пишет: «Богарное хозяйство – земледелие на не орошенных землях или «сухое земледелие» – культивирует преимущественно злаки и под ним занято около полумиллиона десятин, в т.ч. в Самаркандской области – 230 д, Ферганской – 227 д... Богарное хлебопашество особенно в последнее время, развивается и укрепляется настолько успешно, что дает многим основание думать, что в недалеком будущем оно одно может прокормить все туркестанское население, не прибегая к распашке искус-

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С.146.

² Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное описание нашего отечества. СПб., 1913. Т. XXI.

³ Там же. С.404-408.

⁴ Гулишамбаров С. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой. Асхабад, 1913.

⁵ Там же. С.34-35.

ственно орошаемых земель, которые, целиком, могут быть, представлены более ценными культурами промышленных растений»¹.

Необходимо отметить, что ирригационное хозяйство захватывало собою все культуры на орошенных землях. Из общего количества, собираемого в крае зернового хлеба, около одной трети приходилось на богарные земли. Поэтому ирригационное земледелие в хлебопашестве имело преобладающее значение, но более всего оно обслуживало культуру риса, которая для него являлась наиболее выгодной статьей. Для местного населения рис вместе с фруктами и овощами составлял важнейший пищевой продукт, а хлопок – главный источник его благосостояния.

С. Гулишамбаров, рассказывая о сельскохозяйственных культурах, пишет: «Из туземных хлебов, имеющих в крае большое распространение заслуживают серьезнейшего внимания джугара и рис. Джугара или сорго наиболее распространена в Хивинском и Бухарском ханствах, а также в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях. Зерно джугары идет частью в пищу беднейшему населению, а еще чаще им вскармливаются домашний скот и птица»². Необходимо отметить, что культура риса была наиболее распространена в Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской областях и известна в Туркестане с древнейших времен и так как она являлась наиболее выгодным промыслом, то в некоторых местах, например, в верховьях реки Зеравшана богатые люди, которые имели водувизбытке, на своих мелях выращивали рис.

Указывая на обилие фруктов, как абрикосы, персики, сливы, вишни, груши, винограды и др., он пишет: «Из фруктов абрикос (урюк) является важным пищевым продуктом в быту туземцев. Лепешка и, как приправа к ней, урюк или дыня составляют летом обычную пищу небогатого туземца. Персики (шафтала) – самых разнообразных сортов и очень хороших по вкусу, покрытые сверху пушком и гладкие (нектарины). Хорошие сорта перси-

¹ Гулишамбаров С. Экономический обзор Туркестанского района. С.35.

² Там же. С.39.

ков в Ташкенте, Самарканде, Закаспийской области и в Джаркентском уезде Семиреченской области. Особенно характерны плоды «Анджир-шафтала», сплюснутые в виде винной ягоды. Сливы (муруд) туземные, преимущественно черные, все сплошь подвержены червоточине. Лучшим сортом считаются самаркандские черные круглые сливы (ол-хура), которые сушат туземцы. Вишни (алю) местные»¹. Эти приведенные С. Гулишамбаровым факты, свидетельствуют о том, что среди таджиков и других среднеазиатских народов развивалось садоводство, и садоводы выращивали разнообразные плодовые деревья.

В 1914 г. была опубликована статья В.В. Дынина «Очерк быта горцев верховьев Зеравшана»². Большое место в статье занимает описание климатических условий, хозяйственной деятельности, в т.ч. земледелия, скотоводства, ремесленного производства, материальной и духовной культуры населения верховьев Зеравшана. Автор отмечает, что земледелие велось в орошаемой и богарной формах. «Богарные посеы, - пишет В.В. Дынин, - в частности, как и в других горных волостях, нередко страдают от раннего выпадения снега, от малоснежных зим и сухой весны, а иногда и от порчи богарных полей кабанами, в изобилии встречающимися в горах»³. Среди культивируемых растений в Фальгарской волости преобладала пшеница. Кроме того выращивали просо, бобы, ячмень и др. Автор останавливается и на обработке пашни под яровые посеы. Обработка начиналась обычно с марта. Посеы начинались на орошаемых землях, затем на богарных землях сеяли пшеницу, к посеу озимой пшеницы приступали во второй половине сентября. Первым в начале июня созревал богарный ячмень, недели через две поспевал и поливной, а с конца июня приступали к жнитву пшеницы - сначала богарной, а потом и поливной, бобы созревали лишь к середине августа. Повторные посеы в волости не практиковались. Необходимо отметить, что в верховьях Зерав-

¹ Гулишамбаров С. Экономический обзор Туркестанского района. С.52.

² Дынин В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела РГО. Ташкент, 1914. Т.Х. Вып.1.

³ Там же. С.46.

шана вспашку полей вследствие каменистости почвы проводилась не менее пяти раз.

В статье садоводству уделяется особое внимание. Оно служило существенным подспорьем в хозяйстве горцев верховьев Зеравшана, что садоводство сильно развивалось в Фальгарской волости. В.В.Дынин пишет: «Искони веков Фальгар славится своими фруктами – и редкий из фальгарцев не имеет хотя бы небольшого фруктового сада. Кишлаки в Фальгаре положительно утопают в зелени садов, скрывая в ней убожество своих сакель».

Преобладающее место среди фруктовых пород занимает урюк, встречающийся в 4-х сортах: ходжанди, матоби, муслими и кошифи»¹.

Не меньшее внимание со стороны фальгарца пользовалась шелковица, или «тут», которая разводилась ради ягод. Она встречалась в четырех разновидностях: балхи, марворид, хуразми, и бедона. Об использовании ягод тута в качестве пищи автор пишет: «Высушенные ягоды тута (тут-маиз), и приготовляемое из них толокно (тут-талкан) положительно составляют для местных жителей суррогат хлеба»².

Из других плодовых деревьев в статье упоминаются орехи, персики, яблони. Развивалось и виноградарство³.

В.В.Дынин в статье уделяет внимание и местным промыслам. Он отмечает, что промышленная деятельность находилась в первобытном состоянии. Из трех видов обрабатывающей промышленности – домашней, кустарно-ремесленной и фабрично-заводской, наиболее развивался среди горцев домашний промысел. Автор пишет: «Среди остальных видов промышленной деятельности наиболее распространенной является обработка продуктов животноводства, главным образом шерсти. Выделкой из бараньей и козьей шерсти особого сорта сукна (басма) занимаются во всех нагорных Зеравшанских волостях преимущественно женщины»⁴. Из бараньей шерсти приготавливали

¹ Дынин В.В. Очерк быта горцев...С.65.

² Там же. С.67.

³ Там же.

⁴ Там же. С.69.

зимние штаны (шим), курджумы, канны, шал (т.е. аркан). Из козьего пуха выделывали особую ткань на чалмы и пряжа для вязки чулок и тамаш¹.

Особое место в ряду местных промыслов занимали мельничное и маслобойное ремесло. Заслуживало также внимания гончарство. Оно развивалось среди ягнобских женщин.

В.В.Дынин рассказывает и об отходничестве среди населения верховьев Зеравшана. Слабое развитие промышленной деятельности, в связи с недостаточной обеспеченностью продуктами своего земледельческого и скотоводческого хозяйства породило среди местного населения широкое развитие отходных промыслов. Процент ежегодно уходящих отходников на заработки колебался на отдельных селениях от 25% до 75% взрослого мужского населения. Уходили обычно дважды в год: весной после полевых работ до времени уборки своих хлебов и осенью после сбора урожая до начала весенних полевых работ. Лица, уходящие на заработки на короткий летний период, нанимались чаще всего на полевые работы, где-либо в пределах окрестных уездов Худжандского, Джизакского и Самаркандского. На зимний же период горцы отправлялись преимущественно в города Самарканд, Коканд, Ташкент и доходили даже до Бухары. Здесь они поступили или на поденные работы в качестве чернорабочих – мардикоров, или работали на разных заводах.

В.В.Дынин останавливается и на материальной культуре населения верховьев Зеравшана, в частности на жилище, одежде и пище. О жилище он пишет: «Жилище горца, по сравнению даже с обыкновенной саклей туземного типа, поражает своею простотою и убожеством. Сложенные из камней, смазанных снаружи, а иногда только внутри, смесью глины с саманом или просто комками земли, часто как бы наклепленные одна на другую, такие жалкие лачуги отличаются отсутствием чистоты, света, тепла и воздуха: пол – земляной, потолок – из неплотного пригнанных тонких круглых жердей или даже из переплетенных древесных ветвей, крыша земляная же, плоская и вре-

¹ Дынин В.В. Очерк быта горцев... С.70.

мяпрепровождения членов семьи, а иногда и дворовым местом или полом для другого жилища, составляющего как бы верхний этаж первого»¹.

Далее отмечается, что окна в таких жилищах заменяли отверстия над дверью, которые служили и для выхода дыма. Таким же выходным отверстием для дыма, кроме низкой двери, служила каменная труба, начинавшаяся почти вплоть от пола и выходившая над крышей. Во многих жилых помещениях не имелась каменная труба, а костер для приготовления пищи разводился посередине комнаты на полу – и тогда дым, не успевая выходить в открытые дверные и световые отверстия, буквально заполнял всю комнату.

Рассказывая о способах отопления жилых помещений, В.В.Дынин пишет следующее: «Специального отопления помещений не практикуется: в зимнее время семья у огня лишь в то время, когда готовится пища. На топливо чаще всего употребляется навоз домашнего скота, особо приготавливаемый для того в виде лепешек (топи), налепливаемых для просушки в летнее время на наружные стены жилища, а там, где не хватает кизяку-навозу, дикие травы и кустарники (фарк, хома, шибэг), нарочито запасаемые для этой цели на зиму; в селениях же, где по близости имеются леса, на топливо идет также сухостой, валежник и хворост»². Осветительным материалом служило льняное масло, которое зажигалось в особом светильнике (чираг), воткнутом где-либо в стене. Большое количество жителей обходило без всякого освещения. Оно довольствовалось дневным светом и светом, который доставлял очаг во время вечернего приготовления пищи.

Автор останавливается и на домашней утвари и убранстве жилого помещения: «Какой-либо обстановки, в смысле убранства жилого помещения, вовсе не имеется, если не считать за обстановку 1-2 табуреток (сандалии), служащих для согревания под ними ног в зимнее время и то составляющих обычную принадлежность «хоны» (жилища) лишь жителей Фальгарской волости. При этом в виде общего явления наблюдается, что как сами построй-

¹ Дынин В.В. Очерки быта горцев... С.79-80.

² Там же. С.81.

ки, так и ассортимент предметов домашнего обихода у жителей Фальгарской вол. несколько больше, лучше и ценнее, нежели у жителей остальных двух нагорных волостей, в особенности по сравнению с обитателями Матчинской вол»¹. Домашнюю утварь составляли один котелок для приготовления пищи, два глиняных кувшина для воды, четыре глиняные миски и столько же деревянных ложек, чугунный кумган, чайник, чайная чашка (пиала), чаша (каса), курджум и т.д.

Земледельческий инвентарь состоял из орудий на половину местного и притом самого примитивного: сохи, бороны, серпа, кирки, и лопаты².

В.В.Дынин останавливается и на пище таджиков верховьев Зеравшана. Главную и почти ежедневную их пищу составляли лепешки и особого сорта похлебка (оши суюк). Мука редко употреблялась чисто-пшеничная, обыкновенно же с примесью, в Риватском обществе ячменной, в Урмитанском – туютовой, а в Варзимианском и Рарзском - бакалеви. Из видов хлеба были известны лепешки, лочира (тонкая лепешка), кульча. В оши суюк (жидкое блюдо) кроме воды, соли и муки клали летом – кислое молоко (катык), а зимой – сыр (курут), заменяли его иногда льняным маслом, реже салом. Далее автор пишет: «Из молочных продуктов готовится катык, а на зиму запасается курут, это и другие чаще из смешанного молока: коровьего, овечьего и козьего – причем остающееся после выделки сыру масло поступает обыкновенно на базары в обмен на муку, в первоначальном же своем виде молоко почти не употребляется»³. В пищу использовались также куриные яйца, туютовые сырые ягоды, сырой урюк.

В.В.Дынина интересовала и одежда населения верховьев Зеравшана. В частности автор пишет: «Две смены нижнего белья в год (2 рубашки и 2 штанов из 6 аршин миткалю или 12 арш. ситцу на пару), неизменный в своем покрое верхний халат «чапан» (из 7 арш. тикю или 8 арш. Другой бумажной материи, реже из 2-х кусков местной шерстяной материи («алача»), а в зимнее

¹ Дынин В.В. Очерк быта горцев... С.81-82.

² Там же. С.82-83.

³ Там же. С.84.

время «чакман» – халат из местной выделки сукна «басма», 1 пара теплых зимних шаровар, «шим» из того же сукна, 1 пара сапог «чаруки», чаще всего из коровьей или бычачьей кожи, 1 пара шерстяных портянок, или точнее гамаш «пайтаба» для зимы, 1 пара калош...»¹. Женский костюм местной женщины состоял из двух пар нижнего белья, одного халата, одной пары гамаш и две пары галош, 1-2 головных убора «румал» или «дока» в год².

Из предметов домашнего обихода в статье упоминаются кошмы, одеяла (курпа), подушки.

Автора интересовали и вопросы семьи и семейных отношений жителей верховьев Зеравшана. В.В.Дынин пишет: «Рождение, обрезание, свадьба, похороны, поминки, если и не справляются здесь по бедности на такую широкую ногу, как у равнинных таджиков, тем не менее, отличаются пунктуальностью в соблюдении мельчайших подробностей и главное всегда бывают, сопряжены с излишними, экстренными и часто непосильными расходами, чрезвычайно тяжело отражающимися на, более чем скромном, бюджете горца»³.

По словам автора, население верховьев Зеравшана было последователями ислама, и почти в каждом селении имелись мечети⁴.

В 1915 г. была издана работа В.В.Заорской и К.А.Александера «Промышленные заведения Туркестанского края»⁵. В ней авторы останавливаются на земледелии, скотоводстве и ремесленном производстве среднеазиатских народов, в т.ч. таджиков. Они отмечают, что центром развития промышленной жизни Туркестанского края служила Ферганская область. По их данным, в Фергане было «около 2000000 с лишним десятин или 20000 квад. верст, которые представляют культурную площадь этой долины»⁶.

¹ Дынин В.В. Очерк быта горцев...С.85-86.

² Там же. С.86.

³ Там же. С.89.

⁴ Там же.

⁵ Заорская В.В. и Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915.

⁶ Там же. С.78.

Население занималось земледелием, занятие скотоводством встречалось редко. Скотоводство, как занятие для жителей Ферганы большого значения не имело. Скот шел в Фергану главным образом, из Семиречья, общее количество его доходило до трех миллионов голов преимущественно мелкого скота¹.

Далее авторы пишут и о других занятиях населения, в частности о шелководстве в Фергане. Им в основном занимались женщины и подростки, и оно давало местной семье дополнительный заработок².

В.В.Заорская и К.А.Александр пишут и о других городах Туркестанского края: «Из городов самым населенным пунктом является г. Самарканд – 97530 душ обоего пола, затем г. Ходжент – 40476 душ, население остальных 4-х городов – Ура-Тюбе, Джизак, Катта-Курган и Пенджикент – не превышает вместе 60 тысяч душ»³.

Основную массу населения Самаркандской области составляли таджики, узбеки, сарты и киргизы. Их насчитывалось свыше 90 тыс. человек или 90% всего населения области. Земледелием занималось коренное население – таджики, узбеки, сарты, оседлые киргизы. «Площадь земли, годной для земледельческой культуры, исчисляется в 1270 тыс. десятин»⁴. Из зерновых растений сеяли пшеницу, ячмень, овес, просо, кукурузу, джугару, горох, бобы, картофель. Кроме того выращивали лен, коноплю, кунжут, индау, салфор. Население занималось также хлопководством, бахчеводством, огородничеством, виноградарством и рисоводством⁵.

Русский исследователь П.Е. Кузнецов опубликовал несколько работ о таджиках Ферганской долины, в частности в 1915 г. вышла статья «О таджиках Наманганского уезда»⁶. В разделе «Происхождение и достопримечательности кишлаков» автор перечисляет 39 кишлаков с указанием количества

¹ Заорская В.В. и Александр К.А. Промышленные заведения... С.79.

² Там же.

³ Там же. С.137.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кузнецов П.Е. О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. 1915. Т.ХІ. Вып.2. Ч.1.

населения в каждом из них: Косон, Боястон, Хазрати бувы, Подак, Варзигон, Чуст, Ашт, Пискократ, Шайдон, Бува-дархон (Бободархон – А.В.), и др.¹

В разделе «Характер таджикских местностей, занятия населения» П.Е.Кузнецов отмечает, что главное занятие таджиков Наманганского уезда были земледелие и скотоводство. Население обездоленных кишлаков – Пискократа, Гудаса, Шаидона, Бува-дархона, Мулла-мира, Кулы-ходжа и от части Пангоза – кормились отхожими промыслами, отправляясь в Ташкентский уезд (в качестве жнецов), в Коканде, Намангане и других местах обыкновенные таджики уходили на заработки летом.

В разделе «Материальное и моральное состояние населения» автор подчеркивает, что духовная жизнь "в мусульманском смысле слова" проявлялась лишь в таких таджикских местностях, как Чуст и Касан: в них имелись и низшие школы (мактабы) и высшие (мадраса). Далее автор, рассказывая об ассимиляции таджиков с тюркским населением, пишет: «Как и в Ташкентском уезде, в Наманганском есть таджики, забывающие родной язык, например в кишлаке Мамае. Песен и сказания своих у наманганских таджиков так же нет»². В 1916 г. П.Е.Кузнецов опубликовал другую свою работу «О таджиках Кокандского уезда»³, в которой перечисляет кишлаки с таджикским населением, описывает их занятия, материальную и духовную культуру.

В 1916 г. В.Розвадовский в ежемесячном журнале «Туркестанское сельское хозяйство» опубликовал большую статью «Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае»⁴. Автор подробно описывает различные отрасли ремесленного производства, в частности гончарного, чугунно-литейного, кузнечного, выделкикальянов, кумганов и др. В ней автор останавливается и на столярном, седельном, ткацком, шелкоткацком производстве в Туркестанском крае. Статья написана

¹ Кузнецов П.Е. О таджиках Наманганского уезда. С.7-16.

² Там же. С.23-24.

³ Его же. О таджиках Кокандского уезда // Известия Туркестанского отдела РГО. Ташкент, 1916. Т.ХП. Вып.2.

⁴ Розвадовский В. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент, 1916. №3-8.

на основе материалов, собранных в городах Бухаре, Каршах, Самарканде, Худжанде, Ура-Тюбе, Риштане и Ташкенте. Согласно мнению автора проведение железной дороги в Средней Азии, особенно железнодорожной ветви от станции Каган до города Бухары неблагоприятно отразилось на состоянии гончарного промысла в Бухаре. Местные гончары были не в состоянии конкурировать с российскими фабриками, которые благодаря железной дороге окончательно заполнили посудой рынок Бухары. «В конце концов, - пишет автор, - гончары, постепенно забрасывая изготовление более ценной и тонкой посуды, украшаемой орнаментами, как «пиалы», «ляганча» (тарелка), «шоскоса» (глубокая тарелка для супа), «хурма» для кислого молока (служит для супа), занялись изготовлением более грубой посуды. В настоящее время, почти не найти в мастерской гончара, который расписывал бы посуду красками и орнаментировал бы ее»¹. Гончары Бухары сбывали свои изделия преимущественно в своем городе и ближайших его окрестностях.

Для гончарных изделий употреблялась местная желтая глина, которая после обжига приобретала беловатый цвет, а некоторые материалы получали из Карнапа Каршинского бекства.

Давая описания процесса работы мастеров, он пишет: «Гончары, приготовляющие печи для лепешек корчаги (хум), «йом» (для вымочки кож), производят свои изделия на открытом воздухе, так как по своей громоздкости означенный род изделий требует огромного помещения, а незначительные по своим размерам мастерские гончаров едва ли могут вместить 4-6 корчаг, при наличии которых нельзя было бы двигаться в мастерской. Что касается печей для лепешек, то их совершенно не обжигают, а высушивают на солнце»².

Гончарный круг мастера был устроен возле горна; он состоял из двух кругов: нижнего (до 1½ аршина в диаметре) и верхнего «сартахта» (от 4 до 6 вершков в диаметре), соединенных наглухо вертикальным снаряжением «ук»

¹ Розвадовский В. Опыт исследования гончарного... С.567.

² Там же. С.568.

из карагачевого дерева, обтесанным без какой либо определенной формы, причем стержень этот проходил через нижний круг «парра», выступая на 3-4 вершка заостренным концом, на который насажена железная шляпочка, упирающаяся в каменную плиту. Для того чтобы стержень держался отвесно, под верхним кругом, на расстоянии полувершка, переложена в горизонтальном положении доска, через которую проходил стержень. Ее концы укреплены в двух стенах, возводимых вместо ножек для станка; на эту доску садился гончар для точки посуды. Толчками ног (одной вперед, другой назад по нижнему кругу, который служил маховым колесом), гончар приводил его в движение, а на верхний меньший круг, который служил для помещения на нем формуемой посуды, бросал ком глины и руками придавал желаемую форму. Окончив формовку посуды, гончар срезал ее от круга тонкой проволокой и устанавливал неподалеку от себя на столе или на полке. Когда приготовлено достаточное количество посуды, тогда гончар брал снова сработанные загустевшие предметы для отделки. Установив предмет на круге, и приведя его в движение, обтачивал, для выравнивания поверхности деревянным или металлическим ножом выводил борозды и прочие. После этого выделялись части, ручки, носки и т.д. Далее автор пишет, что мастер расписывал приготовляемую посуду красками и орнаментировал ее довольно примитивным рисунком. Для краски посуды он употреблял красно-бурую глину, которая, при сплавлении с глазурью, (для чего употребляет окись олова в смеси со щелочью и для клейкости добавляли муку), сохраняла свой красно-бурый цвет, для желтого тона – железную руду (чуйанбук) с кварцевым песком и для зеленого (кукмис) – медный купорос, песок и свинцовый глет (гиль). Для коричневой краски он употреблялся камень «маг», который толкали, растирали на ручной мельнице с «кызыл-кысак» (красная глина). Глазурованные изделия изготовлялись отдельными кустарями. Для производства употреблялась обыкновенная гончарная глина и еще огнеупорная, пластичная глина гульбута, которую привозили главным образом из Ташкентского уезда¹.

¹ Розвадовский В. Опыт исследования гончарного... С.116.

Автор останавливается также на чугунно-литейный промысел. По его словам, чугунно-литейная мастерская представляла собою обыкновенно небольшой двор с навесом и печью в одном из углов двора, для плавки чугуна. В этом заключались все постройки, необходимые для производства. Далее автор пишет: «Формы готовятся из смеси глины, песку и толченого угля, обмазываются смесью сажи с мукою и обсыпаются просеянным толченым углем. Формы расположены на земляном полу, под навесом, во дворе мастерской. Для котлов (казанов) формы делаются следующим образом. На деревянном диске, установленном на вертикальной, вращающейся оси, имеется глиняный шаровой сегмент. Приготовленная для формы смесь накладывается на глиняный сегмент и при вращении его оформляется ножом; далее форма сохнет и разрезается на три равных сферических треугольника»¹.

Согласно словам В.Розвадовского, кузнечный промысел разделился на три самостоятельных группы: выработка мелких изделий, как дверная цепь, подкова, гвозди, скребок и др.; выделка инструментов для каменщиков, плотников, землекопов, а также наковален, серпов и др.; выделка ножей, ножниц, бритв, подпилков, шил и др.²

Автор так же интересуясь состоянием ремесла по выделке кальянов и кумганов, столярном, седельном, ткацком, шелкоткацком и других промыслах пишет: «Ткачество шелка более всего развито в Ходженте и его уезде, особенно производства канауса, откуда он расходится в другие местности Туркестана, а также отправляется в Европейскую Россию и Сибирь»³. Далее автор подробно описывает процесс крашения шелка. Он совершался очень примитивным способом. В мастерской вырывалась четырехугольная яма, приблизительно аршина два глубины, длиной до полторы сажени и шириной в одну сажень (одна сажень равна – 2,134 м). По длинее стенки делалась печь, которая не выходила из уровня пола; в эту печь вмазывались в один ряд

¹ Розвадовский В. Опыт исследования гончарного... С.123.

² Там же. С.126-127.

³ Там же. С.154.

три котла. Собственно для варки шелка употреблялся средний котел. Шелк варился с углекислой щелочью, именно с ишкарком местного приготовления.

В целом автор показывает состояние ремесла в среднеазиатских городах в конце XIX – начале XX вв.

В 1916 г. вышла статья М.Никулина «Из кооперативной жизни Ферганы»¹, посвященная ремесленному производству жителей Ферганы. Остановившись на различных видах ремесленного производства, как ткачество, шелководство, гончарство, кузнечное дело и др., автор так же уделяет внимание и на процесс производства, различных видах продукции, орудия ремесленников и т.д.²

В опубликованном 1916 г. учебном пособии М.В.Лаврова «Туркестан: география и история края»³, рассказывается о географическом положении Туркестана, о его климате, орошении, растительном и животным мире, промышленности, путях сообщения, образовании, административном устройстве в Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях. Имеются сведения о Бухарских и Хивинских владениях. В главе «Население» приведены исторические сведения и о населении вышеназванных областей⁴.

В главе «Самаркандская область» автор приводит статистические данные о населении Самаркандской области. В частности, он отмечает, что там из 960 тыс. жителей области таджики составляли 27 процентов населения⁵. Рассказывая о таджиках, проживающих в области, автор пишет: «Особый этнографический интерес представляют таджики, коренные жители области. Они принадлежат и той ветви иранцев, которая, по преданиям, первая заняла эту местность. Впоследствии к ним присоединились позднейшие выходцы из Персии. Теперешние таджики говорят на различных персидских (таджикских – А.В.) наречиях. Таджики живут в долинах, отличая себя от горных таджи-

¹ Никулин М. Из кооперативной жизни Ферганы // Ферганские областные ведомости. 1916. №22.

² Там же.

³ Лавров М.П. Туркестан: география и история края. М.; Пг., 1916.

⁴ Там же. С.28-32.

⁵ Там же. С.123.

ков, которые называют общим именем «гальча»¹. В Туркестане таджиков более полумиллиона(520000) а всего их насчитывается до двух миллионов. По внешнему виду таджик – типичный ариец, часто с вьющимися волосами, иногда белокурый; по своим духовным качествам он стоит выше своего победителя узбека»². Далее отмечается, что таджики народ мирный, оседлый, и потому их иногда смешивали с сартами. Они в основном занимались земледелием³.

Русским историком и путешественником М.Достоевским в 1917 г. была опубликована небольшая работа «Старина и быт Средней Азии»⁴. Она, по сути, является кратким очерком о культурно-исторических и бытовых традициях народов Средней Азии, написанный в виде увлекательных путевых заметок, в доступной и популярной форме знакомит читателя с этим удивительным краем. В работе описывается дорога к Ташкенту, и сам старый Ташкент, в краткой форме приведена история Бухарского ханства, его жителей таджиков и узбеков. Отдельные главы работы посвящены описанию искусства Средней Азии, ее керамике, ковроткачеству, ткачеству и вышивке. Особое внимание обращено к описанию архитектурных памятников, главным образом Самарканда. В конце работы дается 28 оригинальных иллюстраций, помещенных в отдельных листах.

Таким образом, можно констатировать, что после присоединения Средней Азии к России, особенно образованию Туркестанского генерал-губернаторства, открылись широкие возможности русским исследователям всесторонне изучать не только природу и экономику края, но уделить особое внимание жизни и быту среднеазиатских народов, в т.ч. таджиков. Приведенные материалы русскими дореволюционными исследователями свидетельствуют о том, что таджики, несмотря на нахождения под гнетом тюркских правителей, сохранили свою самобытную многовековую культуру.

¹ Лавров М.П. Туркестан: география и история края. С.124-125.

² Там же.

³ Там же. С.125.

⁴ Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. М., 1917. 91 с.

4.2. Традиционная культура таджиков Восточной Бухары и Памира в трудах русских исследователей начала XX века

В начале XX века открылись широкие возможности для всестороннего изучения населения Восточной Бухары и Памира. После разграничения 1895 года, часть Памира перешла в состав России, а другая – Бадахшан, левобережная часть Западного Памира были присоединены к Афганистану, т. е. в колонии Великобритании. Продолжая традиции конца XIX – начала XX в. были организованы многочисленные экспедиции в Восточную Бухару и Памир.

В начале XX в. одним из первых посетил Памир русский исследователь Н.В.Богоявленский. Он вместе с этнографом А.А.Бобринским в 1901 г. организовал экспедицию в этот край и впервые осуществил научные антропологические измерения 554 лиц мужского пола в возрасте от 20 до 55 лет (средний возраст обследованной группы 32,5 лет)¹.

Н.В.Богоявленский в своей работе мимоходом пишет и об одежде памирцев. В частности он отмечает, что они зимой, или же во время охоты, длительного путешествия, при игре в поло или при козлодрании – носили чрезвычайно широкие и длинные шерстяные шаровары².

Рассказывая о жилищах населения Памира и Припамирья, автор отмечает, что с наступлением тепла, все переселялись из дома кто на веранду, кто в специальные сооружения, преставшие собою помосты, устроенные из хвороста на деревьях, на четырех высоких столбах³.

Касаясь духовной культуры, в частности религии населения, Н.В.Богоявленский отмечает, что в верховьях реки Пяндж распространился исмаилизм⁴. Кроме того, он подчеркивает о сохранении среди памирцев следы огнепоклонства, а также веры в добрых и злых духах⁵.

¹ Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи (Долина р. Хингоу и Ванджа) // Земледелие. 1901. Кн.1-2.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С.17-18.

⁴ Там же. С.19.

⁵ Там же.

Н.В.Богоявленский исследовали памирские языки. В частности он обращает внимание на отличительные особенности язгулемского языка¹.

Член экспедиции А.А.Бобринской летом 1901 г. посетил на верхнем Пяндже таджикские кишлаки Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рушана. Все они расположены по обоим берегам реки, между отрогами северного склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памира. Целью автора была проверить на месте сведения, сообщаемые англичанами о распространении в данной местности секты исмаиля. Расспрашивая жителей этих местностей, автор убедился, что «английские сведения вполне правдивы и что, действительно, все население края в вышепоименованных пределах принадлежит не к шиитскому толку, а секте исмаиля»².

Большая часть сведений была записана А.А.Бобринским со слов трех главарей секты, или пиров, живущих в Шугнана. Эти пиры «благодаря своему положению, позволяли себе быть откровеннее своих подчиненных»³.

В работе подполковника Эггерта⁴ селения Памира и Припамирья изучены и отражены в незначительной степени. Но при всей скудности имеющихся данных они все же помогают воссоздать типы поселений и характер расселения горцев в начале XX в.

Следует отметить, что Эггерт и другие исследователи, сообщая о селениях Памира и Припамирья, «как и большинство самих местных жителей, называли их не таджикским термином – деха, а тюркским – кишлак»⁵.

Описывая местоположения селений, автор пишет, что растительность становилась гуще и богаче по мере приближения к тем селениям, которые были расположены по берегам рек⁶. Эггерт отмечает, что в зависимости от рельефа местности и климата, одни кишлаки утопали в зелени, дома в них были расположены на более или менее значительных участках земли, на ко-

¹ Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. С.19.

² Бобринской А.А. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. М., 1902.

³ Там же. С.2.

⁴ Очерк Памиров. Генерального штаба подполковника Эггерта // Сборник материалов по Азии. СПб., 1902. Вып.76.

⁵ Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С.5-6.

⁶ Очерк Памиров...С.17.

торых имелись дворы, сады и огороды, а в других не было ни дворов, ни садов, ни огородов; дома в них были разбросаны далеко друг от друга, потому что удобных для посева мест было мало и приходилось выбирать для жилья и пашен отдельные площади¹, а в ряде случаев, в малочисленных селениях не имелось даже улицы (два-три дома с конюшнями, хлевами, кладовыми составляли одну общую постройку и напоминали своим видом небольшой замок или крепостцу). Эггерта интересовали и вопросы пищи таджиков Памира и Припамирья².

Путешественник в своей работе уделяет внимание и на духовную культуру населения, в частности на особенности и отличительные черты исмаилизма. Необходимо отметить, что население имело нередко очень приблизительное представление об исповедуемой им религии. «Забота о душе» полностью представлялась пирам, халифам и др.»³. Автор отмечает, что население не отличалось религиозностью⁴.

Проблемы семьи и семейных отношений населения Памира были в поле зрения автора. Эггерт пишет, что женщина занимала в семье приниженное по отношению к мужчине положение – она имела право, есть и пить только после мужчины. Рассказывая о выплате за невесту, он пишет: «За жену платят относительно дорого, а потому считают вполне естественным лежать, ничего не делая»⁵.

Русский исследователь В.И.Липский в 1896, 1897, и 1899 гг. участвовал в Гиссарской экспедиции. Район исследования охватывал главным образом бассейн крупных правых притоков Амударьи – Сурхана, Кафирнигана, Вахша, а также более мелких, принадлежащих системе Пянджа (Кизилсу, Ровноу, Зыгар, Хумбоу), затем бассейн р. Кашка-дарьи, некоторые притоки Зе-

¹ Очерк Памиров... С.17.

² Там же. С.16.

³ Там же. С.18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.9.

равшана. Кроме того нужно было провести этнографическое наблюдение. После возвращения в Россию В.И.Липский издал книгу «Горная Бухара»¹.

В работе наряду с географическими и геологическими вопросами дается сведения о городах, жителях Восточной Бухары, особенно Гиссарской долины. О Каратаге автор пишет: «Каратаг все таки есть не что иное, как большой кишлак, довольно грязный. В нем есть много лавок...Затем в нем бывают большие базары, куда особенно много приводят лошадей»².

Побывав в Кабадиане В.И.Липский пишет, что «Кабадиан представляет из себя обыкновенное селение, лишь больше размером...В нем есть небольшой темный базарчик и обычная маленькая глинобитная крепостца, где живет бек... В окрестностях много тутовых деревьев. Некогда Кабадиан славился своими шелковыми тканьями. Садов много»³.

Исследователь, рассказывая о материальной культуре, в частности о пище жителей Гиссарской долины отмечает, что она «чрезвычайно бедная разнообразием, страшно богатая жиром (остатки жира туземцы выпивают и вылизывают)»⁴. По сведениям ученого местное население часто употребляло молочные продукты и рисовые блюда⁵. Далее автор сообщает об обычаях приема гостей местными жителями. В.И.Липский пишет: «Угощение у туземцев начинается со сладостей, которые и подаются первыми, еле вы успеете приехать»⁶.

В третьей части своей работы В.И.Липский специальную главу посвятил описанию Каратага, Бальджуана и Куляба. О городе Кулябе пишет так: «Город не отличается от других подобных городов, напр., Кабадиана: он велик и весь в садах. В садах имеется немало превосходных огромных чинаров. Базар так же большой»⁷.

¹ Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897, 1899 годах. Ч.1-3. СПб., 1902-1905. Ч.1. С. 1-318. Ч.2. С.319-541.Ч.3. С.542-735.

² Там же. Ч.1. С.106.

³ Там же. С.308.

⁴ Там же. С.27.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ч.1. С.107.

⁷ Там же. Ч.3. С.588.

Исследователь А.Г. Серебренников в 1902 г. опубликовал статью «Памир (Краткий очерк)»¹. В ней дается краткая характеристика населения Памира. Описывая жизнь и быта, материальную и духовную культуру местного населения, как другие русские исследователи отмечает, что тяжелые условия жизни стали причиной преждевременного старения красивых женщин-таджичек Памира².

Русский ученый А.А.Семенов в 1903 г. опубликовал интересную работу «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза», целиком посвященная традиционной культуре горных таджиков³. В ней им собран и систематизирован оригинальный и редкий этнографический материал. В работе автор дает антропологическую характеристику горных таджиков. В частности, он пишет, что у них высокий и емкий череп, более короткий затылок, чем спереди, настолько брахицефалический, глаза зоркие, обыкновенно черные, коричневые, зеленые⁴. Далее он отмечает, что руки и ноги умеренной величины, кисти рук пропорциональны росту⁵. По словам ученого, горным таджикам была присуща манера медленной, неспешной ходьбы⁶.

А.А.Семенов в работе подробно останавливается на материальной культуре горцев. В частности, рассказывая об одежде, пишет, что горцы зимой сверх рубахи или халата надевали какой-нибудь рваный полушубок – пустин или чакман – местный толстый шерстяной темно-серый или черный халат. Головной убор таджика чаще всего состоял из рваной токэ – тюбетейки обычного местного типа, иногда привозимой из Бухары и Ферганы и в некоторых случаях украшенной вышивкой⁷. Советский этнограф Н.А.Кисляков, характеризуя формы тюбетейки, указывает, что типичной для горных районов была конусообразная тюбетейка с круглым околышем; такая тюбетейка прострачивалась, а в расходящиеся от ее вершины стежки, между верхом тю-

¹ Серебренников А.Г. Памир (Краткий очерк) // Ежегодник Ферганской области. Новый Маргелан, 1902. Т.1.

² Там же. С.90-158.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

⁴ Там же. С.24.

⁵ Там же. С.28.

⁶ Там же. С.27.

⁷ Там же. С.29.

бетейки и подкладкой, вставлялась для прочности свернутая в тугий валик вата-пилта; по околышу строчка шла вокруг горизонтальными рядами. Тюбетейки в большинстве случаев вышивали растительным или геометрическим орнаментом; околыш обшивали орнаментированной тесьмой шероза, из вышитой тамбурным швом¹. Женская рубашка, по сравнению с мужской, была длиннее (ниже колен), причем ворот у нее разрезан продольно до пояса, чтобы удобно было кормить детей, у девушек – горизонтальный, менее круглый, глухой, в некоторых случаях – с вышивками и форме шелковых оторочек². Женские панталоны шили часто из белой или красной бумажной ткани, очень длинными, суживающимися книзу и плотно охватывающими ногу у щиколотки³. В работе дается информация и об обуви. Среди горцев широкое распространение имели мукки. «Мукки представляют собой сапоги, - писал А.А. Семенов, - сшитые из грубой сыромятной кожи (большею частью из воловьей) с голенищами, доходящими до колен. Подошвы таких сапог лодкообразные, расширяющиеся спереди»⁴.

Некоторые подробности об украшениях женщин-горянок содержатся в этнографических очерках А.А.Семенова, который отмечал, что «женщины состоятельных семей украшают себя ожерельями (садаф) из раковин и бус, медными и серебряными серьгами (гушвор), перстнями (ангуштарин) и запястьями (дастбанд)...»⁵. Ни мазей, ни духов, ни каких-либо вообще косметических принадлежностей они не применяли. Руки и ноги красили хной.

Останавливаясь на вопросы селения и жилища, А.А.Семенов правильно отмечал, что в высокогорных кишлаках не росли деревья, и что растительность становилась все гуще и богаче по мере приближения к тем селениям, которые были расположены по берегам рек⁶. Ученый подчеркивает, что горцы выбирали места имеющие источники воды для питья и орошения полей⁷.

¹ Кисляков Н.А. Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т.1. С.601.

² Там же. С.31.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор...С.229.

⁶ Там же. С.35.

⁷ Там же. С.32.

В равнинных местностях практиковалось возведение стен из сырцовых кирпичей¹, глинобитных, а в Каратегине – и каркасных стен. Высота стен, по сообщению А.А.Семенова, в среднем не превышала «аршин трех или четырех»². (Один аршин равен 71 см. – А.В.). Он так же сообщает о форме перекрытий, о нарах и их назначений, об устройстве и значении очага в доме и др.³ Большое значение для этнографической науки имели сведения о структуре жилищ, которые подчеркивали разный социальный состав владельцев этих домов. Местная неимущая часть населения, в частности Каратегина и Дарваза, отмечал А.А.Семенов, чтобы частично избавиться от неудобств, на холодное время года перебиралась в особые зимние жилища.

Каждое зимнее помещение являлось собственностью от трех до пяти семей, ибо они строили его соединенными силами и жили в нем вместе. Отличительной чертой таких зимних помещений являлось то, что стены в них были толще, хорошо оштукатурены глиною снаружи и внутри, да и крыши лучше. По размеру они во много раз были больше обычных домов. Дверь казалась крепкой и с высокими порогами. Каждая семья на нарах занимала свое определенное место. Посредине пола, как раз под отверстием и крыше – устраивался очаг. На деревянных столбах, поддерживающих потолок, были прикреплены два-три деревянных резных подсвечника.

«Когда думаешь, - продолжает свою мысль А.А.Семенов, - что в таких хона на зиму собирается пять-шесть семей, невольно удивишься равнодушию туземца к тесноте и его невзыскательности различного рода неудобствам такой совместной многосемейной жизни»⁴.

А.А.Семенов пишет и об утвари горцев. Каждая семья имела большой чугунный котел, привезенный из Ферганы или Бухары, чугунный кумган (род чайника) для кипячения воды, кое-какую деревянную и глиняную посуду, ножи, которые мужчины носили при себе, и большие с тупым, слегка за-

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор... С.32.

² Там же.

³ Там же. С.36.

⁴ Там же. С.42-44.

гнутом концом, хозяйственные ножи – для разделения теста; имелась сыромятная кожа, на которой разделявали тесто, крошили лапшу; кожаный продовольственный мешок; большая круглая деревянная разливная ложка с изогнутой ручкой и несколько (часто одна на всю семью) ложек для еды. Принадлежностями семьи были деревянный сундук, орнаментированный резьбой и красками, шкатулка с выдвигающейся крышкой, плетенные из пшеничной соломы чемоданы – небольшие коробочки, в которых хранились ручкодельные принадлежности; круглые коробки, сплетенные из тонко настроганых еловых прутиков, украшенные геометрическими орнаментами – для хранения различных вещей, обувь, ткацкий станок, запас 5-6 светильных лучин¹.

Ученый собрал огромный материал относительно обычаев и обрядов, связанных со скотоводством, которое, как и земледелие, играло важную роль в хозяйстве таджика. А.А.Семенов справедливо отметил, что «кроме мяса, молока, масла, сметаны и прочего, скот доставляет таджику шерсть для производства грубой ткани, для зимних халатов, для изготовления чалмы, штанов и упомянутых выше узорчатых чулок, а также овчины и кожи для постелей, одежд и обуви»².

Исследователь в своей работе пишет и об охоте. По справедливому замечанию А.А.Семенова, обилие в горах дичи, как-то: козлов, медведей, зайцев, куропаток, голубей, гусей, уток издавна упрочило среди туземцев охотничий промысел³. Одежда охотника состояла из широких и толстых шерстяных штанов и теплой обуви⁴.

В работе А.А.Семенова нашли свое отражение семья и семейные отношения. В частности, он пишет о существовании на Памире больших патриархальных семей⁵. Автор отмечает, что у таджиков Припамирья по достижении 10-15 летнего возраста мальчиками и 8-12-летнего – девочками, они счита-

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор... С.38-41.

² Там же. С.61.

³ Там же. С.69.

⁴ Там же. С.30.

⁵ Там же. С.41-44.

лись совершеннолетними и могли вступать в брак¹. Согласно обычаю, в Припамирье, говорит А.А.Семенов, в большинстве случаев при заключении брака не только не спрашивали согласия венчаемых, но и часто вопреки их желанию последних обзаводили семей². На плечи женщины ложились огромные заботы о семье. В работе собран материал об обычаях и обрядах, связанных с приготовлением к рождению ребенка, с процессом рождения, об уходе и кормлении ребенка³. Далее автор останавливается на обрезании мальчиков в Каратегине и Дарвазе. Он отмечает, что там обрезание совершалось по достижении мальчиками шестилетнего возраста⁴. По случаю обрезания устраивали большое празднество, сопровождавшееся всевозможными развлечениями.

После пира и окончания игры происходила сама операция обрезания, называемая «чукбурони», «буш-хичихт», «хона-сур» и др.⁵ Ее делал специалист, который пользовался уважением и назывался в народе усто – мастер.

Представляет интерес сообщение А.А.Семенова о подготовке молодого и смелого парня: «После обряда обрезания мальчику дается лук и деревянные стрелы. Он, так сказать, с этого момента начинает готовиться быть мужем и воином. Стрельбе из лука его учат отец или же старшие сверстники. От прежних малолетних своих товарищей мальчик уже отделяется и примыкает к более старшим. Стрельба из лука составляет одну из самых любимейших детских занятий в горах»⁶. А.А.Семенов уделяет внимание и народной медицине. Однако в его работе вопросы использования лекарственных средств и способы лечения болезней, не нашли освещения. Он лишь ограничивался утверждением, что местные люди не знают лекарств и современных методов лечения. Он больше фиксировал магических приемов, применявшихся мест-

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор...С.79.

² Там же.

³ Там же. С.83-84.

⁴ Там же. С.89.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ными знахарями с целью «изгнания» болезни из тела больного или же «предохранения» человека¹.

Похороны и похоронные обряды таджиков Припамирья также описаны А.А.Семеновым. Жители Припамирья, как и вообще мусульмане, определив признаки приближения смерти человека, спешили позвать халифа для чтения умирающему в момент смерти напутственной молитвы. Халифа в таких случаях не читал, как обычно, а аккомпанируя на рубобе (струнный инструмент), пел какую-то секретную молитву.

Если смерть постигала пожилого, в особенности оставившего после себя потомство, то это считалось естественным и не вызывало горечи. Смерть младенца тоже не вызывала большого горя, ибо он умирал безгрешным, и потому не следовало плакать. После смерти покойника заворачивали в саван и клали в могилу. Размеры могил в длину и ширину соответствовали росту покойника.² Далее автор пишет о ритуале соблюдения траура³.

Вопросы духовной культуры таджиков Припамирья также рассматривались в работе. А.А.Семенов пишет о религии, народных праздниках. Он отмечает, что в Дарвазе широко отмечали религиозные праздники, а также почитали могилы святых и предков⁴. Кроме того, автор говорит о существовании пережитков доисламских религиозных верований, в частности зороастризма⁵.

А.А.Семенов подчеркивал, что на Памире не существовало никаких общепринятых мер веса и длины⁶. Далее автор пишет о том, что в Припамирье широко отмечали праздник Навруз⁷. В празднике здороваясь друг с другом, обменивались крашеными яйцами, а дети затевали разные игры⁸.

¹ Семенов А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор... С.85, 93-94.

² Там же. С.96.

³ Его же. Данный вопрос рассмотрен так же в статье А.Е.Снесарева «Религия и обычаи горцев Западного Памира» // Туркестанские ведомости. 1904. № 89-90.

⁴ Там же. С.94.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.63.

⁷ Там же. С.90.

⁸ Там же. С.90-92.

Необходимо подчеркнуть, что работа А.А.Семенова одна из первых и важных исследований о традиционной культуре горных таджиков в дореволюционное время.

Русский исследователь Б.В.Станкевич после написания и опубликования своего вышеназванного «Отчета о командировке в Закаспийский край и на Памир»¹, написал интересную работу «По Памиру (Путевые заметки)»². В ней приводится большое количество материала о внешнем виде таджиков Памира, их образе жизни. В частности, автор пишет, что таджики Памира по наружному виду производили приятное впечатление³. Далее он отмечает от-важность таджиков верховьев Пянджа⁴.

Рассказывая об одежде таджиков Памира, автор подчеркивает, что из-за отсутствия хлопка на Памире одежду, в том числе халаты шили в основном из местной грубой шерстяной материи⁵.

Большой интерес представляют сведения о селениях и жилищах населения Памира и Припамирья⁶.

Автор уделяет внимание и к вопросам семьи и семейных отношений таджиков Памира. Они жили не только большими семьями в отдельных домах⁷, но представители одной патриархальной семьи населяли отдельные кишлаки. Автор подчеркивает, что женщина не имела никаких прав в доме мужа, а за обнаружение любовной связи с чужими мужчинами ее убивали, а труп бросали в Пяндж, Бартанг, Гунт или в другую реку⁸.

Исследователя интересовала и духовная культура таджиков верховьев Пянджа, в частности религия и праздники. Он, как и другие ученые, посетившие Памир, пришел к выводу, что в верховьях Пянджа распространился исмаилизм, однако население не отличалось религиозностью⁹.

¹ Станкевич Б.В. Отчет о командировке в Закаспийский край и на Памир. Варшава, 1900.

² Его же. По Памиру (Путевые заметки). СПб., 1904.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С.75.

⁵ Там же. С.76.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.120.

⁹ Там же. С.75.

В работе Б.В.Станкевича определенное место занимают памирские языки. Он отмечает, что ваханцы отличаются от рушанцев и шугнанцев по своему языку¹.

Русский исследователь, знаток истории и культуры народов Средней Азии А.Е.Снесарев в газете «Туркестанские ведомости» в 1904 г. опубликовал интересную статью «Религия и обычаи горцев Западного Памира»². Автор в начале статьи, давая характеристику таджикам верховьев Пянджа, отмечает их энергичность³. В статье он, останавливаясь на их одежде, отмечает, что местные ткани сравнительно редко окрашивали в полосатый или клетчатый цвет; большей частью их изготовляли серого и черного цвета⁴.

Рассказывая о религии таджиков Западного Памира, автор говорит о том, что среди них имел распространение исмаилизм⁵. Кроме того он сообщает о существовании среди населения остатков огнепоклонства⁶.

А.Е.Снесаров в другой своей работе «Восточная Бухара (военно-географический очерк)»⁷ дает важные военно-географические и статистические сведения о горных бекствах Восточной Бухары. Автор дает характеристику населения, сельского хозяйства, указывает количество скота. В работе также содержатся данные о быте скотоводов.

В 1904 г. была опубликована статья В.Н.Никольского «Прогулка по Памиру»⁸. В начале работы автор останавливается на описании жилища горцев. Приводятся данные о строительстве домов, их форм⁹.

Автор, рассматривая одежду горцев, отмечал, что ее составляли различные халаты. Все халаты по форме покрою были одинаковыми, однако они

¹ Станкеви Б.В. По Памиру... С.128.

² Снесарев А.Е.Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 89-90.

³ Там же. №90.

⁴ Там же. №89.

⁵ Там же. № 90.

⁶ Там же.

⁷ Его же. Восточная Бухара (военно-статистический очерк) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1906. Вып. XXIX.

⁸ Никольский В.Н. Прогулка по Памиру // Ежегодник русского горного общества. 1902. СПб., 1904.

⁹ Там же. С.25.

отличались качеством материала, который соответствовал определенному социально-классовому уровню их хозяев¹.

Видный русский этнограф М.С.Андреев в 1905 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал небольшую статью «Блины в Припамирских странах»². В ней справедливо отмечается, что в верховьях Аму-Дарьи, в глухих замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, ввиду их труднодоступности и изолированности, сохранились остатки древней культуры и быта – сокровищницы для науки, для понимания жизни далекого прошлого, функционировавшего когда-то на равнинах Средней Азии³. В статье рассматриваются и памирские языки. М.С.Андреев в этой статье и других первоначальных статьях внес большой вклад в изучении языков и диалектов памирских и припамирских народностей. Лингвистика в его представлении являлась не только историческим источником в изучении прошлого таджикского народа. Она помогала установить наличие значительного числа памирских языков⁴.

Путешественник Б.Л.Тагеев (Рустам-бек) после путешествия по Алайской долине и Памиру, в 1905 г. опубликовал работу «Через Алай и Памир. Очерк путешествий по Памиру»⁵. В ней даются очень интересные сведения этнографического характера. Автора, прежде всего, интересовали антропологические черты таджиков Памира и Припамирья. Лица пожилых таджиков, обрамленные густою бородою, захватывающей почти все щеки до скул и подбородок до самой нижней губы изрезаны глубокими морщинами и производили с первого раза впечатление чего-то слишком сурового, при ближайшем знакомстве с ними это впечатление скоро совершенно изменилось. И под суровой неприветливостью наружности виделись весьма симпатичные черты добродушного и мирного хлебопашца, которые располагали в свою пользу всякого. Почти все горцы брили голову, носили усы и бороды и лишь

¹ Никольский В.Н. Прогулка по Памиру... С.40.

² Андреев М.С. Блины в Припамирских странах // Туркестанские ведомости. 1905. №32.

³ Там же. №32.

⁴ Там же.

⁵ Тагеев Б.Л. Через Алай и Памир. Очерк путешествий по Памиру. М., 1905.

немногие из них, в основном молодежь носили длинные волосы на голове¹. Можно было встретить стариков с большими, складистыми седыми густыми бородами, которые придавали им степенный вид «древних библейских старцев»². Он отмечает красоту женщин-таджичек Памира и Припамирья³.

Автор останавливается и на занятиях горцев, в частности на охоте. Горный козел был наиболее распространенным и ценным объектом охоты⁴, и потому с ним было связано так много легенд, рассказов, поверий и обычаев.⁵ Автор пишет также об охоте на птиц⁶.

Б.Л.Тагеев также приводит материал о языках ваханцев. Он пишет: «Речь ваханцев до того мелодична, что вам кажется, будто перед вами одичалые французы, и, только хорошо вслушавшись, вы отличите азиатское наречие»⁷.

В 1905 г. в газете «Туркестанские ведомости» появилась статья русского чиновника Н.А.Бендерского «Гиссарское бекство»⁸. В ней автор дает сведения о социаль-экономическом положении бекства, его населении. Рассказывая о сельском хозяйстве, в частности он утверждал, что «в Гиссарской долине множество арыков. Очень хорошо обрабатывается и производит злаки Средней Азии, в особенности рис и ячмень. Поэтому долину эту можно назвать житницей Восточной Бухары»⁹.

А.А.Бобринской, неоднократно посетивший Памир и Припамирья, в 1908 г. опубликовал работу «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта»¹⁰. Она состоит из семнадцати глав: «Общий очерк верховьев Пянджа»; «Горцы Вахана и Ишкашима»; «Предания соседних горцев (Бухары и Зерафшанской долины)»; «Страны, окаймляющие горы»; «По поводу

¹ Тагеев Б.Л. Через Алай и Памир... С.41.

² Там же. С.37.

³ Там же. С.37,46.

⁴ Там же. С.20-21.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.41.

⁷ Там же.

⁸ Бендерский Н.А. Гиссарское бекство // Туркестанские ведомости. 1905. №42; см. также его статью «О Гиссарском крае» // Известия ТОРГО. 1907. Т.7. С.153.

⁹ Там же.

¹⁰ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта. М., 1908.

заселения гор»; «Общая характеристика совершенного населения гор»; «Из недавнего прошлого Вахана»; «О мирах Вахана»; «Кишлаки»; «Земледелие»; «Кустарные промыслы и торговля»; «Свадьба. Рождение»; «Новый год, календарь, земледельческие праздники»; «Суеверия, духи, мифы»; «Священные камни»; «Мазары. Надписи на камнях, камни-драконы»; «Развалины замков, башен, пещеры». В главе шестой автор дает характеристику современному ему населению: «В беседах с нами, - пишет он, - горцы любили всегда подчеркивать свои иранские связи или иранское происхождение, во что, по видимому, они верят. Называют они себя Ирани, иногда прибавляя к этому названию Таджик. При этом часто говорили: мы такие же Таджики, как и жители, Дарваза...»¹. Далее автор останавливается на антропологическом типе горных таджиков: «Общие физические признаки, которыми простой наблюдатель, не антрополог, может охарактеризовать население гор в пределах между Гиндукушем и Зарафшанскими хребтами, незначительны. Привожу их: сравнительно большой рост, сухопарость, длинные конечности с небольшими узкими ступенями ног и с подобными ладонями рук, длинные пальцы на руках и ногах, малоразвитые икры ног. Вообще общий склад более изящен, чем коренаст; толстые, угловатые короткие типы среди горцев встречаются крайне редко, а толстых мы никогда не встречали. Лица у горцев скорее продолговатые, обыкновенно с глубоко сидящими глазами и с выдающимися носами; носы часто с горбиной и тогда очень тонки, иногда без горбины и тогда длинные, раздающиеся книзу у больших ноздрей; при этом в первом случае преобладают тонкие губы, во втором – толстые; иногда попадаются носы широкие, расплывчатые, с тупым окончанием; уши у многих несколько отстают от головы; попадаются скуластые. Глаза обыкновенно коричневые, зеленые, серые, очень редко голубые. Растительность обыкновенно на лице и на голове обыкновенно густая, чаще темно-каштанового, реже черного цвета; изредка волоса более светлых оттенков, очень редко вполне белокурые. На груди растительность незначительная, у некоторых типов, больше у белоку-

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.46.

рых и у очень смуглых растительности на теле почти никакой. Лица, конечно, сильно загорелы; загар обыкновенно коричневый; темно – смуглых встречали редко; также редко встречали красный загар. Горец крайне вынослив в ходьбе, в своих движениях свободен, ловок и изящен»¹.

А.А.Бобринской с большим тактом пишет о высоком чувстве человеческого достоинства горцев, об их тонкой чувствительной душе. И даже «враждовавшие мелкие полусамостоятельные миры, беки, хакимы, владевшие отдельными волостями, на которые разбиты были горы, не могли своим гнетом, притеснениями, обидами и грабежами убить в горах чувство человеческого достоинства, хотя горцы подчас и выглядят несколько забитыми. Но все же постоянное общение с природою, постоянное пребывание лицом к лицу с действительностью сохранили в нем прирожденный неискалеченному человеку простор, здравый смысл и животворящую философию здорового, уравновешенного человека. Здесь, в горах, в беседах с горцами, заметил я, несколько у них, у людей, живущих в своей родной, человеческой обстановке, сильно и тонко развиты чувства, насколько и быстро и хорошо понимают (они) своим объективным, живым рассудком человека и его душевный склад, насколько чутко схватывают малейшие изменения, все перемены его душевного настроения»². Он пишет, что из духовных признаков, общих горцам, можно отметить тихий, миролюбивый нрав, честность и любовь к семье, к детям³.

А.А.Бобринского интересовала и одежда горцев. Она состояла из шерстяного тканого, прочной работы халата (на Пяндже называли чекмен или чапан). Шерсть, употребляемая на халаты, не красили, естественный ее цвет был коричневый, в верховьях Пянджа часто белый и серый; халат опоясывали кушаком. Под халатом одевали грубое хлопчатобумажное или шерстяное белье. Бедные надевали халат прямо на голое тело без рубахи. Рубахи носили без воротников, ворота часто закреплялись по старому фасону на левую

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.47.

² Там же. С.50.

³ Там же. С.48.

сторону; панталоны широкие наверху и несколько суживающиеся книзу. На ноги, смотря по местности, или вязаные чулки, которые носили часто по две, по три пары, или же нечто вроде онучей. Автор далее пишет: «Сверх чулок мягкие кожаные сапоги, доходящие до половины икр (в Вахане по колено); сапоги у подъема обвязываются шерстяною вязаною из белой бумаги; зимою же и вообще в холодную погоду там же носят шерстяную тканую шапку: вяжется она колпаком, для ношения заворачивается до превращения ее в плоский блин, называют ее «пакуль». Зимою сверх халата (чекмен – чапан) надевается одинаково с ним покрыва меховой нагольный халат.

Женщины дома ходили в длинной широкой рубахе бумажной или шерстяной, из-под рубахи виднеется низ панталон, довольно туго охватывающий ногу у щиколотки. На голове женщины носили небольшую плоскую тюбетейку, сверх тюбетейки, особенно для выхода из дома, набрасывался платок размеров, концы которого свешивали по спине, несколько прикрывая только затылок и косы»¹.

В холодную погоду, а также для выхода из дома женщины надевали халаты большей частью шерстяные, наподобие мужских халатов.

Рассказывая о религии горных таджиков, автор пишет: «В горах Зеравшана, Каратегина и Дарваза горцы официально исповедывают суннизм, но есть основание предполагать, что в некоторых кишлаках Зеравшана есть шииты. В Дарвазе в двух, трех кишлаках живут шииты и последователи секты исмаилья. Все население Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рошана принадлежит к секте исмаилья»².

В главе девятой автор пишет о кишлаках Памира. По его словам, кишлаки находились обычно по смывам, нанесенным горными потоками, стекавшими в Пяндж с хребтов. Кишлаки в Вахане, в средней его части, по правому берегу, Пянджа были очень невелики и состояли обыкновенно из двух, трех домов, не отдельно стоявших, а как бы прилепленных один к другому. Два,

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.51.

² Там же. С.54.

три дома с конюшнями, хлевами, кладовыми составляли одну общую постройку и напоминали своим видом небольшой замок¹. Далее автор пишет: «В Вахане и Ишкашине большая часть домов построена из камня на глине, сплошные стены без окон иногда обмазаны глиной. Обыкновенно единственным отверстием в стенах бывает входная дверь, одна на весь дом с пристройками. Крыши, конечно плоские, с небольшим выступом по переднему фасаду. На крышах везде виднеются шалаши, в которых горцы в летнее время ночуют... На крышах же обыкновенно горцы хранят дрова, солому и т.д.»². А.А.Бобринской останавливается на устройстве и назначении очага в доме³. Горцы рядом с домом строили хозяйственные постройки, в частности специальные ямы для хранения зерна⁴. В описанных выше припамирских жилищах жили члены большой патриархальной семьи⁵.

Десятая глава работы посвящена земледелию ваханцев и ишкашимцев, обычаям и обрядам, связанным с ним. А.А.Бобринской пишет: «Начинают посев в апреле, в следующем порядке: ячмень, бобы, пшеница. Весь посев кончается в три недели. В половине августа поспевают ячмень, в сентябре – пшеница, просо и горох. Ниже по Пянджу хлеба поспевают несколькими днями раньше. В Ишкашине и ниже, т.е. в Гороне, Шугнани и Рушани весной производят посев ячменя в два срока, с месячным промежутком. Первый посев – как только земля частью освободится от снега, в марте месяце. Ячмень первого посева поспевают в половине июля»⁶. Далее автор останавливается на других сельскохозяйственных культурах, как люцерна, пшеница, табак, лен. А.А.Бобринской отмечает, что лен сеяли только для масла, употребляли её для освещения и для еды. Высушенные стебли льна употреблялись для подстилки под постели⁷. «Несмотря на разнообразие возделываемых растений, - пишет А.А.Бобринской, - многие горцы в Вахане, где, в общем, они на много

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С. 71.

² Там же. С.72.

³ Там же. С.75.

⁴ Там же. С.76.

⁵ Там же. С.78-80.

⁶ Там же. С.81.

⁷ Там же.

зажиточнее остальных горцев долины Пянджа, живут по временам впроголодь. По их словам, не многим хватает хлеба на весь год. Обыкновенно два-три месяца приходится без него; только более зажиточные сохраняют небольшое количество муки до весны и начала лета, но не для хлеба, а для посылки в варево или похлебку, которую горцы пробавляются всю весну и часть лета. Похлебка эта в летнее время состоит из простого отвара листьев горчицы, в остальное время года она более сытная: делается из пшеницы, ячменя, бобов, гороха, с прибавкой масла, редко мяса с неизбежным горчичным пастом. Мясо едят в исключительных случаях. Режут барана по случаю какого-нибудь праздника: свадьбы, рождения, обрезания»¹.

В главе одиннадцатой автор пишет о кустарных промыслах и торговле, в частности дает сведения о ткачестве, вязании, гончарстве, плотничестве и других отраслях ремесла, которые были распространены среди горцев. Ткачеством в основном занимались мужчины. По этому поводу А.А.Бобринской пишет: «Мужчины же ткут очень грубые и удивительно прочные, полосатые, белые с черным паласы»². Женщины занимались вязанием узорчатых чулок, а также изготовлением глиняной посуды³.

Большое место в работе занимает описание вопросов семьи и семейных отношений, в частности свадьбы, рождения и воспитания ребенка. В данной главе автор подробно останавливается на описании свадебного церемониала, обычаев и обрядов, связанных с ними. По словам ученого, девочки довольно часто выходили замуж уже в 7 лет, мальчиков иногда женили в 10 лет. Автор пишет: «Отец, желающий женить своего сына, отправляется с тремя родственниками в дом, уже заранее им намеченный, где у него имеется на примете невеста, в возрасте от 7 до 15 лет. После различных окольных, ничего не значащих разговоров, гости, наконец, высказывают отцу девушки причину своего посещения – желание посватать дочь такого-то к сыну такого-то»⁴. Далее

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.82.

² Там же. С.82.

³ Там же. С.84-85.

⁴ Там же. С.89.

автор отмечает, что после того как сторона невесты дала свое согласие, договариваются о порядке раздела свадебных подарков между родителями невесты, о взимании выкупа за невесту – «калым», «хаки шир», т.е. «платы за молоко матери», платы жене «за потери девственности», свадебной церемонии и т.д.¹ Перед самой свадьбой в доме жениха устраивали туй (праздник), участвовали в нем много гостей, и каждый из них приносил по несколько кусков карбаса или ситца.

В Шугнанае существовал обряд – при водворении молодой в доме мужа, мать последнего осыпала обеих мукою².

А.А.Бобринской рассматривает также вопросы рождения и воспитания детей, в частности о торжественном угощении по случаю рождения сына³.

Последующие главы посвящены новому году, календарю и земледельческим праздникам, суевериям, духам, мифам, священным местам и т.д.

В работе имеется материал и о календаре и счете времени на Памире. Наиболее интересным является исчисление времени припамирскими горцами на человеческом теле. Они считали, что солнце свой годовой путь совершает по различным частям тела человека, находясь в его сердце к началу года, в день весеннего равноденствия. Поэтому календарю год состоял из двух циклов счета на частях тела человека: (с ног до головы и обратно) по 96 дней каждый – 192 дня; весенней и летней чилли – 46 и 44 дня (в итоге 90 дней), всего – 364 дня⁴.

А.А.Бобринской сообщает о существовании такого календаря в Шугнанае⁵. Автор пишет и о мерах длины и веса. По его словам, мера объема, которой ваханцы и ишкашимцы измеряли сыпучие тела, называлась большой «пор». По весу, при тяжелом зерне, пор делился на два средних пор, а, на ма-

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.89.

² Там же. С.93.

³ Там же. С.94-96.

⁴ Там же. С.111-116. Подробнее об этом см.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Душанбе, 1957. Вып.2. С.53-170.

⁵ Там же. С.98-99.

леньких порна 12 джам (джам – количество зерна, помещающегося в одной тюбетейке) и на 48 горстей¹.

Большое место в работе занимает описание песен, танцев, музыки, фольклора таджиков верховьев Пянджа. Известно, что во время свадьбы и в праздничные дни люди танцевали, пели песни, часто устраивались состязания. Он сообщает о распространении среди горцев такие музыкальные инструменты, как рубоб, най, ситор, дутар и др.²

А.А.Бобринской останавливается и на описании различных народных праздников, как Навруз, начала посева, жатвы и т.п.³ В Новый год в Ишкашине белили дома мукою, играли в гуйбози (игра в поло), устраивали качели, устраивались пляски мужчин (женщинам танцевать не полагалась) и т.д.

В Гунте в Новый год вводили в дом осла, которого сзади подгонял человек, певший песню: «Вот привел я вам Новый год». В осла и человека бросали пригоршнями муку. В доме в одном углу клали солому, в другом – ячмень; если осел, подходил к соломе, то это считалось как предзнаменование плохого года, если к ячмени – то год должен был быть хороший. Если не было осла, то в дом вводили барана или корову.

Русский исследователь и путешественник Н.Л.Корженевский в 1909 г. посетил Памир и после возвращения в Россию написал довольно интересную работу «Очерк Памира»⁴, в которой наряду с социально-экономическими вопросами, собирал много материала этнографического характера. Автора, прежде всего, интересовал антропологический тип таджиков Памира. Он отмечал, что они очень стройны и гибки⁵.

В работе Н.Л.Корженевского имеются сведения и о духовной культуре, в частности о народной игре – скачках, козлодрании и др.⁶

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. С.178.

² Там же. С.76.

³ Там же. С.101-102

⁴ Корженевский Н.Л. Очерк Памира // Труды Общества земледелия императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1909. Т.2. С.25-40.

⁵ Там же. С.26

⁶ Там же. С.30-35.

Русский чиновник Д.И.Логофет написал несколько интересных работ, посвященных бекствам и народам Бухарского эмирата. В частности, в результате сбора материала о Кулябском бекстве, в 1905 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал маленькую статью «Кулябское бекство и его население»¹. Статья является первой попыткой дать сведения о населении этой местности. В ней имеются данные об этническом составе населения, его занятиях и некоторых сторонах семейного и общественного быта.

В 1909 г. была издана книга Д.И.Логофета «Страна бесправия»². Она состоит из двадцати одной главы и посвящена различным вопросам истории, экономики, административного устройства, податной системы, внутренней и внешней политики Бухарского ханства. Для этнографа важными являются четвертая глава «Население», восьмая «Промышленность», девятая «Земледелие и скотоводство». В главе «Население» автор отмечает, что самой населенной частью страны были долины рек Зеравшана, Кашка-Дарьи, Аму-Дарьи, а также верховья Сурхана, Кафирнигана и Кизил-Су³. Говоря о городах ханства, он пишет: «По числу населения самыми значительными кроме г.Бухары являются города: Карши, Шахрисябз, Гисар, Гузар, Бальджуан, Чарджуй, Керки, Куляб»⁴.

В главе «Промышленность» Д.И.Логофет отмечает, что в ханстве развивались ткачество, железоделательное дело, горное дело, особенно разработка золота, серебра, железа и меди⁵. Что касается земледелия и скотоводства, по словам автора, в ханстве земледелие развивалось больше всего в восточной части страны и население «засевая главным образом пшеницу, ячмень и лен на высотах, внизу при искусственном орошении с помощью арыков...сеют джунгару, просо, кунжут и хлопок»⁶. Далее он останавливается на описании

¹ Логофет Д.И. Кулябское бекство и его население // Туркестанские ведомости. 1905. №11.

² Его же. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.

³ Там же. С.39.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.77.

⁶ Там же. С.84-85.

виноградарства и садоводства. В данной главе большое внимание уделено развитию скотоводства, особенно овцеводства и верблюдоводства¹.

В 1911 г. увидела свет другая работа исследователя « Бухарское ханство под русским протекторатом»². Автор наряду со многими экономическими и политическими вопросами, в своей работе писал о жизни и быте населения Восточной Бухары и Памира. В первую очередь, указывая на антропологический тип горных таджиков, отмечает, что таджики Вахие высокого роста и крепкого телосложения. В шестой главе автор останавливается на этническом составе населения Восточной Бухары и Памира. Согласно наблюдениям Д.Н.Логофета, в начале XX в. все население, живущее на Бухарской территории, состояло из «нижеследующих народов: 1) узбеки, 2) таджики, 3) киргизы, 4) туркмены, 5) арабы, 6) гальча, 7) хазара, 8) афганцы, 9) евреи, 10) индусы, 11) русские и 12) цыгане»³. Давая сведения о каждом из них, о таджиках в частности писал: «Являясь представителями коренного населения страны, таджики рассеяны по всему Бухарскому ханству, но главная их масса живет в Дарвазском, Каратегинском, Кулябском, Бальджуанском и частью в Байсунском, Кабадианском, Якки-Багском бекствах»⁴.

Д.Н.Логофет подчеркивает, что «живя среди труднодоступных гор, таджики сохранили в чистом виде свой язык и древние обычаи,...что это замечается в особенности резко в Дарвазе и Каратегине; таджики – же Бальджуанского, Кулябского и Гиссарского бекств в значительной степени ассимилировались с другими народностями»⁵. Далее он утверждает, что в некоторых местах таджики, проживая по соседству с кочевниками киргизами в Каратегинском и отчасти в Кулябском бекствах усваивали некоторые характерные особенности кочевой жизни»⁶.

¹ Логофет Д.И. Страна бесправия... С.86-89.

² Его же. Бухарское ханство под русским протекторатом. М, 1911. Т.1.

³ Там же. С.151.

⁴ Там же. С.157.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.158.

Останавливаясь и на внешнем, физическом облике горных таджичек, Д.Н.Логофет пишет: «Женщины ходят с открытыми лицами, и среди них встречается много красивых лиц с правильными чертами лица. Общий тип таджиков: средний рост, крепкое телосложение, с правильно развитою грудью и сильною мускулатурою. Волосы густые, преимущественно темного цвета, но встречается много рыжих, светло-русых с серыми и голубыми глазами. Лица правильные и выразительные, с широким открытым лбом, с прямым крупным носом»¹.

В работе рассказывается о состоянии сельского хозяйства в Восточной Бухаре. Д.И.Логофет отмечает, что таджики были по преимуществу земледельцы и выращивали пшеницу, джугару, просо, кунжут, лен, хлопок, люцерну, рис, овес, рожь, кукурузу, чечевицу, табак и др. растений². Автор, также дает сведения о развитии овощеводства³, бахчеводства⁴, виноградарства и садоводства⁵ в Восточной Бухаре.

Скотоводство также нашло свое отражение в работе ученого. Автор подчеркивает, что в Бухарском ханстве больше всего развивалось овцеводство, и этим занимались в основном кочевники. Таджики мало занимались этим видом деятельности. По этому поводу автор пишет: «Таджики по преимуществу земледельцы и скотоводством занимаются сравнительно мало, отчасти благодаря отсутствию хороших пастбищ на хребтах гор, где ими распахивается почти каждый удобный клочок земли под посевы, и лишь в тех местах, где встречаются в долинах привольные пастбища, таджики оказываются хорошими скотоводами»⁶. Необходимо отметить, что проживая постоянно в кишлаках, таджики никогда не селились в одиночку, лишь в исключительных случаях, только тогда, когда не было возможности заниматься земледелием, они прибегали, как подспорьем в своем хозяйстве, как промыслам и ремес-

¹ Логофет Д.И. Бухарское ханство под русским протекторатом. С.158-159.

² Там же. С.96-98.

³ Там же. С.101.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.104.

⁶ Там же. С.157.

лам, что особенно замечалось в Дарвазе и Каратегине, где вследствие недостатка пахотной земли, таджики мыли золото по рекам и ручьям, разводили в большом количестве коз, и ходили в соседние бекства, а также и в Ферганскую область на заработки¹.

Останавливаясь на ремесленном производстве, Д.Н.Логофет пишет, что в Восточной Бухаре, особенно в Кабадианском и Кулябском бекствах развивались такие отрасли ремесленного производства, как коврово-кошемное, шелковое иполушелковое, кожевенное, кузнечное, гончарное, золотошвейное, сапожное, серебряное и медно-чеканное, мукомольное, красильное мыловаренноеи свечное, а также резьба по дереву². Согласно сведениям автора, часть местного населения Кабадианского бекства выделявала кошмы, грубые паласы, капы (мешки), подпруги для седел, а также грубые сорта сукна из бараньей и армячину из верблюжьей шерсти³.

Рассказывая о менталитете таджиков, автор отмечает, что благодаря изолированности от жителей долин и городов, таджики сохранили чистоту своих нравов, в силу чего же до сих пор среди них не встречается воровство, скот пасется без присмотра, сакли не запираются и преступность среди них сравнительно ниже⁴.

Описывая материальную культуру горных таджиков, в частности селения и жилищ, автор отмечает, что таджикские жилища в селениях построены преимущественно из камня на глиняной кладке с двускатными соломенными или камышовыми крышами. Здания низкие, без окон с одною лишь входною дверью. Вокруг делался загон для скота, в виде невысокой каменной или глинобитной стены⁵.

Одежду таджиков составляли рубахи и шаровары из хлопчатобумажной материи, халат из грубого сукна, чалма и чумбусы (род башмаков из мягкой кожи).

¹ Логофет Д.И. Бухарское ханство под русским протекторатом. С.157.

² Там же. С.263-306.

³ Там же. С.271.

⁴ Там же. С.159-160.

⁵ Там же. С.160.

Главными пищевыми продуктами служили молоко, кислое молоко (катык), лепешки из пшеничной муки и тут. Мясо употребляли в пищу крайне редко¹.

Касательно языка и наречий горных таджиков Д.Н.Логофет пишет: «Главных наречий таджикского языка считается три: каратегинское – являющиеся бадахшанским наречием персидского языка; Дарвазское – уже значительно отклонившееся, с добавлением многих слов Ваханского языка, и Шугнанское – еще более отличающееся от двух первых»².

Давая сведения о горных жителях Восточной Бухары – гальча, он подчеркивает, что представляя значительную часть населения горной Бухары, гальча одними учеными причисляется к таджикам и признается племенем иранского происхождения, в то же время другими выделяется в особое племя³. «Своеобразный же тип гальча, резко отличающийся их от таджиков, – пишет автор, – ставит в необходимость выделить из этого племени. Живя в Каратегинском и Дарвазском бекствах, гальча селится особыми кишлаками, не смешиваясь с таджиками и считая себя племенем. Рыжеволосые, русые и светлые блондины с серыми и голубыми глазами, они сохранили в своих глухих горных долинах многие древние обычаи, говоря на особом наречии, в которое входит большое число слов из персидского языка»⁴. Представители гальча в основном занимались земледелием и скотоводством. По вероисповеданию они были последователями исмаилизма⁵.

Большой интерес представляет другая работа Д.Н.Логофета «В горах и равнинах Бухары (Очерки Средней Азии)»⁶, которая была опубликована в 1913 г. В ней автор описывает антропологический тип горных таджиков и отмечает, что они крепкого телосложения⁷. Автор пишет: «Таджики – чистые арийцы. Говорят на древнем фарсийском (персидском) языке. Тадж (ко-

¹ Логофет Д.И. Бухарское ханство под русским протекторатом. С.161.

² Там же. С.176.

³ Там же.

⁴ Там же. С.177.

⁵ Там же.

⁶ Его же. В горах и равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). СПб., 1913.

⁷ Там же. С.345.

рона), это название было присвоено аборигенам страны. Сохранив в полной чистоте свой тип и язык, они живут почти исключительно в труднодоступных горных местах Восточной Бухары, занимаясь земледелием. Лишь редкие из них уходят со своих насиженных мест в долины и города... В этнографическом отношении народности Восточной Бухары представляют собою много интересного для исследователя, так как здесь встречаются остатки древних македонцев, славян и галлов, поселившихся в свое время в Рушане, Вахане и Шугнане – местах и по настоящее время почти неизвестных европейцам»¹.

Рассказывая о религии населения верховьев Пянджа, автор, как и другие русские исследователи, отмечает, что среди горных таджиков сохранились остатки доисламских религиозных верований, в частности анимистические верования².

В том же году была опубликована статья Д.Н.Логофета « В долинах рек Хингоу и Арзынга. (Путевые очерки по Восточной Бухаре)»³.

Описывая религию населения верховьев Пянджа, автор, как и другие исследователи, подчеркивает, что среди горных таджиков распространился исмаилизм⁴. Он подчеркивает, что не во всех селениях имелись мечети⁵. Эти сведения свидетельствуют о том, что население строго не соблюдало религиозные каноны. В статье отмечается бытование среди таджиков Памира и Припамирья пережитки буддизма⁶.

Д.Н.Логофета интересовали и народные игры, искусство, в частности песни, танцы, музыкальные состязания местного населения. Известно, что во время свадьбы и в праздничные дни люди танцевали, пели песни, часто устраивали состязания музыкантов⁷. Среди игр, он заметил такие, в которые иг-

¹ Логофет Д.И. В горах и равнинах Бухары...С. 266.

² Там же. С.364-365.

³ Его же. В долинах рек Хингоу и Арзынга (Путевые очерки по Восточной Бухаре) // Военный сборник. 1913. № 3.

⁴ Там же. С.173.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.189-204.

рали только мальчики, или же, девочки, в других участвовали взрослые; он описывает разницу игры по временам года и т.д. Были известны игра с бросанием камней в цель, игра с тубетейкой, взятие крепости, игра в прятки, в камешки, в мяч, бой птиц и животных и др.

Вопросы семьи и семейных отношений также не остались в не поле зрения автора. Он пишет и о сватовстве, помолвке и свадебной процессии, калыме и т.д. среди таджиков Памира и Припамирья, в частности Хингоу¹.

В 1910 г. в городе Ташкенте была опубликована работа А.П.Разгонова «По Восточной Бухаре и Памиру»². Автора интересовал образ жизни населения верховьев Пянджа. Почему то, несколько предвзято пишет о населении Дарваза: «Население Дарваза, - пишет он, - таджики, поразившие нас своею первобытностью и необычайной бедностью. Люди одеты в рубища и имеют вид жалких нищих... На них некоторые остатки одежды из какой-то грубой коричневой шерстяной ткани. Живут эти бедняки в саклях из камней. Женщины их ходят в длинных белых рубахах до того грязных, что ничего грязнее и представить себе нельзя»³.

Важную часть пищи населения составляли ягоды тута⁴. Далее автор отмечает, что «население летовок исключительно женщины и старики, потому что все мужчины летом в кишлаках работали в поле»⁵.

О населении верховьев Пянджа исследователь пишет следующее: «По Пянджу и Ванчу население – оседлые таджики – частью шииты, частью сунниты. Главное занятие их земледелие. Сеют то же, что и в северном Дарвазе: пшеницу, ячмень, просо, клевер, хлопок и т.п. Риса не видно, его здесь получают из Бадахшана. Тут является у всего припянджского населения серьезным подспорьем пропитания, которое тоже отличается бедностью, почему ни на какие продовольственные средства для большого отряда и здесь расчи-

¹ Логофет Д.И. В долинах рек Хингоу и Арзынга. С.189-204.

² Разгонов А.П. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910.

³ Там же. С.30.

⁴ Там же. С.34.

⁵ Там же. С.37.

тывать нельзя»¹. По словам автора от Хорога до Лянгара в основном жили таджики. В Вахане на население оказывала влияние северо-индийская культура. Далее исследователь пишет, что население долины Пянджа от Памира тоже таджики. Выше по реке – шииты - исмаилиты; чем дальше на запад – больше суннитов. От Калаи Хумба до Загара исключительно сунниты. Обычай и обряды исмаилитов и суннитов отличались².

Рассказывая о пище населения, автор пишет: «Тут употреблялся в пищу сушеными или в натуральном виде или в виде тутовой муки, из которой делают иногда даже хлеба»³.

Русский исследователь Н. Косиненко в 1911 г. на заседании Туркестанского отдела Русского географического общества выступил с докладом о своих поездках на Памир и Восточную Бухару⁴. В докладе приводил большое количество сведений о хозяйственной деятельности населения, его материальной и духовной культуре. В частности отметил, что таджики Памира в большинстве случаев не отмечали религиозные праздники. Тем не менее, они высоко почитали могилы «святых» и предков⁵.

Известный русский этнограф М.С.Андреев в 1911 г. совместно с А.А.Половцовым опубликовал работу «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан»⁶. Она посвящена таджикам Памира. В ней авторы останавливаются на вопросах семьи и семейных отношений, в частности на существовании больших патриархальных семей. Они отмечают, что в большую патриархальную семью входили деды, отцы и матери, братья с женами, детьми, внуками и т.д.⁷

¹ Там же. С.50-51.

² Разгонов А.П. По Восточной Бухаре и Памиру. С.86.

³ Там же. С.149.

⁴ Косиненко Н. О поездках на Памиры и Восточную Бухару // Извлечение из доклада. Известия Туркестанского отдела РГО. 1911. Т.8.

⁵ Там же. С.13-21.

⁶ Андреев М.С. и Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник Музея по антропологии и этнографии им. Петра Великого при Российской академии наук. СПб., 1911. Т.IX.

⁷ Там же. С.20.

В работе рассматривается и материальная культура, в частности жилище, одежда и пища горных таджиков. Они, как и другие русские исследователи, подчеркивали скудость пищи таджиков Памира¹.

Далее исследователи пишут об обычаях и обрядах, связанных с земледелием, в частности с жатвой злаков и трав, переносом сжатых хлебов на гумне, молотью и уборкой урожая с гумна².

Исследователей интересовали календарь и исчисление времени памирцев на человеческом теле³.

Кроме названия времен года, месяцев, ученые приводят факты о том, что горцы определяли времена года и наступление того или иного дня при помощи ориентирной точки на панораме окружающих гор, точнее на их контурах, вырисовывавшихся на небе место, где солнце садится или всходит в какой-нибудь характерной впадине или касается верхушки какого-нибудь пика, служит календарным знаком наступления того или иного дня⁴.

Почти в каждом доме таджиков Памира был дополнительный календарь, основанный на солнечном луче, попадающем в жилое отверстие в крыше, называемое «руз». С изменением угла преломления солнечного луча через «руз», обходящего в зависимости от времени года соответствующие стены и попадающие на пути столбы, скользя по ним-то выше, то ниже, и делаются на стенах и столбах календарные отметки, указывающие главные дни, наиболее важные в жизни горца⁵.

Вопросы семьи и семейных отношений также рассматривались в данной работе. В частности авторы сообщают, что горцы иногда сватали своих сыновей еще до обрезания⁶. Рассказывая о формах брака, ученые пишут о кровоземных и ортоземных. Такие браки способствовали сохранению семей-

¹ Андреев М.С. и Половцов А.А. Материалы по этнографии... С.22.

² Там же. С.23-26, 42.

³ Там же. С.27.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.12.

ного имущества¹. В работе упоминается о существовании среди таджиков Памира большой патриархальной семьи².

Смерть и похороны, похоронные обряды также отражены в данной работе, а также в других работах М.С.Андреева. В частности пишется, что жители долины Хуф всячески остерегались тяжело заболевшего и умирающего человека. Прежде всего, его оставляли лежать в доме на одном и том же месте, не перенося на другом, для того, чтобы не увеличивать пространства, занимаемого в доме телом умирающего, не подвергать опасности других людей, которые могли бы, потом ложиться на эти места, не очищенные специальным образом от веяния над ними смерти.

Был такой обычай, который применялся для облегчения страданий больного человека. Брели кусок хлопчатобумажной материи, к больному проводили овцу или козу, иногда даже теленка, и рукой больного проводили по спине животного, после чего его отдавали халифе. Считалось, что выполнение этого обычая ускоряет развязку – или человек выздоровит, или скоро умрет. А его тело освободится от боли, мучений и страданий³.

В работе рассматривается и духовная культура, в частности религия, народные праздники и игры, фольклор, литература и искусство. М.С.Андреев и А.А.Половцов обратили внимание на широкое распространение у припамирских народностей культа Солнца: «Солнце называется великим («бузург»). Им клянутся, говоря в Ишкашине «сари Ремузд», в Вахане – «сари ип». Жители Горона, а также жители селения Турбат, изъясняющиеся по персидски, говорят («сари Офтоб»). Клятва эта считается очень сильной, и народ верит, что нарушивший клятву или давший ее ложно будет наказан Солнцем»⁴. «Культ солнца, - подчеркивал таджикский этнограф И.М.Мухиддинов, - своими корнями восходит к глубокой древности и проходит красной нитью в народном календаре земледельцев всех регионов Западного Памира. Торже-

¹ Андреев М.С. и Половцов А.А. Материалы по этнографии ... С.12-21.

² Там же. С.20.

³ Там же. С.17-19.

⁴ Там же. С.31.

ственно отмечается везде либо момент «вхождения Солнца в тело мужчины», с которого начинаются определенные сельскохозяйственные работы. Счет времени на части тела мужчины, связанной с воображаемым ходом Солнца по телу, сохраняется в той или иной степени в памяти земледельцев и по сей день»¹.

Авторы останавливаются и на детских играх: игра с бросанием камней в цель, игра с тубетейкой, взятие крепости, игра в прятки, в камешки, игра в волков и овец и т.д.² Таким образом, можно подчеркнуть, что исследователи очень серьезно и всесторонне изучали традиционную культуру народа. Приведенные ими материалы становятся очень ценными.

М.С.Андреев в 1912 г. опубликовал статью «Дарвазская сказка»³. Автор особое внимание уделял народным сказкам и рассказам. Он рассматривал сказку как исторический и этнографический источник, повествующий об обычаях и жизни таджиков Дарваза⁴.

В том же году была опубликована работа Муханова «Памирский район»⁵. В ней большой интерес представляют сообщения автора о том, что таджики Памира и Припамирья не придавали серьезного значения своей религии – исмаилизму и его догмам⁶.

Русский ученый – исследователь В.И.Масальский в 1913 г. опубликовал содержательную работу «Туркестанский край», которая вышла под редакцией видного русского ученого и путешественника, исследователя Средней Азии П.П.Семенова-Тяньшанского⁷. В ней автор всесторонне исследует историю края, его природные условия, экономику. Наряду с этими материалами автор приводит материал и о материальной и духовной культуре горных

¹ Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX вв.). Душанбе, 1989. С.33.

² Андреев М.С. и Половцов А.А. Материалы по этнографии ...С.31-34. Описывая фольклор горцев, авторы отмечают, что были специалисты – сказочники, которые рассказывали различные истории.

³ Андреев М.С. Дарвазская сказка (Волшебные предметы) // Живая старина. 1912. Вып. 2.

⁴ Там же. С.480.

⁵ Муханов. Памирский район. Ташкент, 1912.

⁶ Там же. С.38.

⁷ Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. Т.19.

таджиков. В частности он пишет о распространении исмаилизма в верховьях Пянджа¹.

Вопросы антропологического типа населения Восточного Памира нашли свое отражение и в работе М.И.Чейкина «Географический очерк Восточного Памира»². Рассказывая о внешнем виде киргизов Восточного Памира, автор отмечает, что они из-за весьма тяжелых условий существования на этой территории, выглядели болезненными, хилыми людьми со слезящими глазами³. Далее он подчеркивает, что климат Восточного Памира губительно отражался на женщинах-роженицах⁴.

Русский исследователь профессор А.В.Нечаев в 1914 г. опубликовал работу «По горной Бухаре»⁵. Она появилась в результате поездки ученого в Кабадиан в 1908 г. В ней автор описывает наряду с другими вопросами жизнь и быт местных скотоводов, а также представителей других профессий.⁶

Большой вклад в изучении истории, этнографии, языкознания, культуры народов Средней Азии, в т.ч. таджиков, особенно в исследовании иранских языков и, в частности памирских языков, внес крупный ученый И.И.Зарубин.

В 1914 г. Музей антропологии и этнографии и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии организовали экспедицию на Памир для систематического и по возможности исчерпывающего обследования припамирских ираноязычных народов. В экспедицию входили известный французский иранист Р.Готьё и русский ученый И.И.Зарубин. Но работа вскоре была прервана разразившейся первой мировой войной. Руководителю экспедиции – профессору, французскому офицеру запаса Р.Готьё пришлось оставить полевую работу и срочно выехать на родину, где ему суждено было стать не только участником, но и жертвой этой войны – он скончался в Париже в сен-

¹ Масальский В.И. Туркестанский край... С. 357-358.

² Чейкин М.И. Географический очерк Восточного Памира // Известия Туркестанского отдела РГО. 1914. Т.Х. Вып.1. С.179.

³ Там же.

⁴ Там же. С.180-181.

⁵ Нечаев А.В. По горной Бухаре. СПб., 1914.

⁶ Там же. С.45-63.

тябре 1916 г. от полученных на фронте ран. «Хотя экспедиция была непродолжительной, - отмечается в экспедиционном отчете Р.Готье и И.И.Зарубина, - она собрала немало материалов и уже дала определенные... результаты»¹. Как явствует из отчета, участники экспедиции собрали лингвистический и этнографический материалы, в том числе по обычаям и религии, выполняли антропологические измерения, проводили фотографирование предметов быта и культуры местного населения.

Основные результаты экспедиции 1914 г. И.И.Зарубин изложил в отчете «Экспедиция для изучения горных таджиков»², где утверждал, что языки народов Памира и Припамирья относятся к иранской группе индоевропейской языковой семьи³.

Другая работа ученого «Обувь горных таджиков долины Бартанга», опубликованная в 1915 г., специально посвящена материальной культуре местного населения⁴. Автор отмечает, что горные таджики на ноги надевали толстые чулки, которые вязали женщины из шерсти очень ярких цветов и которые отличались довольно затейливым рисунком⁵. Как отмечал автор, горные таджики на ногах носили мягкие сапоги (пех), по большей части из кожи архара или киика, которые дополняли их костюм. Пехи представляли собой кожаные чулки. И.И.Зарубин пишет: «Длина их (т.е. пехи – А.В.) различна и зависит от размера имеющегося куска кожи. Самые низкие едва достигают до икр»⁶.

Необходимо отметить, что в некоторых местностях припамирцы носили также деревянные сандалии – налинг, попух, прикрепляемые к ноге ремешком, проходящим между большим и вторым пальцем ноги.

¹ См. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1914. Сер.11. №3. С.79-84.

² Зарубин И.И. Экспедиция для изучения горных таджиков // Живая старина. 1914. Вып.3-4.

³ Там же.

⁴ Его же. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук. СПб., 1915. Т.Ш.

⁵ Там же. С.91.

⁶ Там же. С.89.

По рыхлому снегу ходили на чапарях – своеобразных лыжах, представляющих собой плетеный из тальниковых прутьев круг приблизительно 28 см в диаметре. По краям прикреплялись две тальниковые же петли с кожаной завязкой, стягивающей ногу. Для ходьбы по обледенелым скалам употребляли особые роговые подставки – парнам. Каждая из таких подставок представляла собой развернутый и расплющенный рог, по большей части кика с загнутыми кверху краями, к которым прикреплены кожаные завязки; снизу прибивается четыре или шесть железных гвоздей, проходящих сквозь подошву и закрепляемых на ее противоположной стороне, нога ставится на парнам поперек и привязывается ремешками. Вся обувь изготовлялась мужчинами¹, а носилась одновременно и мужчинами и женщинами, а если доставалась, то и детьми.

Летом 1915 г. И.И.Зарубин снова уезжает на Памир, на этот раз на полтора года. Предполагалось не только продолжить исследования языка и быта народов Памира, но и расширить районы обследования. Прделанный исследователем в труднейших условиях путь подробно описан в его небольшой «Записке», опубликованной в 1916 г.² Вторая поездка на Памир оказалась очень плодотворной. Уже в сентябре 1915 г. И.И.Зарубин сообщает Л.Я.Штернбергу: «Почти закончена записью и наблюдением одна сторона жизни таджиков (впрочем, одна из самых серьезных) - земледелие и связанные с ним праздники и обычаи. На Язгуляме я нашел один обряд, показавшийся мне чрезвычайно любопытным... Но я не буду Вам писать больше о собранных материалах - пришлось бы писать слишком много; уже имеются 12 тетрадей лингвистических и этнографических записей»³.

Другое капитальное исследование ученого « Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга»⁴ было издано после Ок-

¹ Зарубин И.И. Обувь горных таджиков долины Бартанга... С.92.

² Его же. Записка о командировке на Памир в 1915-1916 гг. // Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1916. №3.

³ Архив востоковедов. Ф.148. Оп.1. Д.62. Л.91.

⁴ Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Пг., 1918. Т.V.

тябрьской революции. Она охватывает огромное количество материала об антропологическом типе, материальной и духовной культуре горных таджиков. По сообщениям И.И.Зарубина, цвет волос головы населения Памира самый разнообразный: от светло-русых оттенков северо-немецкого типа (не «мочального» цвета, какой встречается у финляндцев и русских крестьян) до черных блестящих, «как вороново крыло»; рыжие не попадались. Вполне белокурые встречались сравнительно редко. В зависимости от окраски волос и некоторых других признаков можно было установить три типа, между которыми приблизительно поровну распределялось все население Рушана и Бартанга, с небольшим преобладанием черноволосого типа.

«Первый тип, - пишет И.И.Зарубин, - характеризуется очень черными, с отливом, густыми волосами и обильной растительностью на лице, обыкновенно не такого черного цвета, как волосы головы; очень темные или темно-карие глаза и сравнительно толстые губы.

Противоположность этому типу представляет менее распространенный, но столь же резко выделяющийся светло-русый тип, среди представителей которого изредка встречаются даже совсем белокурые: мягкая, иногда шелковистая борода и усы не вполне закрывает лицо даже у стариков; у молодежи борода только окаймляет лицо, не распространяясь на щеки или подбородок: губы почти всегда тонкие; карие глаза встречаются очень редко – преобладают серые, с зеленоватым или желтоватым оттенком; все черты лица значительно тонкие, чем у представителей первого типа.

Темно-русые, почти черноволосые составляют третий, как бы переходящий тип; обильная растительность закрывает все лицо, глаза чаще карие, иногда серые, губы не очень тонкие»¹. Далее автор отмечает, что горцы этих местностей отличались смуглой кожей².

И.И.Зарубин описывает и материальную культуру, в частности жилища, одежду и пищу горных таджиков. По его словам, рушанцы в зимнее время

¹ Зарубин И.И. Материалы и заметки... С.132-133.

² Там же. С.131.

одевали халат. На халатах не было ни пуговицы, ни каких-либо завязок; за-пахивались они на правую сторону. Длина их казалась различной: иногда не-обходима до колен, иногда почти достигала земли¹.

Довольно широкие штаны шили глухими из шерсти или же иногда из белой хлопчатобумажной бязи. Штаны не имели разрезов спереди, ни с бо-ков; только в поясе делалось два небольших отверстия (нифа), через которые втягивали узкий плетеный поясок или такой же шнурок с кистями². Автор отмечает, что бедняки, из-за неимения чалмы, голову повязывали платком, или же венком из травы и широких листьев³. Интересен приведенный факт И.И.Зарубина о том, что мужчины и дети тоже иногда носили серьги; но у них они имели значение амулетов, а не украшений, и представляли собой простые серебряные или медные колечки⁴.

Ученый в краткой форме сообщает и о жилищах горцев. В частности, он останавливается на деревянных частях жилища, украшенных резьбой⁵. Ука-зывая на довольно убогую домашнюю утварь горных таджиков, И.И.Зарубин пишет: «По всему Бартангу бедность горцев поразительна: нужно долго при-сматриваться, иногда просто разыскивать по всей сакле, чтобы найти какую-нибудь домашнюю утварь ...»

Когда у нас не хватало посуды во время общего чаепития, во всем селе-нии из 8 домов нашлось только одно жестяное ведерко, переделанное из ко-робки для монпансье, брошенной здесь два года назад русскими офицера-ми»⁶.

Рассказывая о домашней обстановке автор отмечал, что кое-кто имел палас – грубый, обычно домотканый шерстяной ковер без ворса, сделанный из козьей и кутасей шерсти. В редкой семье попадалось еще большое одея-ло, которым пользовались все члены семейства, «белье и прочие постельные

¹ Зарубин И.И. Материалы и заметки... С.134-136.

² Там же. С.134.

³ Его же. Экспедиция для изучения горных таджиков // Живая старина. 1914. №3. С.135.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же. С.123.

⁶ Там же. С.104.

принадлежности не в употреблении: они заменяются халатами и другими частями одежды»¹.

Автор приводит немало сведений об обычаях и обрядах, связанных с ремеслами. Как известно, таджики, как и все остальные народы Средней Азии, согласно указаниям рисола – устава кузнечного дела², верили в то, что первым кузнецом был пророк Давид – хазрати Довуд пайгамбар, который считался патроном всех кузнецов в мусульманском мире³. Согласно рисола, каждый кузнец считался непосредственным учеником самого пророка Давида. Поэтому все ученики, да и все остальные односельчане, называли кузнеца пиром, т.е. наставником и покровителем, духовным отцом и так почтительно относились к самому кузнецу и кузнечному искусству⁴.

Вопросы семьи и семейных отношений также отражены в работе И.И.Зарубина. Он среди населения собирал, систематизировал и анализировал их⁵. Таджики Памира предпочитали кросскузенную (брак с дочерью брата матери или дочерью сестры отца) и ортокузенную (брак с дочерью брата отца или дочерью сестры матери) формы брака. Такие браки способствовали сохранению имущества и самих работниц внутри отдельных больших патриархальных семей. Автор пишет о большой патриархальной семье среди таджиков Памира, разделе имущества среди членов семьи и т.д. Когда в большой патриархальной семье наступало время необходимости раздела, то имущество делилось поровну между всеми сыновьями, если они происходили от одной матери⁶.

В работе И.И.Зарубина рассматривается и духовная культура горных таджиков, в частности религия. Согласно его словам, среди населения верховьев Пянджа распространился исмаилизм⁷. Автор рассказывает о праздни-

¹ Зарубин И.И. Экспедиция для изучения горных таджиков. С.121-123.

² Андреев М.С. «Рисола» кузнечного цеха из Северной Индии на языке пушту // Сборник Туркестанского восточного института в честь А.Э.Шмидта. Ташкент, 1923.

³ Зарубин И.И. Сказания о первом кузнице в Шугнани // Известия АН СССР. VI серия. Т.20. 1926. №12. С.132.

⁴ Его же. Материалы и заметки... С.126.

⁵ Там же. С.125.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.138-144.

вании религиозных праздников в Бартанге¹. Песни, танцы, фольклор горцев также отражены в работе ученого. Пели и танцевали в основном мужчины. Женщины танцевали, пели и играли на музыкальных инструментах очень редко. Если женщина пела или же играла перед мужчинами, то ее называли бесстыжей, хотя, по мнению И.И.Зарубина, раньше в Рушане были женщины, которые пели в большом обществе². Из музыкальных инструментов упоминает дутар, ситор, бубен и т.д.³

Сохранились интересные сведения о народных играх. И.И.Зарубин приводит данные о таких народных играх, как борьба (участвовала в основном молодежь), скачка на лошадях, стрельба из лука, игра в поло и др.⁴

Кроме вышеперечисленных опубликованных работ И.И. Зарубиным написано еще несколько очень содержательных работ о жизни и быте таджиков, которые хранятся в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской Академии наук. К ним относятся: «Таджики»⁵, «Населенные пункты на Язгулеме»⁶, «Этнографическая запись о постройке дома»⁷, «Рассказ – описание о постройке дома»⁸, «Записки о типах жилищных построек»⁹, «Постройка дома», и др. Среди них большое этнографическое значение имеет статья «Таджики», которая, к сожалению, по сей день, не опубликована. В ней автор рассматривает традиционную культуру таджиков Памира. В начале работы автор останавливается на антропологическом типе таджиков – памирцев. По его данным вырисовывается следующий физический тип горного таджика-памирца и припамирца: высокий и емкий череп, более короткий сзади, чем спереди, настолько брахицефалический, что его диаметр по ширине почти равен диаметру по длине; высокое круглосводчатое темя и овальное очертание лица с большими, глубоко сидящими глаза-

¹ Зарубин И.И. Материалы и заметки...С.139.

² Там же. С.144-145.

³ Там же. С.110-111.

⁴ Там же. С.145-146.

⁵ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Лл.1-20.

⁶ Там же. Д.385.

⁷ Там же. Д.246. Лл.1-52.

⁸ Там же. Д.230. Лл.1-38.

⁹ Там же. Д.2. Лл.1-11.

ми, нос у них толстый, крупный¹. Далее И.И.Зарубин отмечает, что горцы отличались смуглой кожей, гибкостью и худощавостью², веселым нравом³.

И.И.Зарубин в данной работе рассматривает и материальную культуру таджиков Памира. В частности, описывая их одежду, отмечает, что они носили халат с широкими и длинными рукавами⁴, хлопчатобумажные рубашки и штаны⁵. Надевали на бритую голову токэ из ситца. Сравнительно редко поверх токэ, обычно зажиточные люди повязывали голову еще матовым тюрбаном⁶. В холодную погоду носили зимнюю шапку, сшитую из овчины или меха куницы⁷. Автор пишет и о женской одежде. В частности отмечает, что ворот рубашки девушек – горизонтальный, вернее круглый, глухой⁸. Женские панталоны шили очень длинные, суживающимися книзу и плотно охватывающими ногу у щиколотки⁹. «Большой платок носится так, - писал И.И. Зарубин, что окутывает почти всю фигуру женщины и спускается сзади ниже талии. Пожилые женщины, кроме платка, покрывают волосы еще небольшой вышитой шапочкой типа поколь; иногда вместо нее носится лишь также вышитая головная повязка. Горные женщины закрывают лицо очень редко. В таких случаях они носят особые лицевые покрывала, богато вышитые разноцветными шелками»¹⁰.

Таджички Памира иногда носили большие и сложные подвески. В виде украшений к концам кос прикрепляли тяжелые шерстяные кисти, часто окрашенные в красный цвет¹¹.

В работе И.И. Зарубина рассматривается пища горных таджиков. Автор отмечает, что из-за недостатка пшеницы, ячменя или же бобов люди приготавливали лепешки наполовину из зерновой муки, наполовину – из фрук-

¹ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Л.4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Лл.4-5.

⁶ Там же. Л.5.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л.4-5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

тов¹. Кроме овощей и фруктов таджики Припамирья употребляли различные молочные продукты – молоко, айран, дуг (кислое молоко, разбавленное водой), сыр, сливочное масло и др.²

Представляет особый интерес сообщения И.И.Зарубина о том, что отдельные этапы земледельческих работ сопровождались обрядами, почитались орудия труда³.

Исследователь собрал также сведения относительно обычаев и обрядов, связанных со скотоводством, которое, как и земледелие, играло важную роль в хозяйстве таджиков⁴. В частности женщинам не разрешалось уходить с летовки, кроме случаев смертельной болезни самых близких родных. Исключение делалось после двух суток изоляции, когда мужчинам разрешалось посещать летовку только днем для того, чтобы приносить продукты питания. Нарушение этого запрета, по верованиям горцев, грозило большими бедствиями⁵.

Охота для горца не было забавой и развлечением, а одним из главных источников существования⁶. Местные жители почти повсеместно охотились здесь при помощи примитивного и грубого огнестрельного оружия – мультук, камон, «пуля для которого льют сами, - писал И.И Зарубин, - а местами сами даже изготавливают и порох, но употребляют также западни и силки»⁷. Таджики Памира и Припамирья охотились преимущественно на горных козлов, мясо которых составляло лакомое блюдо, а кожи употребляли на обувь⁸. обувь⁸.

Горный козел был наиболее распространенным и ценным объектом охоты, поэтому с ним было связано много легенд, рассказов, поверий и обычаев⁹. Их рогами или даже целыми черепами таджики украшали свои дома и

¹ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Лл.6-7.

² Там же. Л.6-7.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.8.

⁵ Там же. Д.246. Л.8.

⁶ Там же. Л.10.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д.11. Лл.14-15.

мазары¹. Таджики Памира и Припамирья охотились также на пушных зверей, рей, главным образом на куниц, лисиц, барсов².

В статье имеется описание охоты горцев с соколами, об охоте на птиц; приводятся примеры индивидуальных и коллективных методов охоты³.

Семья и семейные отношения таджиков Памира также нашли отражение в данной статье, в частности свадьба и свадебные обряды. Свадьба и брачные обряды таджиков Памира, как считал И.И.Зарубин, «весьма сложны и, различались несколько по местностям, в совокупности являются воспроизведением древнейших форм брака»⁴. Согласно обычаям на Памире и в Припамирье, в большинстве случаев при заключении брака не только не спрашивали согласия венчаемых, но и часто вопреки желанию последних обзаводили семьей⁵.

Несколько страниц работы посвящено описанию обычаев и обрядов, связанных с выездом жениха за невестой в указанные халифой счастливое время, процессу свадьбы в доме невесты, происхождению брачных обрядов⁶.

Многие из этих обычаев являются воспроизведением древнейших форм обрядов. Так, например, таджики Оршора во время свадебного выезда жениха, не доезжая около версты до деревни невесты, издавали воинственный крик: он-хон-хон. Односельчане невесты и оттуда отвечали таким же криком. Затем и те и другие приближались друг другу на полверсты и, издав такой же крик, останавливались. Один из родственников невесты доходил до середины оставшегося расстояния, взяв с собою козленка и шапку с тутовыми ягодами. Козленка он привязывал к колу, а сам, махая шапкой, плясал около него. Из среды выезда жениха виделся его родственник с соответствующими подарками. Он встречался в указанном выше месте с родственником невесты, а взамен получал шапку с ягодами. Оба расходились. Затем начинали съез-

¹ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Л.14-15.

² Там же.

³ Там же. Л.11.

⁴ Там же. Л.17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Лл.17-19.

жаться остальные. Кто-нибудь из приходивших с женихом на скаку застреливал козленка, и начиналось козлодранье. Там он в нескольких местах встречал обрядовое сопротивление со стороны односельчан и родственников невесты. В последний раз сопротивление встречалось уже после венчания, когда жених шел за невестой на ее половину. Заключение брака символизировалось совместным укладыванием под одно одеяло жениха и невесты, чем и заканчивалась обрядовая сторона свадьбы¹.

Таджики Памира и Припамирья фактически были моногамны, а среди них господствовала большая патриархальная семья. Главами таких семей выбирали старших по возрасту мужчин, а в некоторых случаях – не по возрасту, а наиболее смысленных и сообразительных. Последним подчинялись и их старшие братья. Как подчеркивает И.И.Зарубин, встречались семьи, во главе которых было два человека: один – старший (калони хона – «старший в доме»), который оставался дома, следил за полевыми работами и хозяйством, заведовал заготовкой одежды и обуви на всю семью; другой – младший, подчиненный первому (муйсафед – седовласый), на самом деле часто очень молодой), который ведал делами, требующими отлучки, как-то: участие в сходе по раскладке податей, продажа или обмен продуктов домашнего производства и т.д. В семье немалую роль играла и старшая по возрасту женщина, обычно свекровь, которая распоряжалась съестными припасами². Главы семьи считали себя владельцами всего движимого и недвижимого имущества; они могли продать, подарить.

В своей статье И.И.Зарубин останавливается и на духовной культуре таджиков Памира, в частности на религии. Среди таджиков Памира и Припамирья широко отмечались различные народные праздники. Побывавший, в верховьях Аму-Дарьи И.И.Зарубин писал, что «праздничные обычаи и обря-

¹ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Лл.17-18.

² Там же. Л.18.

ды различны на местах»¹. Автор приводит сведения о праздновании праздника начала посева, Навруз и др.²

Определенный интерес представляет работа русского топографа М.А.Варыгина, посвященная истории и культуре населения Кулябского бекства «Опыт описания Кулябского бекства»³. Она была написана в результате посещения автором Куляба в 1905 г. В работе содержится подробное естественно-географическое описание Кулябского бекства, краткий исторический очерк, список амлякдарств с указанием количества дворов и числа жителей. По его данным, во время его посещения в бекстве было 65350 жителей⁴. Жителями в основном были таджики, а также узбеки и арабы.

М.А.Варыгин как царский чиновник подробно останавливается на хозяйственно-экономических ресурсах бекства. Он сообщает, что значительная часть таджиков занималась рисоводством, отчасти садоводством и немного огородничеством⁵.

Сельское население Кулябского бекства кроме земледелия занималось скотоводством и охотой. Автор отмечает, что для развития скотовождения в бекстве имелись огромные ресурсы, им занимались исключительно кочевники⁶. Рассказывая о другом виде деятельности, как охота, М.А.Варыгин пишет: «Исключительно бьют гусей и уток крупных пород, которых копят на целую зиму до нового прилета. Лебедей бьют больше для пуха»⁷.

В начале XX в. Куляб был одним из наиболее значительных центров ремесленного производства и торговли Восточной Бухары и по структуре и значению представлял собой позднефеодальный среднеазиатский город. В связи с этим автор интересовался состоянием ремесленного производства.

Изучая эту отрасль деятельности в Кулябском бекстве, автор пишет: «Кулябский полушелк, выработанный кустарным способом для халатов, счи-

¹ Архив востоковедов. Ф.121. Оп.1. Д.11. Л.13.

² Там же. Л.16.

³ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства // Записки ИРГО. 1916. Т.Л.П. Вып.10.

⁴ Там же. С.771.

⁵ Там же. С.778-779.

⁶ Там же. С.778.

⁷ Там же. С.763.

тается первым по доброте. Кустарным же способом ткнут мастера хлопчато-бумажные материи, шерстяное грубое сукно и катают кошмы»¹. Необходимо отметить, что в работе имеются и различные неточности в географических названиях.

В 1916 г. в городе Петрограде была опубликована статья Н.Косниенко «По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза (Из путевых заметок)»². В ней наряду со многими вопросами климата, природных условий Памира и Припамирья, автор дает сведения и этнографического характера. В частности он пишет о расположении горных селений³. Далее автор приводит данные о формах и размерах домов как однокомнатных, так и состоящих из нескольких комнат⁴.

Н.Косниенко в работе несколько слов пишет и о религии таджиков Памира и Припамирья. Он отмечает, что они являлись последователями исмаилизма и приобщились к ним сравнительно недавно⁵.

Далее Н.Косниенко пишет, что не во всех селениях имелись мечети, однако жители высоко почитали могилы «святых» и предков.

Русский инженер П. Гаевский еще до Октябрьской революции совершил поездку в Вахшскую долину и собрал большое количество материала об экономике этого края. Его работа «Курган-Тюбинское бекство» вышла в свет только в 1924 г.⁶ В ней автор осветил экономическую и бытовую сторону жизни населения Курган-Тюбинского бекства в период 1910-1914 гг. Его интересовали территория и население бекства. Он отмечает, что территория бекства составляла 4560 верст, и там проживало 18 тыс. человек⁷. Остановившись на состоянии земледелия и орошения в бекстве, автор отмечает, что в нем земледелие носило характер примитивной, экстенсивной обработки зем-

¹ Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. С.779.

² Косниенко Н. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. (Из путевых заметок). Пг., 1916.

³ Там же. С.19.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство // Известия РГО. Т.V.1919-1923. Вып.2. М.; Л.: Госиздат, 1924.

⁷ Там же. С.16, 25-26.

ли. Земли было достаточно, но испытывался недостаток в воде¹. Далее рассказывая о выращивании различных сельскохозяйственных культур, П.Гаевский подчеркивает, что наряду с другими видами культуры крестьяне выращивали местный сорт хлопка – «гуза»².

П.Гаевского интересовало и ремесленное производство. Согласно его словам, в бекстве развивались кузнечное ремесло, плотничество, золотодобыча и другие виды деятельности³.

В целом, накопленный и частично опубликованный русскими дореволюционными востоковедами богатый фактический материал является значительным вкладом в этнографическую науку и позволяет современным историкам и этнографам более полно изучить социально-экономические условия Восточной Бухары и Памира исследуемого периода, семейный и общественный быт горцев, соответствовавшие патриархальным производственным отношениям.

И, наконец, не следует забывать также и о том, что характеризуя быт, семью, обычаи, религиозные верования народов Восточной Бухары и Памира, русские дореволюционные исследователи не отразили, в своих исследованиях вопросы прогрессивного влияния присоединения Средней Азии к России на местное население. Имеющиеся об этом отдельные редкие упоминания слишком общие и не конкретные.

По-видимому, географическая отдаленность и изолированность края, патриархальные отношения, влияние исмаилитской религии препятствовали проникновению на Памир и Припамирья русской культуры и быта. Отсутствие русских поселков, за исключением нескольких военных гарнизонов, которые были обособлены от горцев, мест совместного проживания таджиков, киргизов и русских также содействовали сохранению ставшей уже традиционной обособленности семейно-брачных отношений, форм быта. Отдельные же поездки русских ученых и путешественников на Памир и Припамирья не

¹ Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство. С.36.

² Там же. С.38.

³ Там же. С.36, 58.

могли изменить положение. Отсутствие контактов таджиков и русских в производственной деятельности, как это было в Северном Таджикистане, также являлся важным фактором, который сдерживал проникновения русского быта и культуры в эти горные районы.

Таким образом, можно сделать вывод, что русские исследователи-востоковеды в начале XX в., несмотря на выполнения поручения русского правительства, несмотря на то, что были государственными чиновниками, большинство из них очень доброжелательно относились к местному населению и писали о них очень хорошо и уважительно. Они во многих случаях объективно отражали семейный и хозяйственный быт таджиков. Внимание ученых привлекали семья и семейные отношения, процесс заключения брака, обычаи и обряды, связанные с ними. Особый интерес привлекала религия народов Памира и Припамирья. Этим вопросам, как мы отмечали выше, посвятили свои труды.

Необходимо подчеркнуть, что русские дореволюционные исследователи большое внимание уделяли изучению Каратегина, Дарваза, Памира, а Куляб и районы к югу от Гиссарского хребта остались малоизученными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение жизни и быта среднеазиатских народов начиналось еще в древности и средние века сначала древнегреческими, китайскими, затем арабскими, европейскими путешественниками. В средние века появились первые труды местных авторов, в которых было собрано определенное количество важных и ценных сведений о таджиках и других среднеазиатских народах. В процессе исследования нами были проанализированы различные исторические, географические труды и литературные произведения средневековых авторов, в которых имелись сведения о предках таджиков и самих таджиках. Авторы делятся на две группы. В первую группу входят местные авторы, которые писали свои работы на основе личных наблюдений, и первоисточников. Во вторую группу входят зарубежные путешественники, которые посетили Среднюю Азию в средние века. Их труды, в большинстве случаев были компилятивны, переписаны из других работ[1-А].

Начиная с XVI в. европейские государства стали интересоваться Средней Азией и начинали организовывать различные экспедиции. Однако, научные результаты европейских исследователей оказались недостаточными, потому что, нередко экспедициями в Среднюю Азию руководили не ученые, а люди имевшие совершенно другие цели, абсолютно неподготовленные к научному изучению истории и этнографии посещаемых ими стран. Зафиксированы случаи, когда они пренебрежительно относились к традициям и обычаям местных жителей[27-А].

Большой вклад в изучение народов Средней Азии внесли русские ученые-исследователи. Они стали интенсивно изучать историю и традиционную культуру таджиков, особенно горных, несколько позже, если не считать отдельные путешествия русских посланников в Бухарский эмират в конце XVIII – начале XIX вв. Однако, оставленное ими научное наследие убедительно свидетельствует о полном превосходстве прогрессивной тенденции русской науки над европейской, особенно английской в Средней Азии. Именно поэтому простодушные и доверчивые горные таджики (по мнению

русских исследователей именно этими качествами они отличались от равнинных таджиков – А.В.) относились к русским исследователям и путешественникам с безграничной симпатией и искренней любовью. Местное население, несмотря на всяческие запугивания религиозных фанатиков, и наказания местных властей, всемерно помогало русским исследователям в деле научного освоения края[2-А].

В результате таких благоприятных условий русские ученые и путешественники, несмотря на то, что они начали свои исследования фактически с нуля и позже других, вскоре во всех отношениях превосходили ученых Запада в области научного изучения равнинных, особенно горных таджиков. Русские дореволюционные ученые, путешественники позволили Средней Азии, в том числе и Таджикистану стать объектом геополитики и получить достойную поддержку со стороны России, результаты этой поддержки видны на современной истории Таджикистана[2-А].

Факты свидетельствуют о том, что многие русские исследователи еще со студенческой скамьи интересовались историей, этнографией и лингвистикой народов Средней Азии вообще, а таджиков в особенности. Исследователи в своих трудах, при тщательной проверке отдельных фактов, обычаев и обрядов, восточных терминов, географических названий, умело использовали языковые данные, со свойственной им добросовестностью, с большой полнотой собрали и систематизировали огромный фактический материал по традиционной культуре таджиков и других народов Средней Азии[4-А].

Изучая научное наследие русских дореволюционных исследователей, мы пришли к выводу, что в большинстве их трудов отдельные стороны жизни и быта изучаемого нами народа описаны столь полно и всесторонне, что к этим описаниям вряд ли можно что-либо добавить. Труды дореволюционных исследователей по истории, этнографии и лингвистике, географии равнинных и горных таджиков дали в руки советских и постсоветских ученых огромный научно обоснованный фактический материал, содействовали возвращению таджикам их богатейшего историко-культурного наследия. В этом

отношении работы дореволюционных русских исследователей таджиков и Таджикистана являются источником по этногенезу таджиков, и других народов Средней Азии. Освоение научного наследия русских дореволюционных исследователей, касающихся культуры и быта таджиков, сейчас как никогда важно для понимания своей идентичности, для утверждения патриотических настроений народа, для дальнейшего наращивания и расширения культурного пласта в народном сознании[2-А].

Справедливо говоря, большинство русских исследователей было людьми безгранично преданными науке. Они затратили немало сил и энергии в деле заложения основ глубокого и всестороннего изучения этнографии таджиков и Таджикистана в дореволюционное время. Исследователь истории науки народов Средней Азии Б.В.Лунин писал, что в «плодотворной деятельности дореволюционных востоковедов нельзя не видеть одного из объективно прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России, того, что передовые представители русской науки и культуры делали все, чтобы заложить прочную основу глубокого и всестороннего изучения многовековой истории народов Средней Азии»[2-А].

Из всего изложенного выше видно, что именно русская наука впервые показала подлинную картину жизни и быта таджиков, особенно горных, обрисовала их историю и культуру[8-А].

В развитии русской науки о таджиках выявляются несколько специфических черт. Русские исследователи справедливо считали, что интересы науки требуют организации экспедиций для широкого изучения природы и населения Бухарского эмирата и народов, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Но они сталкивались с равнодушием, близорукостью царского правительства. Лишь настойчивость самих ученых помогла организовать экспедиции в Среднюю Азию[6-А].

Исследование таджиков в первой половине XIX в. в основном происходило на территории Ферганской долины, частично Бухарского эмирата. Восточная Бухара и Памир начали исследоваться несколько позже. В силу

исторических причин изучение Восточной Бухары и Памира в XIX в. шло параллельно русской и английской наукой. Отвергая все, то, что было связано с великобританско-имперской точки зрения, любые проявления расистско-шовинистических и с европоцентристских трактатов, русские ученые внимательно следили и тщательно использовали фактический материал английской науки о горных таджиках. В этом противостоянии русской и английской науки именно русская наука в конце XIX – начале XX вв. одержала победу[3-А].

Другой специфической чертой русской науки в области изучения равнинных и горных таджиков является разнородный состав ученых-исследователей изучающих историю и культуру народов Средней Азии, в т.ч. таджиков. Дореволюционных русских исследователей можно разделить на следующие группы: 1. Ученые-востоковеды, профессионально занимавшиеся изучением истории и этнографии; 2. Ученые-естествоиспытатели (географы, геологи, биологи и др.), которые попутно собирали исторические, этнографические и лингвистические материалы о таджиках и других среднеазиатских народах; 3. Военные, чиновники и др., описавшие не только природу, но и быт населения, сообщавшие сведения по различным сторонам материальной и духовной культуры, семейному и общественном быту. Границы между первой и третьей группами не всегда четкие, ибо многие чиновники и офицеры имели востоковедческое образование и специально занимались историко-этнографическими исследованиями. Но, и в путевых заметках, и отчетах неспециалистов порой содержатся ценнейшие для современной науки материалы[18-А].

Высокий профессиональный уровень – одна из характерных черт рассматриваемой области дореволюционной исторической науки. Подавляющее большинство русских дореволюционных исследователей свободно владело местными языками и диалектами. Уровень русского таджиковедения был очень высок, ибо в его работе участвовали видные ученые, как В.В.Бартольд К.Г.Залеман, И.П.Минаев и др., положили основу таджиковедческой этно-

графической науки. Они являлись авангардом мировой науки о таджиках. На них равнялись молодые тогда исследователи, такие как А.А.Семенов, М.С.Андреев, И.И.Зарубин, и др.[6-А].

Чрезвычайно насыщенный фонд сведений, собранных, систематизированных и проанализированных в трудах русских дореволюционных ученых вывел многие составные части таджиковедения на передовые позиции в русской науке. Необходимо отметить, что традиционная культура горных таджиков, в частности их материальная и духовная культура, оказалась более подробно и тщательно разработана, чем равнинных таджиков. Таджикское языкознание, особенно памирское, превратилось в отдельный раздел иранистики. Таджиковедческая этнография, разработанная русскими дореволюционными исследователями, оказала большое воздействие на формирование научных представлений в таджикской исторической науке[2-А].

Большинство русских ученых и путешественников, посещавших дореволюционный Таджикистан, особенно его горные районы, выступали с прогрессивных позиций, не боялись открыто писать о бедственном положении народных масс, критиковать колонизаторскую политику царизма и жестокость местных феодальных властей. Этнографическая литература, написанная ими с демократических и прогрессивных позиций, показывала богатство культурного наследия таджикского народа, в значительной степени содействовала пробуждению национального и классового самосознания таджиков, помогала консолидации сил народа. Благодаря этнографическим знаниям культурное наследие таджикского народа стало достоянием мировой науки[2-А].

Богатый и разнообразный материал, собранный русскими дореволюционными учеными, как было отмечено выше, оказывает неоценимую помощь при исследовании этногенеза и этнической истории таджиков, особенно при рассмотрении этнологических, антропологических, лингвистических, хозяйственно- культурных проблем формирования таджикского этноса. С этой точки зрения наследие русских дореволюционных ученых для таджикостан-

ских исследователей станет неоценимым и ценным источником при разработке различных проблем истории и культуры таджикского народа дореволюционного периода[9-А].

Заслуга русских дореволюционных исследователей состоит в том, что оказавшись у истоков научного изучения истории и культуры таджикского народа, по сути, они создали цельную картину его жизни и быта в XIX – начале XX вв.[10-А]

Вместе с тем нельзя не говорить об узких рамках социально-исторического мировоззрения части дореволюционных исследователей. Оно проявляется в большинстве случаев необъективного подхода к анализу фактов и явлений традиционной культуры и быта[11-А].

Среди них были путешественники (их было в небольшом количестве), которые яростно защищали официальную политику царизма в отношении к местному населению, и с некоторым тоном насмешек глядели свысока на местных жителей, их традиции, обычаев и обрядов[2-А].

Разумеется, по степени значимости не все работы дореволюционных авторов являются равноценными. Наряду с серьезными исследованиями имеются и сравнительно слабые, несколько предвзятые в анализе традиционной культуры и быта местного населения. С точки зрения современной науки, в рассматриваемом фонде дореволюционной науки далеко не все равноценно, Некоторые положения отдельных русских ученых и путешественников выглядят наивно, другие неполны или просто ошибочны. Дореволюционная наука не дала цельной, равноценной в отдельных частях, строго научной картины исторического процесса и современного (для XIX – начала XX вв.) состояния таджиков этого региона[9-А].

Как явствует из содержания данной работы, без твердого научного фундамента, которого заложили русские дореволюционные исследователи, не мыслимы те высоты, которых достигла таджикская этнография за годы Советской власти и ныне в период независимости[10-А].

Этнография, как и всякая другая наука всегда находится в процесс развития и в этом плане его дальнейшие успехи невозможны без учета и критического анализа материалов, собранных русскими дореволюционными исследователями[12-А].

Поэтому, историографический анализ их наследия приводили к убеждению в том, что без учета сравнительно полного проблемного научного изучения бесценного наследия русских исследователей, практически не возможно создать цельную фундаментальную работу по этногенезу и этнической истории таджикского народа. Исходя из этой реальной потребностей времени, на наш взгляд, историкам, этнографам, историкам науки, историографам необходимо в обозримом будущем решить следующие **задачи**:

1. систематизация, критический анализ и переиздание работ русских дореволюционных исследователей по этнографии таджиков, не потерявших свое значение до настоящего времени;

2. подготовка и издание комплексных работ, охватывающих наследия русских дореволюционных ученых-исследователей, касающихся традиционной культуры таджиков;

3. планомерное введение в научный оборот отчетов, записей, дневников, рукописей статей, текстов докладов, протоколов Туркестанского отдела Русского географического общества по этнографии таджиков, еще хранящихся в архивах Российской Федерации и Республики Узбекистан;

4. создание каталога трудов русских дореволюционных ученых;

5. написание и издание серию научных аналитических работ о жизни и деятельности отдельных русских дореволюционных исследователей истории и культуры таджикского народа;

6. широкое использование сведений русских дореволюционных исследователей при подготовке фундаментальных трудов по этногенезу и этнической истории таджикского народа;

7. введение спецкурсов на исторических факультетах вузов Таджикистана о вкладе русских дореволюционных исследователей по изучению жизни и

быта таджиков с целью подготовки молодых историков науки, историографов и патриотического воспитания молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

І. Архивные материалы

1. Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской Академии наук (далее Архив востоковедов). – Ф.45. – Оп.1. – Д.6. – Л.113.
2. Архив востоковедов. – Ф.148. – Оп.1. – Д.62. – Л.91.
3. Архив востоковедов (Архив А.Л.Куна). – Ф.33.
4. Архив Географического общества Российской Федерации. – Р.74. – Оп.1. – Д.2. – Л.64 (далее Архив ГО).
5. Архив Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ. Личный фонд М.С. Андреева. – Д.102. – Лл.73, 110, 31, 168, 170.
6. Громбчевский Б.Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и С.-З. Тибет. 1889-1890 гг. // Архив ГО. – Ф.45. – Оп.1. – Д.6. – Лл.1-925.
7. Зарубин, И.И. Записи о типах жилищных построек / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.2. – Лл.1-11.
8. Зарубин, И.И. Населенные пункты на Язгулеме / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.385.
9. Зарубин, И.И. Описание праздника Навруз / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.335. – Лл.1-15.
10. Зарубин, И.И. Описание сельскохозяйственных работ / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.334. – Лл. 1-12.
11. Зарубин, И.И. Постройка дома / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.229. – Лл.1-50.
12. Зарубин, И.И. Рассказ-описание о постройке дома / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д. 230. – Лл. 1-38.
13. Зарубин, И.И. Таджики / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.11. – Лл.1-20.
14. Зарубин, И.И. Этнографическая запись о постройке дома / И.И.Зарубин // Архив востоковедов. – Ф.121. – Оп.1. – Д.246. – Лл.1-52.

15. Этнографический состав населения Маргеланского уезда с указанием места проживания 1890 г. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. – Ф.28. – Оп.1. – Д.532.

II. Источники

16. Абаза, И.И. Завоевания Туркестана. Рассказы из военной истории. Очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении / И.И.Абаза. – СПб., 1902. – 312 с.
17. Абдураззаки Самаркандий. Матлаи саъдайн ва маджмаи бахрайн / Форс-тожик тилидан таржима, кириш суз в изохли лугатлар А.Уринбоевники / Абдураззаки Самаркандий. – Ташкент, 1969.
18. Абдурахман, Тали. История Абулфайзхана / Абдурахман Тали.- Ташкент, 1959. - 176 с.
19. Абрамов К.А. Записка о Каратегинском владении, составленная по вопросам / К.А.Абрамов // Известия РГО. – 1870. – Т.6. – С.106-110.
20. Абу Али ибн Сино. Канон врачебной науки / Абу Али ибн Сино. – Ташкент, 1954-1956. – Кн.1-5.
21. Аверкиев, С.Н. Врачебная помощь памирскому населению / С.Н.Аверкиев // Туркестанские ведомости. – 1905. – № 178.
22. Абу-л-Гази. Родословное древо тюрок / пер. А.А.Семенова / Абу-л-Гази. – Ташкент, 1958. – 186 с.
23. Адрес-календарь Самаркандской области на 1901 г. – Самарканд, 1901. – Вып. IX. - 64 с.
24. Андреев, Г.В. В Каратегине / Г.В.Андреев // Туркестанские ведомости. – 1916. – № 21, 30, 37.
25. Андреев, М.С. Блины в памирских странах / М.С.Андреев // Туркестанские ведомости. – 1905. – №32.
26. Андреев, М.С. Вахиё / М.С.Андрев // Туркестанские ведомости. – 1899. – №93.
27. Андреев, М.С. Дарвазская сказка (Волшебные предметы) / М.С.Андреев // Живая старина. – 1912. – Вып.4. – С.485-489.

28. Андреев, М.С. Исторические заметки о Ходженте / М.С.Андреев // СКСО. – Самарканд, 1896. – Вып.IV. – С.22-28.
29. Андреев, М.С. Материалы по этнографии иранских племен, Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М.С.Андреев, А.А.Половцов // Сборники Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук. – СПб., 1911. – Т.IX. – С.1-41.
30. Аничков, И. К вопросу о калыме / И.Аничков // Очерки народной жизни Северного Туркестана. – Ташкент, 1899. – С.1-25.
31. Антар. Ходжент (Из моих скитаний) / Антар // Туркестанские ведомости. – 1913. – №286.
32. Арандаренко, Г.А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) / Г.А.Арандаренко // Военный сборник. – 1883. –Т.154. – №11. – С.151-159; № 12. – С. 303-319.
33. Арандаренко, Г.А. В горах Дарваза-Каратегина / Г.А.Арандаренко // Досуги в Туркестане. – СПб., 1889. – С.428-478.
34. Арандаренко, Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 / Г.А.Арандаренко. – СПб., 1889. – 478 с.
35. Арандаренко, Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) / Г.А.Арандаренко // Военный сборник. – 1875. – Т.121. – № 5. – С.116-126.
36. Арандаренко Г.А. Скотоводство в Зерафшанской долине / Г.А.Арандаренко // Туркестанские ведомости. – 1880. – №34.
37. Бабур, Захириддин. Бабурнаме. Записки Бабура. / пер. И.Салье. –Ташкент / Захириддин Бабур. – Ташкент, 1958. – 529 с.
38. Байхаки, Абулфазл. История Масъуда (1030-1941) / пер. А.К.Арендса / Абулфазл Байхаки. – М., 1969. – 1008 с.
39. Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно/ В.Баньковский // Туркестанские ведомости. – 1894. – № 11. – 14 с.
40. Бендерский, Н.А. Гиссарское бекство / Н.А.Бендерский // Туркестанские ведомости. – 1905. – № 42.

41. Бендерский, Н.А. О Гиссарском крае / Н.А. Бендерский // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1907. – Т.7.
42. Беруни Абурайхон. Осор-ул-бокия / Абурайхон Беруни. – Душанбе, 1990. – 432 с.
43. Бетгер, Е.Е. Извлечение из «Книги и путей и стран» Ибн Хаукаля/ Е.Е. Бетгер // Тр. САГУ. – Ташкент, 1957. – Вып.3. – Кн.25.
44. Бируни Абурайхан. Памятники минувших поколений / Абурайхан Бируни // Избр. произведения. – Ташкент, 1957. – Т.1. – 487 с.
45. Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам / А.А. Бобринской. – М., 1908. – 150 с.
46. Бобринской, А.А. Орнамент горных таджиков (Горная Бухара / А.А. Бобринской. – М., 1900. – 60 с.
47. Бобринской, А.А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии / А.А. Бобринской // Этнографическое обозрение. – М., 1902. – Кн.ЛШ. – №2. – С.4-16.
48. Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома / Захириддин Мухаммад Бобур. – Тошкент: Юлдузча, 1989. – 367 с.
49. Богоявленский, Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. (Долины р. Хингоу и Ванджа) / Н.В. Богоявленский // Землевладение. – 1901. – Кн.1-П.
50. Борнс, А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагорас подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 1832 лейтенантом Ост-Индской Компанейской службы Александром Борсном / А. Борнс. – М., 1849. – Ч.3. – 628 с.
51. Бродовский, М. Заметки о земледелии в Самаркандском районе / М. Бродовский // Русский Туркестан. – М., 1872. – С.233-261.
52. Бродовский М.К. Техническое производство в Туркестанском крае/М.К. Бродовский. – СПб., 1875. – 89 с.

- 53.Бронников, Н. От Хорога до Ванча / Н.Бронников // Русский Туркестан. – Ташкент, 1899. – Т.1. – С. 1-7.
- 54.Бунаковский, А.В. О пространстве и населении Туркестанского края / А.В.Бунаковский // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1872. – Вып.1. – С.117-133.
- 55.Бурдуков, Н. Гончарные изделия Средней Азии / Н.Бурдюков. – СПб., 1904. – 24 с., 22 с. илл.
- 56.Бурнашев, Т.С. Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары в 1794 и обратно в 1795 г. / Т.С.Бурнашев // Сибирский вестник. – СПб., 1818. – Ч.1. – 265 с.
- 57.Быков. Очерк долины Зеравшана. Расспросы капитана 3-го Западносибирского линейного батальона Быкова / Быков. – Ташкент, 1880. – 23 с.
- 58.Вамбери, А. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени / А.Вамбери. – СПб., 1873. – Т.2. – 240 с.
- 59.Вамбери, А. Очерки Средней Азии (дополнение к Путешествию по Средней Азии) / А.Вамбери. – М., 1868. – 361 с.
- 60.Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии / А.Вамбери. – СПб., 2003. – 175 с.
- 61.Варыгин, М.А. Опыт описания Кулябского бекства / М.А.Варыгин // Известия РГО. – Пг., 1916. – Т.ЛП. – Вып.10. – С.737-803.
- 62.Васильев, П.С. Краткое статистическое описание Каратегина / П.С.Васильев // Сборник материалов по Азии. – 1888. – Вып. 33. – С.8-53.
- 63.Васифи, Зайнаддин. Бадаи ал-вакаи. Критический текст, введ. и указ. А.Н.Болдырева / Зайнаддин Васифи. – М., 1961. – Т.1-2.
- 64.Вельяминов-Зернов, В.В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда Али до Худоярхана / В.В.Вельяминов-Зернов // Труды восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1856. – Т.18. – Ч.2. – С.329-370 .

65. Вельяминов-Зернов, В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1747-1765) / В.В. Вельяминов-Зернов. – Уфа, 1853. – Т.1. – 131 с.
66. Венхо (Фондер-Ховен Б.Н.). Соколиная охота в Горной Бухаре (Очерк русской дамы) / Венхо // Живописное обозрение. – 1897. – № 17. – С.282-283.
67. Веселовский, Н.И. Рамазан в Самарканде и Курбан-Байрам в Бухаре / Н.И. Веселовский // Исторический вестник. – 1909. – Кн.1. – С.569-580.
68. Вирский, М.М. Выставка сельского хозяйства и промышленности в Самарканде в 1894г. / М.М. Вирский // СКСО. – Самарканд, 1895. – Вып.3. – С.94-133.
69. Вирский, М.М. Город Самарканд / М.М. Вирский // СКСО. – Самарканд, 1894. – Вып. II. – С.1-42.
70. Вирский, М.М. О Самаркандском крае и его обитателях таджиках / М.М. Вирский // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1880. – Т. XXXV. – С.223-226.
71. Вирский, М.М. Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1892 г. / М.М. Вирский // СКСО. – Самарканд, 1892. – Вып. II. – С.1-19.
72. Вирский, М.М. Самаркандская область по переписи 1897 г. / М.М. Вирский // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII. – С.302-354.
73. Вяткин, В.Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилоята / В.Л. Вяткин // СКСО. – Самарканд, 1902. – Вып. 7. – С.1-83.
74. Вяткин, В.Л. Науруз в Самарканде / В.Л. Вяткин // Туркестанские ведомости. – 1897. – №314.
75. Гаврилов, М.Ф. Рисола сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов / М.Ф. Гаврилов. – Ташкент, 1912. – 60 с.
76. Гаевский, П. Курган-Тюбинское бекство / П. Гаевский // Известия РГО. – Т. LV. – 1919-1923. – Вып.2. – М.; -Л.: Госиздат, 1924. – С.14-67.
77. Галкин, М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю / М.Н. Галкин. – СПб., 1868. – 336 с.

- 78.Гейер, И.И. Весь Русский Туркестан / И.И.Гейер. – Ташкент, 1908. – 308+ XXXII с.
- 79.Гейер, И.И. От Ташкента до Гавы (Путевые наброски) / И.И.Гейер // Туркестанские ведомости. – 1894. – №89.
- 80.Гейер, И.И. Путеводитель по Туркестану / И.И.Гейер. – Ташкент, 1901. – 255 с.
- 81.Гейер, И.И. Туркестан. – 2-е изд. / И.И.Гейер. – Ташкент, 1909. – 346 с.
- 82.Гийасаддин, Али. Дневник похода Тимура в Индию / Гийасаддин Али. – М., 1965. – 108 с.
- 83.Годский, В. Воспоминания об Алае и Памире / В.Годский // Туркестанские ведомости. – 1899. – №18-19.
- 84.Гребенкин, А.Д. Заметки о Зеравшанской долине / А.Д.Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1873. – №6.
- 85.Гребенкин, А.Д. Мелкие народности Зеравшанского округа / А.Д.Гребенкин // Русский Туркестан: сб., изданный по поводу политехнической выставки. – М., 1872. – Вып.2. – С.110-130.
- 86.Гребенкин, А.Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа / А.Д.Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1873. – Т.2. – С.511-514.
- 87.Гребенкин, А.Д. Таджики / А.Д.Гребенкин // Русский Туркестан: сб., изданный по поводу политехнической выставки. – М., 1872. – Вып.2. – С.1-80.
- 88.Гребенкин, Г.А. Народы Средней Азии / А.Д.Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1874. – Вып.Ш.
- 89.Григорьев, В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым, ориенталистом / В.В.Григорьев. – СПб., 1876. – 575 с.
- 90.Грум-Гржимайло, Г.Е. Очерки Припамирских стран / Г.Е.Грум-Гржимайло // Известия РГО. – 1886. – Т.22. – Вып.2. – С.81-109.

- 91.** Гулишамбаров, С.И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой / С.И. Гулишамбаров. – Асхабад, 1913. – Ч.1. – С.34-87.
- 92.** Давыдова, С.А. Кустарные промыслы в Средней Азии / С.А. Давыдова // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. – СПб., 1894. – Т.П. – С.37-69.
- 93.** Данилевский, Г.И. Описание Хивинского ханства / Г.И. Данилевский // Записки ИРГО. – СПб., 1851. – Вып.5. – С.62-159.
- 94.** Дженкинсон, А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. / А. Дженкинсон // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Л., 1937. – С.167-192.
- 95.** Доклад капитана Б.Л. Громбчевского о путешествии в 1889-1890 гг. для исследования горных долин Гиндукуша, восточных склонов Гималаев и окраин Северо-Западного Тибета (читанный в экстренном собрании РГО 10 января 1891 г.) // Известия РГО. – 1891. – Т.27. – Вып.2. – С.97-118.
- 96.** Достоевский, М. Старина и быт Средней Азии / М. Достоевский. – М., 1917. – 61 с.
- 97.** Дынин, В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана / В.В. Дынин // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1914. – Т.Х. – Вып.1. – С.46-89.
- 98.** Ефремов, Ф. Девятилетнее странствование / Ф. Ефремов. – М., 1952. – 79с.
- 99.** Жуков, Ф. Верхнее Аму-Дарьи / Ф. Жуков // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1880. – №1
- 100.** Жуковский, С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С.В. Жуковский. – Пг., 1915. – 215 с.
- 101.** Завьялов, В.В. Исторический обзор путешествия в Бухару / В.В. Завьялов. – Уфа, 1858. – 28 с.
- 102.** Зайцев, В.Н. Памирская страна. Центр. Туркестан. Историко-географический очерк / В.Н. Зайцев // Ежегодник Ферганской области. – Новый Маргелан, 1903. – Т.П. – С.27-31.

103. Залеман, К. Новые материалы по ягнобском языку / К.Залеман // Записки Восточного отдела РАО. – 1889. – Т.Ш. – С.128-129.
104. Заорская, В.И. Промышленные заведения Туркестанского края / В.И.Заорская, К.А.Александр. – Петроград, 1915. – 182 с.
105. Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И.Демезона и И.В.Виткевича). – М., 1983. – 152 с.
106. Зарубин, И.И. Записка о командировке на Памир в 1915-1916 гг. / И.И.Зарубин // Протоколы Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Пг., 1916. – №3.
107. Зарубин, И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / И.И.Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук. – Пг., 1918. – Т.V. – Вып.1. – С.97-148.
108. Зарубин, И.И. Обувь горных таджиков долины Бартанга / И.И.Зарубин // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук. – СПб., 1915. – Т.Ш. – С.91-122.
109. Зарубин, И.И. Пути с р.Ванч на р.Язгулем, р.Бартанг и р.Гунт / И.И.Зарубин // Известия Туркестанского отдела РГО. – 1916. – Т.ХП. – Вып.1. – С.121-142.
110. Зарубин, И.И.Список народностей Туркестанского края / И.И.Зарубин. – Л., 1925. – 24 с.
111. Зарубин, И.И. Экспедиция для изучения горных таджиков / И.И.Зарубин // Живая старина. – 1914. – Вып.3-4.
112. Иванов, Д. Охота на Памире / Д.Иванов // Природа и охота. – 1885. – 1 янв.
113. Иванов, Д.Л. Путешествие на Памир. Читано в общем собрании Русского географического общества, 11 апреля 1884 г. Отд. отт. из Известия РГО / Д.Л.Иванов. – СПб., 1884. – Т.20. – Вып.2.
114. Иванов, Д.Л. Путешествие на Памир / Д.Л.Иванов // Известия РГО. – 1884. – Т.20. – Вып.2. – С.209-252.

- 115.** Иванов, Д.Л. Шугнан Афганские очерки / Д.Л.Иванов // Вестник Европы. – СПб., 1885. – Т.3. – №6. – С.612-658; Т.4. – №7. – С.48-97.
- 116.** Иванов, И. По ущелью р. Бартанга от Таш-Кургана до Кала-и-Варма. (Из путевых впечатлений и воспоминаний памирца в 1895 г.) / И.Иванов // Русский Туркестан. – 1899. – № 52. – С.65-71.
- 117.** Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. – СПб., 1914. – Сер.11. – №3.
- 118.** Извлечение из отчета генерального штаба капитана Ванковского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып.56.
- 119.** Казанский, К.К. Вблизи Памиров (Путевые впечатления) / К.К.Казанский. – Ташкент, 1892. – 120 с.
- 120.** Кайкавус, Унсурмаоли. Кабуснаме / Унсурмаоли Кайковус / пер., статья и прим. Е.Э.Бертельса. – М., 1958. – 151 с.
- 121.** Кайковус, Унсурмаоли. Кобуснома / Унсурмаоли Кайковус. – Душанбе, 1979.
- 122.** Кирхгоф, М.А. Из поездки на Памиры / М.А.Кирхгоф // Известия Туркестанского отдела РГО. – 1909. – Т.П. – Вып.1. – С.169-170.
- 123.** Клавихо, Руи Гонзалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура.(1403-1406) / Руи Гонзалес Клавихо / пер., предисл. и прим., составл. под ред. И.И.Срезневского // Сборник Отдела русского языка и словести АН. – СПб., 1881. – Т.ХХVШ. – №1. – 457 с.
- 124.** Корженевский, Н.Л. Очерк Памира // Н.Л.Корженевский // Труды Общества землевладения при императорском СПб-ом университете. – СПб., 1909. – Т.2. – С.25-40.
- 125.** Коржинский, С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения / С.Коржинский // Сельское хозяйство и леса. – 1898. – №4. – С.62-69.

126. Косиненко, Н. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. (Изпутевых заметок) / Н.Косиненко // ИИРГО. – Пг., 1915. – Т.51. – С.119-138.
127. Костенко, Л.Ф. Город Бухара в 1870 году / Л.Ф.Костенко // Военный сборник. – 1870. – №12. – С.411-425.
128. Костенко, Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. С маршрутом от Ташкента до Бухары / Л.Ф.Костенко. – СПб., 1871. – 107 с.
129. Костенко, Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности / Л.Ф.Костенко. – СПб., 1871. – 358 с.
130. Костенко, Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа / Л.Ф.Костенко // Материалы для географии и статистики России. – СПб., 1880. – Т.1. – 488 с.; Т.2. – 231 с.; Т.3. – 303 с.
131. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 г. в Ташкентском военном собрании) // Туркестанские ведомости. – 1895. – №12.
132. Кузнецов, П.А. Дарваз (Рекогносцировка ген.шт. капитана Кузнецова в 1892 г.) / П.А.Кузнецов. – Новый Маргелан, 1893. – 175 с.
133. Кузнецов, П.Е. О таджиках Кокандского уезда / П.Е.Кузнецов // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1916. – Т. XII. – Вып.2.
134. Кузнецов, П.Е. О таджиках Наманганского уезда / П.Е.Кузнецов // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1915. – Т. XI. – Вып.2. – Ч.1. – С.1-25.
135. Кузнецов, П.Е. О таджиках Ташкентского уезда // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1900. – Т. П. – Вып.2. – С.31-51
136. Кун, А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине / А.Л.Кун // Военный сборник. – СПб., 1876. – №4. – С.417-448.
137. Кун, А.Л. Очерк Кокандского ханства / А.Л.Кун // Известия РГО. – СПб., 1876. – Т. XII. – С.59-70.

138. Кун, А.Л. Очерк Шахрисябзского бекства / А.Л.Кун // Известия РГО по отделению этнографии. – СПб., 1880. – Т.6. – С.203-237.
139. Кушакевич, А.А. Города Ходжент и Ура-Тюбе / А.А.Кушакевич // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1872. – Вып.1. – С.49-68.
140. Кушакевич, А.А. Кишлаки Ходжентского уезда / А.А.Кушакевич // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1872. – Вып.1. – С.35-48.
141. Кушакевич, А.А. О гончарном производстве в Ходжентском уезде / А.А.Кушакевич // Русский Туркестан. – М., 1872. – Вып.1. – С.50-65.
142. Кушакевич, А.А. Очерки Ходжентского уезда / А.А.Кушакевич // Туркестанские ведомости. – 1872. - №11, 13, 14.
143. Кушакевич, А.А. Садоводство и огородничество в Ходжентском уезде / А.А.Кушакевич // Вестник русского общества садоводов. – 1872. – №2.
144. Кушакевич, А.А. Сведения о Ходжентском уезде / А.А.Кушакевич // Записки РГО по общей географии. – СПб., 1871. – Т.4. – С.173-185.
145. Кушелевский, В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области / В.И.Кушелевский. – Новый Маргелан, 1890. – Т.1-2.
146. Лавров, М.В. Туркестан: география и история края / М.В.Лавров. – М., 1916. – 201 с.
147. Лерх, П.И. Взгляд на результаты Гиссарской экспедиции / П.И.Лерх. – Ташкент, 1876.
148. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства / Лилиенталь // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып.LVII. – С.290-293.
149. Лилиенталь. Кухистан с северной частью Гиссарского бекства / Лилиенталь // Сборник материалов по Азии. – 1887-1888. – Вып.36. – С.9-83.

150. Либиенталь. Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекству / Либиенталь // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып.LVII.
151. Липский, В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах / В.И.Липский. – Ч.1-3. – СПб., 1902-1905; Ч.1. – С.1-318с.; Ч.2. – С.319-541; Ч.3. – С.542.-735.
152. Литвинов, Б.Н. Через Бухару на Памиры / Б.Н.Литвинов // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т.98. – № 11. – С.709-735.
153. Логофет, Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом / Д.Н.Логофет. – СПб., 1911. – Т.1. – 340 с.; Т.2. – 357 с.
154. Логофет, Д.Н. В горах и равнинах Бухары. (Очерк Средней Азии) / Д.Н.Логофет. – СПб., 1913. – 620 с.
155. Логофет, Д.Н. В долинах рек Хингоу и Арзынга. (Путевые очерки по Восточной Бухаре) / Д.Н.Логофет // Военный сборник. – 1913. – № 2. – С.189-204.
156. Логофет, Д.Н. Кулябское бекство и его население / Д.Н.Логофет // Туркестанские ведомости. – 1905. – № 11.
157. Логофет, Д.Н. Путевые очерки по Средней Азии: Кагистан, Самарканд, Миянкал и Заравшанская долина / Д.Н.Логофет // Военный сборник. – СПб., 1912. - №1-4.
158. Логофет, Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние / Д.Н.Логофет. – СПб, 1909. – 238 с.
159. Лыкошин, Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения / Н.С.Лыкошин. – Пг., 1916. – 415 с.
160. Лыкошин, Н.С. Результаты сближения русских с туземцами / Н.С.Лыкошин // Справка по Туркестанскому краю на 1903. – Ташкент, 1903.
161. Лыкошин, Н.С. Хороший тон на Востоке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края / Н.С.Лыкошин. – Пг., 1915. – 116 с.

162. Лыкошин, Н.С. Чапкулукская волость Ходжентского уезда / Н.С.Лыкошин // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII. – С.3-183.
163. Маев, Н.А. Географический очерк Гиссарского и Кулябского бекства / Н.А.Маев // Туркестанские ведомости. – 1877. – №7.
164. Маев, Н.А. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства / Н.А.Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1879. – Вып. V. – С.255-280
165. Маев, Н.А. Джизак и Самарканд / Н.А.Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып.2. – С.269-287.
166. Маев, Н.А. Очерки Бухарского ханства. Гиссарский край, Куляб и прибрежье Аму-дарьи / Н.А.Маев. – Ташкент, 1876. – 85 с.
167. Маев, Н.А. Очерки Гиссарского края / Н.А.Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1879. – Вып. V. – С.130-255.
168. Маев, Н.А. Очерки горных бекств Бухарского ханства / Н.А.Маев // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1879. – Вып. V. – С. 77-332.
169. Маев, Н.А. Путевые заметки о Бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 г. / Н.А.Маев // Военный сборник. – 1877. – Т.116. – №8. – С.296-307.
170. Макшеев, А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи / А.И. Макшеев. – СПб., 1867. – 266 с.
171. Макшеев, А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае / А.И.Макшеев // Записки ИРГО по отд. статистики. – СПб., 1871. – Т.2. – С.1-60.
172. Макшеев, А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских / А.И.Макшеев. – СПб., 1890. – 375 с. – 8 карт.
173. Маллицкий, Н.Г.В географическом обществе / Н.Г.Маллицкий // Туркестанские ведомости. – 1899. – № 99.

174. Марков, Е.Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге / Е.Марков. – СПб., 1901. – Т.1. – 541 с.; Т.П. – 516 с.
175. Марков, Е. Фергана / Е.Марков // Русский вестник. – 1901. – №№6, 7, 9, 11.
176. Масальский, В.И. Туркестанский край / В.И.Масальский // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1913. – Т.XXI. – 869 с.
177. Матвеев, П.П. Поездка по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. / П.П.Матвеев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1883. – Вып.5. – С.1-57.
178. Материалы Всероссийских переписей. Вып.4. – Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917. – Ташкент, 1924.
179. Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; -Л., 1939. – Т.1.
180. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар (Девону лугот ит-турк) / Махмуд Кошгарий. – Ташкент, 1960-1963. – Т.1-3.
181. Мейендорф, Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е.К.Мейендорф. – М., 1975. – 180 с.
182. Миддендорф, Л.Ф. Очерки Ферганской долины / Л.Ф.Миддендорф. – СПб., 1882. – 489 с.
183. Минаев, И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи / И.П.Минаев. – СПб., 1879. – 281 с.
184. Мир Мухаммад, Амини Бухари. Убайдулла-наме / Мир Мухаммад Амини Бухари / пер. с тадж. и прим. А.А.Семенова. – Ташкент, 1957. – 326 с.
185. Моисеев, А.А. Пчеловодство в Ходжентском уезде Самаркандской области / А.А.Моисеев // СКСО. – Самарканд, 1907. – Вып.IX. – С.154-157.
186. Моисеев, И. Самарканд и его достопримечательности (очерк) / И.Моисеев // Природа и мода. – 1902. – С.180-210.

187. Мухаммад, Юсуф Мунши. Мукимханская история / Мухаммад Юсуф Мунши / пер. с тадж. и прим. проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1957. – 303 с.
188. Муханов. Памирский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа / Муханов. – Ташкент, 1912. – 112 с.
189. Мушкетов, И.В. Памир и Алай / И.В.Мушкетов // Живописная Россия. Русская Средняя Азия. – СПб.; - М., 1885. – Т.10. – С. 299-332.
190. Мушкетов, И.В. Рохар (Кала-и-Ванч) / И.В.Мушкетов // Известия РГО. – Пг., 1916. – Т.52. – С.239-243.
191. Мушкетов, И.В. Туркестан. Геологическое и орфографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 год / И.В.Мушкетов. – СПб., 1906. – 236 с.
192. Н.П-в. Весы и меры Средней Азии / Н.П-в. // Туркестанские ведомости. – 1874. – №33.
193. Назаров, П.С. Поездка на Памир / П.С.Назаров // Землевладение. – 1896. – Кн.1. – С.129-140.
194. Назаров, Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии / Ф.Назаров. – СПб., 1821; Нов. изд. – М.: Наука, 1968. – 76 с.
195. Наказы Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч 1669 // Русская историческая библиотека. – СПб., 1894. – Т.15. – С.1-91.
196. Наливкин, В.П. Особенности охоты у туземцев Туркестанского края / В.П.Наливкин // Природа и охота. – 1891. – № 6. – С.60-81.
197. Наливкин, В.П. По поводу книги А.Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины» / В.П.Наливкин // Туркестанские ведомости. – 1883. – №35-39.
198. Наливкин, В.П. Туземцы раньше и теперь. Очерк / В.П.Наливкин. – Ташкент, 1913. – 143 с.
199. Наливкин, В. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы / В.Наливкин и М.Наливкина. – Казань, 1886. – 255 с.

- 200.** Наршахи, Абубакр Мухаммад. Таърихи Бухоро / Абубакр Мухаммад Наршахи. – Душанбе, 1979.
- 201.** Насафи, ас-Самарканди. Кандия малая / Насафи ас-Самарканди; пер. В.Вяткина // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII. – С.233-290.
- 202.** Нечаев, А.В. По горной Бухаре. Путевые очерки / А.В.Нечаев. – СПб., 1914. – 97 с.
- 203.** Низам, ал-Мульк. Сиесат-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька / Низам ал-Мульк; пер., введ. в изучении памятника и примеч. В.И.Заходера. – М.; -Л., 1949.
- 204.** Низами, Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре статьи / Низами Арузи Самарканди; пер. с перс. С.И.Баевского и З.И.Ворожейкиной. – М., 1963. – 173 с.
- 205.** Низоми, Арузи Самарканди. Чахор макола / Низоми Арузи Самарканди. – Душанбе, 1986.
- 206.** Никольский, В.П. Прогулка по Памиру / В.П.Никольский // Ежегодник русского горного общества. 1902. – СПб., 1904.
- 207.** Никольский, М.Э. Благородная Бухара / В.П.Никольский. – СПб., 1903. – 47 с.
- 208.** Никулин, М. Из кооперативной жизни Ферганы / М.Никулин // Ферганские областные ведомости. – 1916. – №22.
- 209.** Новицкий, В.Ф. Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорумское нагорье, Раскем и Кашгарию и Русский Туркестан / В.Ф.Новицкий. – СПб., 1903. – 297 + 20 илл. (Записки РГО. – Т.38. – №1).
- 210.** Носири, Хисрав. Сафарнома / Носири Хисрав. – Душанбе, 1970.
- 211.** Омар, Хайям. Трактаты / Омар Хайям; пер. Б.А.Розенфельда. – М., 1961. – 338 с.
- 212.** Остроумов, Н.П. География Туркестанского края (родиноведение) / Н.П.Остроумов. – СПб., 1886. – 66 с.

213. Остроумов, Н.П. Значение слова сарт / Н.П.Остроумов. – Ташкент, 1884. – 96 с.
214. Остроумов, Н.П. Сарты. Этнографические материалы / Н.П.Остроумов. – Ташкент, 1908. – 288 с.
215. Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г.К.Залеманом // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия П. – 1914. – № 3.
216. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году генерального штаба капитана Покотило. – Ташкент, 1888. – 113 с.
217. Отчет профессора Р.Готью и И.И.Зарубина по командировке на Памир летом 1914 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия П. – 1914. – № 3.
218. Очерк Памиров. Генерального штаба подполковника Эггерта // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1902. – Вып.76.
219. Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз / В.Ф.Ошанин // Известия РГО. – 1881. – Т.17. – Вып.1. – С.21-58.
220. П.- в И. Самарканд и его население / П. - в И. // Кавказ. – 1888. – №311.
221. Пален, К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане / К.К.Пален. – СПб., 1911. – Ч.1. – 419 с; Ч.2. – 262 с.
222. Пашино, П.К. Туркестанский край в 1866г. Путевые заметки / П.К.Пашино. – СПб., 1868. – 76 с.
223. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.LXXXIX. Ферганская область. – СПб., 1904. – С.60-61.
224. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т.LXXXIII. – СПб., 1905. – С.48-49.
225. Петров. Путевые заметки классного топографа Петрова. 1884 / Петров // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1886. – Вып.21. – С.53-102.
226. Петровский, Н.Ф. О шелководстве и шелкомотании Средней Азии / Н.Ф.Петровский. – Ташкент, 1873. – 150 с.

227. Покотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г. // Известия РГО. – 1889. – Т.25. – Вып.6.
228. Поло, Марко. Книга Марко Поло / Марко Поло; пер. И.П.Минаева. – М., 1955. – 376 с.
229. Поло, Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, описанная Русичано в 1298 от р.х. / Марко Поло. – Алма-Ата, 1992.
230. Попов, А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом / А.Н.Попов // Записки ИРГО. – СПб., 1853. – Кн.9. – С.237-434.
231. Путята, Д.В. Очерк экспедиции Ген. Штаба капитана Путяты в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883г. / Д.В.Путята // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб, 1884. – Вып.10. –830 с.
232. Радлов, В.В. Евреи в Самарканде. Из отчета о поездке в Зеравшанский край / В.В.Радлов // Известия РГО. – СПб., 1869. – Т.V. – №6. – С.253-255.
233. Радлов, В.В. Средняя Зерафшанская долина / В.В.Радлов // Записки ИРГО по отделу этнографии. – СПб.,1880. – Т.VI. – Отд.1. – С.1-93.
234. Разгонов, А.К. По Восточной Бухаре и Памиру / А.К.Разгонов. – Ташкент, 1910. – 230 с.
235. Рашидаддин. Сборник летописей / Рашидаддин; пер. с перс. Д.А.Хетагурова., ред. и примеч. проф. А.А.Семенова. – М.; -Л., 1962. – Т.1. – Кн.1; Т.1. – Кн.2 / пер. с перс. О.И.Смирновой, прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой. - М.; -Л., 1952. Т.П. Т.Ш / пер. с перс. А.К.Арендса. – М.; -Л., 1946.
236. Регель, А.Э. Поездка в Каратегин и Дарваз / А.Э.Регель // Известия РГО. – СПб, 1882. – Т.18. – С.268-274.
237. Регель, А.Э. Путешествие в Шугнан / А.Э.Регель // Туркестанские ведомости. – 1884. – №17 (Известия РГО. – 1880. – Т.20. – С.268-274).
238. Реклю Э. Земля и люди / Э.Реклю // Всеобщая география. VI. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. – СПб., 1883. – С.246-247.

- 239.** Розвадовский, В.К. Опыт исследования гончарного и некоторых кустарных промыслов в Туркестанском крае / В.К.Розвадовский // Туркестанское сельское хозяйство. – 1916. – №3. – С.116-154.
- 240.** Савельев, П.С. Бухара в 1835 году. С присоединением известий обо всех путешественниках, посещавших этот город до 1835 года включительно / П.С.Савельев. – СПб., 1836. – 26 с.
- 241.** Сайидо, Насафи. Избранное / Сайидо Насафи. – Сталинабад, 1949. – 99с.
- 242.** Самаркандская область // Туркестан. География и история; сост. М.В.Лавров. – 2-е изд. – М.; -Пг., 1916. – С.117-136.
- 243.** Сборник материалов для статистики Самаркандской области на 1887-1888 гг. – Самарканд, 1890. – Вып.1. – 144 с.
- 244.** Семенов, А.А. Из области воззрений мусульман Средней Азии на качество и значения некоторых благородных камней и минералов / А.А.Семенов // Мир ислама. – 1912. – Т.1. – №3. – С.293-321.
- 245.** Семенов, А.А. Из области религиозных верований горных таджиков / А.А.Семенов // Этнографическое обозрение. – М., 1899. – Кн.43. – №4. – С.81-88.
- 246.** Семенов, А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов / А.А.Семенов // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т.1. – С.523-561.
- 247.** Семенов, А.А. К догматике памирского исмаилизма / А.А.Семенов. – М., 1926. – 52 с.
- 248.** Семенов, А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии / А.А.Семенов. – М., 1900. – Ч.1 (Грамматический очерк и памятники народного творчества). – 56 с.
- 249.** Семенов, А.А. Отношение к детям горных таджиков / А.А.Семенов // Этнографическое обозрение. – М., 1899. – Т.42. – №3. – С.99-107.
- 250.** Семенов, А.А. На рубеже Афганистана. В благодатном Хисоре / А.А.Семенов. – М., 1900. – 22 с.

- 251.** Семенов, А.А. Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Бе-ха-уд-Дине / А.А.Семенов // Записки Восточного отдела РАО. – 1915. – Т.22. – С.321-326.
- 252.** Семенов, А.А. Средняя Азия / А.А.Семенов. – М., 1899. – 96 с.
- 253.** Семенов, А.А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза / А.А.Семенов. – М., 1903. – 112 с.
- 254.** Семенова (Хохрякова), Л.И. Чародейство, гадание и лечение сартянок в Самаркандской области на 1894 год / Л.И.Семенова (Хохрякова). – Самарканд, 1894. – Вып.2.
- 255.** Серебренников, А.Г. Очерк Памира / А.Г.Серебренников. – СПб., 1900. – 80 с.
- 256.** Серебренников, А. Очерк строительных материалов Ферганской области и Памира / А.Г.Серебренников // Инженерный журнал. – 1894. – № 9. – С.1105-1138.
- 257.** Серебренников, А.Г. Очерки Шугнана / А.Г.Серебренников // Военный сборник. – 1895. – Т.226. – №12. – С.406-430.
- 258.** Серебренников, А.Г. Памир (Краткий очерк) / А.Г.Серебренников // Ежегодник Ферганской области. – Новый Маргелан, 1892. – Т.1. – С.90-158.
- 259.** Серебренников, А.Г. Рекогносцировка Шугнана в 1894 (Странички из истории Памирского вопроса) / А.Г.Серебренников // Туркестанские ведомости. – 1896. – № 61.
- 260.** Си ю цзи или описание путешествия на Запад / пер. с кит. и прим. Архимандрита Палладия // Тр. чл. Росс. духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т.IV. – С.290-310
- 261.** Симаков, Н.Е. Искусство Средней Азии. Сборник орнаментов и узоров, снятых с природы на памятниках гончарных, ткацких, ювелирных и др. в 1879 / Н.Е.Симаков. – Ташкент, 1883. – 6 с.+50 табл. в красках.

- 262.** Ситняковский, Н.Ф. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана / Н.Ф.Ситняковский // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1889. – Т.1; 1900. – Т.2.
- 263.** Слуцкий, И.М. Очерк хлопководства в Самаркандской области / И.М.Слуцкий // СКСО. – Самарканд, 1897. – Вып.5. – С.1-49.
- 264.** Случановский. Самарканд и его прошлое / Случановский. – Самарканд, 1911. – 48 с.
- 265.** Снесарев, А.Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) / А.Е.Снесаров // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1906. – Вып. LXXIX. – С.1-149.
- 266.** Снесарев, А.Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира / А.Е.Снесаров // Туркестанские ведомости. – 1904. – № 89-94.
- 267.** Соболев, Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа / Л.Н.Соболев // Записки РГО. Отдел статистики. – 1874. – Т.4. – С.161-454.
- 268.** Список населенных пунктов Самаркандской области. – Самарканд, 1909. – С.20-103.
- 269.** Список населенных пунктов Ферганской области. – Скобелев, 1909. – С.52-122.
- 270.** Среднеазиатские народы. Таджики // Народы России. Этнографические очерки. – СПб., 1880. – С.608-635.
- 271.** Станкевич, Б.В. Отчет о командировке в Закаспийский край и на Памир / Б.В.Станкевич. – Варшава, 1900.
- 272.** Станкевич, Б.В. По Памиру (Путевые заметки) / Б.В.Станкевич // Русский вестник. – СПб., 1904. – № 8. – С.624-657; №9. – С.235-269.
- 273.** Статкевич. Бассейн Каратагдарьи. Военно-статистический очерк / Статкевич // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып. 57. – С.346-374.

- 274.** Стремоухов, Н.В. В Средней Азии (Из записок русского путешественника) / Н.В.Стремоухов // Нива. – 1879. – №23-25.
- 275.** Тагеев, Б.П. Через Алай и Памир. Очерк путешествий по Памиру / Б.П.Тагеев. – М., 1905. – 146 с.
- 276.** Таджики в источниках и трудах исследователей/Составитель С.Бобомуллоев. – Душанбе, 2013.-
- 277.** Терентьев, М. История Завоевания Средней Азии / М.Терентьев. – СПб., 1905. – Т.1.
- 278.** Терентьев, М.А. От Ташкента до Самарканда / М.А.Терентьев // Русский инвалид. – 1868. – №103.
- 279.** Терентьев, М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России / М.А.Терентьев // Записки РГО. Отдел статистики. – 1874. – Т.IV. – С.1-129.
- 280.** Усов, П.С. Зеравшанский край и Самарканд / П.С.Усов // Живописная Россия. – Т.10. Средняя Азия. – М., 1885. – 448 с.
- 281.** Уф... Памиры / Уф // Туркестанские ведомости. – 1897. – №87.
- 282.** Февралев, А. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки / А.Февралев // Военный сборник. – СПб., 1895. – №9. – С.219-228.
- 283.** Федченко, А.П. В Кокандском ханстве / А.П.Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1873. – Вып. I.
- 284.** Федченко, А.П. Заметки о Верхнем Зеравшане / А.П.Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1873. – Вып.2. – С.49-52.
- 285.** Федченко, А.П. Путешествие в Туркестан. В Кокандском ханстве / А.П.Федченко // Известия любителей естествознания, археологии и этнографии. – СПб., 1875. – Т.XI. – Вып.7. – С.15-24.
- 286.** Федченко, А.П. Путешествие в Туркестан / А.П.Федченко. –М.: Географгиз, 1950. – 462 с.

- 287.** Федченко, А.П. Топографический отчет Зеравшанской долины и заметки о соседних беках и памятниках Самарканда. Прот.засед., 1869 / А.П.Федченко // Известия любителей естествознания, архелогии и этнографии. – М.,1870. – Т.VIII. – Вып.1. – С.19-42.
- 288.** Ханыков, Н.В. Описание Бухарского ханства / Н.В.Ханыков. – СПб., 1843. – 279 с.
- 289.** Ханыков, Н.В. Самарканд (рассказ очевидца) / Н.В.Ханыков // Русский инвалид. – СПб., 1868. – №161. – 16 с.
- 290.** Ханыков, Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями / Я.В.Ханыков // Записки ИРГО. – СПб., 1851. – Кн. 5. – С.268-358.
- 291.** Хафиз, Таниш Бухари. Абдуллонама / Хафиз Таниш Бухари. – Ташкент, 1966, 1969. – Т.1-2.
- 292.** Хорошхин, А.П. Народы Средней Азии / А.П.Хорошхин // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – СПб., 1874. – Вып.3. – С.303-330.
- 293.** Хорошхин, А.П. По дорогам Средней Азии / А.П.Хорошхин // Военный сборник. – СПб., 1870. – Т. 71. – С.41-85.
- 294.** Хорошхин, А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края / А.П.Хорошхин. – СПб., 1876. – 532 с.
- 295.** Хохлов, И. Статейный список посольства в Бухарию дворянина И.Хохлова. Сборник князя Хилкова / И.Хохлов. – СПб.,1879. – С.388-445.
- 296.** Хрисанф, Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 г. / Хрисанф Митрополит Новопатрасский // Чтение в обществе и древности России при Московском университете. – М., 1861. – Кн.1. –С.1-28.
- 297.** Худуд-уд-олам. – Душанбе, 1983. – 132 с.
- 298.** Хусайн, Воиз Кошифи. Фугувватномаи султони / Хусайн Воиз Кошифи. – Душанбе, 1991. – 121 с.

- 299.** Чейкин, М.И. Географический очерк Восточного Памира / М.И.Чейкин // Известия Туркестанского отдела РГО. – 1914. – Т.Х. – Вып.1.
- 300.** Шахназаров, А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае / А.И.Шахназаров. – СПб., 1908. – 512 с.
- 301.** Шильтбергер, И. Путешествия Ивана Шильтбергера... по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 года / И.Шильтбергер; пер. с нем. и прим. Ф.Браун // Записки Императорского Новороссийского университета. – Одесса, 1867. – Ч.1.
- 302.** Шишов, А. Сарты / А.Шишов. – Ташкент, 1904. – Т.1.
- 303.** Шишов, А. Таджики / А.Шишов. – Ташкент, 1910. – 330 с.
- 304.** Шишов, А. Таджики / А.Шишов. – Алматы, 2006. – 392 с.
- 305.** Шубинский, П. Очерки Бухары / П.Шубинский. – СПб., 1892.
- 306.** Южаков, Ю.Д. Наши приобретения в Средней Азии (Ура-Тюбе и его округ) / Д.Ю.Южаков // Отечественные записки. – 1867. – №14.
- 307.** Южаков, Ю.Д. Сарты или таджики, главное оседлое население Туркестанской области / Д.Ю.Южаков // Отечественные записки. – 1867. – №14.
- 308.** Юсуф, Баласагунский. Благодатное знание / Юсуф Баласагунский. – М., 1983. – 560 с.
- 309.** Юсуф, Хос Ходжиб. Кутатгу билиг / Юсуф Кос Ходжиб. – Ташкент, 1990. – 170 с.
- 310.** Юхновский, Н. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча / Н.Юхновский // Туркестанские ведомости. – 1894. – №65.
- 311.** Яворский, И.Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана / И.Л.Яворский. – СПб., 1889. – Ч.1.
- 312.** Яворский, И.Л. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству 1878-1879гг. / И.Л.Яворский. – СПб., 1882. – Т.1. – 383 с.
- 313.** Якуби. Китаб ал-булдан / Якуби // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; -Л., 1939. – Т.1.

- 314.** Ярославский, И.Л. Краткий очерк о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894г. / И.Л.Ярославский. – Одесса, 1895. – Т.1-2.
- 315.** *Discriptio imperii moslemiciauctore Shamsod-din Abu Abdoliah Mohammad ibn Ahmad ibn abi Bekr al-Bannaal-Bassharial-Mokaddasi. Ed. M.J.de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877, ed.2, 1906 (BGA,III).*
- 316.** *Liber expugnationis reionuma uctore ImamoAhmed ibnJahja ibn Djabir al Baladsori, kuem e codice Leidensi et codice Musti Brittannici ed.M.J. deGoeje.-Lugduni Batavorum, 1866.*
- 317.** *The trevels ibn Battuta (ad/ 1325-1354). VolIII. Naktuyt Soety. – Cambridge. 1971.*
- 318.** *Viae regnorum Descriptio ditionis mosiemice autore Abu Ishak al- Farisi al- Istakhri Ed. M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1870.*
- 319.** *Liber expughationum regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabiral Baladsori quem e codice Leidensi et codice Musei Brttannici et M.J. de Goeje. – Lugduni Batavdrum, 1866.*

III. Научные исследования:

а)Монографии и книги

- 320.** Абдулвахидов Р.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства у таджиков в конце XIX – начале XX вв. / Р.М.Абдулвахидов. – Душанбе: РТСУ, 2011. – 297с.
- 321.** Акрамов, Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии Памира и Припамирья в трудах Б.Л.Громбчевского / Н.М.Акрамов. – Душанбе: Дониш, 1974. – 131 с.
- 322.** Акрамова, Х.Ф. Востоковед Михаил Степанович Андреев / Х.Ф.Акрамова и Н.М.Акрамов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 222 с.
- 323.** Алиев, Р. Омар Хайям / Р.Алиев, М.Н.Османов. – М., 1959. – 145 с.
- 324.** Андреев, М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира / М.С.Андреев. – Ташкент, 1928. – 41 с.

- 325.** Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) / М.С.Андреев. – Душанбе: АН Тадж. ССР, 1953. – Вып.1. – 251 с.
- 326.** Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) / М.С.Андреев. – Душанбе: АН Тадж. ССР, 1958. – Вып. П. – 522 с.
- 327.** Арапов, Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии / Д.Ю.Арапов. – М.: Наука, 1981. – 211 с.
- 328.** Бабаханов, М.Б. История таджиков мира / М.Б.Бабаханов. – Душанбе: Деваштич, 2004. – 573 с.
- 329.** Бакиев Р.У.Н.А.Кисляков этнограф-таджиковед. – Душанбе:Дониш,2016. – 211 с.
- 330.** Атлас Таджикской ССР. – Душанбе, 1968. – 200.
- 331.** Бертельс, А.Е. Насири Хисрав и исмаилизм / А.Е.Бертельс. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – 289 с.
- 332.** Бойматов, Л.Д. Сочинения Рашидаддина как источник по истории народов Средней Азии / Л.Д.Бойматов. – Душанбе, 1983.
- 333.** Бокиев, О.Б. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей / О.Б.Бокиев. – Душанбе: Дониш, 1991. – 168 с.
- 334.** Бокиев, О.Б. Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной историографии / О.Б.Бокиев. – Душанбе: Ирфон,1976. – 150 с.
- 335.** Болдырев, А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии) / А.Н.Болдырев. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 356 с.
- 336.** Болтаев, М.Н. Абу Али ибн Сина – великий мыслитель, ученый-энциклопедист средневекового Востока / Болтаев М.Н. – Ташкент, 1980. – 163 с.
- 337.** Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В.Бромлей. – М., 1973. – 283 с.
- 338.** Бюрк, А. Путешествие венецианца Марко Поло / А.Бюрк; пер. А.Шемякина. – М., 1983.

- 339.** Валиев А. Этнографическое изучение таджиков Центральной Азии в новейшее время (1920-2017 гг.). – Душанбе, - 207 с.
- 340.** Васильева, Г. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке / Г.Васильева. – М.: Наука, 2003. – 198 с.
- 341.** Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г.Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 664 с.
- 342.** Гафуров, Б.Г. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асрҳои миёна ва давраи нав / Б.Г.Гафуров. – Душанбе: Дониш, 2008. – С.616-619.
- 343.** Гинзбург, В.В. Горные таджики / В.В.Гинзбург // Труды Ин-та археологии и антропологии. Т.16. – М.; -Л., 1937. – 475 с.
- 344.** Губаева, С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX вв. / С.С.Губаева. – Ташкент, 1991. – 127 с.
- 345.** Губаева, С.С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX вв. (по данным топонимики) / С.С.Губаева. – Ташкент, 1983. – 105 с.
- 346.** Давыдов, А.С. Этническая принадлежность коренного населения горного Бадахшана (Памира) / А.С.Давыдов. – Душанбе, 2005. – 152 с.
- 347.** Джахонов, У.Д. Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. / У.Д.Джахонов. – Душанбе, 1989. – 216 с.
- 348.** Дубовицкий, В.В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1868-1917) / В.В.Дубовицкий. – Душанбе: Хумо, 2006. – 188 с.
- 349.** Дьяконов, М. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней / М.Дьяконов. – Л., 1932. – 83 с.
- 350.** Ершов, Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) / Н.Н.Ершов // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т.28. – Душанбе, 1960. – 174 с.
- 351.** Ибрагимов, И. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии / И.Ибрагимов. – М.: Наука, 1988. – 128 с.

- 352.** Икромов, Н. Саҳми шаркшиносони рус дар омузиши таърих ва маданияти аҳолии шимолии Тоҷикистон (1867-1917) / Н.Икромов. – Худжанд, 2015.
- 353.** Искандаров, Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России / Б.И.Искандаров. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 214 с.
- 354.** Искандаров, Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. / Б.И.Искадаров. – Душанбе: Андалеб Р.,2015.- 664 с.
- 355.** Искандаров, Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана / Б.И.Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1974. – 76 с.
- 356.** История таджикского народа. – М.: Наука, 1964. – Т.П. – Кн.1. – 492 с.
- 357.** История таджикского народа – М.: Наука, 1964. – Т.П. – Кн.2. – 355 с.
- 358.** История таджикского народа. Позднее средневековья и новое время (XVI в. – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. – С.290-935.
- 359.** Ишанкулов, Х.Т. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX – начало XX вв.) / Х.Т.Ишанкулов. – Душанбе: Дониш, 1972. – 121 с.
- 360.** Каландаров, Т. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование) / Т.Каландаров. – М., 2004. – 478 с.
- 361.** Кармышева, Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана / Б.Х.Кармышева. – М.: Наука, 1976. – 323 с.
- 362.** Кедров, Б.М. Абу Райхан Бируни / Б.М.Кедров, Б.А.Розенфельд. – М.,1973. – 55 с.
- 363.** Кисляков, Н.А. Брак и семья у таджиков. По материалам конца XIX – начала XX века / Н.А.Кисляков // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Т.44. – М.; -Л., 1959. – 269 с.
- 364.** Кисляков, Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.) / Н.А.Кисляков // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. – Л.: Наука,1977. – 131 с.

- 365.** Кисляков, Н.А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана / Н.А.Кисляков. – 2-е изд., испр. и доп. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 222 с., 30 ил., 1 карта.
- 366.** Кисляков, Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана / Н.А.Кисляков. – Л.: Наука, 1969. – 240 с.
- 367.** Кисляков, Н.А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX в. / Н.А.Кисляков // Тр. Ин-та этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Т.74. – М.; -Л., 1962. – 170 с.
- 368.** Литвинский, Б.А. Александр Александрович Семенов / Б.А.Литвинский, Н.М.Акрамов. – М., 1971. – 180 с.
- 369.** Лунин, Б.В. Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана / Б.В.Лунин. – Ташкент, 1976. – Т.1. – 422 с.; Ташкент, 1977. – Т.2. – 427 с.
- 370.** Лунин, Б.В. Научные общества в Туркестане и их прогрессивная деятельность / Б.В.Лунин. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. – 345 с.
- 371.** Лунин Б.В.Средняя Азия в советском востоковедении / Б.В.Лунин. – Ташкент,1966.
- 372.** Майтдинова, Г.М. Система и культура питания таджиков. Очерки древней и средневековой истории / Г.М.Майтдинова, А.Негмати. – Душанбе, 1993. – 119 с.
- 373.** Масанов, Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР / Э.А.Масанов. – Алма-Ата, 1966. – 322 с.
- 374.** Маслова, О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / О.В.Маслова. – Ташкент, 1955. – Ч.1. 1715-1856. – 88 с.; Ташкент, 1956. – Ч.2. 1856-1869; Ташкент, 1956; Ташкент, 1962. – Ч.3. 1869-1880. – 181 с.
- 375.** Масов, Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция / Р.Масов. – Душанбе, 2003.

- 376.** Масов, Р.М. Таджики. История с грифом «совершенно секретно» / Р.Масов. – Душанбе: Центр издания культурного наследия, 1991. – 200с.
- 377.** Мирзоев, А. Абуисхок / А.Мирзоев. – Душанбе, 1971.
- 378.** Мирзоев, А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы / А.Мирзоев. – Сталинабад, 1954. – 208 с.
- 379.** Муродов, О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнограф. иссл. к истории религии и атеизма) / О.Муродов. – Душанбе: Дониш, 1979. – 116 с.
- 380.** Мухиддинов, И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века / И.Мухиддинов. – М.: Наука, 1975. – 125 с.
- 381.** Мухиддинов, И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века / И.Мухиддинов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с.
- 382.** Мухиддинов, И. Реликты домусульманских обычаев и обрядов земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.) / И.Мухиддинов. – Душанбе: Дониш, 1989. – 98 с.
- 383.** Негмати, А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков / А.Негмати. – Душанбе, 1989. – 126 с.
- 384.** Назирова, Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении / Н.Н.Назирова. – М.: Наука, 1992. – 194 с.
- 385.** Народы Средней Азии и Казахстана. – М., 1962. – Т.1. – С.528-637.
- 386.** Негматов, Н.Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан / Н.Н.Негматов. – Гиссар, 1992. – 38 с..
- 387.** Ошанин, Л.В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана / Л.В.Ошанин // Тр. АН Тадж. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т.62. – Сталинабад, 1957. – 143 с.
- 388.** Ошанин, Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов / Л.В.Ошанин // Труды Среднеазиатского государст-

- венного университета. Новая серия. Вып. ХСVIII. Исторические науки. – Ереван, 1959. (ТСАГУ). – Кн.18. – 159 с.
- 389.** Пещерева, Е.М. Ягнобские этнографические материалы / Е.М.Пещерева. – Душанбе: Дониш, 1976. – 98 с.
- 390.** Пирумшоев, М.Х. Памир в трудах русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. / М.Х.Пирумшоев. – Душанбе, 2012. – 198с.
- 391.** Пирумшоев, Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX вв. в русской историографии / Х.Пирумшоев. – Душанбе: Маориф, 2000. – 338 с.
- 392.** Пирумшоев, Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. / Х.Пирумшоев. – Душанбе: Дониш, 1992. – 130 с.
- 393.** Пирумшоев, Х. Таърихи Дарвоз (аз кадим то замони муосир) / Х.Пирумшоев. – Душанбе: Ирфон, 2008. – С.64-183.
- 394.** Пирумшоев, Х. Россия-Таджикистан: история взаимоотношений / Х.Пирумшоев, М.Маликов. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 688 с.
- 395.** Писарчик, А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990). / А.К.Писарчик. – Душанбе, 2002. – 170 с.
- 396.** Поляков, С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана / С.П.Поляков. – М., 1980. – 168 с.
- 397.** Раджабов, З.Ш. Развитие науки в Таджикской ССР / З.Ш.Раджабов. – М., 1964. – 111 с.
- 398.** Рахимов, М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (ист.-этногр. очерк) / М.Р.Рахимов // Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР. Т.43. – Сталинабад, 1957. – 221 с.
- 399.** Саидкулов, Т.С. Самарканд во второй половине XIX – начале XX веков / Т.С.Саидкулов. – Самарканд, 1970. – 254 с.
- 400.** Саъдиев, С. Сузани ва мухити адабии Самарканди асри XII / С.Саъдиев. – Душанбе, 1974. – 65 с.

401. Снесарев Андрей Евгеньевич (жизнь и научная деятельность). – М.: Наука, 1973. – 160 с.
402. Сухарева, О.А. Бухара XIX – начала XX вв. (Позднефеодальный город и его население) / О.А.Сухарева. – М.: Наука, 1966. – 328 с.
403. Сухарева, О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки) / О.А.Сухарева. – Ташкент, 1958. – 148 с.
404. Сухарева, О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX вв. Ремесленная промышленность / О.А.Сухарева. – Ташкент, 1965. – 194 с.
405. Сухарева, О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары / О.А.Сухарева. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
406. Токарев, С.А. Истоки этнографической науки / С.А.Токарев. – М., 1978. – 167 с.
407. Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А.Токарев. – М., 1966. – 453 с.
408. Тошматов, Н.Э. Традиционная свадебная обрядность населения г. Ура-Тюбе и его сельской округи (конец XIX – первая половина XX вв.) / Н.Э.Тошматов. – Душанбе: Бухара, 2016. – 260 с.
409. Турсунов, Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX – начале XX вв.) / Н.О.Турсунов. – Душанбе: Дониш, 1974. – 207 с.
410. Турсунов, Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. / Н.О.Турсунов. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 541 с.
411. Турсунов, Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана в XIX – начале XX вв. / Н.О.Турсунов. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 302 с.
412. Хамраев, М. Очерки истории Хиссарского бекства конца XIX и начала XX вв. / М.Хамраев // ТИИАЭ АН Тадж. ССР. Т.СХIV. – Сталинабад, 1959. – 88 с.

- 413.** Хамиджанова, М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли / М.А.Хамиджанова. – Душанбе: Дониш, 1974. – 179 с.
- 414.** Худзяковская, Я. Люди великой отваги. Рассказы о польских путешественниках / Я.Худзяковская, Я.Ястер; пер. с польского. – М., 1957.–300 с.
- 415.** Шарипов, Х. Точикони бурунмарзи / Х.Шарипов. -Худжанд,1999. -511 с.
- 416.** Шафаков, Х. Историко - этнический очерк по животноводству Восточной Бухары (конца XIX – начала XX вв.)/ Х.Шафаков. – Душанбе: Эрграф,2016. – 170 с.
- 417.** Юсупов, Ш. Вахшская долина накануне установления Советской власти / Ш.Юсупов. – Душанбе: Дониш, 1975. – 131 с.
- 418.** Юсупов, Ш. Кабадианское бекство в конце XIX – начале XX века / Ш.Юсупов. – Душанбе: Дониш, 1986. – 133 с.
- 419.** Юсупов, Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. / Ш.Юсупов. – Душанбе: АН Тадж. ССР, 1964. – Т.XL1. – 126 с.
- 420.** Юсуфбекова, З. Семья и семейный быт шугнанцев. Конец XIX – начало XX века/З.Юсуфбекова. – М.:ИЭА РАН,2015. – 222 с.

б) Статьи в научных журналах

- 421.** Губаева, С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX в.) / С.С.Губаева // Советская этнография. – 1987. – №1. – С.91-92.
- 422.** Ершов, Н.Н. К истории развития этнографической науки в Таджикистане / Н.Н.Ершов // Советская этнография. – 1968. – №4. – С.87-92.
- 423.** Зарубин, И.И. Сказание о первом кузнеце в Шугнани / И.И.Зарубин // Известия АН СССР. V.1 серия. – 1926. – Т.20. – № 12. – С.121-132.
- 424.** Лунин, Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края / Б.В.Лунин // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1962. – № 6. – С.30-39.

425. Мирзоев, А. Сайфи Бухори в роли у дар адабиети доираҳои хунараманди / А.Мирзоев // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ.наук. – Сталинабад, 1957. – №7.
426. Семенов, А.А. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции / А.А.Семенов // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ.наук – Сталинабад, 1958. – №2 (17). – С.3-9.

в) Сборники статей

427. Андреев, М.С. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисола) / М.С.Андреев // Этнография. – 1927. – Кн.IV. – №2. – С.323-326.
428. Андреев, М.С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения / М.С.Андреев // Таджикистан (общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент, 1925. – Кн.1. – С.163-165.
429. Андреев, М.С. «Рисола» кузнечного цеха из Северной Индии на языке пушту / М.С.Андреев // Сборник Туркестанского восточного института в честь А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1923. – С.9-13.
430. Бабаева, Н.С. Этнографическое изучение Куляба / Н.С.Бабаева // История и культура Куляба (прошлое и настоящее). – Куляб, 1989. – С.46-48.
431. Бартольд, В.В. Еще о слове сарт / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1964. – Т.П. – Кн.2. – С.310-314.
432. Бартольд, В.В. Иран. Исторический очерк / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1971. – Т.VII. – С.298-299.
433. Бартольд, В.В. История изучения Востока в Европе и России / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1977. – Т.IX. – С.197-482.
434. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т.П. – Ч.1. – С.169-433.
435. Бартольд, В.В. Очерки истории Семиречья // Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т.П. – Ч.1. – С.21-106.

436. Бартольд, В.В. Рецензия на книгу «Справочная книга Самаркандской области» / В.В.Бартольд // Сочинения. – М., 1973. – Т.VIII. – С.254-264.
437. Бартольд, В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестан / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1977. – Т.IX. – С.510-521.
438. Бартольд, В.В. Таджики. Исторический очерк / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т.II. – Ч.1. – С.451-468.
439. Бартольд, В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В.Бартольд // Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т.1. – 582 с.
440. Бартольд, В.В. Хафиз-и Абру и его сочинение // Сочинения. – М.: Наука, 1973. – Т.VIII. – С.74-97.
441. Бетгер, Е.К. «Туркестанский сборник» и участие в нем А.А.Семенова / Е.К.Бетгер // Труды АН Тадж.ССР. Т.XVII. – Сталинабад, 1953.
441. Давыдов, А.С. О восточных пределах этнической территории таджикского народа / А.С.Давыдов // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989. – С.186-201.
442. Зарубин, И.И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги / И.И.Зарубин // В.В.Бартольду – туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С.361-373.
443. Ибрагимов, И. Путешествия Ибн Батуты (1333) как источник по истории Средней Азии / И.Ибрагимов // Средняя Азия в древности и средневековья. – М., 1977.
444. История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – 367с. .
445. История и этнография народов Средней Азии: сб.статей. – Душанбе, 1981. – 153 с.
446. Кисляков, Н.А. Таджики / Н.А.Кисляков // Народы Средней Азии и Казахстана. – М., 1962. – Т.1. – С.528-637.
447. Кисляков, Н.А. Таджики долины Соха / Н.А.Кисляков // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии / Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т.17. – Сталинабад, 1953. – С.111-119.

448. Кисляков, Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана / Н.А.Кисляков // Труды Тадж. ФАН СССР. – Душанбе, 1951. – Т. 29. – С.53-66.
449. Кисляков, Н.А. Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза / Н.А.Кисляков // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1966. – Вып.1. – С.9-24.
450. Литвинский, Б.А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии / Б.А.Литвинский // Этнография Таджикистана. – Душанбе, 1985. – С.132-142.
451. Масов, Р.М. Историческое значение добровольного вхождения Горного Бадахшана к России (История, современность, перспективы) / Р.М.Масов // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки озода, 1998. – С.127-136.
452. Моногарова, Л.Ф. Этнографическое изучение Советского Бадахшана. – 2-е изд / Л.Ф.Моногарова, И.Мухиддинов // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе, 1985. – С.352-387.
453. Памяти Михаила Степановича Андреева // Труды АН Тадж.ССР. – Душанбе, 1960.
454. Петрушевский, И.П. Рашидаддин и его исторический труд «Сборник летописей» / И.П.Петрушевский // Рашидаддин. Указ. соч. – Т.1. – Кн.1. –С.5-38.
455. Пирумшоев, Х. Памир в первой половине XIX – начале XX вв. / Х.Пирумшоев // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Душанбе: Пайванд, 2005. – Т.1. – С.282-378.
456. Писарчик, А.К. Михаил Степанович Андреев (1872-1948) /А.К.Писарчик // Памяти Михаила Степановича Андреева / Тр. ТИИАЭ АН Тадж. ССР. Т.120. – Сталинабад, 1960. –С.3-29.
457. Писарчик, А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948) – исследователь культуры и быта народов Средней Азии / А.К.Писарчик // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Тр. Ин-

та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Т.140. – Л.; -М., 1977. – С.126-132.

- 458.** Писарчик, А.К. Этнография / А.К.Писарчик // Таджикиская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. – Душанбе,1974. – С.238.
- 459.** Рахимов, Р.Р. Иван Иванович Зарубин / М.Р.Рахимов // Советская этнография. – 1989. – № 1. – С.24-29.
- 460.** Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки озад, 1998. – 156 с.
- 461.** Семенов, А.А. Историография Таджикистана (первая половина XIXв.) / А.А.Семенов // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955. – Т.1. – С.534-645.
- 462.** Семенов, А.А. Историография Таджикистана (конец XIX – начало XX вв. /А.А.Семенов // Избранные сочинения. – Душанбе,2013. - С. 334-339.
- 463.** Суфиев, У. Этнографическое изучение таджиков вне пределов Таджикистана (к постановке проблемы) / У.Суфиев // Материалы Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. – Ленинабад, 1991. – С.52-54.
- 464.** Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш,1966. – Вып.1. – 321с.
- 465.** Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970. – Вып.2. – 312с.
- 466.** Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976. – Вып.3. – 312с.
- 467.** Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе, 1990. – 304 с.
- 468.** Хайтун, Д.Е. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (Краткий очерк) / Д.Е.Хайтун, Ю.А.Шиббаева // Ученые записки Тадж.гос. ун-та / Тр. ист.- фил.фак-та. – 1955. – Т.7. – С. 47-66

- 469.** Шовалиева, М. Вклад русских исследователей в изучении календарной системы горных таджиков / М.Шовалиева // Наследие предков. – 2012. – №15. – С.166-167.
- 470.** Этнографические очерки Таджикистана и Узбекистана (XVI – начало XXвв.). – М., 1969.
- 471.** Этнография в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1989. – 210 с.
- 472.** Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – 180 с.

г) Диссертации

- 473.** Абашин, С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема сартов в XIX – начале XXв.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.07/ Абашин С.Н. – М., 2009. – 53 с.
- 474.** Акрамов, Н.М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Н.М. Акрамов. – Душанбе; М., 1975. – 38 с.
- 475.** Бондарчик, Н.К. История белорусской этнографии II пол. XIX в. – начала XX в.: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Бондарчик Н.К. – Минск, 1965. – 37 с.
- 476.** Бушков, В.И. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.07 / В.И. Бушков – М., 1988. – 24 с.
- 477.** Загребин, А.Е. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – начале XX вв.: история, теория, практика: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Загребин А.Е. – Чебоксары, 2009. – 43 с.
- 478.** Зотова, Н.А. История расселения таджиков на территории Северо-Западной Ферганы: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.07 / Зотова Н.А. – М., 2003. – 32 с.
- 479.** Керимов, А. История этнографического изучения Азербайджана в русской науке (XVIII – XIX вв.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.09 / Керимов А. – Баку, 1968. – 24 с.

480. Люшкевич, Ф.Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.07 /Люшкевич Л.Ф – Л., 1976. – 23 с.
481. Мухиддинов, И. Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX в.): автореф. дис...д-ра ист. наук: 07.00.07 / Мухиддинов И. – М., 1984. – 47 с.
482. Поляков, С.П. Историческая этнография Средней Азии и проблемы ареальной типологизации и периодизации: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Поляков С.П. – М.,1993. – 61 с.
483. Сайнаков, С.П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.09 / С.П. Сайнаков. – Душанбе,2015. – 25 с.
484. Сафаралиев, Б. Развитие духовной культуры таджикского народа: Социокультурный аспект (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис... д-ра пед. наук / Сафаралиев Б. – М., 2005. – 46 с.
485. Юсуфбекова, З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XXв.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.07 / З. Юсуфбекова. – Л., 1987. – 28 с.

д) Опубликованные работы по диссертации

Монографии:

- 1-А.Валиев А. Историческая этнология таджиков (XI-XV вв.) / отв. ред. д-р ист. наук, проф. Х.П.Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ,2009. – 136 с
- 2-А.Валиев А.Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.)/ отв. ред. д-р ист. наук, проф. Х.П.Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229с.
- 3-А. Валиев А.Этнографическое изучение таджиков в первой половине XIX века / отв. ред. д-р ист. наук, проф.Х.П.Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ,2013. – 80с.

**Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах
и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования
и науки РФ и ВАК при Президенте Республики Таджикистан**

4- А. Валиев А. Вопросы традиционной культуры таджиков Восточной Бухары и Памира в трудах русских исследователей начала XX века // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2010. – № 4(30). – С.154-160.

5-А.Валиев А. Традиционная культура таджиков Северного Таджикистана в трудах русских ученых 60-х–80-х гг. XIX в. // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 2(32). – С.178-185.

6-А.Валиев А. Этнографическое изучение Восточной Бухары и Памира в 90-х гг. XIX в. // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – №3(34). – С.116-126.

7-А.Валиев А. Арандаренко Г.А. и его вклад в этнографическом исследовании горных таджиков в конце XIX века // Вестник педагогического университета. Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни. – Душанбе, 2011. – №3(39). – С.50-59.

8-А.Валиев А. Вклад русских исследователей в изучении таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в начале XX в. // Вестник педагогического университета. Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни. – Душанбе, 2011. – № 6(42). – С.179-186.

9-А.Валиев А. Этнографическое изучение населения Северного Таджикистана в трудах русских ученых начала XX века // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2012. – №1(36). – С.153-162.

10-А. Валиев А. Вопросы традиционной культуры таджиков в трудах А.А.Семенова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – Бишкек, 2012. – Т.12. – №8. – С.122-126.

- 11-А. Валиев А. Гребенкин Г.А. – исследователь традиционной культуры таджиков во второй половине XIX века // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2012. – №3/3(87). – С.14-18.
- 12-А. Валиев А. Некоторые вопросы ремесленного производства таджиков Ферганской и Зеравшанской долин в трудах русских дореволюционных исследователей // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2012. – №3/4 (90). – С.5-10.
- 13-А. Валиев А. Вопросы семьи и семейных отношений горных таджиков в трудах русских исследователей в конце XIX века // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе, 2013. – №4(43). – С.145-149.
- 14-А. Валиев А. Вопросы материальной культуры таджиков, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства в трудах русских дореволюционных исследователей // Вестник педагогического университета Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни,. – Душанбе, 2014. – №1(56-2). – С.65-70.
- 15-А. Валиев А. Русские дореволюционные исследователи о селениях и жилищах горных таджиков // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2014. – №3/4 (139). – С.6-9.
- 16-А. Валиев А. Некоторые вопросы одежды и пищи таджиков Восточной Бухары и Памира в трудах русских ученых конца XIX - начала XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2014. – №3/5(142). – С.8-11.
- 17-А. Валиев А. Некоторые аспекты культуры земледелия таджиков Зеравшанской и Ферганской долин в трудах русских исследователей конца XIX – начала XX вв. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – №2(45). – С.141-146.
- 18-А. Валиев А. Освещение некоторых обычаев и обрядов горных таджиков в трудах русских исследователей конца XIX – начала XX вв. // Вестник уни-

верситета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – №4 (47). –С.27-32.

19-А. Валиев А. Обычаи и обряды горных таджиков в трудах русских дореволюционных исследователей // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – №2 (49). – С.123-128.

20-А. Валиев А. Материальная культура таджиков Зеравшанской и Ферганской долин в трудах русских исследователей конца XIX – начала XX вв. // Вестник Таджикского национального университета – Душанбе, 2017. - №3/2. – С.6-11.

21-А. Валиев А. Лыкошин Нил Сергеевич и его вклад в изучение традиционной культуры таджиков в начале XX века // Историк (научно-теоретический журнал). – Душанбе, 2019. – №2(18). С.84-92.

22-А. Валиев А., Наджмуддинов Т. Миддендорф А.Ф. и его вклад в изучении жизни и быта населения Ферганской долины в XIX веке // Вестник педагогического университета. Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни. - Душанбе, 2019. - №3(80). - С. 225 – 229.

Статьи в журналах и сборниках

23-А. Валиев А. Наливкин Владимир Петрович // ЭСТ. – Душанбе, 1984. – Т.5. – С.79-80(на тадж.яз.).

24-А. Валиев А. Этнография. Дореволюционный период // Таджикская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. – Душанбе, 1984. – С.285-286.

25-А. Валиев А. Этнография // ЭСТ. – Душанбе, 1988. – Т.8. – С.209-210 (на тадж.яз.).

26-А. Валиев А. Россия и становление этнографической науки в Таджикистане (20-е и 30-е годы XX в.) // Роль России в становлении таджикской государственности (1917-1929 гг.): сб. статей. – Душанбе, 2000. – С.119-124.

27-А. Валиев А. Вопросы хозяйствования и материальной культуры таджиков в трудах посланников первой половины XIX в. // 200-лет Министерству ино-

странных дел России и 10-лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном: сб. статей. – Душанбе, 2002. – С.153-161.

28-А.Валиев А.Этнологическое изучение Мавераннахра в XVIII в. // Вестник университета (Республика Таджикистан). – Душанбе, 2002. – №3. – С.61-66.

29-А.Валиев А.Вопросы материальной культуры таджиков Центральной Азии в трудах местных и зарубежных авторов // Вестник университета (Республика Таджикистан). – Душанбе, 2003. – №2 (5). – С.10-19.

30-А.Валиев А.Проблемы духовной культуры таджиков Центральной Азии в трудах местных и зарубежных авторов // Средний Восток в конце XX – начале XXI в.: сб. статей.- Душанбе, 2003. – С.49-56.

31-А.Валиев А.Этнографические материалы в трудах А.А.Семенова // Роль академика А.А.Семенова в изучении истории таджикского народа: сб. статей. – Душанбе, 2004. – С.49-56.

32-А.Валиев А.Этнографическое исследование РГО в Таджикистане во второй половине XIX в. // Вклад Русского географического общества в исследовании Средней Азии: сб. статей. – Душанбе, 2005. – С.18.

33-А.Валиев А.Освещение этнографии таджиков в трудах русских исследователей начала XX века // Cities, Roads and Caravan Sarais: An Emblem of Linkages Through the Ages. – India, New Delhi, 2008. – P.89-94.

34-А.Валиев А.Этнографическое изучение Таджикистана в начале XX века // Первая русская революция и пробуждение народов Азии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию завершения первой русской революции. – Душанбе, 2008. – С.26-28.

35-А. Валиев А.Вопросы традиционной культуры таджикского народа в «Путешествии из Оренбурга в Бухару» Е.К.Мейендорфа // Россия – Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений: материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию подписания Русско-бухарского договора(1868 г.). – Душанбе, 2009. – С.102-108.

36-А. Валиев А. Вопросы этнографии населения Памира в трудах русского исследователя А.С.Серебряникова // Памирское разграничение 1895 года: история и современность: материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 115-летию подписания договора между Россией и Англией (26 ноября 2010 г.). – Душанбе, 2011. – С.109-115.

37-А. Валиев А. Некоторые проблемы изучения этнографии народов Центральной Азии // Межцивилизационное взаимодействие на евразийском пространстве: история, современные тенденции и перспективы: материалы Международной научной конференции. – Душанбе, 2015. – С.180-185.